

ISSN 2542-2197

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2021 13 (855)

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

1930

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2021

13
выпуск 855

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

1930

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY**

HUMANITIES

Moscow
FSBEI HE MSLU
2021

13
Issue 855

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук профессор **Г.Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Бубнова Г. И., д-р филол. наук, проф. (МГУ им. М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф. (РУДН)
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Глушак В. М., д-р филол. наук, проф. (МГИМО)
Голубина К. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Егорова О. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев, д-р ист. наук, проф.
(Федерации дружбы с народами России и СНГ, Болгария)
Захарова Н. В., канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник (ИМЛИ РАН)
Зусман В. Г., д-р филол. наук, проф. (НИУ «Высшая Школа Экономики» в Н. Новгороде)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Космарская И. В., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Малыгина И. В., д-р философ. наук, проф. (МГЛУ)
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Семина И. А., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Силантьев Р. А., д-р истор. наук (МГЛУ)
Сомова Е. В., д-р филол. наук, доц. (МПГУ)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф. (Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина)
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф. (Минский гос. линг. ун-т, Беларусь)
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
(Свободный университет, Амстердам, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н., д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
Янулевичене В., д-р филол. наук, проф. (Университет им. М. Ромериса, Вильнюс, Литва)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ФАКТОР МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Авдевич Н. В. 11

ДВОЙНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ T.G, T.3
ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Альрифаи Ф. 27

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Барышникова Г. В., Дубинина И. И. 38

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНА «ДЖАЗ»
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бондарчук Г. Г., Абрамов А. А. 51

КОРРЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПОРТИРУЕМЫХ ПРАВОВЫХ
УСТАНОВОК ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Викулина М. А., Моисеенко Л. В. 61

ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вих А. В. 75

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ФРАНЦУЗСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ
ОДЕЖДЫ (на материале женской одежды в средневековый период)

Кальщикова А. А. 87

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ

Краева И. А. 98

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» <i>Красикова Е. А.</i>	113
КОММУНИКАТИВНЫЙ ХОД «ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЛЬМА» В ТЕКСТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-КИНОРЕЦЕНЗИЙ (на материале франкоязычных веб-источников) <i>Краснослободцева А. В.</i>	127
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ – РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРИЗНАК ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ <i>Кузнецов В. Г.</i>	141
ГРУППООБРАЗУЮЩИЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА БЛОГЕРОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК <i>Куковская А. В.</i>	154
ФУНКЦИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ БРЕНДИНГЕ (на материале наименований японских брендов) <i>Левшиц А. Д.</i>	166
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БРЕНД» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ <i>Лежнина В. Е.</i>	181
ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ОПИСАНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КУХНИ XIV ВЕКА <i>Манухина А. О.</i>	193
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ (на примере немецкого языка) <i>Мороз Н. Ю., Чурилова Н. В., Калашникова Е. А.</i>	206
УСТОЙЧИВОСТЬ СОЧЕТАНИЙ КВАНТОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Мухин С. В.</i>	222
ПЕРЕХОД КЛИШЕ В РАЗРЯД ШТАМПОВ. КЛИШЕ И ШТАМПЫ В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ <i>Рулькова С. М., Лешин А. Г., Белоногова А. С.</i>	236

<p>КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ В ОДНОМ ИЗ ЖАНРОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА <i>Седова Н. К.</i> .....</p>	245
<p>АНАЛИЗ ПЕРЕОСМЫСЛЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА РЕСПУБЛИКИ КОТ-Д'ИВУАР <i>Скуратов И. В., Кондратьева А. С.</i> .....</p>	252
<p>О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО И МЕДИЙНОГО ДИСКУРСОВ (на примере франкоязычных профессиональных и любительских рецензий) <i>Семина И. А.</i> .....</p>	265
<p>ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ (на материале журнала «L'Obs») <i>Шумакова А. Н.</i> .....</p>	277

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<p>ГРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА: ОТ ДЕТЕКТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ <i>Бондарев А. П.</i> .....</p>	289
<p>О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ПРОЗЫ ГАЙТО ГАЗДАНОВА <i>Егорова О. Г., Кузнецова Е. В.</i> .....</p>	315

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<p>СОВЕТСКИЙ ДИСКУРС ИНДИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СТЕРЕОТИПЫ <i>Ерохина Т. И.</i> .....</p>	331
<p>КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ <i>Малыгина И. В.</i> .....</p>	348

CONTENTS

LINGUISTICS

ANTHROPOCENTRISM AS THE FACTOR OF THE METAPHORICAL POTENTIAL OF ENGLISH PHRASAL VERBS <i>Avdevich N. V.</i>	11
DOUBLE INTERPRETATION OF THE PHONOLOGICAL MATRIX T.G, T ₃ IN FRENCH <i>Alrifai F.</i>	27
GENDER PREFERENCES IN FICTION TRANSLATION <i>Baryshnikova G. V., Dubinina I. I.</i>	38
DEVELOPMENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE TERM “JAZZ” IN ENGLISH <i>Bondarchuk G. G., Abramov A. A.</i>	51
CORRECTING POTENTIAL OF LEGAL MINDSETS TYPICAL OF THE FOREIGN LAW SYSTEM <i>Vikulina M. A., Moiseenko L. V.</i>	61
LANGUAGE ECONOMY IN FRENCH MEDIA DISCOURSE: MORPHOLOGICAL ASPECT <i>Vikh A. V.</i>	75
CATEGORY FORMATION OF FRENCH CLOTHES NAMES (based on women’s clothing in the Medieval period) <i>Kalshchikova A. A.</i>	87
USING ENGLISH RELATIVE ADJECTIVES TO EXPRESS GRADUALITY <i>Kraeva I. A.</i>	98

COGNITIVE DOMINANTS IN THE SEMANTICS OF ENGLISH NOUNS DENOTING “PART OF THE WHOLE” <i>Krasikova E. A.</i>	113
SPEECH ACT “AESTHETIC VALUE OF A MOVIE” IN THE PROFESSIONAL ONLINE MOVIE REVIEWS(as exemplified by Francophone websites) <i>Krasnoslobodtseva A. V.</i>	127
LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC INTERFERENCE AS A RELEVANT FEATURE OF THE SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY <i>Kuznetsov V. G.</i>	141
GROUP-FORMING SEMIOTIC CODE OF THE ENGLISH INTERNET DISCOURSE OF BLOGGERS IN THE CONTEXT OF SOCIOCULTURAL PRACTICES <i>Kukovskaya A. V.</i>	154
FUNCTIONS OF SOCIOLINGUISTIC DIMENSIONS IN ETHNOCULTURAL BRANDING (based on apanese brandnames) <i>Levshits A. D.</i>	166
THE FUNCTIONING OF LEXEME “BRAND” IN MODERN RUSSIAN: (DE)TERMINOLOGIZATION GAMES <i>Lezhnina V. E.</i>	181
REFLECTION OF THE EVALUATIVE PERCEPTION OF EVERYDAY LIFE IN THE DESCRIPTIONS OF MEDIEVAL FRENCH CUISINEOF THE XIV CENTURY <i>Manuhina A. O.</i>	193
TRANSFORMATION OF LANGUAGE NORMS IN THE CONTEXT OF MIGRATION LINGUISTICS (using the example of the German language) <i>Moroz N. Yu., Churilova N. V., Kalashnikova E. A.</i>	206
FIXITY OF QUANTITATIVE WORD-COMBINATIONS IN OLD ENGLISH <i>Mukhin S. V.</i>	222
FROM CLICHES TO OFFICIALESES CLICHES AND OFFICIALESES IN INTERPRETATION <i>Rulkova S. M., Leshin A. G., Belonogova A. S.</i>	236
CONCEPTUAL METAPHORICAL REPRESENTATION OF AN EVENT IN ONE OF THE GENRES OF ENGLISH SPORTS DISCOURSE <i>Sedova N. K.</i>	245

THE ANALYSIS OF RETHOUGHT LEXICAL UNITS IN THE TERRITORIAL VARIANT OF THE FRENCH LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF IVORY COAST <i>Skuratov I. V., Kondrateva A. S.</i>	252
DISTINGUISHING BETWEEN JOURNALISTIC AND MEDIA DISCOURSES (French-language professional and amateur reviews) <i>Semina I. A.</i>	265
GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF ENGLISH LOANWORDS IN THE PRESENT-DAY FRENCH PERIODICALS (based on L'Obs magazine) <i>Shumakova A. N.</i>	277

LITERARY STUDIES

THE BOUNDARIES OF THE LITERARY GENRE: FROM DETECTIVE INVESTIGATION TO PSYCHOANALYTIC INTROSPECTION <i>Bondarev A. P.</i>	289
ABOUT THE EVOLUTION CONSISTENCY OF THE PROSE BY GAITO GAZDANOV <i>Egorova O. G., Kuznetsova E. V.</i>	315

CULTUROLOGY

SOVIET DISCOURSE OF INDIAN CINEMA: CULTURAL CODES AND STEREOTYPES <i>Erokhina T. I.</i>	331
CULTURAL IDENTITIES IN A POST-GLOBAL WORLD <i>Malygina I. V.</i>	348

Научная статья

УДК 811.111:81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_11

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ КАК ФАКТОР МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

Н. В. Авдевич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
linguist2002@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь когнитивного и антропоцентрического подхода к изучению метафорического потенциала фразовых глаголов английского языка. Особое внимание уделяется антропометричности метафоры как фактору измерения человеком сопоставляемых наименований и объектов на основе общепринятого и индивидуального опыта. Метафоризация фразовых глаголов определяется как ментальный языковой механизм, оказывающий существенное влияние на создание носителями английского языка национальной картины мира.

Ключевые слова: фразовый глагол, антропоцентризм, антропометризм, когнитивизм, метафоризация

Для цитирования: Авдевич Н. В. Антропоцентризм как фактор метафорического потенциала английских фразовых глаголов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 11–26. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_11

Original article

ANTHROPOCENTRISM AS THE FACTOR OF THE METAPHORICAL POTENTIAL OF ENGLISH PHRASAL VERBS

N. V. Avdevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
linguist2002@rambler.ru

Abstract. The article looks at the relationship between the cognitive and anthropocentric approaches to the study of metaphorical phrasal verbs of the English language. Particular attention is paid to the anthropometricity of metaphor as a factor of the human dimension of comparable names and objects on the basis of generally accepted and individual experience. The metaphorization of phrasal verbs is defined as a mental linguistic mechanism that has a significant impact on the creation of the national picture of the world by native English speakers.

Key words: phrasal verb, anthropocentrism, anthropometrism, cognitivism, metaphorization

For citation: Avdeevich, N. V. (2021). Anthropocentrism as the factor of the metaphorical potential of English phrasal verbs. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 11–26. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_11

Введение

С конца прошлого столетия наблюдается устойчивый исследовательский интерес к такому динамично развивающемуся направлению современной лингвистики, как когнитивный антропоцентризм, а также к обусловленному им языковому явлению метафоризации – когнитивному процессу использования слов в переносном, образном значении. Этот интерес стал частью более широких изысканий, с одной стороны, в ставшей ныне глобальной области, известной как когнитивная лингвистика, с другой – в не менее глобальной сфере взаимосвязи между языком и другими процессами человеческого сознания, формирующего национальные языковые картины мира. Рассматриваемая нами тема во многом мотивирована интересом к этим актуальным обширным исследованиям и стремлением изучить их и в какой-то мере детализировать применительно к другому лингвистическому феномену – фразовому глаголу (ФГ) английского языка.

Под фразовыми глаголами мы понимаем устойчивые сочетания глаголов с постпозитивными частицами предложного или наречного происхождения, являющиеся композиционно сложными производными номинациями, семантика которых определяется за счет интегративного взаимодействия концептуальных структур глагола и частицы. Частица при этом направляет возможные модификации значений глагола, ею же определяется набор сдвигов значения.

Исследования, проводимые в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, характеризуются интегральным описанием и таких лексико-

семантических процессов, как метафоризация фразовых глаголов. Подобный подход позволяет выявлять их когнитивные и коммуникативные особенности, учитывающие новые значения, заключенные в метафорических алогизмах образуемых лексем [Авдевич, 2007]. При этом в семантике метафоризированных фразовых глаголов находит явное, отчетливое отражение их антропоцентрическая интерпретация, в которой значительную роль играет *антропометричность*, то есть сопоставимость окружающей действительности с доступными восприятию образами и символами, причем в подобных ФГ антропоцентрический компонент смещается в область образности [Сибирцева, 2003], а значит и метафоричности.

Реализация принципа антропоцентризма в процессе метафоризации фразовых глаголов

Исследованиям ФГ в современной англистике по праву уделяется пристальное внимание, поскольку они занимают в лексиконе английского языка весьма важное место, ибо эти своеобразные лексические единицы не только достаточно часто и охотно употребляются в устной и письменной речи, но и придают языку своеобразную выразительность, естественность и образность, к тому же обеспечивают определенную языковую экономию. Как справедливо резюмирует Г. Г. Бондарчук, основным средством такой экономии и разрешения противоречий между ограниченным числом языковых знаков и бесконечностью понятий, которые требуется выразить конечным количеством языковых средств, является направление номинативной деятельности в русле переосмысления уже существующих в языке номинативных средств, причем в основе декодирования актуального смысла единицы лежит способность человека к *ассоциативному* мышлению. Прежнее наименование ассоциирующееся уже с некоторыми представлениями, оказывается тем «мостиком», который сознание человека перебрасывает от известного к новоименуемому [Бондарчук, 2004]. Обращение владеющих английским языком как родным к фразовым глаголам как раз и обосновано особенностями их семантики: ведь это уникальные аналитические вторичные единицы номинации, которые характеризуются многозначностью и отличаются разной степенью фразеологизированности,

идиоматизации и метафоризации. Недаром их считают идиоматическим сердцем английского языка.

В отличие от обычных однословных глаголов, ФГ не только обозначают действия и состояния, но и уточняют пространственные, временные и иные особенности этих действий и состояний, то есть дают им более точную семантическую характеристику, и в то же время значительно усложняющих декодирование их емкого семантического содержания, что благотворно отражается на метафорическом потенциале фразовых глаголов [Авдевич, 2020].

Известно, что каждое отдельно взятое значение одного многозначного фразового глагола по-разному зависит от второго (и третьего, если он есть) компонента, который привносит свое прямое или переносное, в той или иной мере метафоризированное значение. В результате происходит трансформация смысла ФГ от буквального, прозрачного до такой степени переосмысления, что порой приходится обращаться к словарю и тому или иному контексту, чтобы понять, о чем идет речь. Этот процесс удаления семантики ФГ от первоначального лексического содержания его составных компонентов с едва окрепшими сочетаемостными связями между ними (когда исходный глагол вполне может обойтись без частицы) к неразрывной конструктивной слитности и преобразованной семантической целостности в полной мере укладывается в закономерности появления фразеологизмов, в том числе и метафор. Необходимо отметить также, что процессы фразеологизации и метафоризации в английском языке, как и в других языках, являются одним из самых распространенных средств выражения различных смысловых значений, а также их экспрессивно-эмоциональных оттенков. Отличаясь национальным своеобразием, фразеологический и метафорический состав языка представляет собой неотъемлемые компоненты культуры народа, отражающие особенности его духовного склада.

Исходя из современных принципов теории когнитивной лингвистики, одна из первых отечественных исследователей английских фразовых глаголов Е. Е. Голубкова приходит к выводу, что постепенно по мере развития мышления от конкретного восприятия физического мира к восприятию абстрактных сущностей и их динамики происходило и развитие непространственных значений фразовых глаголов, причем эти вторичные метафорические значения

являются реализацией возможности заполнения на концептуальном уровне новым содержанием валентностей, создаваемых глаголом [Голубкова, 2002].

Свойство механизмов метафоры сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. И в этом важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр – ее антропоцентричность. Последняя выражается в том, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять всё новое для него (в том числе, и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте. Такое соизмерение, заключает В. Н. Телия, как бы уравнивает конкретное и абстрактное, доступное непосредственному ощущению и умопостигаемое, действительно существующее и вымышленное, аморфное еще представление о чем-то и представление, уже ставшее стереотипом, как эталон или символ в различных картинах мира [Телия, 2006]. Поскольку это обстоятельство играет решающую роль в антропоцентрической интерпретации восприятия человеком создаваемых в речевом обиходе образов и символов, то можно с полным основанием говорить и об антропоцентрическом факторе процессов метафоризации фразовых глаголов.

Заметим, что определяя антропоцентризм как один из главных параметров современной лингвистики, Е. С. Кубрякова характеризовала его как «особый принцип исследования, который заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели, в связи с чем, в лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в единстве «язык и человек» [Кубрякова, 1995].

В свете вышеизложенного уместно привести сформулированные известным лингвокультурологом В. А. Масловой тезисы о том, что в процессе создания нового знания метафора соизмеряет

разные сущности: пропуская их через человека, она сопоставляет мир с человеческим масштабом знаний и представлений с системой культурно-национальных ценностей. Это означает, что человек – мера всех вещей, и что по своей природе метафора антропоцентрична, а сама способность мыслить метафорически есть черта собственно homo sapiens, значит, постижение метафоры есть в какой-то мере постижение человеком самого себя [Маслова, 2010]. Именно метафора, по мнению многих исследователей, делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым, давая представление об основном пути метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от физического, материального к ментальному, духовному.

Говоря о специфике метафорического потенциала фразовых глаголов, следует иметь в виду прежде всего особую роль частиц, или сателлитов, в процессе перекатегоризации и метафоризации самого базового глагола и всего словосочетания в целом. Как утверждает автор фундаментального исследования «Mind, Metaphor and Language Teaching» Рэндел Холм, значения глагола и частицы расширили и обогатили друг друга в пределах определенного исторического контекста и таким образом дают всей фразе значение, которое не может быть предсказано кем-либо, оперируя вне контекста. Частицы отражают то, как мы организуем пространство вокруг нашей физической ориентации или ориентации объектов в пространстве. Мы часто концептуализируем абстрактные значения посредством пространственной организации и ориентации. Одна и та же частица может по-разному изменять / определять глагол, с которым она используется, так как частица черпает свое значение из различных метафорических расширений / переносов первоначального значения или из различных производных значений прототипического значения [Holme, 2004]¹.

С учетом приведенного здесь авторитетного мнения известного когнитолога-лингводидактика Р. Холма, созвучного высказываниям многих других исследователей фразовогоглагольной лексики, следует особо подчеркнуть, что для восприятия и понимания метафоризированных фразовых глаголов чрезвычайно важно учитывать существующие связи между буквальным значением частиц и их метафорическим потенциалом. (Соответствующие разъяснения таких связей приведены, например, в специальном разделе словаря «Macmillan

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Н. А.

Phrasal Verbs Plus»¹, а также в статье Р. Мун «Metaphor and phrasal verbs»). Так, частица *up* – *вверх* буквально описывает движение к более высокой позиции, а *down* – *вниз* буквально описывает движение по направлению к низу. Метафорическое использование этих частиц развивается из этих буквальных: *up* имеет метафорическое значение, связанное с увеличением размера, количества или силы (*Prices went up*. – *Цены выросли*); *down* имеет метафорическое значение, связанное с уменьшением размера, количества или силы (*The children quietened down*. – *Дети успокоились*); *ahead* – *вперед* метафорически описывает точку в будущем (*Many problems lie ahead of us*. – *Впереди у нас много проблем*) [Moon, 2005].

При анализе конкретного словоупотребления тех или иных ФГ можно проследить, каким образом интеграция неоднозначных по своей семантике значений глагола и частицы приводит к образованию целой сети значений фразового глагола, в том числе подвергшихся процедуре метафоризации. Исследование прототипических концептов глагола, постпозитивных частиц и образованных их сочетанием фразовых глаголов показывает, что эти значения ФГ связаны друг с другом посредством так называемых семантических сдвигов. Эти сдвиги сопровождаются, в частности, *переосмыслением значения ФГ*, когда наблюдается его переход из сферы физического действия в область ментального пространства на основе метафорического переноса, например:

put on a coat – надеть пальто (*буквальное значение физического действия*) > *Mary isn't really ill; she's only putting on* – Мэри на самом деле не больна; она только прикидывается (*идиоматическое неформальное выражение, заменяющее нейтральный глагол **притворяться**; метафорический перенос буквального значения **надевать** [в смысле маску больного] в сферу ментального пространства*).

Итак, фактор антропоцентризма в процессе метафоризации фразовых глаголов проявляется прежде всего на уровне обобщения опыта практической жизни человека в реальном мире и проекции накопленных им знаний и языковых навыков на конкретные жизненные ситуации, нашедшие вербальное отражение в соответствующих культурных, политических, социальных, научных и иных дискурсах. Именно

¹ Macmillan Phrasal Verbs Plus. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2005.

в процессе физического взаимодействия человека с действительностью постоянно воспроизводятся выявленные и сформулированные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном такие, например, простые когнитивные структуры, получившие название концептуальных метафор, как *структурные метафоры*, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого; *ориентационные метафоры*, которые обуславливают пространственную ориентацию, а также *онтологические метафоры*, на основе которых накопленный нами опыт реализуется в терминах объектов и веществ [Лакофф, Джонсон, 2004].

Характеризуя метафоры как «антропоцентрические», нельзя не согласиться с мнением Г. Н. Склярёвской, заметившей: «Едва ли не любое свойство любого предмета... может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне» [Склярёвская, 1993, с. 82]. Фактор проявления природы антропоцентризма в процессе метафоризации ФГ проявляется, в частности, как обобщение и отражение опыта повседневной жизни человека в мире реальной действительности, накопленных им знаний и языковых навыков, умений пользоваться механизмом ассоциативного мышления. К тому же, данное явление обнаруживается на уровне семантики предложения и в целом всего текста, анализа ближнего и дальнего контекстного окружения.

Показать практическую реализацию антропоцентрической природы метафор представляется возможным на примере ФГ, выявленных в ходе подготовки нашего учебного пособия¹ для студентов-культурологов IV курса в рамках дисциплины «Практический курс второго иностранного языка (английского)». В это пособие вошли отобранные из Всемирной сети фрагменты текстов англоязычного культурологического дискурса, в которых обнаружили полезные для учебного процесса образцы метафоризированной фразовоголагольной лексики. Ниже будут представлены некоторые из этих комплексных единиц, претерпевших образное переосмысление своих прототипических основ и семантически перенесенные из сферы материального, конкретного в концептуальные области абстракции и умозрительности.

---

¹ Авдевич Н. В. Учебное пособие по английскому языку «Практический курс второго иностранного языка» для студентов IV курса, обучающихся по направлению подготовки 51.03.01, Культурология, бакалавриат. Выход пособия запланирован на 2022 год в РИЦ «Рема», МГЛУ.

Рассмотрим, например, фразу:

With such a strong artistic heritage, it's no surprise that England **knocks** everyone **out** with its national treasure when it **comes to** world-class art galleries¹.

Данное высказывание интересно для нас тем, что мы находим в нем два переосмысленных фразовых глагола: *knock out* и *come to*.

Согласно словарю фразовых глаголов Р. Кортни, один из лексико-семантических вариантов ФГ *knock out*, идентифицированный как идиома, имеет подходящее для смысла рассматриваемой нами фразы значение «потрясти», «поразить», «ошеломить» [Кортни, 2000]². В данном случае мы наблюдаем образное переосмысление занимающего в словарной статье первую позицию варианта с прямым значением, *выколачивать*, *вытряхивать*, что подразумевает физические действия, требующие от актанта значительной энергии:

The stone which the girl threw **knocked** the boy's eye. – Камень, который бросила девочка, **выбил** мальчику глаз [Кортни, 2000].

В контексте анализируемого предложения возможно говорить о процессе метафоризации данного ФГ, связанного с его перекатегоризацией, с переходом репрезентируемого действия из сферы физической конкретики в область духовной абстракции, а именно интеллектуальной, эмоциональной деятельности. Отсюда возникает новое, контекстное, метафоризированное значение *эмоционально ошеломлять*, *поражать*. А в свете того, что постпозитивная частица *out* имеет ядерное прототипическое значение «движение наружу» – *leaving the container*, семантика ФГ *knock out* под воздействием частицы включает концепт «контейнер», под которым в данном случае подразумевается человеческий мозг, из которого «извлекаются» наружу переживаемые человеком эмоции.

Переходя к рассмотрению многозначного ФГ *come to*, заметим, что его прямое, первоначальное значение, относящееся к сфере физической деятельности, имеет интерпретацию «подходить к кому-л., чему-л.»:

¹ URL: <https://theculturetrip.com/europe/united-kingdom/england/articles/the-10-best-art-galleries-in-england/>

² Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. Москва: Русский язык. 2000.

All the children came to the teacher as soon as he called them. – Все дети подошли к учителю, как только он позвал их.

А вот в переносном смысле тот же словарь Кортни применительно к анализируемой фразе предлагает вариант идиомы в значении «касаться чего-л.», когда данный лексико-семантический вариант (ЛСВ) относится к сфере интеллектуальной деятельности. Перекатегоризация и метафоризация здесь заключается в том, что речь идет не о прямом физическом, тактильном контакте объектов, а о нематериальном, отвлеченном понятии «упоминание о чем-либо в разговоре, изложении», причем признаки осуществления реального контакта приписываются ментальному предикату «виртуальное прикосновение» творческим мышлением человека.

Таким образом, на основе полученного знания о наблюдаемых ФГ-метафорах и их контекстном употреблении вполне правомерно признать достаточно корректным следующий перевод рассмотренной фразы:

С таким мощным художественным наследием неудивительно, что Англия **поражает** всех своим национальным достоянием, когда **это касается** (т. е. речь идет о) художественных галерей мирового класса.

Следующим предметом нашего рассмотрения является фрагмент из устаревшей, но интересной с точки зрения анализа и, что не менее важно, пользы для учебного процесса корреспонденции, опубликованной на сайте CNN:

London (CNN) The Duchess of Sussex is to become the patron of charities: the education, the arts and animals. They are the first patronages **taken on** by Meghan. Two patronages – for the London’s Royal National Theatre and the Association of Commonwealth Universities – have been **passed on** to the Duchess by Harry’s grandmother Queen Elizabeth II. Kensington Palace made the official announcement that the Duchess of Sussex will **follow in** Queen Elizabeth’s footsteps and The Queen is **giving up** being the patron after 45 years.¹

В этом фрагменте мы выделяем подчеркнутые нами четыре метафоризованных ФГ – *take on*, *pass on*, *follow in* и *give up*, относящиеся

---

¹ URL: <https://edition.cnn.com/2019/01/10/uk/meghan-duchess-of-sussex-charities-gbr-intl/index.html>

к сфере интеллектуальной деятельности и характеризующие в данном случае поведение людей в обществе, их отношение к определенным событиям духовной жизни и социальным явлениям.

В самом деле, для первого из них вполне подходит зафиксированная словарем Кортни идиома, имеющая значение *брать на себя ответственность, нагрузку* [Кортни, 2000]. Обретение этим ФГ подобной коннотации осуществлено благодаря взаимодействию концептуальных структур глагола *take* и частицы *on* в составе фразового глагола, оказавшегося к тому же под влиянием определенной контекстной ситуации.

Тот же словарь дает толкование ФГ *pass on* как идиому, имеющую значение *передавать что-л. кому-л., переходить к кому-л.* Как и в предыдущем случае, речь идет о виртуальном действии по передаче абстрактной сущности, относящейся к сфере интеллектуальной деятельности, что и определяют процесс метафоризации данного ФГ.

Обратим внимание на то, что обе комплексные единицы образованы с помощью частицы *on*, передающей им метафорические концепты пространственной ориентации объекта движения (патронажа) к поверхности вместилища / контейнера (интеллекту Меган).

Фразовому глаголу *follow in* в контексте приведенной цитаты в словаре Кортни соответствует переносное значение *следовать примеру, идти по пятам* [Кортни, 2000]. А в словаре английских идиом приводится более расширенное толкование этого ФГ в составе образного идиоматического выражения: *follow in someone's footsteps – show the same interests, talent or ability as a parent/relative or as one's predecessor*¹ [Seidl, McMordie, 2000]².

Наконец, для ФГ *give up* находим подходящее идиоматическое значение *отказываться (от чего-л.); избавляться (от чего-л.)*. В составе данной метафоры частица *up* обозначает концептуальную идею «завершенность».

В конечном итоге с учетом вышеизложенного можно было бы предложить следующий вариант перевода выбранных нами фраз:

¹ идти по чьим-то стопам – проявлять те же интересы, талант или способности, что и родитель / родственник или предшественник.

² Seidl J., McMordie W. English idioms. A fifth edition of English idioms and How to use them. Oxford University Press, 2000.

Лондон. Герцогиня Сассекская должна стать покровительницей благотворительности: образования, искусства и животных. Это первые патронажи, **взятые под свою ответственность** Меган. Два патронажа – Лондонского королевского национального театра и Ассоциации университетов содружества – были **переданы** герцогине бабушкой Гарри, королевой Елизаветой II. Кенсингтонский дворец официально объявил, что герцогиня Сассекская **пойдет по стопам** королевы Елизаветы, а королева **перестанет** быть покровительницей через 45 лет (CNN).

Помимо рассмотренных примеров, в фокусе нашего внимания оказались, в частности, и другие содержащие метафоризированные ФГ фрагменты:

Even though the Monarchy offers constitutional guarantees, some argue that it should either **be** abolished or that its legal powers should be **stripped away** (leaving the Royal Family with purely ceremonial duties). – Несмотря на то, что монархия предоставляет конституционные гарантии, некоторые утверждают, что ее следует либо упразднить, либо **лишить ее** (*буквально снять с нее*) правовых полномочий (оставив королевскую семью с чисто церемониальными обязанностями).

The UK must build on its researches and business strengths to deliver impact and future economic growth. – Великобритания должна **полагаться** (*опираться, строиться*) в дальнейшем развитии на свои научные исследования и сильные стороны предпринимательской деятельности, чтобы обеспечить влияние и будущий экономический рост.

Americans believe that competition **brings out** the best in people and free enterprise leads to progress and produces success. – Американцы верят, что конкуренция **выявляет** (*раскрывает, обнаруживает*) в людях лучшие качества, а свободное предпринимательство ведет к прогрессу и приносит успех.

American science is, in particular, distinguished by the strength of the US peer-review and free-enterprise systems in **weeding out** noncompetitive academic and business pursuits. – Американскую науку, в частности, отличает мощь систем рецензирования и свободного предпринимательства США в **отсеивании** (*искоренении*) неконкурентоспособных академических и деловых устремлений.

Прежде чем перейти к заключению, нельзя не сказать о том, что все выявленные в этих и других примерах ФГ-метафоры наглядно и

ярко отражают смысловые структуры бытия человека, его культурной, социальной и духовной жизни, подтверждая при этом неразрывную связь когнитивного и антропоцентрического начала в формировании метафорического потенциала английских фразовых глаголов.

Заключение

Изучение семантики метафоризированных ФГ и их исходных прототипов подтверждает справедливость основных законов, регулирующих процесс использования языка человеком: закона аналогии и закона экономии языковых средств. Аналогия как проявление антропоцентричности «держит под контролем» потенциально хаотичное развитие значений производного фразового глагола. В свою очередь, именно атропометричное измерение метафорического потенциала фразовых глаголов позволяет выявлять и осознанно использовать тенденции и механизмы развития смыслового содержания ФГ, в том числе алгоритмы переосмысления значений и категориальных сдвигов в структуре ФГ, мотивированных особенностями мышления человека и связанных с креативными операциями по созданию вторичных, абстрактно-метафорических коннотаций на основе примарных семантических номинаций.

Важно, что метафоризированной модификации подвергается общая концептуальная идея – инвариант значения ФГ. Будучи перенесенной в ту или иную прагматическую ситуацию, эта переосмысленная идея приобретает очертания нового, вполне конкретного значения.

Существенную роль в процессе метафоризации как явления семантического развития играют частицы, которые определяют направления многозначной метафоричности, в определенном смысле «программируя» ее дальнейшее развитие и конкретизируя семантику метафоризированного фразового глагола. С другой стороны, понять смысловое содержание фразового глагольной метафоры (а тем более не угадать, а сознательно выбрать из нескольких вариантов многозначной метафоры самый подходящий) невозможно, оперируя вне контекста, без учета ближнего и дальнего ее окружения.

Изучение и определение сущности и объема метафорического потенциала фразового глагола на основе антропоцентрического подхода является одной из ключевых задач современной английской

лексикологии, что убедительно свидетельствует о широких перспективах для дальнейших исследовательских изысканий в сфере семантики и прагматики фразовых глаголов английского языка как наиболее естественного, выразительного и востребованного средства коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Авдевич Н. В.* Когнитивно-дискурсивные особенности многозначных фразовых глаголов в современном английском языке: на материале фразовых глаголов действия с частицами *on / off*: автореф. дис... канд. филол. наук. 2007.
2. *Сибирцева В. Г.* Языковая картина мира в русской загадке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород. 2003.
3. *Бондарчук Г. Г.* Роль индивида в создании языковых единиц по аналогии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2004. Вып. 489. С. 17–24.
4. *Авдевич Н. В.* Обучение студентов использованию английских фразовых глаголов в языке профессионального общения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. Вып. 1 (834). С. 23–35.
5. *Голубкова Е. Е.* Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). Москва: ГЕОС, 2002.
6. *Телия В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Библиотека: Теория языка. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml#top
7. *Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. Москва: Издат. центр РГГУ, 1995. С. 144–238.
8. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. Москва: Академия, 2010.
9. *Holme R.* Mind, metaphor and language teaching. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
10. Moon R. Metaphor and phrasal verbs. 2005. URL: <https://ru.scribd.com/document/457033387/Metaphor-and-phrasal-verbs>
11. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. *Склярёвская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.

REFERENCES

1. Avdevich, N. V. (2007). Kognitivno-diskursivniye osobennosti mnogoznachnih frazovih glagolov v sovremennom angliyskom yazike: na materiale frazovih glagolov deystviya s chastitsami “on” / “off” = Cognitive and discursive features of phrasal verbs in modern English: on the material of phrasal verbs of action with the particles “on” / “off”: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Sibirtseva, V. G. (2003). Yazikovaya kartina mira v russkoy zagadke = The linguistic picture of the world in the Russian riddle: abstract of PhD in Philology. N. Novgorod. (In Russ.)
3. Bondurchuk, G. G. (2004). Rol' individa v sozdanii yazikovih yedinit po analogii = The role of the individual in the creation of linguistic units by analogy. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 489, 17–24. (In Russ.)
4. Avdevich, N. V. (2020). Teaching Students to Use English Phrasal Verbs for Professional Communication. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching, 1(834), 23–35. (In Russ.)
5. Golubkova, Ye. Ye. (2002). Frazoviye glagoli dvizheniya (kognitivniy aspekt) = Phrasal verbs of movement (cognitive aspect). Moscow: GEOS. (In Russ.)
6. Teliya, V. N. (2006). Metaforizatsiya i yeyo rol' v sozdanii yazikovoy kartini mira. Biblioteka: Teoriya yazika = Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world. Library: Language Theory. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
7. Kubryakova, Ye. S. (1995). Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovinye XX veka (opit paradigmalnogo analiza). Yazik i nauka kontsa XX veka = The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (the experience of paradigm analysis). Language and science of the late 20th century. Moscow. RGGU. (In Russ.)
8. Maslova, V. A. (2010) Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Academia. (In Russ.)
9. Holme, R. (2004). Mind, metaphor and language teaching. New York: Palgrave Macmillan.
10. Moon, R. (2005). Metaphor and phrasal verbs. URL: <https://ru.scribd.com/document/457033387/Metaphor-and-phrasal-verbs>
11. Lakoff, G., Johnson, M. (2004) Metafori, ktorimi mi zhivym = Metaphors we live by. Moscow: Editorial URCC. (In Russ.)
12. Sklyarevskaya, G. N. (1993). Metafora v sisteme yazika = A metaphor in the language system. Saint-Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторе

Авдевич Н. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Avdevich N. V. – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences, Institute of Humanities and Applied Sciences (Faculty), Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.13

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_27

**ДВОЙНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ МАТРИЦЫ
Т.G, Т.з ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ****Ф. Альрифай**

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
fato3arr@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются фонологические матрицы Т.G, Т.з со следующими фонетическими характеристиками: зубной смычный [Т], переднеязычный и задненёбный [G], нёбный и палатальный [з]. Исследование проводится на материале французского языка на основе теорий П. Гиро и Ж. Богаса. Формами Т.G и Т.з создается акустический образ, который отражает идею «движение и удар». П. Гиро изучал матрицы со значением «движение и удар», но с другими формами – Т.К и Т.СН. Это фоносемантическое соотношение было разъяснено и развито Богасом и его учениками, под названием матрицы. Матрицы Т.G, Т.з связаны одновременно с акустической интерпретацией «движение и удар» и мимофонической (физиологической) интерпретацией «округлый, кривизна», или «выпуклая форма». Цель исследования состоит в объяснении типа матрицы, имеющей интерпретацию «акустической и мимофонической». Исследование основано на анализе слов, принадлежащих к этому фонологическому полю.

Ключевые слова: фонологическая матрица, зубной смычный согласный, акустическая интерпретация, мимофоническая интерпретация

Для цитирования: Альрифай Ф. Двойная интерпретация фонологической матрицы Т.G, Т.з во французском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 27–37. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_27

Original article

**DOUBLE INTERPRETATION OF THE PHONOLOGICAL MATRIX
Т.G, Т.з IN FRENCH****F. Alrifai**

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
fato3arr@gmail.com

Abstract. This article is devoted to the analysis of phonological matrices T.G, T.з with the following phonetic characteristics: dental bowed [T], anterolingual and posterolingual [G], palatal and palatal [з]. The research is carried out on the material of the French language based on the theories of P. Giro and J. Bogas. These forms (T.G, T.з) create an acoustic image that really reflects the idea of “movement and impact”. P. Giro studied matrices with the meaning of “movement and impact”, but with other forms: T.K and T. CH. Then this phonosemantic relation was explained and developed by the Rich Man and his students, under the name of the matrix. The matrices T.G, T.з are associated simultaneously with the acoustic interpretation of “movement and impact” and the mimophonic (physiological) interpretation of “rounded, curvature” or “convex shape”. The purpose of the study is to explain the type of matrix, which has an interpretation of “acoustic and mimophonic”. The research is based on the analysis of words belonging to this phonological field.

Key words: phonological matrix, dental occlusive consonants, acoustic interpretation, mimophonic interpretation

For citation: Alrifaa, F. (2021). Double interpretation of the phonological matrix T.G, T.з in French. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 27–37. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_27

Введение

П. Гиро изучал область фонологических форм, таких как T.K, T.CH и их варианты, которые выражают значение «движение, удар, разрез и т. д.». Он подтвердил существование фоносемантической связи в этих формах, они осуществляются в таких лексемах, как *toquer* и *toucher*. Из лексем *toquer*, *toucher*, состоящих из этимологических корней *tok-* и *tag-*, открывается форма T.G, с одной стороны, и с другой – варианты T.CH и T.з (с корнями *tag-* и *таз*) [Guiraud, 1967].

Цель работы состоит в том, чтобы объяснить, что фоносемантическая связь этого типа может быть также мимофонической, особенно с переднеязычными и заднеязычными согласными, за счет реализации другого значения: «вершина, заостренный объект, кривизна»: задняя часть языка поднята к нёбу, чтобы физически сформировать изображение, отражающее понятие «кривизна».

Это последнее значение было изучено Ж. Богасом [Bohas, 2000; Bohas, Serhane, 2003] и его учениками, и в настоящей работе мы воспользуемся их подходом в дополнение к подходу П. Гиро. В рамках данной статьи нами будут рассмотрены в качестве примеров лексемы

с формами Т.G и Т.з, взятые из следующих лексикографических источников: словарей Le Petit Robert, Dauzat и A. Brachet [Brachet, 1872; Dauzat, 1964; Robert, 2009].

Интерпретации фонологической матрицы {[зубной], [переднеязычный, задненёбный / палатальный]}

В исследовании Гиро была рассмотрена и обоснована система гласных и согласных, которая содержит формы Т.К и ее альтернативы Т.СН. Данные формы реализованы в таких лексемах, как *toquer* и *toucher*. Многие слова, имеющие общие фонетические свойства матрицы {[зубные смычные согласные], [переднеязычные, задненёбные / палатальные согласные]}, имеют базовое значение «ударное движение». Из данного значения вытекают все производные метафорические значения, такие как «объект или инструмент, используемый для выполнения действия» или, например, причинно-следственная связь «удар → разбить на части → раздробить → малые части» [Guiraud, 1967, с. 82]. Кроме того, Гиро, анализируя слова, имеющие форму Т.К, обнаружил, что несколько слов имеют и другое значение – «вершина» или «что-то, что находится наверху»: «En effet, la notion est ici double: il y a une forme du support phonique et une forme de la pensée» [там же, с. 76–77].

Это фоносемантическое соотношение было разъяснено и развито Бохасом и его учениками. Оно получило название матрицы, связанной одновременно с двумя интерпретациями: акустическими «движение и удар» и мимофонической (физиологической) «округлая, или изогнутая, форма». Позже Диаб-Дюрантон [Diab-Duranton, 2009], ученица Бохаса, разработала новую семантическую организацию и обнаружила, что значение «округлая, или изогнутая, форма» реализуется также в матрице {[нёбный-палатальный]}. Матрица {[нёбный-палатальный]} как, например Т.G и Т.з, выражает идею «выпуклая форма».

Предметом нашего исследования является фонологическая матрица с формами Т.G и Т.з. Мимофоническая (физиологическая) интерпретация реализуется задненёбными согласными (*les dorsales*), такими как [k] и [g], и значение «кривизна» также происходит из-за самой формы, которую принимает язык при произнесении задненёбного

согласного, явно показывая эти контуры. Соотношения аналогии созданы между этими артикуляционными жестами, формами Т.Г и Т.з и значением «кривизна».

Данную форму показывает, в частности, следующий рисунок, взятый из P. Ladefoged [Ladefoged, 1975, с. 50].

Рис. 1

Итак, как показывает форма на рисунке, физиологическое (мимофоническое) значение данной матрицы состоит из формы $\cap$, выпуклой или кривой: то, что ученые назвали «кривизной». Форма $\cup$ передает значение «выпуклость, вогнутость» [прив. по: Bohas, 2000]. Форма $\cup$ имеет значение «полые объекты», вогнутая форма $\supset$ передает значение «отверстие». Синтез форм $\cap$ и $\cup$ представлен графически как $\oplus$ и имеет значение «круглые объекты». Форма $\supset$ также может быть представлена на письме в виде заостренных фигур: $\vee$, $\wedge$ или $\lrcorner$, $\llcorner$ и т. д.

Рассмотрим на конкретных примерах различные случаи интерпретаций данной фонологической матрицы.

Этимологические и фонологические обоснования матрицы Т.Г, Т.з

Рассмотрим на материале лексем *toquer* и *toucher* способы реализации форм Т.К и Т.СН. Le Robert определяет *toquer* следующим образом: *toquer* [tɔke] происходит от корня *tokk-* (звук, имитирующий столкновение двух предметов) и принадлежит к той же этимологической семье, что и глагол *toucher*. При изучении этимологии глагола *toucher* мы обнаружим другую зависимую форму в том же матричном поле: *toucher* происходит от популярного латинского *toccare* «*heurter, frapper*», звукоподражательного образования, сохранившегося в романских языках вместо классического глагола *tangere* «*atteindre*». Этот корень латинского глагола *tangere* реализован в лексеме современного французского языка *atteindre*. Этимологическое происхождение *tangere* → *toccare* → *attangere* → *atteindre* указывает на соотношение между лексемами *toquer*, *toucher* и *atteindre*. Le Robert дает следующую этимологическую информацию о *atteindre*: «*ce verbe vient du latin populaire °attangere, réfection du classique attingere «toucher (à)» d'après tangere «toucher», rattaché à une racine indo-*

européenne °*tag-* de même sens ». Это подтверждает, что Т.G является одной из альтернативных форм Т.К; и тогда форма Т.G, очевидно, имеет те же фонологические знаменатели, что и Т.К.

Форма Т.G существует в нескольких словах, реализуя две грани этого поля, для этого форма Т.G будет рассматриваться в нашей работе как альтернатива Т.К. Кроме того, в ходе анализа мы объясним существование другой, мимофонической, интерпретации этих форм, речь о которой пойдет в следующем разделе.

Анализ французских лексем с формой Т.G

Поскольку Т.G является одной из альтернативных форм Т.К, очевидно, что корень *tag-* – это альтернатива корню *tok-* в соответствии с представленным этимологическим происхождением. Корень *tag-* имеет также отношение к лексеме *tag*, которая встречается в основном в английском языке, но также используется в современном французском языке. Действительно, существительное *tag* засвидетельствовано в словаре Le Robert, как и глагол *taguer*. Посмотрим их определения, представленные в словаре:

- *tag* [tag]. 1981, mot anglais « insigne ». Signature codée formant un dessin d'intention décorative, sur une surface (mur, voiture de métro...). *Tag* est synonyme de *graffiti* ;
- *taguer* [tage]. 1988, de *tag*. Dessiner des tags sur (tomber, graffiter).

Фактически, лексемы *tag* и *taguer* представляют две грани матрицы: формальную (Т.G) и семантическую, реализуя акустическую интерпретацию, как утверждает Гиро: «Donner un coup de crayon. D'où dessiner à grands coups rapides...» [Guiraud, 1967, с. 134], что и является точным значением *tag* и его производных *taguer* et *tagueur*.

Также рассмотрим этот список лексем, взятых из словаря Robert и реализующих компоненты одного и того же поля с формой Т.G, в которой [Т] имеет зубной признак, а [G] – переднеязычный задненёбный. Проверим их семантическую реализацию, показывая различные интерпретации – акустическое «движение и удар» и мимофоническое (физиологическое) «кривизна и т. д.»:

- *tanguer* [tãge]. 1654 ; peut-être de l'ancien nordique *tangi* « pointe »; cf. ancien français *tangre* : 1. Se balancer par un mouvement de

- tangage (bateau) « *Navire qui roule et qui tangue* ». 2. Par ext. Remuer par un mouvement alternatif d'avant en arrière, et abusivt par un mouvement latéral (on devrait dire *rouler*) « *tout tanguait autour de lui* ».
- *tango* [tãgo]. 1864 ; mot hispano-américain, peut-être d'origine africaine, répandu en France en 1912. 1. Danse originaire de l'Argentine, sur un rythme assez lent à deux temps.
  - *tangon* [tãgõ]. 1778 ; peut-être du moyen néerlandais *tange* ; cf. ancien français *tanque* (1448). 1. Mar. Poutre mobile établie horizontalement à l'extérieur d'un navire à la hauteur du pont supérieur et perpendiculairement à la coque, sur laquelle on amarre les embarcations lorsque le navire est à l'ancre. 2. Sur les thoniers, Longue perche au pied du grand mât, s'abaissant à l'horizontale, et à laquelle on attache les lignes.

Слова *tanguer* и *tango* (разного этимологического происхождения) сводятся к значению «чередующееся движение» («*mouvement alternatif*»), в *tango* – это чередующееся движение, повторяющееся во время танца (Гиро подтверждает это значение). Значение слова *tangon* «*routre mobile...*» также добавляет к этому полю значения, обозначая «движущееся тело» и указывая на подвижное состояние или возвратно-поступательное движение.

Если мы вернемся к значению лексемы *tanguer*, становится очевидно, что базовое значение этой лексемы – «представление о движении при качании». Это также показывает, что значение может реализовывать другую, мимофоническую интерпретацию матрицы посредством семантики глагола *rouler*. Более того, исходя из значения *tanguer* «*pointe*», можно получить представление о заостренном предмете или заостренной форме $\wedge$, поэтому эти слова реализуют две интерпретации: акустическую и мимофоническую. Кроме того, благодаря обозначению вращающегося движения форма T.G лексемы *tanguer* получает значение «круглая форма».

Таким образом, был проанализирован ряд слов, реализующих форму T.G. В следующем разделе рассмотрим вариативную ей форму T.з.

Анализ французских лексем с формой T.з

В результате этимологического анализа лексемы *atteindre*, значение которой семантически связано с лексемой *toucher*, было продемонстрировано существование корня *tag-*, из которого и возникла

форма Т.Г. Эта же лексема *atteindre* является примером реализации другой формы Т.з: *atteindre* происходит от *tangere*; следовательно форму Т.з можно рассматривать как альтернативный палатализованный вариант формы Т.Г.

Рассмотрим лексему *tagueur*, производное от *tag*, означающее «*personne qui dessine des tags*». В мужском роде также пишется *tagger* [təʒe]. Это показывает, что Т.з представляет собой палатализованный вариант Т.Г. точно так же, как Т.СН. Этот факт существования Т.з как палатализованного варианта Т.Г открывает путь для проверки лексем, заключающих в себе эту форму путем реализации того же фоносемантического поля.

Изучим ряд слов, которые содержат палатализованную форму Т.з. Для этого проведем анализ лексем, которые реализуют первую интерпретацию (называемую акустической), которая обеспечивает идею «движения и удар», а затем перейдем к лексемам, выполняющим мимофоническую интерпретацию. Итак, возьмем словарные статьи из словаря Robert:

- *tagger* ou *tagueur* [tagœʁ]. 1988; de *tag*, *taguer*. *Personne qui dessine des tags*. Au masculin, on écrit aussi *tagger* [təʒe].
- *toge* [tɔʒ]. 1546; *togue* 1213 ; latin *toga*. *Antiq. Ample pièce d'étoffe sans coutures dans laquelle les Romains se drapaient*.
- *tangible* [tɑ̃ʒibl]. XIVe; bas latin *tangibilis*, de *tangere* «toucher». *Qui tombe sous le sens du tact, que l'on peut connaître en touchant*.
- *attiger* [atize]. 1808 ; de *aquiger* (1596), apparenté à l'espagnol *aquejar* «tourmenter», avec influence de *tige*. *Famille étymologique : casser*. I. V. tr. Vx Arg. *Meurtrir, abîmer*.
- *targe* [tarʒ]. 1080 ; francique °*targa* : *se targuer*. *Didact. Petit bouclier en usage au Moyen Âge*.
- *targette* [tarʒet]. 1550 ; «petite targe» 1322 ; diminutif de *targe*. *Petit verrou, généralement à tige plate, que l'on manœuvre en poussant ou en tournant un bouton*.

Лексема *tagger* уже изучалась в предыдущем разделе в связи с анализом лексемы *tagueur*; рассмотрим лексему *toge*: *toge* означает «*pièce d'étoffe*» («кусок ткани»). Согласно объяснению П. Гиро, это часть, вырезанная из чего угодно, например, кусков ткани, дерева, меры

и т. д. П. Гиро отмечал в своем исследовании существование таких значений, связанных с понятием удара:

sens *greffés* sur la notion de *coup* ; un « coup » désigne un « morceau » (de bois, de pain, d'étoffe), une « mesure » (de liquide, de grain)... [Guiraud 1967, с. 79–80]

Что касается лексем *tangible*, *attiger*, *targe* и *targette*: они тесно связаны семантически и выполняют интерпретацию матрицы Т. 3 следующим образом:

- *tangible*, происходящий от лат. *tangere* фр. *toucher*, вербализует значение «quelque chose qui tombe sous le sens du tact, que l'on peut connaître en touchant» («что-то, что падает и дает ощущение контакта»);
- *attiger* вербализует значение «apparenté à l'espagnol *aquejar* «tourmenter», avec influence de *tige*, de la même famille étymologique de *casser*» (родственный ис. *aquejar* фр. *tourmenter* (мучить) с влиянием *tige*, из того же этимологического семейства *casser*».
- *targe* и *targette* по своему значению полностью передают идею «объект, которым или по которому наносится удар», поскольку Гиро приводит в своих работах это значение: «De l'idée de « frapper » dérivent les noms d'objets avec lesquels on frappe... » [Guiraud 1967, с. 75].

Указанные значения метафорически и косвенно реализуют семантику матрицы Т.Г, Т.З: «ударить в результате действия» («*meurtrir*, *abîmer*» – «убивать, повреждать»).

Теперь изучим некоторые лексемы, которые реализуют мимофоническую интерпретацию:

- *tagète* [tazɛt]. 1765 ; latin des botanistes *tagetes* (XVIe), de *Tages*, divinité étrusque. Bot. Plante herbacée (*astéracées*), cultivée pour ses fleurs ornementales jaunes ou orangées à senteur poivrée, appelée communément *œillet*, *rose d'Inde*.
- *tajine* [tazɛn]. 1960; *tagine* n. f. 1938 ; mot arabe. 1. Ragoût de mouton, de poulet, cuit à l'étouffée (cuisine marocaine). 2. Plat en terre muni d'un couvercle conique, dans lequel cuit ce ragoût. 3. On écrit parfois *tagine*.
- *tangélo* ou *tangelo* [tãzelo]. 1977 ; mot-valise, de *tangerine* et *pomélo*. Agrume de la taille d'une grosse orange, issu du croisement du pomélo et de la mandarine.

Мимофоническая интерпретация матрицы обозначает «кривые, выдолбленные, выпуклые формы» и проявляется в приведенных здесь лексемах *tagète*, *tajine* и *tangélo*. Лексемы *tagète*, *tajine* и *tangélo* имеют общее базовое значение «изогнутая или выпуклая форма чего-либо». Однако понимать семантику матрицы можно по-разному:

- *tagète* действительно является разновидностью цветков сводчатой формы $\cap$;
- *tajine* по своему исходному значению четко обозначает форму $\cup$ «выдолбленный», и его легко идентифицировать: «un plat d'un couvercle conique» («кастрюля с конической крышкой»), следовательно, название этого блюда происходит от формы самой кастрюли, в котором оно готовится;
- *tangélo* – это фрукт, форма которого очень похожа на мандарин, связь семантики этой матрицы реализуется таким образом: $\cap \cup = \oplus$: «круглый, круг, круглые или цилиндрические объекты, шары» (*forme ronde, boule, cercle* и т. д.)»

Заключение

В работе мы рассмотрели лексические единицы французского языка с формой Т.Г. и Т.З. по аналогии с исследованиями П. Гиро, которые он проводил на материале лексики с подобными формами Т.К. и Т.СН.

Формы Т.К. и Т.СН образуют фонологическую матрицу {[зубной], [переднеязычный задненёбный] / [нёбный-палатальный]}. Подход Ж. Богаса и его учеников был использован для объяснения различных интерпретаций (акустических и мимофонических) этой матрицы. В практической части мы продемонстрировали наличие слов, реализующих акустический смысл «движение, удара, разрез и т. д.»; другие лексические единицы имели мимофоническое значение «выпуклые или искривление формы и т. д.». В некоторых приведенных нами случаях лексические единицы выражают и то и другое одновременно (двойное толкование). Этот анализ позволил лучше понять фоносемантические / мимофонические отношения, существующие между лексическими единицами французского языка. В частности, было продемонстрировано, что значения слов «кривизна, вогнутый...» имеют отношение к задненёбным согласным; это происходит именно потому, что язык принимает выпуклую форму и реализует кривизну при артикуляции слов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Guiraud P.* Structures étymologiques du lexique français. Paris: Larousse, 1967.
2. *Bohas G.* Matrices et étymons, développements de la théorie. Lausanne : Editions du Zèbre, 2000.
3. *Bohas G., Serhane R.* Conséquences lexicales de la décomposition du phonème en traits, dans Angoujard, J.-P. et Wauquier-Gravelines, S. Phonologie champs et perspectives. Lyon : ENS éditions, 2003. P. 131–155.
4. *Brachet A.* Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française. Paris: Bibliothèque d'éducation, 1872. URL: Source Gallica. Bnf. fr/ Bibliotheque nationale de France.
5. *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris VI : Librairie Larousse, 1964.
6. *Robert P.* Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, version électronique [CD-ROM], texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Bureau Van Dijk, 2009.
7. *Diab-Duranton S.* Etude de la matrice {[coronal], [dorsal]}, Deuxième partie. Thèse de doctorat. Lyon: Ecole normale supérieure lettres et sciences humaines, 2009.
8. *Ladefoged P.* A Course in phonetics. New York, Chicago, San Francisco, Atlanta, Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1975.

REFERENCES

1. Guiraud, P. (1967). Structures étymologiques du lexique français. Paris: Larousse.
2. Bohas, G. (2000). Matrices et étymons, développements de la théorie. Lausanne: Editions du Zèbre.
3. Bohas, G., Serhane, R. (2003). Conséquences lexicales de la décomposition du phonème en traits. Dans Angoujard, J.-P., Wauquier-Gravelines, S. Phonologie champs et perspectives (pp. 131–155). Lyon: ENS éditions.
4. Brachet, A. (1872). Dictionnaire étymologique de la langue française. Huitième éd., ouvrage couronné par l'Académie française. Paris : Bibliothèque d'éducation. Source Gallica. Bnf. fr/ Bibliotheque nationale de France.
5. Dauzat, A., Dubois, J., Mitterand, H. (1964). Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris VI : Librairie Larousse.
6. Robert, P. (2009). Le nouveau Petit Robert de la langue française. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, version électronique [CD-ROM], texte remanié et amplifié sous la direction de Josette Rey-Debove et Alain Rey. Bureau Van Dijk.

7. Diab-Duranton, S. (2009). Etude de la matrice {[coronal], [dorsal]}, Deuxième partie. Thèse de doctorat. Lyon: Ecole normale supérieure lettres et sciences humaines.
8. Ladefoged, P. A. (1975). Course in Phonetics. New York, Chicago, San Francisco, Atlanta, Harcourt Brace Jovanovich.

Информация об авторе

Альрифаи Фатима – соискатель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Alrifaii Fatema – Candidate of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'25

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_38

ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Г. В. Барышникова¹, И. И. Дубинина²

^{1,2}Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия

¹barychnikova@bk.ru

²idubinina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются гендерные особенности перевода. В качестве материала исследования выступают два перевода на русский язык франкоязычного художественного произведения, выполненные переводчиками с разным гендерным статусом. В результате исследования на основе использования интерпретативного семантического и культурологического сопоставительного анализов выявлены гендерные различия в переводе с языка оригинала на ассоциативно-когнитивном, языковом (лексические, синтаксические трансформации) и мотивационно-прагматическом уровнях.

Ключевые слова: перевод, гендерные различия, переводческие трансформации, гендерная лингвистика

Для цитирования: Барышникова Г. В., Дубинина И. И. Гендерные предпочтения в художественном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 38–50. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_38

Original article

GENDER PREFERENCES IN FICTION TRANSLATION

G. V. Baryshnikova¹, I. I. Dubinina²

^{1,2}Volgograd Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President), Volgograd, Russia

¹barychnikova@bk.ru

²idubinina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the gender peculiarities of the translation. Two translations of a French fiction into Russian, made by interpreters with different gender status serve as the research material. The study reveals gender differences in translation from the original language to associative-cognitive, linguistic (lexical,

syntactical transformations) and motivational-pragmatic levels basing on the use of the interpretive semantic, interpretive cultural, and comparative analyses.

Key words: translation, gender differences, translation transformations, gender linguistics

For citation: Baryshnikova, G. V., Dubinina, I. I. (2021). Gender preferences in fiction translation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 38–50. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_38

Введение

Сама по себе гендерология как отдельное дисциплинарное знание не существует без тесных когерентных связей с другими научными отраслями. Сегодня их диапазон достаточно обширен и связан с местом, поведением, идентификацией и самоидентификацией человека в многофункциональном обществе. Научные исследования и описание феномена «гендер» в лингвистике, представляющие собой одно из направлений антропоцентрического изучения языка, базируются на приоритете неразрывной связи языка с биосоциальными и культурно обусловленными характеристиками человека, включающими его пол. Обращаясь к структурам языка, лингвогендерология выявляет их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола.

Как справедливо замечает А. И. Томилова, «изучение мужских и женских особенностей речемыслительной деятельности позволяет утверждать, что между мужской и женской речью – как письменной, так и устной – существуют определенные различия, позволяющие говорить о целой системе факторов как влияющих на эти различия, так и их обуславливающих» [Томилова, 2013, с. 41].

Гендерные особенности перевода представляют собой мало разработанный аспект языкознания, что и определило наш интерес к рассмотрению данного вопроса. В процессе своей деятельности переводчик сталкивается с трудностями трансляции на другой язык и другую культурную среду не только вербализованной оболочки чужой мысли, но и всем шлейфом фоновых знаний, невыраженных явно мыслей, имплицатур, возможных несовпадающих оценочных смыслов, семантических и системно-структурных особенностей языка. Каждый перевод представляет собой не только трансляцию основной мысли автора оригинала текста, но и своеобразную когнитивную, культурную интерпретацию и переработку идеи авторского замысла. Мы

согласны с точкой зрения Л. Г. Нечаева, что переводчик всегда при работе с текстом привносит свое личное интерпретативное «я», потому что «психофизиологическую базу порождения вариативности в переводе составляет относительно независимый субстрат сознания» [Нечаев, 1988, с. 27]. Следовательно, каждый перевод проходит через индивидуальную коррекцию, где наряду с различными социальными характеристиками и атрибутами переводчика гендерная принадлежность транслятора играет одну из основных ролей.

В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть характерные языковые особенности перевода, обусловленные гендерным статусом переводчика.

Мы разделяем мнение таких исследователей в области гендерной лингвистики, как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, В. В. Потапов, Р. К. Потапова, И. И. Халеева и др., что различия в использовании языка мужчинами и женщинами эксплицируются целым спектром различий: биологическим, психоэмоциональным, ментальным, социальным, культурным, которые находят свое воплощение в вербализованной форме языкового сознания *homo loquens*. Именно поэтому нам кажется целесообразным проанализировать гендерные предпочтения женских и мужских дискурсивных практик и их языковое воплощение на ассоциативно-когнитивном, лексико-синтаксическом и мотивационно-прагматическом уровнях языках.

Объектом исследования выступают два перевода на русский язык художественного произведения Ф. Саган «*Des yeux de soie*» (1975), выполненные Л. Ефимовым (2012) и Н. Жарковой (1981).

Ассоциативно-когнитивный уровень

Как известно, одним из основных приемов трансляции мысли с языка *A* на язык *B* являются всякого рода трансформации. Несмотря на то, что оба переводчика активно прибегают к этому приему, необходимо сразу оговориться, что мужское видение перевода тяготеет гораздо больше к сохранению языка оригинала. Данное утверждение оправдывает себя уже в переводе самого названия произведения. Л. Ефимов оставляет его таким же, как у Ф. Саган – «Шелковые глаза». На наш взгляд, автор женского перевода нашла более удачный эквивалент для сравнения глаз серны в русском языке, назвав их бархатными: именно в этой метафоре семантизируется больше мягкости, нежности,

просьбы, мольбы и страха, нежели в холодном шелке, что полностью подтверждается содержанием и главной мыслью произведения.

Ассоциативно-когнитивный уровень в лингвистике «привязан» к языковому сознанию индивида. На этом уровне переводчик работает с разного рода трансформациями, вызываемыми определенными мыслительными процессами, памятью, образами, концептами. Поэтому каждый транслятор иноязычной мысли, руководствуясь общим содержанием текста, привносит в его интерпретацию свой набор ассоциативных признаков. В этой связи представляется интересным перевод следующей фразы:

- *Quelle fille crois-tu qu'va nous amener cette fois-ci?*
- *...J'espere que ce sera une sportive... (F. Sagan).*

Если мужской перевод достаточно нейтрален с точки зрения выражения гендерного образа одной из героинь и соответствует оригиналу

- Как думаешь, что за девицу он нам подсунет в этот раз?
- Надеюсь, будет хотя бы спортивной... (*пер. Л. Ефимова*),

то женский вариант, кажется, имеет личный оттенок интерпретации и очень индивидуален: подруга Станисласа полностью обезличена:

- А какую девицу, по-твоему, он подкинет нам сегодня?
- Откуда же мне знать? Думаю, нечто в спортивном стиле... (*пер. Н. Жарковой*)

По мнению В. В. Потапова, «лингвистические наблюдения совпадают с гипотезой психологов о том, что концепт «ego» женщины имеет менее жесткие и детерминированные границы и распространяется с сходными чертами родства, у мужчин же «ego» очерчен более жесткими границами» [Потапов, 2002, с. 116]. Британские ученые Д. Аллен и Р. Гай также пришли к выводу, что «мужчины чаще оперируют местоимением *I* как эквивалентом *we*, для женщин свойственна другая тенденция – инкорпорировать *I* в местоимение *we*»¹ [Allen, Guy, 1974]. Данная тенденция нашла свое отражение и в нашем материале:

- *Je veux dire que tu ne loupes rien: ni tes affaires, ni ta vie, ni tes avions (F. Sagan).*

¹Зд. перевод наш. – Г. Б., И. Д.

Перевод полностью сохраняет грамматическую категорию местоимения:

– Я хочу сказать, что ты ничего не упускаешь: ни свои дела, ни свою жизнь, ни свои самолеты... (*пер. Л. Ефимова*).

Вариант меняет местоимение *ты* на *мы*, неким образом включая свое начало, свое присутствие в общий контекст:

– А то, что мы еще ни разу ничего не прозевали: ни в делах, ни в жизни, даже на самолет не опоздали ни разу (*пер. Н. Жарковой*).

В зарубежной лингвогендерологии существуют экспериментальные данные, свидетельствующие о том, что «женщины различают и употребляют в речи гораздо больший спектр цветообозначений, чем мужчины. Мужчины говорят о цвете, если для них это ситуативно важно, у женщин восприятие цвета носит эстетический характер, что сказывается на концептуализированности цвета в языковом сознании»¹ [Steckler, Cooper, 1990, с. 73]. Обозначение цветов, их нюансы более ярко передаются женской аудиторией. В нашем примере нюансы цветообозначения, колористика выражена интенсивнее в женском переводе:

les cheveux blonds – светлые волосы / белокурая, beige – бежевая / шкурка желтоватого оттенка, les feuilles mortes – опавшие листья / рыжая листва и т. д. (*F. Sagan. Пер. Л. Ефимова; пер. Н. Жарковой*)

Языковой уровень

На языковом уровне переводы, выполненные мужчиной и женщиной, представлены различными лексическими и синтаксическими трансформациями.

В исследуемом материале больше всего нами отмечено *лексических трансформаций*, к которым прибегают в случае межязыковой передачи информации, требующей выхода за рамки перевода его лексического прямого эквивалента. Если мужской перевод сфокусирован на сохранении точности перевода и близок к автору произведения, то женский вариант характеризуется гораздо большей вариативностью и образностью транслируемого повествования. Так, например, более продуктивным у женского перевода является замена лексемы

---

¹ Зд. перевод наш. – Г. Б., И. Д.

un bellâtre. Имея в русском языке значение «фат, щеголь, рисовщик», Н. Жаркова трансформирует данное существительное в глагол:

– Вот я все думаю, как это Станислас все еще хорохорится в его годы...
(пер. Н. Жарковой).

А автор-мужчина прибегает к эквиваленту *бабник*, что не вполне отражает семантическую суть данного понятия.

Известно, что мужчины склонны к точному наименованию предметов и использованию в своей речи профессионализмов и терминов [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. Данное утверждение полностью подтверждается на нашем примере. Мужчина-переводчик более точно назвал части оружия (*посредством оптического прицела, мушки, спускового крючка, выстрела, железа и грохота устранить из жизни...*; *пользуясь оптическим прицелом и гашеткой, с помощью огня и металла устранить из жизни...*), электрические приборы (*проигрыватель / электрофон; окуляры бинокля / бинокль; движущаяся лента (в аэропорту) / эскалатор*), лекарственные средства (*амфетамин / возбуждающее*), антропоним М. Кабалье (*Кабалье / ля Кабаль*) и т.д. (пер. Л. Ефимова / пер. Н. Жарковой).

Что же касается употребления грубой лексики, вульгарной, инвектив, то, несмотря на всеобщий стереотип использования более бранного языка мужчинами, частота их появления в речи мужчин и женщин варьируется от исследования к исследованию, особенно отмечая тенденцию к огрублению лексики в женской речи на современном этапе. При анализе переводов было выяснено, что транслятор-мужчина практически не прибегает к сниженному регистру, если того не требует оригинал произведения (единственная вставка *Черт тебя подери!*), женский же вариант перевода гораздо чаще преднамеренно огрубляет речь персонажа и делает его одновременно оценочно-экспрессивным. Ср.

...car j'étais odieux (*F. Sagan*).

...потому что я уже тогда был невыносим (пер. Л. Ефимова).

...потому что уже тогда я был *изрядным недотепой* (пер. Н. Жарковой).

Ni Jerome, ni Monika ne semblaient l'écouter (*F. Sagan*).

Ни Жером, ни Моника не слушали его (пер. Л. Ефимова).

Ни Жером, ни Моника не слушали его *болтовни* (пер. Н. Жарковой).

Jerome hurla (*F. Sagan*).

Жером крикнул (*пер. Л. Ефимова*).

Жером **прорычал** (*пер. Н. Жарковой*).

Таким образом, в мужском переводе прослеживается не только сохранение нейтрального регистра языка, но и эвфемизация речи:

...tu voulais me quitter (*F. Sagan*).

...ты хотела от меня уйти (*пер. Л. Ефимова*).

...ты решила меня бросить (*пер. Н. Жарковой*).

Переходя к анализу **синтаксического** среза вариантов перевода, считаем целесообразным отметить, что синтаксис, изучая, по своей сути, структурные элементы предложения, сегодня в прагматике текста часто рассматривается как семантический синтаксис, так как от распределения и комбинации его составляющих может варьироваться смысл предложения. Часто выражение мыслей и эмоций эксплицируется не только с помощью лексем, необходимо еще установить определенным образом грамматические связи и отношения между словами с возможностью передачи тончайших оттенков смысла. В анализируемом нами материале на синтаксическом уровне переводов были также выделены определенная гендерная асимметрия и гендерные предпочтения.

Прежде всего это находит отражение в использовании инверсивных конструкций. Согласно гендерным исследованиям письменной речи, женщины демонстрируют «всякого рода “прыжки” и пропуски, перескоки с одной мысли на другую» [Потапов, 2000, с. 113], поэтому чаще склонны к инверсии (в данном случае, ссылка на оригинал будет неуместна, так как для французского языка характерен в целом прямой порядок слов):

Он пил усердно (*пер. Л. Ефимова*).

Пил он усердно (*пер. Н. Жарковой*).

Моника вернулась в комнату (*пер. Л. Ефимова*).

В комнату вошла Моника (*пер. Н. Жарковой*).

Он был человек мужественный, верный... (*пер. Л. Ефимова*).

Был он человеком мужественным, верным... (*пер. Н. Жарковой*).

При исследовании женской речи замечено достаточно частое использование вопросительных предложений разной прагматической направленности. Как отмечает В. В. Потапов, «женщина любит

задавать вопросы там, где мужчина употребил бы императив, для выражения согласия или несогласия с собеседником использует чаще «хвостовые вопросы», употребляет больше риторических вопросов» и т. д. [Потапов, 2002, с.113]. В ходе проведенного исследования в переводе Н. Жарковой было выявлено также большее количество вопросительных конструкций, чем в переводе Л. Ефимова. Там, где мужчина-переводчик сохраняет повествовательную структуру предложения, женщина стремится перевести ее в вопросительную.

Jerome Bertier jeta un coup d'oeil oblique vers sa femme se demandant une fois de plus ce qu'elle voulait dire par là (*F. Sagan*).

Жером Бертье искоса бросил взгляд на жену, в который раз спросив себя, что она хотела этим сказать (*пер. Л. Ефимова*).

Жером Бертье покосился на жену и подумал: что она хочет этим сказать? (*пер. Н. Жарковой*).

К такому достаточно распространенному синтаксическому явлению в переводе, как деление предложений, абзацев и их объединение, оба транслятора прибегают нечасто, хотя в женском варианте перевода замечено таких приемов больше. Русский вариант Л. Ефимова полностью соответствует сохранению синтаксического строя языку оригинала:

Станислас Брем стоял посреди поляны. Поставив приклад ружья меж ступней и опершись на одну ногу, он смотрел в голубое небо, на рыжие деревья с каким-то нестерпимым счастьем, и палец Жерома начал потихоньку нажимать на спуск (*пер. Л. Ефимова*).

Н. Жаркова для передачи данной мысли на русский язык прибегает одновременно и к объединению, и к дроблению фразы:

Станислас Брем стоял в самой середине полянки, прислонив ружье к бедру и перенеся тяжесть тела на одну ногу. Он смотрел на синее небо, на рыжую листву, и лицо его выражало почти непереносимое счастье. Палец Жерома лег на спусковой крючок (*пер. Н. Жарковой*).

Мотивационно-прагматический уровень

На мотивационно-прагматическом уровне, отражающем интенции и установки говорящего, выраженные в речи, было выявлено следующее: Н. Жаркова гораздо чаще (в пять раз) усложняет внутреннюю

организацию предложений путем добавления новой смысловой части (от слова до целого предложения), отсутствующей в оригинале:

...quand on se battait en récréation, il avait le meilleur coup de poing et souvent pour me défendre car j'étais déjà odieux (*F. Sagan*).

...и кулаком мог врезать лучше всех, когда дрались на переменке, и часто меня защищал, потому что я уже тогда был невыносим (*пер. Л. Ефимова*).

...а когда мы дрались на переменках, считалось, что у него лучший удар **справа, чем он и пользовался**, чаще всего защищая меня, потому что уже тогда я был **изрядным** недотепой (*пер. Н. Жарковой*).

На основе анализа всего текста женского перевода можно предположить, что переводчик прибегает к данному методу не для сохранения или восполнения логической связи, не для уточнения смысла предложения, а для придания всему тексту особой образности, яркой картинкой, эмоциональной насыщенности:

...c'est un couple heureux (*F. Sagan*).

...это счастливая пара (*пер. Л. Ефимова*).

...**безупречно** счастливая семейная пара (*пер. Н. Жарковой*).

Il conduisait trop vite sa voiture (*F. Sagan*).

Он вел машину слишком быстро (*пер. Л. Ефимова*).

Он как **безумный гнал** машину (*пер. Н. Жарковой*).

Monika eut un geste charmant et demanda à la nommée Betty s'il avait mal au coeur (*F. Sagan*).

Моника сделала очаровательный жест, спросила Бетти, не укачивает ли ее сзади (*пер. Л. Ефимова*).

Моника **как-то особенно ласково положила руку на плечо** той, что именовалась Бетти, и спросила, не укачивает ли ее в дороге (*пер. Н. Жарковой*).

Действительно, как полагает Д. Таннен, избыточность информации характерна больше для женского дискурса [Tunnen, 1990].

Однако, как показал наш материал, женский перевод не только изобилует разного рода эмоциональными и смысловыми вкраплениями, что безусловно отличает женскую переводческую интерпретацию от мужской, но и пропусками оригинального текста.

...Puis il y eut l'avion, ils étaient en première, les uns derrière les autres, et par le hublot Monika regardait defiler les nuages *sans même parcourir la revue qu'on lui avait confiée* (F. Sagan).

...Потом был самолет, салон первого класса, где они опять сидели по двое, друг за другом, и Моника смотрела в иллюминатор на проплывающие облака, *даже не заглянув в журнал, который ей дали* (пер. Л. Ефимова).

...Потом был самолет, они так и вошли парами – и Моника стала смотреть, как бегут по небу тучи в отведенном им узком квадрате иллюминатора (пер. Н. Жарковой).

Кроме того, неоднократно в женском переводе было нами замечено искажение смысловой и временной соотнесенности с текстом-оригиналом. На наш взгляд, такая «переводческая небрежность» не носила характера грубого обращения с авторским замыслом Ф. Саган, а имела некое своеобразное гендерное отношение и интерпретацию происходящих с персонажами событий.

Мужчине, который методично, тщательно обдумывал в темноте, как ему посредством оптического прицела, мушки, спускового крючка, выстрела, железа и грохота *устранить* из жизни, а главное, *из жизни этой лежащей рядом с ним чужой женщины белокурого и зловредного чужака* по имени Станислас (пер. Л. Ефимова).

Мужчина скрупулезно обдумывал, как он может, пользуясь оптическим прицелом и гашеткой, с помощью огня и металла *устранить из жизни эту чужую женщину, лежавшую рядом с ним, и этого ненавистного блондина, этого чужака* по имени Станислас (пер. Н. Жарковой).

Заключение

Гендерный аспект представляет собой достаточно сложную переводческую проблему, которая пронизывает всю ткань исследуемого феномена, находя свое отражение практически на всех уровнях транслируемого на другой язык текста. Принимая во внимание когнитивные, психосоциальные, культурные и другие особенности главного транслятора оригинала художественного произведения – переводчика – в иную лингвокультуру, считаем целесообразным говорить и об особенностях гендерного фактора в сфере переводе, так как он

может являться одним из доминирующих при выборе переводчиками тех или иных языковых средств. Как показало наше исследование, мужской перевод больше соответствует тексту оригинала как с точки зрения его структурной организации, так и с точки зрения содержательной наполненности, женский вариант перевода характеризуется гораздо большей лексико-синтаксической вариативностью и экспрессивной образностью транслируемого повествования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Томилова А. И.* К вопросу о гендерном факторе в лингвистике и переводе // Сборник научных трудов World. 2013. Т. 22. № 1. С. 39–45. URL: <https://sworld.com.ua/konfer30/75.pdf>
2. *Нечаев Л. Г.* Факторы, определяющие коммуникативную вариативность при переводе // Перевод и интерпретация текста: сборник научных трудов. М.: ИЯЗ, 1988. С. 20–41.
3. *Потапов В. В.* Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. М., 2002. №1. С.103–130.
4. *Allen D. E., Guy R. F.* Conversational analysis: the sociology of talk. The Hague: Mouton, 1974.
5. *Steckler N. A., Cooper W. E.* Sex differences in color naming of unisex apparel // Anthropological linguistics. 1980. V. 22. P. 373–381.
6. *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С.90–136.
7. *Потапов В. В.* Попытки пересмотра гендерного признака в английском языке // Гендер как интрига познания: сборник статей. М.: Рудомино, 2000. С.149–167. URL: <http://www.owl.ru/library/002t.html>
8. *Tunnen D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: William Morrow, 1990.

REFERENCES

1. Tomilova, A. I. (2013). K voprosu o gendernom faktore v lingvistike i perevodovedenii = On the issue of gender in linguistics and translation. Collection of scientific papers World. 1 (22), 39–45. <https://sworld.com.ua/konfer30/75.pdf> (In Russ.)
2. Nechaev, L. G. (1988). Faktory, opredelajushhie kommunikativnuju variativnost' pri perevode = Factors, defining communicative variation during translation. Perevod i interpretacija teksta = Translation and interpretation of the text. Collection of scientific papers. Moscow: In. Yaz., 20–41. (In Russ.)

3. Potapov, V. V. (2002). *Mnogourovnevaja strategija v lingvističeskoj gendrologii = Multilevel strategy in linguistic gender studies. Topics in the study of language Moscow, 1, 103–130. (In Russ.)*
4. Allen, D. E., Guy, R. F. (1974). *Conversational analysis: the sociology of talk. The Hague: Mouton.*
5. Steckler, N.A., Cooper W.E. (1980) *Sex differences in color naming of unisex apparel // Anthropological linguistics. 22, 373–381.*
6. Zemskaja, E. A., Kitajgorodskaja, M. V., Rozanova, N. N. (1993). *Osobnosti mužskoj i ženskoj reči = Peculiarities of male and female speech. Russkij jazyk v ego funkcionirovanii: kommunikativno-pragmatičeskij aspekt. = The Russian Language in its functioning: Communicative-pragmatic aspect. Moscow: Nauka, 90–136. (In Russ.)*
7. Potapov, V. V. (2000). *Popytki peresmotra gendernogo priznaka v anglijskom jazyke = Attempts to reconsider a gender feature in the English language. Gender kak intriga poznanija = Gender as intrigue of learning. Collection of articles. Moscow: Rudomino, 149-167. URL: <http://www.owl.ru/library/002t.html> (In Russ.)*
8. Tunnen, D. (1990) *You just don't understand: women and men in conversation. New York: William Morrow.*

Информация об авторах

Барышникова Г. В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Дубинина И. И. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Information about the authors

Barishnikova G. V. – PhD in Philology Volgograd Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President), Department of Linguistics and Intercultural Communication, Associate Professor

Dubinina I. I. – PhD in Philology, Docent, Volgograd Institute of Management (branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President), Department of Linguistics and Intercultural Communication, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_51

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНА «ДЖАЗ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Г. Г. Бондарчук¹, А. А. Абрамов²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹bondarchuk.gal@yandex.ru

²alex.abra.96@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается термин «jazz», представляющий собой динамическую языковую единицу, вербализирующую одноименный концепт. Особое внимание уделяется происхождению данного термина и развитию его семантической структуры. Кроме того, рассматриваются концептуальные признаки, отраженные в дефинициях термина «jazz», представленных в разных лексикографических источниках, и дающие представление о содержании рассматриваемого концепта. Анализируется роль, которую существительное «jazz» играет в словообразовательных процессах в современном английском языке.

Ключевые слова: термин, концепт, семантическая структура, концептуальный признак, динамическая языковая единица

Для цитирования: Бондарчук Г. Г., Абрамов А. А. Развитие семантической структуры термина «джаз» в английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 51–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_51

Original article

DEVELOPMENT OF THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE TERM “JAZZ” IN ENGLISH

G. G. Bondarchuk¹, A. A. Abramov²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹bondarchuk.gal@yandex.ru

²alex.abra.96@mail.ru

Abstract. The article deals the term *jazz*, which is viewed as a dynamic linguistic unit that verbalizes the concept of the same name. Special attention is paid to the origin of the term and the development of its semantic structure. In addition, the conceptual features

reflected in the definitions of the term jazz, presented in various lexicographic sources, that give an idea of the contents of the concept under consideration, are considered. The role that the noun jazz plays in word-formation processes in modern English is analyzed.

Key words: term, concept, semantic structure, conceptual feature, dynamic linguistic unit

For citation: Bondarchuk, G. G., Abramov, A. A. (2021). Development of the semantic structure of the term “jazz” in English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 51–60. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_51

Введение

Вопросы современного состояния терминологии находятся в центре внимания лингвистики и освещаются в работах таких известных отечественных терминологов, как А. В. Суперанская, В. М. Лейчик, Л. М. Алексеева, Е. В. Бекишева, Н. В. Васильева, Е. И. Голованова, З. И. Комарова, С. Л. Мишланова, С. Д. Шелов и др. В современной российской лингвистике сформировалась и активно работает школа медицинской терминологии, основателем которой является В. Ф. Новодранова, проводящая исследования в области когнитивного терминоведения.

Одними из актуальных вопросов современного когнитивного терминоведения являются вопросы о сути главного концепта – «термин», о процессах создания терминов, их развитии и старении. Высказываются мнения о том, какой единицей является термин – устойчивое ли это явление статичного характера, как полагали ранее, или это динамический научный концепт, способный развиваться вместе с ростом познания и знания. В. М. Лейчик отмечает в этой связи: «Термин совмещает в себе признаки статичной единицы, относящейся к лексике языков для специальных целей и служащей для фиксации знания в форме вербализованного научного, технического, экономического или иного специального концепта, и признаки динамической языковой / речевой единицы, возникающей в речи (процессе когниции и ее оязыковления) и подчиняющейся всем закономерностям существования и умирания. Термин представляет собой вербализованный концепт, входящий в систему познания и знания. В этом плане он выполняет весь комплекс функций вербализованного концепта, начиная с функции номинации (репрезентации) и заканчивая функцией

сигнификативной, то есть функцией обозначения специального понятия» [Лейчик, 2010, с. 357–358].

Вслед за Л. Гилбертом (L. Guilbert), ученые справедливо полагают, что термины, как и все лексические единицы, проходят три периода «жизни» – рождение, зрелость и умирание, связанное с определенными условиями [Gilbert, 1975].

У ряда терминов возможно проследить процесс их порождения, связанный с ментальным процессом когниции. В зависимости от характера данного процесса выделяют несколько типов терминообразования: наиболее распространенный – порождение терминов в ходе изложения определенной авторской позиции; порождение терминов в ходе коммуникации; создание термина в ходе метафорической экспликации, когда термин создается на основе внутреннего или внешнего сходства самых разных объектов или явлений [Лейчик, 2010]. Представляется, что сказанное в основном относится к научным терминам. Термины из других областей, в частности, из области искусства, тоже создаются в коммуникативном процессе, однако проследить их этимологию часто бывает более сложно.

Происхождение термина «jazz»

Целью нашего исследования было рассмотреть первые два из указанных этапов применительно к одному из основных английских музыкальных терминов – «**jazz**» («джаз»). О третьем этапе устаревания данного термина речи не идет, поскольку термин «jazz» по-прежнему остается одним из наиболее часто употребляемых музыкальных терминов, что обусловлено тем, что сегодня джаз как род музыкального искусства остается востребованным, престижным, поддерживается музыкальными фондами и всемирной сетью фестивалей.

Относительно происхождения термина «jazz» у ученых нет единого мнения. Согласно данным некоторых этимологических словарей, происхождение существительного *jazz* неизвестно (см., например, [Online Etymology Dictionary]). В других словарях отмечается, что данное существительное вошло в английский язык в XX веке и может быть связано с существительным *jism* [Etymology | Lexico.com], которое впервые было употреблено в 1842 году в американском варианте английского языка в значении «дух или энергия» [Wictionary].

Первые отечественные музыкальные словари связывали наименование «джаз» с именем организатора и руководителя первого джазового ансамбля в США Джазбо Брауном (Jazbo Brown) и отмечали, что джазовые оркестры появились в США в начале Первой мировой войны и по окончании ее (с 1919 г.) быстро распространились в Западной Европе [Должанский 1966, с. 86].

Высказывалось предположение о том, что термин «jazz» мог возникнуть путем заимствования из французского языка, когда французский глагол *jaser* (*болтать*) был произнесен на английский манер *jass* в одном из заведений Нового Орлеана. Существует и версия, согласно которой термин «jazz» мог произойти от лексемы *jaz*, которая использовалась в начале XX века афроамериканским населением США, преимущественно в южных штатах, в значении «ускорять, возбуждать». Можно было бы назвать и ряд других мнений по данному вопросу.

Концептуальные признаки и развитие семантической структуры термина «jazz»

Проведенный дефиниционный анализ рассматриваемого термина с использованием разных лексикографических источников позволил нам выделить основные концептуальные признаки концепта «jazz», а именно:

- 1) стиль музыки афроамериканцев (a type of music of black American origin [Online Etymology Dictionary];
a type of music of black American origin [Etymology | Lexico.com];
music originated by black Americans [LDELС, с.741];
a type of music [MED, с. 808];
a style of popular music [CCELD, с. 779];
- 2) время появления – конец XIX– начало XX века;
- 3) характерные черты данного музыкального стиля – импровизация, синкопа и обычно регулярный или сильный ритм:
improvisation, syncopation, and a regular rhythm [Online Etymology Dictionary];
improvisation, syncopation, and usually a regular or forceful rhythm [Etymology | Lexico.com];
music with a strong beat and some free playing by each musician [LDELС, с. 741];

a type of music in which there is a strong lively beat and the players often improvise (= make up the music as they play): a jazz band» [MED, с. 808]; has an exciting rhythm [CCELD, с. 779];

- 4) в создании джазовой музыки участвуют группы музыкантов, которые обычно используют определенный набор музыкальных инструментов:
- «джаз образуется главным образом из духовых инструментов, медных и саксофонов, вместе с многочисленными ударными инструментами и роялем. Кроме того, в состав джаза входят солирующие скрипки, аккордеон, гитара, банджо и др.» [Должанский, 1966, с. 86];
  - brass and woodwind instruments and piano are particularly associated with jazz, although guitar and occasionally violin are also used – медные и деревянные духовые инструменты и фортепиано часто ассоциируются с джазом, хотя гитара и иногда скрипка также используются¹ [Etymology | Lexico.com];
  - is usually played by groups of musicians using drums, saxophones, trumpets, etc. – обычно исполняется группами музыкантов с использованием барабанов, саксофонов, труб и т. д. [CCELD, с. 779].

Семантическая структура существительного *jazz* развивается, но на настоящий момент зарегистрировано лишь два новых значения. Первое из них относится к музыкальной сфере:

jazz «a style of theatrical dance performed to jazz or popular music» – стиль театрального танца, исполняемого под джазовую или популярную музыку [Etymology | Lexico.com].

Например:

The main genres of choreographed dance are ballet, modern dance, and jazz dance. – К основным жанрам хореографического танца относятся балет, современный танец и джазовый танец.

Like jazz dance, Cuban dance forms owe an immeasurable debt to African culture. – Как и джазовый танец, кубинские танцевальные формы в неизмеримом долгу перед африканской культурой [Etymology | Lexico.com].

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Б., А. А.

Во втором значении лексема *jazz* относится к общеупотребительной лексике и употребляется в американском сленге:

jazz «*AmE slang empty meaningless talk, especially if used to confuse or deceive*» – пустой беспредметный разговор, особенно когда он ведется для того, чтобы сбить с толку или обмануть [LDELС, с. 741].

Во втором значении существительное *jazz* вошло во фразеологическое выражение неформального характера *and all that jazz* со значением «и тому подобные вещи». Например:

- And such similar things [Etymology | Lexico.com];
- Phrase ***and all that jazz*** informal all the things related to what you are talking about: I'm going home to visit my family and all that jazz / Я еду домой повидать семью, ну и всё такое [MED, с. 808].
- ***and all that jazz*** slang, usually derog and other things like that: I'm fed up with being told about the rules, responsibilities, duties, and all that jazz / Я сыт по горло всеми этими разговорами о правилах, обязанностях и всем тому подобным [LDELС, с. 741];
- ***All that jazz*** very informal English «to suggest that there are wider aspects to the topics which you have just mentioned, but that you do not think it is worth explaining them in detail. E.g. I suppose you saw Versailles and the Eiffel Tower and all that jazz... / Думаю, вы видели Версаль и Эйфелеву башню, и всё прочее...» [CCELD, с. 779].

Известно, что джаз как музыкальный жанр имел свои особенности и течения в каждый период своего развития, которые иногда обозначались сложными словами с левым компонентом *jazz* или именовались другими лексическими единицами. В связи с этим термин «*jazz*» сегодня представляет собой «зонтиковый» термин для обозначения целого ряда течений в музыке, основными из которых являются *New Orleans jazz* (новоорлеанский джаз), *swing* (свинг), *bebop* (бибоп), *big band* (биг-бэнд), *mainstream* (мейнстрим), *free jazz* (фри-джаз) и др. Одним из последних по времени возникновения является течение *fusion* (фьюжн):

Jazz fusion «a type of music that developed in the 1970s, combining jazz styles with rock music and using electronic instruments such as guitars and synthesizers» – тип музыки, который развился в 1970-х годах, сочетал

в себе джазовые стили с рок-музыкой и использовал электронные инструменты, такие как гитары и синтезаторы [MED, с. 808].

Кроме того, термин «jazz» активно используется в английских сложных словах в качестве левого компонента для обозначения других музыкальных понятий, имеющих отношение к джазовой музыке: *jazz band, jazz piano, jazz guitar, jazz improvisation, jazz standards, jazz transcription, jazz theory, jazz piano solos, jazz bass* и др. Приведем примеры употребления подобных сложных слов:

I tried to interest them in going to a jazz concert that evening ... / Я пытался заинтересовать их тем, чтобы пойти в тот вечер на джазовый концерт...

They call themselves The Original Dixieland Jazz Band. – Они называют себя Оригинальным джазовым оркестром диксиленда [CCELD, с. 779].

Говорят даже о «веке джаза» (the Jazz Age), который определяют, как:

a period of about ten years, after World War I, when jazz music became very popular and fashionable. It is thought of as an exciting period when there was more social freedom than there had been before – период примерно в десять лет, после Первой мировой войны, когда джазовая музыка стала очень популярной и модной. Это считается захватывающим периодом, когда было больше социальной свободы, чем раньше [LDELС, с. 742].

Не развивая интенсивно свою семантическую структуру (что, в принципе, характерно для терминов в целом), термин «jazz», тем не менее, активно участвует не только в словосложении, но и в других словообразовательных процессах. Так, от существительного *jazz* по конверсии был образован глагол *to jazz*, который, присоединив наречную частицу *up*, образовал фразовый глагол *to jazz up*, употребляемый в модели *to jazz something up, to jazz up something* и означает «сделать что-то более интересным, живым или захватывающим (часто – с помощью недорогих ярких украшений)»:

«make something more interesting, lively, or exciting» [Etymology | Lexico.com];

«informal to make something more lively, exciting, or interesting = LIVEN UP [MED, с. 808];

«informal to make more active, interesting, or enjoyable, often with cheap bright decoration» [LDELС, с. 741]. Например: «jazz up an all-white

kitchen with red tiles» / оживить полностью белую кухню красной плиткой [Etymology | Lexico.com]; «to jazz up the room with some bright red curtains» [LDELС, с. 741].

В некоторых словарях отмечается, что данный фразовый глагол является довольно устаревшим:

To jazz up a rather old-fashioned informal expression. If you jazz something up, you make it look or seem more interesting, colourful, or exciting. E.g. They've certainly jazzed this place up since the last time I was here / Они определенно оживили это место с тех пор, как я был здесь в последний раз [CCELD, с. 779].

В свою очередь, лексическая единица *jazzed-up*, образованная от указанного фразового глагола, употребляется для характеристики, например, музыки:

«Music that is jazzed-up has been changed in order to make it sound more like popular music or jazz; an informal use. E.g. ... a jazzed-up version of one of the Brandenburg Concertos / джазовая версия одного из Бранденбургских концертов» [CCELD, с. 779].

Кроме того, можно упомянуть употребляемое в разговорной / неформальной речи прилагательное *jazzy*, образованное от существительного *jazz* при помощи суффикса *-y*, которое означает:

- 1) яркий, привлекательный (но *безвкусный*); 2) музыка, похожая на джазовую:

Jazzy *adj informal* 1) bright, colourful, and attractive; 2) jazzy music has a strong lively beat, like jazz [MED, с. 808].

Jazzy *adj informal* 1) attracting attention, as with (too) bright colours: *a very jazzy dress / очень яркое платье*; 2) like jazz music [LDELС, с. 741–742].

Jazzy 1) If you say that something is *jazzy*, you mean that it is colourful or modern in appearance, but that you consider it has no taste or style. E. g. The fat, jazzy steering wheel was padded with real leather / Толстый яркий руль был обшит настоящей кожей;

- 2) Music that is jazzy is in the style of jazz. E. g. ...that large unseen orchestra playing jazzy rhythms / этот большой невидимый оркестр, играющий джазовые ритмы [CCELD, с. 779].

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в настоящее время термин «jazz», вербализующий концепт «jazz», как и более ста лет назад, широко употребляется в музыкальной сфере. Одна из причин заключается, видимо, в динамичном характере данной лексической единицы, которая в ходе своего семантического развития стала со временем своего рода «зонтичным термином», обозначающим целый ряд музыкальных направлений. Реализуя свой динамичный языковой характер, термин «jazz» постепенно развивает свою семантическую структуру, а также активно участвует в словообразовательных процессах (словосложении, конверсии, суффиксации), протекающих в современном английском языке, создавая, в том числе, и нетерминологические, общепотребительные лексические единицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лейчик Е. А.* Динамика термина (три возраста термина) // *Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сборник научных трудов в честь В. Ф. Новодрановой.* М.: Авторская академия, 2010.
2. *Gilbert L.* *La créativité lexicalé.* Paris: Librairie Larousse, 1975.
3. Online Etymology Dictionary. URL: en-cademic.com/dic.nsf/enwiki/761430
4. Etymology // *Lexico.com.* URL: lexico.com/explore/etymology
5. *Wictionary.* URL: en.wictionary.org/wiki/jism
6. *Должанский А. Н.* Краткий музыкальный словарь. Изд. пятое. М., Л.: Музыка, 1966.
7. *LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. 3rd edition.* Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005.
8. *MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition.* Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012.
9. *CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary.* London: Collins Publishers, 1988.

REFERENCES

1. *Leychik, Ye. A. (2010). Dinamika termina (tri vozrasta termina) // Non multum, sed multa: Nemnogo o mnogom. U kognitivnykh istokov sovremennoy terminologii: Sbornik nauchnykh trudov v chest' V. F. Novodranovoy = Dynamics of the term (three ages of the term). Non multum, sed multa: A little bit about a lot. At the cognitive origins of modern terminology: A collection*

- of scientific papers in honor of V. F. Novodranova. Moscow: Avtorskaya akademiya, 2010.
2. Gilbert, L. (1975). La créativité lexicalé. Paris: Librairie Larousse.
  3. Online Etymology Dictionary. URL: en-cademic.com/dic.nsf/enwiki/761430
  4. Etymology | Lexico.com. URL: lexico.com/explore/etymology
  5. Wictionary. URL: en.wictionary.org/wiki/jism
  6. Dolzhanskiy, A. N. Kratkiy muzykal'nyy slovar' = Concise musical dictionary. Izd. pyatoye. M., L.: Muzyka, 1966.
  7. LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture . New Edition. 3rd edition. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
  8. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012. 1748 p.
  9. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary. London: Collins Publishers, 1988. 1703 p.

Информация об авторах

Бондарчук Г. Г. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Абрамов А. А. – аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Bondarchuk G. G. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Abramov A. A. – Post-graduate Student at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_61

КОРРЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМПОРТИРУЕМЫХ ПРАВОВЫХ УСТАНОВОК ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

М. А. Викулина¹, Л. В. Моисеенко²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Аннотация: В статье предпринимается попытка на основании опроса оценить возможное влияние иноязычных правовых стереотипов и правовых установок на профессиональное правосознание современного российского юриста, углубленно изучающего юридический иностранный язык и правовую систему страны изучаемого языка. Авторы приходят к выводу, что анализ успешного правового опыта другой правовой системы и его оценка с позиции одобрения или неодобрения модифицируют правовое поведение специалиста и обладают коррективным потенциалом.

Ключевые слова: интерференция, правовые установки, правовая система, профессиональная картина мира, обучение иностранным языкам

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00466.

Для цитирования: Викулина М. А., Моисеенко Л. В. Коррективный потенциал импортируемых правовых установок иноязычной правовой системы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 61–74. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_61

Original article

CORRECTING POTENTIAL OF LEGAL MINDSETS TYPICAL OF THE FOREIGN LAW SYSTEM

М. А. Vikulina¹, L. V. Moiseenko²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Abstract. The article is aimed at assessing possible influence of foreign legal stereotypes and legal mindsets on professional worldview of a modern Russian

lawyer studying legal English and the Anglo-Saxon system. The research is based on the results of an interview. The authors conclude that analysis of successful legal experience and its approval and disapproval may modify a lawyer's behaviour and may have correcting potential.

Key words: interference, legal mindset, law system, professional worldview, foreign language teaching

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00466.

For citation: Vikulina, M. A., Moiseenko, L. V. (2021). Correcting potential of legal mindsets typical of the foreign law system. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 61–74. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_61

Введение

В современных условиях, когда акцент смещается с внешнего воздействия на правовое поведение индивида к внутренним факторам, обеспечивающим такое поведение, актуальной становится проблема правового сознания и самосознания. Правовое поведение оценивается не просто как законопослушное, но как правосознательное и способствующее реализации основных целей закона. Внутренняя готовность личности участвовать в решении правовых вопросов и противодействовать любым видам нарушений способствует укреплению законности и правопорядка в обществе.

Значительную роль в формировании правосознания личности играют правовые установки, предполагающие ценностное отношение к правовым нормам и детерминирующие дальнейшее поведение индивида.

Правовая установка напрямую связана с ценностными ориентирами личности и ее социальными установками. Поскольку правовая установка предполагает осознание нормы права, наличие сформированного эмоционального отношения и осознанный выбор соответствующих действий, она часто рассматривается как интеллектуально-эмоционально-волевой компонент правосознания, задающий модель поведения в сфере правового регулирования. Несмотря на то, что правовые установки являются результатом прошлого опыта индивида, с нашей точки зрения, они могут быть скорректированы, в частности, за счет импортирования иноязычных правовых концептов

и стереотипов в процессе их интерференции при изучении иностранного юридического языка и правовой системы страны изучаемого языка.

Роль правовых установок и правовых стереотипов в определении правомерности поведения

А. С. Смирнов отмечает, что правосознание является важным фактором в процессе регулирования правомерного поведения людей, однако считает тезис о возможности непосредственного детерминирующего воздействия идейных элементов правосознания недостаточно разработанным. По мнению А. С. Смирнова, в современных исследованиях не полностью раскрыта специфика участия профессионального правосознания в механизмах правового поведения. Предпринимая попытку выделить и изучить элементы бессознательного, влияющие на детерминацию правового поведения, А. С. Смирнов приходит к выводу, что в механизме формирования установок правомерного поведения сознательное и бессознательное «тесно взаимосвязаны, что проявляется на таких уровнях правосознания, как представления о должном в праве, представления о желаемом в праве и представления о действительном в праве» [Смирнов, 2004, с. 9]. Автор считает возможным предложить критерий правомерности поведения личности – таким критерием правомерности или неправомерности поведения человека выступает правовая справедливость.

В рамках данного исследования представляется целесообразным отметить выделенную А. С. Смирновым цель правового воспитания – «превратить образцы правомерного деяния в самодетерминируемое привычное правомерное поведение» [Смирнов, 2004, с. 11]. Как отмечает автор, «индивиду не нужно каждый раз обращаться к своим мировоззренческим установкам, сопоставлять элементы морального, правового, политического сознания, активизировать массив правовых знаний, когда можно выработать такую общую модель поведения, которая актуализировалась бы элементами правовой психологии» [там же].

С нашей точки зрения, такими элементами правовой психологии, формируемыми и корректируемыми в процессе обучения и потенциально дающими возможность влиять на правомерность / неправомерность поведения индивида, являются правовые установки. Правовая

установка личности понимается как содержательно-динамический (поведенческий) компонент правосознания, выражающий предрасположенность и готовность личности к определенному правовому поведению. Сформировавшиеся правовые установки являются результатом правового воспитания и демонстрируют отношение человека к существующим правовым нормам.

В правовой психологии различаются правовые стереотипы и правовые установки. О. А. Безродная понимает правовые стереотипы как представление о некой правовой норме (хорошо – плохо, преступно – не преступно), тогда как, с точки О. А. Безродной, правовая установка – это осмысленное поведение в зависимости от этого представления [Безродная, 2011].

В свою очередь, М. В. Баранова и А. Р. Барахоева определяют правовой стереотип как «относительно стабильное представление о праве и правовых явлениях, основанное на сознательной и неосознанной части правосознания, а также опыте правового поведения, и проявляющееся в системе правовых предписаний и правовых установок» [Баранова, Барахоева, 2010, с 66]. При этом авторы отмечают, что правовая установка имеет более деятельностный характер, чем стереотип, и представляется как «социально-психологический механизм регуляции правового поведения общества, который действует благодаря объединению права и психики в одно целое» [там же]. Правовая установка предполагает осознание человеком нормы права (когнитивный элемент), отношение к этой норме, ее принятие / неприятие (эмоциональный элемент) и выстроенную в зависимости от этого программу поведения и решения, принимаемые в конкретной ситуации (поведенческий элемент).

Стереотип как представление о правовых явлениях влияет на систему правовых предписаний и правовых установок [там же]. Правовая установка представляется как элемент правосознания, который трансформируется в программу поведения, и далее эта программа реализуется в действиях индивида в правовой сфере. Правовые установки имеют субъективный характер и обязательны лишь для группы лиц, обеспечиваются внутренними убеждениями людей, имеют универсальный характер и сложный механизм реализации, а также представляют собой взаимодействие интеллектуальных, мотивационных, познавательных, психических и других элементов, которые

формируются в результате целенаправленного процесса для реализации в актуальной ситуации.

Согласно М. В. Барановой и А. Р. Барахоевой, правовая установка выполняет следующие функции: предопределяет реализацию того или иного правового поведения; является механизмом защиты от неблагоприятных последствий; структурирует правосознание; отражает уровень правовой культуры и устанавливает границы правовой свободы; сигнализирует о появлении в обществе неправых тенденций; с одной стороны, формирует представление о праве, с другой – унифицирует поведение людей в обществе [Баранова, Барахоева, 2010].

Правовые установки представителей юридической профессии находятся в прямой зависимости от их правовых убеждений, стереотипов применения норм и привычки соблюдения законности в профессиональной деятельности. Юристам присуще уважительное отношение к правовым нормам и осознание социальной ценности закона как регулятора общественных отношений, что предопределяет их готовность следовать требованиям законодательства и правовым принципам. А. С. Смирнов справедливо замечает, что носители профессионального правосознания «настолько погружены в правовую среду, настолько привыкли соотносить социальные реалии с правовыми ценностями и собственными правовыми идеалами, что при конфликте норм морального и правового сознания отдадут предпочтение последним» [Смирнов, 2004, с. 14].

Учитывая выше сказанное, представляется целесообразным заметить, что в процессе углубленного изучения иностранного юридического языка и правовой системы страны изучаемого языка обучающиеся подходят к нормам законодательства и судебной практике с позиций носителя иноязычной правовой культуры. Это позволяет им осознать логику иноязычной правовой нормы, принципы правоприменения, проникнуться «духом закона», сформировать свое отношение к данным нормам, оценить их с точки зрения «удачности / неудачности», извлечь позитивный правовой опыт на примерах правовой системы страны изучаемого языка. Более того, решение практических задач в ходе обучения иностранному языку способствует формированию правовой модели поведения, основанной на осознании правовой нормы и оценочном отношении к ней. Таким образом, со временем

наблюдается импортирование правовых стереотипов, свойственных представителям профессионального сообщества страны изучаемого языка, и интерференция соответствующих правовых установок.

Интерференция правовых установок и правовых стереотипов у студентов юридических специальностей (на материале опроса)

В целях выявления интерференции правовых стереотипов и правовых установок была проведена серия ассоциативных экспериментов с участием выпускников Московского государственного лингвистического университета, обучавшихся на юридических специальностях и углубленно изучавших иностранный юридический язык и правовые системы стран изучаемого языка. Всего в эксперименте приняли участие 100 человек.

На первом этапе студентам-юристам было предложено дать ассоциации к словам-стимулам на русском языке. Среди предложенных слов интерес представляли слова-стимулы *суд* и *жюри*.

Результаты эксперимента показали, что реакции респондентов на слово-стимул *суд* подразделялись на несколько категорий: по типу или характеру деятельности суда, по атрибутам судопроизводства, по участникам процесса, по функциональной нагрузке и по оценочным характеристикам, определявшим эффективность функционирования судов. Самой частотной оказалась реакция *Верховный*, что, как мы полагаем, может указывать на сформированное у студентов-юристов уважение к решениям Верховного Суда РФ и императив его решений. Ассоциации, предполагающие функциональную нагрузку, предложили 20 % респондентов, и среди них стоит выделить такие, как: *отправление правосудия* (7 %), *закон / право* (4 %), *приговор* (3%), *заседание* (2 %), *решение*, *процесс*, *иск*, *обвинение*, *наказание*, *разбирательство*, *развод*. С точки зрения эффективности функционирования судебной системы оценили 17 % респондентов – ими были выделены следующие характеристики: *справедливый* (6 %), *независимый*, *беспристрастный*, *гуманный* (2 %), *продажный*, *корруптированный*, *безнаказанность*, *несправедливый*, *длительный / задержки / очередь*.

Интересно отметить, что анализ реакций на слово-стимул *жюри* обнаружил примерно одинаковое число как правовых, так и

«неправовых» ассоциаций, при этом правовые реакции преобладали в процентном соотношении с минимальным преимуществом – 52%. Самой частотной оказалась реакция *присяжных* – 22%, однако также можно выделить такие реакции, как: *суды* (9%), *судьи* (3%) и *председатель* (3%). 31% респондентов связали *жюри* со спортивной сферой, телевизионными развлекательными программами и конкурсами.

На втором этапе спустя полгода этим же студентам был предложен список слов-стимулов на английском языке, также включавший лексемы *court* и *jury*. Анализ предложенных реакций выявил, что среди ассоциаций на английском языке доминировали ассоциации, относящиеся к английскому праву, например, название конкретных судов: *Crown, tribunal, magistrates*, или атрибуты судебной процедуры, исторически характерные для судебной системы Англии: *wigs*. «Неправовых» реакций на слово-стимул *jury* выявлено не было, напротив, наиболее частотными оказались реакции, относящиеся к составу жюри присяжных: *twelve, lay, people*, а также к месту проведения процедуры: *court, trial*, и ее характеру: *fair, justice, impartial, justification*.

С нашей точки зрения, представляется целесообразным отметить, что негативных реакций на английские слова-стимулы (в отличие от русских) предложено не было, что дает нам возможность говорить о потенциально благоприятном влиянии интерференции иноязычных правовых стереотипов при формировании восприятия правовой системы родной страны.

На третьем этапе студентам были заданы вопросы на английском языке, среди которых интерес для исследования представляли следующие:

- What branch of law shall speeding be regulated by? (Какая отрасль права должна регулировать превышение скорости?)
- What legal principle shall be underlying in the judicial decision-making? (Какой правовой принцип должен лежать в основе судебного решения?)
- What is the main criterion to assess a person's actions? (Что является основным критерием оценки действий человека?)

Данные вопросы были выделены в качестве ключевых в связи с тем, что, с нашей точки зрения, они позволяют вскрыть несовпадение реалий правовых систем и выявить вероятность интерференции

правовых установок. Так, например, превышение скорости в англо-американском праве регулируется нормами уголовного законодательства, поскольку, с точки зрения инофона, данное правонарушение является потенциально опасным для всего общества, что подпадает под предмет и цели уголовного права.

Ответы на первый вопрос *Какая отрасль права должна регулировать превышение скорости? (What branch of law shall speeding be regulated by?)*. показали, что более 50% респондентов придерживаются логики российского законодательства и относят данные вопросы к сфере регулирования административного права. Тем не менее 8 % респондентов, исходя из принципов англо-американской системы, ответили, что ответственность за данное правонарушение должна регулироваться нормами уголовного права. В основе несовпадения подходов к нарушениям подобного рода в отечественной и англосаксонской правовых системах лежат различия в социокультурном, политическом и историческом контекстах развития права, что отражается в менталитете носителей языка, особенностях их правосознания, правовой психологии и в конечном итоге их правовых установках. Мы полагаем, что в процессе освоения иноязычной правовой системы и ее концептуализации в сознании учащегося происходит «импортирование» правовых принципов и формирование иноязычных правовых стереотипов, что, в свою очередь, изменяет ракурс восприятия и логику правового мышления. Данное утверждение отчасти подтверждается добровольными разъяснениями, предложенными некоторыми респондентами. Пример такого разъяснения приведен ниже:

Give a one-word answer in English:¶

What branch of law shall speeding be regulated by?□

Criminal¶
 (Just to clarify, I do believe that we don't need administrative law, that's why speeding, depending on the circumstances and the outcome, shall be punishable according to criminal law by a fine, which is the smallest punishment, up to the imprisonment in case of manslaughter resulting from such negligent driving)□

В данном примере можно проследить все три компонента, присутствующие в правовой установке: волевой (правовая норма проанализирована, соотнесена с опытом другой правовой системы, сделаны выводы), эмоциональный (отрицание эффективности административного права для такого рода нарушений, крайне негативное отношение к самим нарушителям, призыв к более строгому наказанию) и поведенческий, выражающийся в соответствующем ответе на заданный вопрос и готовности отстаивать свою точку зрения. При этом когнитивно-оценочная составляющая правовой установки определенно находится под влиянием проанализированного западного опыта и выводов о более «правильном» подходе к данной правовой ситуации.

Ответы на второй вопрос *Какой правовой принцип должен лежать в основе судебного решения? (What legal principle shall be underlying in the judicial decision-making?)* обнаружили значительное разнообразие реакций, распределившись примерно в равном процентном соотношении. Среди них можно выделить следующие реакции: *fairness, impartiality, reasonableness, non-discrimination, justice, equality, equity, rule of law, proportionality, legality, judiciary independence*. В данном случае принципы, лежащие в основе судебных решений в континентальной, российской, и англосаксонской системах в целом совпадают, однако, с нашей точки зрения, стоит отметить реакции *reasonableness* и *equity*, представляющие собой базовые концепты англо-американского права.

Так, понятие «equity», которое восходит к латинскому термину «aequitas», предполагает не только справедливость в целом, но и возможность интерпретации закона с целью обеспечения равенства участников процесса. Данное понятие базируется на принципах естественного права, обеспечивающего справедливое решение в ситуации правоотношений, не регулируемой нормами действующего законодательства.

«Oxford Dictionary» дает следующее определение слову:

Equity **1.** [uncountable] (formal) a situation in which everyone is treated equally synonym fairness; **2.** [uncountable] (law, especially British English) a system of natural justice allowing a fair judgement in a situation which is not covered by the existing laws¹.

¹ URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

Дальнейший анализ понятия «equity» обнаруживает, что, в отличие от понятия «justice», «equity» воспринимается носителями языка не просто как «правильность» разрешения спора в соответствии с законом, а как возможность апелляции к высшей власти, и исторически связана с представлением о том, что монарх мог выйти за рамки действующих законов, если следование им привело бы к несправедливому решению в конкретной ситуации:

Equity concerned the process of appealing to higher principles of fairness when initial measures fell short. One could appeal to the king (or some stand-in) to make good on a case where the base application of law created some measure of injustice. This was important in the ancient world, where the decisions made at this level essentially set the tone and culture for society at large¹.

Более того, понятие «equity» для носителей языка предполагает «равенство» и «равноправие», тогда как «justice» приобретает значение беспристрастности при отправлении правосудия. Это можно проиллюстрировать следующим примером:

Both words have many shades of meaning. But in my view, “equity” is rooted in equality. A parent that adjudicates a dispute among her children by saying “share it equally” is enforcing equity, but not necessarily justice. I think justice is rooted in impartial administration of law²...

Заимствованное из римского права понятие «equity» в англо-американском праве приобрело культурно-специфические компоненты содержания и легло в основу целого ряда правовых институтов, что привело к формированию особых средств судебной защиты (*equitable remedies*) и отрасли права *Equity law*.

Таким образом, *equity* в англо-американской системе является специфическим культурно-правовым феноменом, и его упоминание в качестве ответа на вопрос позволяет говорить о сформированности у студентов-юристов правовых концептов и правовых стереотипов, свойственных правосознанию инофонов.

Дальнейшим подтверждением этому является частотность реакции *reasonableness* (30 %) в ответах на вопрос:

---

¹ URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-equity-and-justice>

² URL: <https://www.quora.com/What-is-the-difference-between-equity-and-justice>

What is the main criterion to assess a person's actions? (Что является основным критерием оценки действий человека?)

Принцип разумности является относительно новым для российского права, тогда как в правовой реальности англосаксонского права идея разумности напрямую связана с развитием правовой системы, когда споры решались на основании «разумного, мудрого подхода» к обстоятельствам дела, а также с развитием права справедливости, когда при рассмотрении дел доминировали здравый смысл, объективность и адекватность выносимого решения, а не опора на буквальную формулировку закона. Значение, заложенное в слове *reasonable* (*разумный*), обусловлено не столько буквой, сколько духом закона и отражает представление носителей языка о целях и принципах самой судебной системы.

Однако маркером интерференции правовых стереотипов и правовых установок мы считаем реакцию *reasonable man* (8% ответов респондентов) при ответе на вопрос:

What is the main criterion to assess a person's actions? (Что является основным критерием оценки действий человека?)

Данная доктрина является старейшей в англосаксонском праве и не имеет аналогов в российском законодательстве. В англоязычном правовом дискурсе *reasonable man* – это собирательный образ, обладающий набором релевантных для области права характеристик. Как отмечает Джон Гарднер, доктрина «здравомыслящего человека» является старейшей и применялась судьями в англосаксонском праве на протяжении веков, и хотя на данный момент в правовой системе по аналогии возник целый ряд активно использующихся стандартов, базовой для судей является доктрина *reasonable man*:

The reasonable person (once known as the 'reasonable man') is the *longest-established* of the select group of personalities who inhabit our legal village and are available to be called upon when a problem arises that needs to be solved objectively [Gardner, 2015, с. 563].

В англо-американском праве *reasonable man* представляет собой правовой стереотип: это среднестатистический гражданин, обладающий базовыми знаниями, навыками, разделяющий общепринятые принципы и взгляды, эмоционально стабильный и имеющий соответствующую «норме» память. Более того, для «разумного человека» релевантен

возраст: это не подросток и не старик – это совершеннолетний гражданин, чья возрастная зрелость предполагает зрелость поступков и суждений. Данный «образ» складывался в англо-американской системе на протяжении веков в процессе интерпретации множества правовых ситуаций и выделения наиболее существенных для правоприменителей характеристик. В данный момент стереотип *reasonable man* выступает в качестве ориентира для судей, позволяет соотносить поступки реальных людей с некой «идеальной» правовой моделью, а также, поскольку данный стереотип разделяется всеми или большинством представителей профессионального сообщества, он способствует унификации и единообразию суждений и выносимых решений, а следовательно, и реализации принципа равенства и справедливости.

С нашей точки зрения, учитывая, что критерии «разумности» в данный момент недостаточно разработаны в отечественной правовой системе, и интерпретация «разумного поведения» может временно быть достаточно субъективной, ориентация на положительный опыт англо-саксонской системы в этом случае могла бы способствовать дальнейшему развитию российского права и повышению эффективности судебной системы.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что обращение к правовому опыту страны изучаемого языка и опосредованное погружение обучающихся в иноязычные правовые реалии оказывают влияние на правовые стереотипы и правовые установки, сформировавшиеся на основе родного языка в процессе изучения правовой системы РФ. Интерференция правовых стереотипов и правовых установок страны изучаемого языка модифицирует профессиональное правосознание, и, как результат, в некоторой степени изменяет правовое поведение юриста. Сказанное выше позволяет предполагать, что правовые стереотипы и установки страны изучаемого языка могут обладать коррективным потенциалом в случае заимствования успешного правового опыта другой правовой системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. С. Правосознание в механизме правомерного поведения: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2004.

2. *Безродная О. А.* О соотношении правовых стереотипов и правовых установок в структуре психического правосознания // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2011. С. 27–29
3. *Баранова М. В., Барахоева А. Р.* Стереотипы правовых установок: понятие, структура, функции // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. Н.-Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2010. № 2 (13). С. 65–67
4. *Gardner J.* The many faces of the reasonable person. *Law Quarterly Review*, University of Oxford / Social Sciences Division // Faculty of Law. Sweet and Maxwell. Issue 131(Oct), 2015. С. 563–584.

REFERENCES

1. Smirnov, A. S. (2004). *Pravosoznanie v mehanizme pravomernogo povedenija* = Legal Consciousness in the Mechanism of Legal Conduct: abstract of PhD in Legal Studies. Moscow. (In Russ.).
2. *Bezrodnaja, O. A.* (2011). *O sootnoshenii pravovyh stereotipov i pravovyh ustanovok v strukture psihicheskogo pravosoznanija* = Revisiting Legal Stereotypes and Legal Mindsets in the Sstructure of the Psychic Legal Concsiousness. *Pravovye problemy ukreplenija rossijskoj gosudarstvennosti* (pp. 27–29). Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.).
3. *Baranova, M. V., Barahoeva, A. R.* (2010). *Stereotipy pravovyh ustanovok: ponjatie, struktura, funkcii* = Legal Stereotypes and Mindsets: Concept, Structure, Functions. *Juridicheskaja nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*, 2(13), 65–67
4. *Gardner, J.* (2015). The many faces of the reasonable person. *Law Quarterly Review*, University of Oxford. Social Sciences Division. Faculty of Law. Sweet and Maxwell, 131(Oct), 563–584.

Информация об авторах

Викулина М.А. – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Моисеенко Л.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Института международного права и правосудия ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет

Information about the authors

Vikulina M. A. – senior lecturer at the Department of linguistics and professional communication in law, the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Moiseenko L. V. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of linguistics and professional communication in law, the Institute of international law and justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_75

**ЯЗЫКОВАЯ ЭКОНОМИЯ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ:
МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

А. В. Вих^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Московский международный университет, Москва, Россия

vih.al@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается реализация во франкоязычном медиадискурсе принципа языковой экономии на морфологическом уровне. Анализируя спонтанную речь франкофонов, автор предпринимает попытку выделить нормативные случаи проявления экономии, а также примеры реализации языковой экономии, противоречащие норме и воспринимаемые как ошибочные. Особо подчеркивается, что ввиду частотности употребления последние нередко становятся частью узуса и вариантом нормы.

Ключевые слова: принцип экономии, языковая экономия, медиадискурс, морфологический аспект

Для цитирования: Вих А. В. Языковая экономия во франкоязычном медиадискурсе: морфологический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 75–86. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_75

Original article

**LANGUAGE ECONOMY IN FRENCH MEDIA DISCOURSE:
MORPHOLOGICAL ASPECT**

A. V. Vikh^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Moscow International University, Moscow, Russia

vih.al@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of cases of implementation of the principle of linguistic economy in French media discourse at the morphological level. Analyzing spontaneous speech of French-speaking people, the author makes an attempt to highlight normative cases of the implementation of economy, as well as examples of

the implementation of linguistic economy that contradict the norm and are perceived as erroneous. It is especially emphasized that due to the frequency of use, the latter often become part of everyday speaking and a variant of the norm.

Key words: principle of economy, language economy, media discourse, morphological aspect

For citation: Vikh, A. V. (2021). Language economy in French media discourse: morphological aspect. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 75–86. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_75

Введение

Впервые введенный в научную сферу американским лингвистом З. Харрисом во второй половине XX века термин «дискурс» [Harris, 1952], в настоящее время остается актуальным объектом исследований, отличаясь многообразием трактовок и подходов. В нашей работе мы придерживаемся одного из самых распространенных определений рассматриваемого термина, предложенного отечественным лингвистом Н. Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в понятийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с.136].

Медиадискурс – термин, образованный от выше рассматриваемого понятия «дискурс». Т. Г. Добросклонская дает следующее определение данному термину: «Медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2006, с. 21]. Данное определение позволяет сделать вывод о том, что медиадискурс представляет собой сложное, многогранное явление, при лингвистическом анализе которого, исследователю необходимо учитывать следующие параметры:

- 1) способ производства текста (одним человеком или группой людей);
- 2) форма создания (устная или письменная);
- 3) форма воспроизведения (устная или письменная);

- 4) канал распространения информации (печатная пресса, радио, телевидение, Интернет);
- 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама и др.);
- 6) тематическая доминанта [там же, 2006, с.25].

При отборе корпуса примеров мы руководствовались данной типологией, принимая во внимание вышеперечисленные параметры и оценивая их потенциальное влияние на реализацию принципа речевой экономии.

Исследование проводилось на примерах, взятых из современных франкоязычных ток-шоу, телепередач, телеигр, дебатов, распространяемых посредством телеканалов или Интернета, – «C'est mon choix», «Ça commence aujourd'hui», «Toute une histoire», «Ça se discute», «Balance ton poste», «Loris à la rue» и др. Такой выбор обусловлен:

- способом производства текста (наличием группы говорящих), что позволяет проанализировать речь большего количества людей, а также проследить, какое влияние диалогическая форма взаимодействия оказывает на реализацию принципа языковой экономии;
- спонтанностью речепроизводства, которая позволяет максимально воспроизвести ситуацию реального общения;
- ограниченностью эфирного времени, что вынуждает гостей прибегать к языковым структурам, позволяющим выразить большее количество информации в более сжатой языковой форме;
- наличие нескольких приглашенных гостей, в большинстве случаев, с противоположной точкой зрения, что также способствует реализации экономии: собеседники склонны перебивать друг друга, вынуждая оппонентов прибегать к более кратким языковым формам.

Реализация принципа языковой экономии на морфологическом уровне

Рассматривая феномен языковой экономии и анализируя средства ее реализации в устной спонтанной речи, мы придерживаемся широкой трактовки данного термина, сформулированного французским

лингвистом А. Мартине. Согласно А. Мартине, экономию следует понимать, как «синтез действующих сил», т. е. она находит свое выражение «как и в ликвидации бесполезных различий, так и в появлении новых различий, и в сохранении существующего положения» [Мартине 1960, с. 129–130]. Исходя из определения А. Мартине, можно сделать вывод, что для него *экономия* – это в первую очередь принцип организации и эволюции языковой системы, гармоничное и согласованное расположение и взаимодействие всех компонентов языкового единства, которое, с одной стороны, удовлетворяет потребности коммуникации, с другой – противится всякому излишеству. Такое широкое понимание термина не кажется удивительным, если обратиться к французскому толковому словарю, где первым значением термина «*économie*» выступает не экономия, бережливость в привычном русском понимании, а «*ensemble des activités humaines relatives à la production, à la distribution et à la consommation des richesses*», что в переводе на русский означает «человеческая деятельность, направленная на производство, потребление и распределение материальных богатств»¹.

Стоит также отметить, что А. Мартине разделяет экономию на парадигматическую и синтагматическую, экономию с точки зрения слушающего и говорящего. В данной работе мы проанализировали средства реализации синтагматической экономии в речи французов, т. е. экономии с точки зрения говорящего, его стремление к передаче нужного смысла при минимальных языковых усилиях. Именно такого понимания экономии как процесса сокращения плана выражения при сохранении плана содержания придерживается большинство современных ученых.

Одним из первых идею о том, что в практике речевой деятельности следует различать экономию не только языковую, но и умственную высказал Г. Фрей [Frei, 1929]. Согласно исследователю, существует два вида экономии: экономия на оси речи и экономия на оси памяти, где последняя является ментальной или разумной, и вызвана логической необходимостью говорить кратко. Данное замечание представляется особенно важным при анализе спонтанной речи, где задействованы оба вида речевой экономии, выделяемых автором.

Являясь универсальным принципом, оказывающим влияние на развитие и функционирование языковой системы, принцип экономии

---

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/%c3%a9conomie/27630>

находит свое выражение на всех ее уровнях, в том числе и на морфологическом.

Изучением экономии на морфологическом уровне занимался В. А. Богородицкий, в частности им была разработана теория морфологических процессов и выделены следующие случаи реализации экономии [Богородицкий, 1911]:

- 1) процесс опрощения – процесс, при котором слова со сложной основой становятся простыми, и в сознании людей перестают разлагаться на составные части;
- 2) процесс переразложения – процесс изменения морфемного состава слова, связанный с перемещением границ между морфемами;
- 3) дифференциация – приспособление морфологических разновидностей к новым смысловым различиям;
- 4) аналогия – процесс сглаживания морфологических различий, передающих одно смысловое значение;
- 5) народная этимология – придание заимствованному из другого языка слову морфологического состава родного языка.

Согласно В. А. Богородицкому, «все эти процессы, взаимно приспособляя языковые средства и значения в направлении удобства памяти и легкости мысли, являются таким образом мощными факторами прогресса умственно-речевой деятельности» [Богородицкий, 1911, с. 127].

Вопросам экономии на морфологическом уровне посвящены также работы современного лингвиста А. В. Величко [Величко, 2015]. В качестве примера влияния рассматриваемого принципа на морфологический строй русского языка лингвист приводит исчезновение некоторых сложных, не очень частотных морфологических форм (в частности категории двойственного числа, сохранившейся только в формах множественного числа существительных, обозначающих парные предметы, а также более редкое употребление деепричастий, оканчивающихся на *-ючи, -ючи*, например *сидючи, глядячи*) и закрепление в узусе некоторых форм родительного падежа множественно-го числа, ранее воспринимаемых, как ошибочные.

В нашем исследовании объектом анализа послужили типичные случаи реализации принципа языковой экономии в морфологическом аспекте во французском медиадискурсе. Интересно отметить, что

реализация принципа языковой экономии на данном уровне приводит к появлению разнонаправленных тенденций: в то время как некоторые из средств выражения языковой экономии переходят из разряда индивидуальных в общеупотребимые и более не воспринимаются, как ошибочные, значительная часть подобных явлений пока рассматривается как окказионализм и ненормативное, ошибочное употребление.

Рассмотрим основные средства реализации языковой экономии на морфологическом уровне.

Отсутствие согласования между существительным и прилагательным

Говорящий пренебрегает согласованием существительного женского рода и следующего за ним прилагательного. В данном случае мы можем говорить не только об экономии речевых, но и мыслительных усилий, затрачиваемых на речепроизводство, так как формы прилагательных женского и мужского рода во французском языке чаще не имеют серьезных различий и не воспринимаются, как смыслоразличительные.

- Le premier, elle était très surpris (*Toute une histoire: j'ai fait une mauvaise rencontre sur Internet, 17/01/2020*).

Приведенный выше пример такого употребления не является нормативным и свидетельствует скорее о языковой ошибке, совершенной говорящим по неосторожности или вследствие недостаточной грамотности.

- Oui, et pas que, des mots forts, des pensées forts, des souhaits forts (*Ça commence aujourd'hui: Enfant tyran, la famille en souffrance, 25/01/2021*).

В данном примере также можно проследить реализацию экономии мыслительных усилий говорящего, который, употребляя прилагательное *fort*, не задумывается о роде существительного, которое оно характеризует и, поскольку существительные мужского рода в представленном контексте количественно превосходят существительные женского рода, повторяемое прилагательное также стоит в форме мужского рода. Помимо этого, можно предположить, что такой выбор прилагательного выполняет стилистическую функцию, позволяя

сохранить ритмичность предложения. Правильная грамматическая форма прилагательного *fortes* могла бы нарушить целостность фразы, тем самым помешав говорящему произвести должный эффект на слушающих.

Посхожий феномен отсутствия необходимого согласования с женским родом наблюдается и в формах прошедшего времени *passé composé*, где причастие прошедшего времени должно быть согласовано с подлежащим, но, пытаясь вербализировать свою мысль в сжатые сроки, говорящий этим пренебрегает.

- Moi, je vous donne un essai où il y a eu quatre mille femmes enceintes inclus dans un protocole (*Touche pas à mon poste: Faut-il s'inquiéter que des personnes vaccinées se fassent infecter par le Covid?*, 22/08/2021).

Субстантивация

Переход прилагательного, предлога или причастия прошедшего времени в другую часть речи с присвоением артикля им несвойственного дает возможность говорящему более компактно выразить свою мысль, не прибегая к дополнительным языковым единицам.

- Vous avez pardonné? - Y a pas de pardonnés (*Ça commence aujourd'hui: Enfant tyran, la famille en souffrance*, 25/01/2021).
- Je pense qu'il y a un avant et un après (*Ça commence aujourd'hui: Enfant tyran, la famille en souffrance*, 25/01/2021).
- Je suis un sentimental (*Loris à la rue: Les Kebabs*, 11/02/2019).

Приведенные выше случаи реализации экономии в речи сложно рассматривать как ненормативные, или ошибочные, несмотря на то что примеры использования *après*, *pardonné*, *sentimental* в роли существительных отсутствуют в толковых словарях Larousse.fr : encyclopédie et dictionnaires gratuits en ligne¹ и Trésor de la Langue Française informatisé². Данные единицы прочно вошли в узус, о чем свидетельствуют многочисленные примеры их употребления.

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/apr%C3%A8s/4808>

² URL: <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?11;s=2623777620;r=1;nat=;sol=0>

Реализация экономии в системе глагольных форм

а) *Замена времени passé composé на imparfait*. Несмотря на то что за каждой временной формой закреплён определенный набор функций, анализ примеров позволил выделить примеры транспозиции временных форм.

- Pendant dix vous ne saviez pas (*Toute une histoire: Maladies invisibles, maladies mystérieuses, 28/01/2020*).
- Vous disiez pas il y a un instant que c'est spécifique à l'homme? (*Toute une histoire: Maladies invisibles, maladies mystérieuses, 28/01/2020*).

В приведенных примерах можно говорить о реализации экономии: несмотря на наличие предлогов *pendant* и *il y a*, сигнализирующих о законченности действия и употребляемых, как правило, с *passé composé*, говорящий отдаёт предпочтение синтетической форме незаконченного прошедшего времени *imparfait*.

В первом примере стоит также отметить экономию на синтаксическом уровне, которая реализуется с помощью эллипсиса существительного *ans* – *pendant dix ans*;

б) *Отсутствие subjunctif*. На примере эволюции наклонения *subjunctif* можно проследить, как исторически влияет принцип языковой экономии на развитие языка. Ранее употребляемые *subjunctif imparfait* и *subjunctif plus-que-parfait*, в настоящее время, практически никогда не встречаются в устной разговорной речи, так как

- их языковые формы отличаются своей сложностью;
- язык располагает формами *subjunctif présent* и *subjunctif passé composé*, способными выразить то же самое содержание практически без потери смысловых нюансов.

На современной ступени развития языка уже можно заметить отсутствие *subjunctif* в тех конструкциях, где, согласно языковой норме, он должен употребляться. По нашим наблюдениям это свидетельствует о невнимательности говорящего или же о его недостаточной грамотности.

- Est-ce que, bien que vous utilisez des produits qui sont à l'aloé vera et qui sont reconnus, en plus qui sont très très bien, est-ce que de temps en temps vous avez des problèmes d'odeur? (*C'est mon choix: Je ne me lave pas, 15/01/2016*).

- En dessous de 30 ans c'est pas vrai qu'il y a des morts (*Touche pas à mon poste: Faut-il s'inquiéter que des personnes vaccinées se fassent infecter par le Covid?, 22/08/2021*).

Несмотря на наличие в первом примере союза *bien que*, требующего после себя наклонения *subjonctif*, говорящий этим пренебрегает, что может свидетельствовать о реализации экономии не только речевых, но и мыслительных усилий.

Отсутствие грамматически правильной формы во втором примере может быть обусловлено спецификой безличного устойчивого оборота *il y a*, который хранится в памяти и воспроизводится в речи в уже готовом виде;

в) ***Présent historique***. Использование *présent historique* в речи имеет стилистический оттенок и позволяет говорящему «вернуться назад в прошлое, в своем воображении пережить события прошлого, представив их элементами настоящего в речи» [Mellet, 1980, с. 6].

Помимо придания экспрессивной окраски высказыванию, *présent historique* может служить целям реализации языковой экономии, как в приведенных ниже примерах.

- Le 11 novembre c'était pas le truc avec les avions qui se crashent sur une tour, là? (*Loris à la rue: Le Bac, 18/06/2019*).

Коммуникативная ситуация предполагает быстрые ответы на заданные вопросы, и употребление возвратного глагола настоящего времени вместо прошедшего позволяет говорящему значительно минимизировать языковые усилия и дать ответ быстрее остальных участников коммуникации.

- Elle m'a affirmé qu'elle m'avait vu toucher une fille, qui est en plus la femme de mon meilleur ami, devant mon meilleur ami et mes parents. Et donc, là je lui dis qu'il faut vraiment ... (*C'est mon choix: J'espionne mon conjoint, 10/02/2016*).

Начиная рассказ в прошедшем времени, говорящий дает понять окружающим, что описываемая ситуация имела место в прошлом, но затем переходит на использование форм настоящего времени, что позволяет ему

- более кратко и лаконично выразить свою мысль;

- создать иллюзию присутствия слушателей в данном моменте времени, так как план прошлого заменяется планом настоящего;

г) **Conditionnel passé.** Использование сослагательного наклонения прошедшего времени может рассматриваться как средство реализации принципа языковой экономии в значении передачи факта, новости, точки зрения, высказанной сторонним лицом, в подлинности которой имеются сомнения. Благодаря такому значению, *conditionnel passé* дает возможность говорящему выразить мысль и свое сомнение или несогласие с ней, не прибегая к дополнительным лексическим способам.

- Je suis beaucoup plus âgée que lui, et j'aurais dû trouver quelqu'un de mon âge et pas quelqu'un de plus jeune (*Ça se discute: L'amour est-il plus fort que l'interdit?*, 24/12/2018).

В приведенном примере речь идет о советах, которые давало говорящей девушке ее окружение и с которыми она не может согласиться. *Conditionnel passé* в данном случае позволяет в краткой форме, не прибегая к дополнительным языковым средствам, передать слова, высказанные сторонним лицом и выразить свое несогласие с ними.

Заключение

В заключение следует еще раз подчеркнуть влияние принципа языковой экономии на эволюцию языковой системы. Несмотря на то что некоторые случаи реализации рассматриваемого принципа, описанные выше, воспринимаются как ошибочные и противоречащие норме языка (в частности несоблюдение правил согласования прилагательного и существительного, отсутствие наклонения *subjonctif*), они не являются индивидуальными речевыми особенностями конкретного человека, но встречаются в дискурсе французов, представителей разных регионов и профессий, что позволяет нам говорить о некой тенденции к упрощению языковой системы.

Такое ошибочное употребление обусловлено, в частности, спецификой коммуникативной ситуации, в которой участники перебивают друг друга, выражая свое несогласие или желая перехватить инициативу. В сложных условиях постоянного недостатка времени говорящий

стремится максимально полно, но кратко выразить свою мысль, что приводит к появлению выделяемых нами тенденций.

Тем не менее наряду с речевыми ошибками, на морфологическом уровне были отмечены случаи реализации экономии, не противоречащие языковой норме. Так, *le présent historique*, *le conditionnel passé* и феномен субстантивации используются носителями языка с целью лаконичной передачи желаемой мысли минимальными лексическими средствами.

Таким образом, универсальность принципа языковой экономии и его влияние на узус свидетельствуют о необходимости продолжения исследований в данной области, как на морфологическом, так и на других языковых уровнях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Harris Z. S. Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 28, № 1. P. 1–30.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.
3. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Журналистика. 2006. Серия 10. № 2. С. 20–33.
4. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диахронической фонологии / пер. с фр. А. А. Зализняк. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
5. Frei H. La Grammaire des Fautes. Paris: Geuthner, 1929.
6. Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1911.
7. Величко А. В. Закон экономии как условие функционирования и развития языка // Мир русского слова. 2015. №2. С. 12–17.
8. Mellet S. Le présent «historique» ou «de narration», quelques remarques à propos de: César, Guerre de Gaules I. VII ; Charles de Gaulle, Mémoires de guerre // L'information grammaticale. 1980. № 4. P. 6–11.

REFERENCES

1. Harris, Z. S. (1952). Discourse Analysis. Language, 28(1), 1–30.
2. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs = Discourse. In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
3. Dobrosklonskaya, T. G. (2006). Mediadiskurs kak ob"ekt lingvistiki i mezhkul'turnoi kommunikatsii = Media discourse as an object of linguistics

- and intercultural communication. Vestnik of Moscow State University, 2, 20–33. (In Russ.)
4. Martine, A. (1960). Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh. Problemy diakhronicheskoi fonologii = The principle of economy in phonetic changes. Diachronic phonology problems. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoï literatury. (In Russ.)
  5. Frei, H. (1929). La Grammaire des Fautes. Paris: Geuthner.
  6. Bogoroditskij, V. A. (1911). Lektsii po obshemu yazykovedeniyu = Lectures on general linguistics. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russ.)
  7. Velichko, A. V. (2015). Zakon ehkonomii kak uslovie funktsionirovaniya i razvitiya yazyka = Law of economy as a condition of language functioning and development. Mir russkogo slova, 2, 12–17. (In Russ.)
  8. Mellet S. (1980). Le présent «historique» ou «de narration», quelques remarques à propos de: César, Guerre de Gaules I. VII ; Charles de Gaulle, Mémoires de guerre. L'information grammaticale, 4, 6–11.

Информация об авторе

Вих А. В. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета, преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета

Information about the author

Vikh A. V. – postgraduate student, Department of French Lexicology and Stylistics, Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University; Teacher, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_87

**ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ
ФРАНЦУЗСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ОДЕЖДЫ
(на материале женской одежды в средневековый период)**

А. А. Кальщикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anastasia_kalshchikova@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка построить категорию французских наименований женской одежды эпохи Средневековья на основании современных принципов категоризации. Также устанавливаются источники возникновения и формирования номинаций-членов категориальных уровней. В работе был использован историко-этимологический анализ, который показал, что латинский язык дал наибольшее число номинаций, при этом сохранились номинации франкского происхождения. Основными средствами номинации являются заимствования, словообразование и семантическая деривация.

Ключевые слова: категоризация, историко-этимологический анализ, средневековая женская одежда, категориальный уровень, номинация, мода

Для цитирования: Кальщикова А. А. Формирование категории французских наименований одежды (на материале женской одежды в средневековый период) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 87–97. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_87

Scientific article

**CATEGORY FORMATION OF FRENCH CLOTHES NAMES
(based on women's clothing in the Medieval period)**

A. A. Kalshchikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anastasia_kalshchikova@mail.ru

Abstract. The article seeks to build a cognitive category of French nominations for Medieval women's clothing based on modern categorization principles. It also determines the sources of member-nominations of categorical levels. The procedure was carried out by means of etymological analysis, which showed that the bulk of

nominations come from Latin, while nominations of Frankish origin are also extant. The main nomination means are borrowings, semantic derivation and word-formation.

Key words: categorization, historical and etymological analysis, medieval women's clothing, level of categorization, nomination, fashion

For citation: Kalshchikova, A. A. (2021). Category formation of French clothes names (based on women's clothing in the Medieval period). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 87–97. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_87

Введение

Цель статьи – сформировать категорию «женская средневековая одежда», установить ее внутреннюю структуру, основываясь на современном подходе к категоризации, а также установить источники возникновения ее членов.

Категория французских наименований одежды представляет собой объемное иерархическое образование, состоящее из лексических единиц, часть которых восходит к эпохе Средневековья. Именно в средневековый период очерчиваются границы между женской и мужской одеждой и начинает зарождаться мода.

Иерархическую структуру категории французских наименований одежды можно представить в виде трех уровней: суперординатного, базового и субординатного (см. табл. 1). Исследуемая категория характеризуется тем, что является многофокусной. Иными словами, ее уровни распадаются на множество подкатегорий, между которыми, как и между самими уровнями, есть разнообразные связи [Бондарчук 2011].

Анализ категориальных уровней французских наименований женской одежды

Категория *суперординатного* уровня строится на основе обобщающих неизменных свойств, характерных для целых классов объектов, в нашем случае – для класса «одежда». Суперординатный уровень современного французского языка объединяет в себе более двадцати родовых понятий, обозначающих одежду [Genouvrier, 1992]. Многие из них оформились или начали зарождаться в период Средневековья. Такая нехарактерная для суперординатного уровня лексическая

Таблица 1

Таксономия категории французских наименований средневековой одежды

Суперординатный уровень	Базовый уровень	Субординатный уровень
Vêtement (XI в.)	Chemise	Chemise Chainse
Habit (XII в.)	Corset	Corset Corsage
Tenue (XII в.)	Tunique	Tunique Dalmatique Peliçon Bliaud Cotte Cottehardie Surcot
Robe (XII в.)	Robe	Robe Souquenille
Garde-robe (XIII в.)	Manteau	Manteau Chastable Chape Cape Garde-corps
Toilette (XIV в.)		
Effets (XIV в.)		
Habillement (XIV–XVI вв.)	Coiffe	Coiffe Chapeau Couvre-chef Capuchon
Accoutrement (XVI в.)		

избыточность объясняется важностью, которую бытовая сфера представляет для общества. Бытовая сфера, включающая в себя наименования одежды, питания и жилища, является одной из самых первых сфер деятельности человека и продолжает играть важную роль в жизни общества, поэтому человек начал развивать понятие «одежда» с первых этапов цивилизации [Бондарчук, 2011]. Это подтверждается тем, что первые наименования появились во французском языке еще в XI веке, о чем свидетельствуют статьи этимологического словаря А. Доза [Dauzat, 1989].

Самой ранней родовой номинацией, обозначающей одежду, является *vêtement*, первое свидетельство которой датируется XI веком. Это слово восходит к латинскому *vestmentum*, не изменив первоначального значения «одежда».

От латинских глаголов *habere* (иметь) и *tenere* (держат) к XII веку образуются соответствующие французские номинации *habit* и *tenue*.

Длительный путь прошло наименование *garde-robe*, оформившееся в XIII веке. История этой номинации начинается с ее составляющей *garde*, от глагола *garder*, появившегося в конце X века в значении «смотреть». Затем в течение XI века его значение вернулось к оригинальному франкскому «следить» (*wardon*) и приобрело дополнительные значения «иметь, хранить». Именно в значении «хранить» сформировалась номинация *garde-robe*.

Примечательно, что словом *robe* во французском до XII века обозначался весь комплект одежды человека. Это связано с тем, что в старофранцузский оно пришло из германского *Rauba*, сохранив оригинальное значение «награбленное, пожива, добыча». Добычей могло быть что угодно, включая одежду: так, значение слова *robe* сузилось до «одежда, отобранная у врага». Отсюда происходит глагол *dérobber* – *похищать, красть*.

Со временем произошло сужение значения наименования *robe* до современного понимания платья как предмета дамского гардероба и одежды судьи или священника. Таким образом, в категориальной иерархии номинаций одежды Средневековья *robe* занимает суперординатный уровень как родовое понятие. Впоследствии сужение значения данной номинации привело к ее переходу на базовый и субординатный уровни.

В начале XIV века значение «одежда» приобретает номинация *ef-fets*, которая вошла во французский язык от латинского *effectus* (результат, эффект). В этот же период образуется номинация *toilette* как уменьшительно-ласкательная форма *toile* (ткань), произошедшая в XII веке от латинского *tela* (ткань). Этот случай можно считать примером пополнения категории путем словообразования.

К суперординатному уровню средневековой одежды также можно отнести наименование *habillement*. Несмотря на то, что значение «одежда» оно приобрело только по окончании эпохи Средневековья – к середине XVI века, оно образуется от глагола *habiller*, которое уже в XIV веке имело значение «снаряжать», «одевать».

Наконец, завершая средневековый период, в XVI веке от латинского глагола *acconsuturare* (приводить в порядок) образуется номинация *accoutrement*. Со временем нейтральная коннотация этого наименования сменилась на негативную, высмеивающую внешний вид одежды, и *accoutrement* стало обозначать «смешной, нелепый наряд».

Итак, на протяжении всего Средневековья категория одежды пополнялась номинациями разного происхождения, создавая обширный пласт родовых понятий. Это доказывает, насколько важную роль одежда играла в жизни человека еще с первых этапов его развития.

Базовый уровень связан с суперординатным гиперо-гипонимическими отношениями, где члены базового уровня выражают видовые понятия, а члены суперординатного уровня – родовые. На базовом уровне находятся номинации собственно предметов одежды, то есть общие наименования. Номинации данного уровня считаются базовыми с точки зрения их восприятия, функции и организации знания. Большая часть информации хранится именно на базовом уровне [Болдырев 2014].

Следует отметить, что базовый уровень является самым устойчивым и многие базовые наименования одежды существуют по сей день, сохранив свое основное значение. Несмотря на то, что в наше время сами означаемые предметы одежды отличаются по внешнему виду от средневековых, их функции и сущность сохранились, потому это не привело к изменению наименования [Попович 1984]. Самым ярким примером устойчивости служит базовая номинация *chemise*, которая по сей день обозначает нательную рубашку. Единственное значительное изменение, которая она претерпела, помимо внешнего

вида, это то, что она является самостоятельным предметом одежды, а не исподней одеждой.

Также обратим внимание на то, что базовый уровень не отличается лексической избыточностью. Это объясняется ограниченным выбором женской одежды в средневековую эпоху. До разделения одежды на женскую и мужскую люди обоих полов носили рубашку (*chemise, chainse*), поверх которой надевалась туника. Постепенно мужские туники укорачивались и появилась необходимость в появлении кальсон, в то время как женские туники практически не меняли своей длины, но меняли фасоны и украшающие элементы, тем самым образуя новые предметы одежды с новыми наименованиями [Boucher, 1987]. Таким образом, базовый уровень наименований женской средневековой одежды был ограничен рубашкой (нательная одежда), туникой или платьем и плащом (верхняя одежда). Также к базовому уровню относится головной убор, который можно определить как одежда, покрывающая голову.

Одежда базового уровня объединяется между собой по принципу фамильного сходства. Согласно Г. Г. Бондарчук, это объясняется тем, что, во-первых, все номинации одежды «номинации вещи, которые человек *носит*» [Бондарчук, 2011, с. 47]. Во-вторых, вещи «выполняют две основные функции: они защищают тело от негативного воздействия окружающей среды, а также выполняют эстетическую функцию» [там же]. Предметы одежды базового уровня отличаются между собой тем, что предметы одежды покрывают разные части тела. Так, рубашка покрывает верхнюю часть тела, туника покрывает тело от шеи до голени, а плащ может покрывать всё тело, включая голову.

Следует подчеркнуть, что *tunique* и *robe* – отдельные базовые подкатегории, несмотря на тот факт, что и туника, и платье покрывают одинаковую площадь тела и имеют похожий внешний вид. Отличие туники от платья заключается в крое: туника состоит из двух сшитых по бокам полотнищ, в то время как платье состоит из лифа и юбки [Boucher, 1987]. Следовательно, на внутреннее устройство базовой категории влияют не только части тела, которые покрывает тот или иной предмет одежды, но и покрой одежды.

Субординатный уровень быстро пополняется, поскольку одежда находится в постоянном развитии [Бондарчук, 2011]. Меняются формы, фасоны, материалы и украшающие элементы – всё это

способствует появлению новых наименований для новых предметов одежды. У одного базового предмета одежды могут существовать десятки подвидов с разными наименованиями, непрерывно пополняющих субординатный уровень. Основным фактором его пополнения – экстралингвистический.

В Средневековье на социальную структуру и быт населения в первую очередь влиял политический фактор, а именно территориальные завоевания, когда происходило взаимовлияние культур и языков. Например, еще во времена Римского завоевания Галлии известны случаи сосуществования двух наименований, обозначающих один предмет одежды. Известно, что римлянки носили сандалии, но в обиход также вошли галльские сандалии, которые приобрели название *galliscae* – от прилагательного *gallicus* (*галльский*). При этом оригинальное галльское наименование сосуществовало определенное время одновременно с латинским, пока народная латынь полностью не вытеснила галльский язык [Boucher, 1987].

Подобные случаи встречались и в эпоху франкского завоевания, когда местное население еще не полностью отказалось от римских туник и мантий, но постепенно гардероб пополнялся «варварскими» одедами из кожи и меха, а язык пополнился новыми наименованиями. В результате два слова разного происхождения могли обозначать один и тот же предмет одежды, либо два, но с очень незначительными отличиями в фасоне или материале. Так, слова вульгарной латыни сосуществовали с франкскими наименованиями [там же].

Начиная с X века можно говорить о появлении исконно французского стиля женской одежды, когда следы римской оккупации и влияния варварских завоеваний стерлись. «Это уже были не галло-римские, франкские или германские женщины, ... а француженки средневекового феодального общества»¹ [Challamel, 1881, с. 33].

В Средневековье начала зарождаться мода, которая вытесняла старые предметы одежды и заменяла их новыми. Также прослеживалось отношение к одежде как к показателю социального статуса и признаку дифференциации элиты и простого народа [Boucher, 1987].

Придворная знать, обладающая административными или военными функциями, объединялась вокруг суверена, формируя состоятельный средний класс. Вполне естественно, что состоятельные горожане

---

¹ Перевод наш. – А. К.

пытались подражать дворянам. Элегантность, которая до этого была прерогативой исключительно традиционно привилегированных слоев общества, теперь стала доступной для новых социальных категорий. Это в конечном итоге привело к тому, что аристократия потребовала и добилась в конце XIII века введения ограничений на ношение определенной одежды. Они надеялись таким образом использовать костюм для поддержания социальных различий, которым угрожал рост капитализма. Например, во Франции Консулы Монтобана (Consuls of Montauban) «запретили в 1274 и 1291 годах низшим слоям носить определенные меха, шелк и даже одежду пурпурного цвета»¹ [Boucher, 1987, с. 179].

Ввиду элитарного характера определенной одежды очевидно, что мода в полной мере существовала именно в высших слоях населения, представители которых были законодателями моды. Иногда одежда не просто выходила из моды, а полностью меняла свое назначение: некоторая повседневная одежда приобретала религиозный характер.

Рассмотрим явление моды на примере туники. Туникой называли любое платье без воротника, сшитое из двух полотнищ. В том виде, в котором она пришла от римлян (короткое прямое платье с широкими рукавами), ее носили и мужчины, и женщины поверх рубахи до конца V в. Затем она начала выходить из моды и стала одеждой епископа, сохранив первоначальную форму. То же случилось с далматикой (вид туники с длинными широкими рукавами до кистей) [Boucher, 1987; Dauzat, 1989].

На смену коротким свободным туникам пришли длинные обтягивающие туники под названием *bliaud*. Рукава блио облегли плечи, а на уровне локтей расширились, их длина стремилась к подолу. Иногда рукава могли достигать такой длины, что их приходилось завязывать в узлы, чтобы они не волочились по полу. Возможно, *bliaud* имеет германское происхождение: *bliault* – *ткань*.

Блио не единственный случай метонимии, когда предмет одежды именуется по материалу, из которого он производится. На случай холодов поверх блио женщины надевали *peliçon* – кожаная туника без рукавов с меховой подкладкой. *Peliçon* восходит к латинскому *pell-icius* – *кожаный*.

---

¹ Перевод наш. – А. К.

В конце XIII века место блио занимает котта (*cotte*) – длинная туника с обтягивающими рукавами до кистей. Котта происходит от франкского *kotta*, которое, в свою очередь, восходит к древнегерманскому *chozza* – пальто, накидка из грубой шерсти. Поверх котты надевалось сюрко (*surcot*) – более короткая туника с вырезом и без рукавов, из-под которой виднелась котта. Также путем словообразования формируется *cottehardie* – узкое до середины бедер платье, расширяющееся книзу. Котта оставалась незаменимым предметом гардероба женщины вплоть до эпохи Возрождения.

Итак, из рассмотренного примера видно, как внешние изменения базового элемента одежды приводили к появлению новых элементов и их номинациям.

Особый интерес представляет то, как члены одной подкатегории субординатного уровня могут способствовать расширению других подкатегорий. Например, *chape* – пальто с капюшоном, образованное в XI веке от латинского *sarra* (капюшон). Со временем капюшон отделился от пальто, став самостоятельным головным убором – *chapeau* (шляпа). В XII веке *chape* было заменено на *sape* с тем же значением. Можно было бы предположить, что *sarichon* (капюшон) происходит непосредственно от *sape*, как это произошло в предыдущем случае, но согласно этимологическому словарю, *sarichon* образуется лишь в XVI веке от итальянского слова *sarriccio* (колпак, капюшон). *Sarichon* является одной из первых номинаций, заимствованных из итальянского языка, свидетельствуя о начале эпохи Ренессанса и растущем влиянии Италии на моду [Dauzat, 1989].

Итак, большинство французских наименований одежды находится на субординатном уровне. Их число постоянно росло и продолжает увеличиваться, расширяя границы категории. Именно на субординатном уровне категоризации видна связь между развитием общества и эволюцией номинаций одежды.

Заключение

В заключение мы можем вывести основные характеристики категории французских наименований женской одежды Средневековья:

- большая часть современных родовых понятий суперординатного уровня сформировались в Средневековье (X–XIV вв.),

что обусловлено особой важностью, которую одежда представляет для человека;

- ввиду ограниченного выбора женской одежды в исследуемой эпохе базовый уровень характеризуется небольшим количеством номинаций, что объясняется тем, что одежда длительное время не имела разделения по полу;
- расширение словаря номинаций одежды происходило на субординатном уровне путем появления видовых названий родовых имен;
- основными средствами номинации являлись семантическая деривация, заимствования и словообразование;
- в позднее Средневековье одежда начинала приобретать семиотическую функцию, что свидетельствует о зарождении моды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Бондарчук Г. Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011
2. *Genouvrier E.* Nouveau dictionnaire des synonymes. Paris: Larousse, 1992.
3. *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris: Larousse, 1989.
4. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
5. *Попович Н. В.* Специфика номинации в сфере предметной лексики (на материале наименований одежды в современном французском языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
6. *Boucher F.* 20 000 years of fashion. The history of costume and personal adornment. New York: Harry N. Abrams, INC., Publishers, 1987.
7. *Challamel A.* Histoire de la mode en France la toilette des femmes depuis l'époque Gallo-Romaine jusqu'à nos jours. Paris: Hennuyer, 1881.

REFERENCES

1. Bondarchuk, G.G. (2011). Kognitivno-semioticheskiye osnovaniya razvitiya kategorii predmetnyh imen v anglijskom jazyke (na materiale anglijskih naimenovanij odezhdy) = (Cognitive-semiotic foundations for the development of the category of subject names in English (based on English names of clothing)): thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

2. Genouvrier, E. (1992). Nouveau dictionnaire des synonymes. Paris: Larousse.
3. Dauzat, A., Dubois, J., Mitterand, H. (1989). Nouveau dictionnaire étymologique et historique. Paris: Larousse.
4. Boldyrev, N. N. (2014). Kognitivnaja semantika. Vvedenije v kongitivnuju linvistiku: kurs lekcij = Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics. Tambov: Derzhavin State University. (In Russ.)
5. Popovich, N. V. (1984). Specifika nominacii v sfere predmetnoj lexiki (na materiale naimenovaniy odezhdy v sovremennom francuzskom jazyke) = The specifics of nomination in the field of subject vocabulary (based on the names of clothes in modern French: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
6. Boucher, F. (1987). 20 0000 years of fashion. The history of costume and personal adornment. New York: Harry N. Abrams, INC., Publishers.
7. Challamel, A. (1881). Histoire de la mode en France la toilette des femmes depuis l'époque Gallo-Romaine jusqu'à nos jours. Paris: Hennuyer.

Информация об авторе

Кальщикова А. А. – аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kalshchikova A. A. – PhD Student of the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language, Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.11

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_98

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ

И. А. Краева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
rectorat@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные со способностью английских относительных прилагательных переходить в разряд качественных прилагательных и передавать имплицитные смыслы в высказывании. Особое внимание уделяется прилагательным, обозначающим национальность (например, *English*, *British*) и терминам, обозначающим соответствующие лингвокультурные концепты – *Englishness* (английскость, английская идентичность) и *Britishness* (британство, британская идентичность).

Ключевые слова: градуальность, когнитивная лингвистика, части речи, прототипическая категория, степень проявления признака, относительные прилагательные.

Для цитирования: Краева И. А. Использование английских относительных прилагательных для выражения градуальности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 98–112. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_98

Original article

USING ENGLISH RELATIVE ADJECTIVES TO EXPRESS GRADUALITY

I. A. Kraeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
rectorat@linguanet.ru

Abstract. The article deals with the issues related to the ability of English relative adjectives to pass into the category of qualitative adjectives and convey implicit meanings in an utterance. Particular attention is paid to adjectives denoting nationality (such as *English*, *British*) and terms denoting the corresponding linguistic and cultural concepts – *Englishness* (English identity) and *Britishness* (British identity).

Key words: graduality, cognitive linguistics, parts of speech, a prototypical category, degree of feature manifestation, relative adjectives

For citation: Kraeva, I. A. (2021). Using English relative adjectives to express graduality. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 98–112. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_98

Введение

Понятие имплицитности изучается в лингвистике в течение долгого времени, особенно актуальным оно всегда было для стилистических исследований.

В теоретической литературе имплицитность трактуется по-разному в зависимости от того, что, по мнению исследователя, лежит в ее основе и на каком языковом уровне она проявляется. В наиболее общем плане под имплицитностью в речи понимают наличие скрытого смысла высказывания, который выводится участниками коммуникативного акта из эксплицитно выраженной информации с привлечением фоновых знаний.

Исследуя семантику и функционирование английских прилагательных, в частности относительных прилагательных, употребляемых в качественных значениях, мы уделяем особое внимание изучению их способности передавать имплицитные смыслы в высказывании, т. е. выступать в качестве средств выражения имплицитности.

Новые концепции частей речи в когнитивной лингвистике

Когнитивный подход позволил создать новую концепцию частей речи, которая строится на постулате о том, что синтаксические и дискурсивные функции отдельных частей речи не просто коррелированы с их лексическими значениями, но в прототипических случаях создания и использования слов согласованы друг с другом. В рамках когнитивной парадигмы частеречная категория выступает как естественная, прототипическая и, следовательно, кластерная, совмещающая разнотипные признаки единиц множества и сводящая их в единый гештальт [Кубрякова, 1997, с. 231]. Е. С. Кубрякова отмечает: «Идя от понимания каждой части речи как прототипической категории, характеризующейся определенным *кластером* или *пучком признаков*, мы можем довольно четко определить, какой набор признаков типичен для существительного в отличие от глагола, а какой кодируется в языках

мира прилагательными в отличие и от существительных, и от глаголов» [Кубрякова, 1997, с. 226].

Данную точку зрения разделяет Н. Н. Болдырев, который подчеркивает, что категориальная принадлежность в данном случае определяется не жестким набором характерных признаков, обязательных для всех членов данной категории, а наличием лишь нескольких или даже одного из них. Таким образом, в рамках когнитивного подхода категория прилагательных предстает как категория прототипического вида, в которой объединены качественные и относительные прилагательные. Но, поскольку члены данной категории проявляют разную степень типичных признаков, в центре категории располагаются качественные прилагательные, а на периферии – относительные, которые являются как бы непрототипическими членами категории прилагательных [Болдырев, 2000, с. 28].

В этой связи нельзя не согласиться с мнением С. А. Виноградовой, которая полагает, что возможность перехода имен прилагательных из одного лексико-грамматического класса в другой подтверждает *единство* категории качества и что «две рассматриваемые подкатегории качества (абсолютной и относительной) представляют собой открытые, динамичные системы, способные к взаимопроникновению» [Виноградова, 2013, с. 521]. Когнитивный подход позволяет рассматривать процесс перехода относительных прилагательных в качественные как проявление модусной (интерпретирующей) перекаатегоризации.

Говоря о типичных признаках прилагательных, которыми в полной мере обладают качественные прилагательные, называют в первую очередь их способность образовывать степени сравнения и сочетаться с наречиями степени типа *very* (*очень*), *too* (*слишком*), *enough* или *quite* (*достаточно*), *pretty* или *rather* (*довольно*) и др.

На наш взгляд, можно сформулировать прототипические свойства прилагательных через призму *категории градуальности*: поскольку прототипические прилагательные обозначают признак, который может проявляться в большей или меньшей степени, они имеют градуируемые значения; в английском языке прототипические прилагательные выражают градуальность прежде всего *эксплицитно* – при помощи степеней сравнения качественных прилагательных и словосочетаний с наречиями степени.

Идея о том, что относительные прилагательные в разных языках могут развивать производные значения, в которых они начинают выступать как качественные прилагательные, не нова. По нашему мнению, данную мысль прекрасно выразил еще двадцать лет назад Ю. Д. Апресян: «... граница между этими двумя классами [качественными и относительными прилагательными] нежесткая, так что степень «качественности» (или «относительности») произвольного прилагательного можно измерить числом свойств прототипических качественных прилагательных, которые у него есть» [Апресян, 2000, с. XXVII].

Возможность перехода относительных прилагательных в разряд качественных

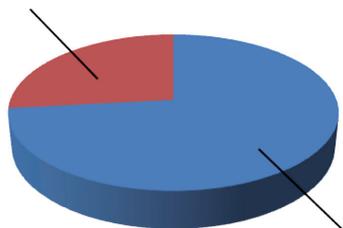
В настоящее время ученые также отмечают, что относительные прилагательные могут развивать качественные значения и, таким образом, переходить в разряд качественных прилагательных. Более того, исследователи полагают, что употребление относительных прилагательных в качественном значении в русском языке является продуктивным процессом и что большинство английских относительных прилагательных также способно к переходу в качественные.

В ходе нашего исследования (результаты которого частично изложены в нашей монографии), изучая семантику и функционирование английских прилагательных в плане их способности выражать градуальность (эксплицитно и имплицитно), мы уделяли внимание не только качественным, но и относительным прилагательным, употребляемым в качественных значениях, и обращали внимание на тот факт, что в категории современных английских прилагательных продолжается процесс модусной перекатегоризации, в частности, около 26 % наиболее часто употребляемых относительных прилагательных имеют качественные значения, зафиксированные в словарях [Краева, 2021].

Данные о соотношении английских частотных прилагательных, имеющих и не имеющих качественных значений, представлены на диаграмме (см. рис. 1).

К таким прилагательным относятся, например: *advanced, absent, adult, alien, anonymous, academic, atmospheric, criminal, concrete, diplomatic, developed, educational, forthcoming, gross* и др.

Относительные прилагательные,
имеющие качественные значения
26,7 %

Относительные прилагательные,
не имеющие качественных значений
73,3 %

Рис. 1. Соотношение английских частотных относительных прилагательных, имеющих / не имеющих качественных значений

Приведем один из многочисленных возможных примеров. Посмотрим, как представлены значения частотного относительного прилагательного *academic* в словаре издательства «Macmillan»:

academic *adj* ***

- 1 [usually before noun] relating to education, especially education in colleges and universities: *The book brings together several academic disciplines.*
- 2 good at learning things by studying: *She's certainly bright, but she's not very academic.*
- 3 not relating to a real situation, therefore not relevant: *Given the lack of funding, any discussion of future plans was somewhat academic* [MED 2012, с. 7].

В первом значении данное прилагательное обозначает понятия, относящиеся к сфере образования, особенно, как отмечается в дефиниции, образования в колледжах и университетах. В примере дано словосочетание *academic disciplines* (*академические дисциплины*). Но зафиксированные второе и третье значения – уже качественные. Во втором значении – это способность человека хорошо усваивать знания в процессе обучения: *good at learning things by studying*. В третьем значении обозначается признак чего-то, не относящегося к реальной ситуации, и поэтому не являющегося в данном случае важным: *not relating to a real situation, therefore not relevant*.

Обращает на себя внимание то, при помощи каких примеров иллюстрируются указанные качественные значения прилагательного *academic*. В обоих примерах прилагательное *academic* употреблено с наречиями степени: ... *she's not very academic*. ... *any discussion of future plans was somewhat academic*. Это еще раз подчеркивает то, что данные значения – качественные.

В русле обсуждения имплицитности более интересны, на наш взгляд, случаи, когда качественное значение относительного прилагательного не фиксируется словарями, не имеет четкого лексикографического описания. Обычно лишь указывается, к какой сфере прилагательное имеет отношение. Однако типологические *примеры употребления* прилагательного в таком новом значении в лексикографических источниках приводятся, что не удивительно.

Сложность изучения относительных прилагательных заключается и в том, что они, как правило, не имеют четкого лексикографического описания. Обычно лишь указывается, к какой области прилагательное имеет отношение. Исследуя относительные прилагательные, ученые не раз отмечали их «неясную представленность в словаре», когда значения прилагательных описываются при помощи фраз «of...», «related to...», т. е. «относящийся к...» Это, на наш взгляд, и дает возможность подвести под такие определения и новые качественные значения относительного прилагательного.

В этом плане особенность процесса вербализации концепта «градуальность» заключается в том, что в разряд качественных прилагательных, т. е. в зону градуальности, начали входить относительные прилагательные, изначально обозначающие национальную или географическую принадлежность (British, French и др.).

Формируемые у данных прилагательных качественные значения для описания таких абстрактных концептов, как «быть настоящим британцем / французом» (to be British / French), сложно кратко описать языковыми средствами. Н. Н. Болдырев отмечает в этой связи: «Отдельные концепты могут быть переданы только с помощью целого текста или ряда произведений одного или нескольких авторов, например, концепты: «русский характер», «русская душа» или «английский юмор», «чувство собственного достоинства» и т. д. Концепты такого рода обычно трудно выразить одним предложением или в виде простого определения. Они требуют осмысления большого количества

ситуаций, отражающих определенные, взаимосвязанные аспекты названных концептов» [Болдырев, 2000, с. 28].

В качестве примера описания подобных сложных концептов в русском языке можно привести исследование профессора Уральского федерального университета И. Т. Вепревой, в котором ученый в ходе анализа устойчивого сочетания *уральский характер*, вербализующего одноименный концепт, рассматривает качественно-оценочные аспекты семантики относительного прилагательного *уральский*.

Отмечая существование в общественном сознании носителя языка стереотипного представления о человеке из провинции (*простота, провинциальность, отсутствие светского лоска*), автор, анализируя контекстуальные употребления словосочетания *уральский характер*, пришла к выводу, что в высказываниях имеют место оценочные приращения, отражающие суть концепта «уральский характер. Это позволило И. Т. Вепревой выявить особые черты человека с уральским характером – «уральцу свойственны упорство, настойчивость, основательность, трудолюбие, упрямство, справедливость, душевность» [Вепрева, 2018, с. 13].

Кроме того, исследователь отметила интересную особенность текстов, в которых встречается устойчивое словосочетание *уральский характер* в качественном значении – для них «типичной является развернутая рефлексия носителя языка, который размышляет над сущностью абстрактного понятия» [Вепрева, 2018, с. 13]. При этом рефлексивное осмысление содержания концепта «уральский характер» идет по нескольким направлениям, в том числе в плане поиска истоков особого типа характера и объяснения условий, при которых формируется особый характер.

Что касается английских относительных прилагательных, обозначающих национальную принадлежность, то такие прилагательные по-прежнему не имеют степеней сравнения, у них нет синонимов и антонимов, и в этом плане они не поддаются шкалированию как механизму, обеспечивающему горизонтальное смысловое членение, поскольку невозможно градуировать те сложные смыслы, которые эти прилагательные передают. Представляется, что в данном случае сравнение идет с неким сложным *эталон* как нормой для данного вида объектов.

В качестве примера приведем прилагательное *British*:

British *adj*

- 1 someone who is British comes from the UK
- 2 relating to the UK, or its people or culture: *the British weather* ♦ *a very British sense of humour*
- 3 **the British** the people of the UK [MED, 2012, с. 179].

Как мы видим, второе значение данного прилагательного трактуется очень широко: *relating to the UK, or its people or culture* (относящийся к Великобритании, ее людям или культуре). А в качестве типологических примеров дается и словосочетание *the British weather* (погода в Англии), в котором прилагательное *British* употребляется как относительное, и словосочетание *a very British sense of humour* (типично английское чувство юмора), где прилагательное имеет качественное значение и употребляется с наречием степени *very*.

Иногда в словаре качественное значение относительного прилагательного регистрируется, но как подзначение, и из приводимых в словаре примеров становится очевидным, что речь вновь идет о высокой степени признака. Например, в словаре Collins Cobuild English Language Dictionary первое значение прилагательного **British** представлено следующим образом:

British *adj*

1. Someone or something that is British. 1.1. belongs or related to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, or its people or languages. E. g. ... *British citizenship* ... *my British friends*. 1.2. has characteristics that are considered to be typical of someone or something that comes from the United Kingdom. E. g. *Vita at that age was British through and through* [CCELD, 1988, с. 174].

Как видно из дефиниции, первое значение прилагательного дается очень широко (*Someone or something that is British / Кто-то или что-то, относящееся к Великобритании*), но далее в двух подпунктах оно несколько уточняется. В частности в пункте 1.2. описывается качественное значение рассматриваемого прилагательного:

...has characteristics that are considered to be typical of someone or something that comes from the United Kingdom / имеет черты, типичные для кого-то или чего-то, происходящего из Великобритании.

В качестве примера приводится предложение «*Vita at that age was British through and through / Вита в том возрасте была типичной англичанкой*», в котором при помощи употребления устойчивого выражения *to be smth through and through* (иметь все качества человека, принадлежащего к определенной группе) фиксируется высокая степень проявления признака.

Для того чтобы выявить имплицативные смыслы, передаваемые подобными прилагательными, необходимо иметь *фоновые знания*.

Хочется особо выделить важность фоновых знаний для межкультурной коммуникации. Как известно, нельзя хорошо изучить иностранный язык, не зная культуры народа, который на нем говорит. Поэтому изучающие английский язык обязательно должны иметь некое представление о том, что значит, например, «быть британцем».

Не случайно в настоящее время в ходе преподавания английского языка обязательно используют лингвострановедческие учебные пособия, а также сборники статей и извлечений из работ об английском языке и культуре, которые раскрывают особенности национального характера англичан, специфику их взглядов на жизнь, определенные черты их менталитета.

В конце XX века в политологию и академическую сферу в целом для обозначения соответствующих лингвокультурных концептов вошли термины *Englishness* (английскость, английская идентичность) и *Britishness* (британство, британская идентичность), которые в ряде случаев отождествляются, хотя, как известно, население Великобритании не является однородным. В большинстве специальных и энциклопедических словарей определения данных терминов отсутствуют. Одним из исключений в этом плане является словарь «*Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus*», который определяет *Britishness* как «*the fact of being British, or qualities that are considered typical of British people / состояние быть британцем, или качества, которые считаются типичными для британцев*»¹.

Можно также привести определение «английскости / английской идентичности», данное известным английским писателем, драматургом и сценаристом Джоном Бойнтоном Пристли (John Boynton Priestley): «...*Englishness by which I mean the unique cast and habit*

---

¹ URL: dictionary.cambridge.org/dictionary

of mind .../ Английскость, под которой я подразумеваю уникальный склад и привычки ума» [Priestley, 1975, с. 53].

Кроме того, некоторые научные публикации содержат рассуждения о содержательном наполнении концепта *Britishness*. Приведем одно из них: «Концепт *Britishness* может рассматриваться в качестве систематизирующей доминанты в шкале британских культурных ценностей, определяющей не только и не столько принадлежность к британской нации как территориально, политически и экономически объединенной группе людей, а как нации, имеющей общую историю, культуру, обычаи, традиции, черты характера, язык и общее языковое сознание, как свойство, присущее британцу как личности, впитавшей в себя и реализующей на протяжении всей жизни весь комплекс указанных характеристик» [Костина Н., Костина Д., 2013, с. 36].

Справедливо полагают, что в современном британском обществе концепт *Britishness* является ключевым элементом в системе британских ценностей. По мнению авторов вышеупомянутой работы, «В систему наиболее типичных характеристик британского менталитета входят индивидуализм, эгоцентризм, своеобразие, снобизм, *privacy*, стремление к изолированности и др.» [там же].

К данному списку можно, на наш взгляд, добавить и некоторые другие традиционные английские ценности из разных сфер жизни, например:

- **любовь к своему дому.** Все знают пословицу: *An Englishman's home is his castle / Дом англичанина – его крепость*;
- **любовь к садоводству.** Как пишет британский литературовед, профессор Лондонского университета Доналд Рейфилд: «Иностранцев в Англии всегда поражает английская страсть к садоводству. <...> Всю свою эстетику, свой внутренний мир англичанин (и еще чаще англичанка) черпает из сада. <...> Садоводство – это единственное сохранившееся народное искусство [в Англии]» [Рейфилд, 1994, с. 227].
- **пристрастие к английской кухне.** Как справедливо констатировал великий острослов Бернард Шоу: «Нет любви более искренней, чем любовь к еде». Бытует мнение, что далекая от изысканной британская кухня сыграла с англичанами злую шутку: за всей нацией закрепился стереотип людей, невзыскательных к вкусу или внешнему виду того, что лежит перед

ними на тарелке, и в еде ценящих, прежде всего, сытность и традиционность приготовления.

- **любовь к морю.** Тот же Доналд Рейфилд отмечает: «Англичане – островитяне, и на нашем острове нельзя находиться от моря дальше, чем на сто километров. Морская вода течет у нас в крови; англичане до того любят море, что первыми затеяли кругосветное плавание» [Рейфилд, 1994, с. 227].

К традиционным ценностям английского общества можно также отнести, по нашему мнению, иронию и сарказм, приверженность идее сохранения монархии и др.

Хотя английское общество, как и любое другое, со временем меняется, и эти изменения происходят буквально на глазах одного поколения, указанные традиционные ценности все же остаются прежними. И это делает англичан другими, отличными в том числе и от остальных европейцев. Как писал Джон Бойнтон Пристли (перевод наш. – *И. К.*):

We can put it another way, keeping clear of depth psychology, and declare that the English depend more upon instinct and intuition than other West Europeans do. They are not unreasonable, but they are hardly ever strictly rational, and almost always they suspect the closed-in creations of pure rationality: they prefer the open-ended. It is essentially English not to allow the intellect to go its own way and decide everything: it must submit to some shaping and colouring by the instinctive and the intuitive. All this does not make them better or worse than other Europeans, but, as so many foreign observers have testified, it does make them different. – Мы можем сформулировать это по-другому, держась подальше от глубинной психологии, и заявить, что англичане больше зависят от инстинкта и интуиции, чем другие западные европейцы. Их нельзя назвать неразумными, но они вряд ли когда-либо строго рациональны, и они почти всегда с подозрением относятся к завершенным творениям чистой рациональности: они предпочитают открытые. По сути, это чисто по-английски – не позволять интеллекту идти своим путем и решать всё: он должен подчиняться какой-то форме и окраске инстинктивным и интуитивным. Всё это не делает их лучше или хуже других европейцев, но, как отмечали многие иностранные наблюдатели, это действительно делает их иными [Priestley, 1975, с. 54].

Представляется, что кроме фоновых знаний выявление имплицитных смыслов, передаваемых в высказываниях относительными

прилагательными типа *British*, требует от адресата дополнительных интерпретативных усилий, особенно если в тексте нет на этот счет никакой дополнительной эксплицитно выраженной информации.

Например, когда в литературе описывается светская вечеринка, на которой героиня заметила среди гостей своего знакомого и отметила про себя, что он выглядел, как *типичный англичанин* (*very British looking*) (Fentom 1990, с. 404), интерпретатор текста должен иметь достаточные фоновые знания, чтобы понять, что имеется в виду, т. е. как выглядит типичный англичанин.

Более легкими для восприятия являются случаи, когда выявить имплицитивный смысл реципиент должен не полностью самостоятельно, а ему помогает в этом контекст, другими словами, употребление относительного прилагательного в новом качественном значении становится очевидным из *контекстного* употребления.

Приведем в качестве примера отрывок из романа Джулии Фэнтон «Великосветский прием» (Fentom, Julia. «Black Tie Only». Переводчик: Петрова Е. Н.). В тексте описывается, как главная героиня романа Александра – жена американского миллиардера – была приглашена на чаепитие к королеве Великобритании Елизавете II. Отрывок начинается с предложения *The food itself was very British* (*Угощение оказалось типично английским*), где рассматриваемое прилагательное явно употребляется в качественном значении. Далее идет очень детальное описание как поданных блюд, так и самой церемонии чаепития, что, несомненно, помогает читателю раскрыть смысл словосочетания *very British*:

The food itself was very British. Thinly cut brown bread accompanied by butter in earthenware pots, and Cooper's jam. Various pâtés and fish pastes, to be spread on bread. Sandwiches made of thinly sliced white bread with the crusts cut off, filled with diced cheese and tomato, or cucumber. There was a jam-and-cream sponge cake, a chocolate cake, and little filled pastry boats with icing piped down the center. Brandynaps and chocolate finger biscuits. Tiny, warm scones kept hot in a linen napkin, with thick, clotted cream and fresh strawberry preserves.

Угощение оказалось типично английским. Тонко нарезанный ржаной хлеб, а к нему масло в глиняных горшочках, разнообразные джемы, мясной и рыбный паштет. Сэндвичи с сыром из ломтиков белого хлеба с обрезанными корочками, украшенные кружочками огурца или

помидора. Бисквит со сливками и вареньем, шоколадный торт, птифуры с кремом и глазурью. Плоские коврижки и шоколадные палочки. Теплые пончики, накрытые льняной салфеткой, а рядом с ними розетки с густыми сливками и свежей протертой земляникой (Fentom, 1990, с. 68; Фэнтон, 1994, с. 71).

Все вышесказанное позволяет сделать общий вывод о том, что понятие имплицитности, ее типы, средства передачи «глубинных» смыслов в языке и речи, несомненно, требуют дальнейшего изучения на материале разных языков.

В плане современного английского языка, результаты исследования свидетельствуют о том, что в категории прилагательных продолжается процесс модусной (интерпретирующей) перекатегоризации. В частности, относительные прилагательные все чаще используются в качественном значении. По ряду причин данный процесс обладает своими специфическими чертами, и необходимо его дальнейшее детальное исследование с привлечением всех возможных источников (лексикографических, текстовых, дискурсивных и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997.
2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Издательство Тамбовского ун-та, 2000.
3. *Виноградова С. А.* Когнитивные основания частеречной теории (категориальная принадлежность относительных прилагательных) // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIV. С. 516–522.
4. *Апресян Ю. Д.* Лексическая терминология словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. V–XLVI.
5. *Краева И. И.* Развитие категории «градуальность» в английском языке: монография. М.: Триумф, 2021. 166 с.
6. *MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition.* Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2012.
7. *Вепрева И. Т.* Уральский характер: об употреблении относительного прилагательного в качественном значении // Взаимодействие лексики и грамматики. Тезисы докладов международной конференции. Двенадцатые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2018 г.) / отв. ред. Л. П. Крысин. С. 13–14. URL: www.ruslang.ru/doc/shmelevskije12-tezisy.pdf

8. Collins Cobuild English Language Dictionary. Birmingham: Collins Publishers, 1988.
9. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus. URL: dictionary.cambridge.org/dictionary
10. *Priestley J. B.* The English. Penguin Books. Harmondsworth, 1975.
11. *Костина Н. И., Костина Д. М.* Языковая специфика выражения концептов Englishness и Britishness в современном британском медиадискурсе // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170). Выпуск 20. С. 35–40. URL: <http://www.scribd.com/doc/46669236/ENGLISHNESS-VS-BRITISHNESS>
12. *Рейфилд Д.* Заметки об Англии // Иностранная литература. 1994. № 6. С. 222–236.

REFERENCES

1. Kubryakova, Ye. S. (1997). Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya = Parts of speech from the cognitive point of view. Moscow: IYA RAN. (In Russ.)
2. Boldyrev, N. N. (2000). Kognitivnaya semantika: Kurs leksiy po angliyskoy filologii = Cognitive semantics: Course of lectures in English Philology. Tambov: Izd-vo Tambovskogo un-ta. (In Russ.)
3. Vinogradova, S. A. (2013). Kognitivnyye osnovaniya chasterechnoy teorii (kategorial'naya prinadlezhnost' otnositel'nykh prilagatel'nykh) = Cognitive foundations of the theory of parts of speech (categorical affiliation of relative adjectives). Kognitivnye issledovaniya yazyka, XIV, 516–522. (In Russ.)
4. Apresyan, Yu. D. (2000). Leksicheskaya terminologiya slovary = Lexical terminology of the dictionary. In Apresyana, Yu. D. (Ed.), Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka (pp. V–XLVI). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russ.)
5. Kraeva, I. I. (2021). Razvitiye kategorii «gradual'nost'» v angliyskom yazyke = The development of the category “graduality” in the English language: monograph. Moscow: Triumph Publishing House. (In Russ.)
6. MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners (2012). Second edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd.
7. Vepreva, I. T. (2018). Ural'skiy kharakter: ob upotreblenii otnositel'nogo prilagatel'nogo v kachestvennom znachenii = Ural character: on the use of a relative adjective in a qualitative meaning. In Krysin, L. P. (Ed.), Vzaimodeystviye leksiki i grammatiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Dvenadtsaty Shmelevskiy chteniya (February 24–26, 2018) (pp. 13–14). URL: www.ruslang.ru/doc/shmelevskije12-tezisy.pdf (In Russ.)
8. CCELD – Collins Cobuild English Language Dictionary (1988). Birmingham: Collins Publishers.

9. Cambridge Advanced Learner's Dictionary and Thesaurus. URL: dictionary.cambridge.org/dictionary
10. Priestley, J. B. (1975). The English. Penguin Books ; Harmondsworth.
11. Kostina, N. I., Kostina, D. M. (2013). Yazykovaya spetsifika vyrazheniya kontseptov Englishness i Britishness v sovremennom britanskom mediadis-kurse = Linguistic specificity of the expression of the concepts of Englishness and Britishness in modern British media discourse. Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki, 27(170), 20, 35–40. URL: <http://www.scribd.com/doc/46669236/ENGLISHNESS-VS-BRITISHNESS> (In Russ.)
12. Rayfield, D. (1994). Zametki ob Anglii = Notes on England. Inostrannaya literatura, 6, 222–236. (In Russ.)

Информация об авторе

Краева И. А. – кандидат филологических наук, доцент,
ректор Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kraeva I. A. – PhD (Philology), Associate Professor,
Rector of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81-37

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_113

КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ «ЧАСТЬ– ЦЕЛОЕ»

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
krasikova.liza@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования когнитивных основных категоризации лексики, выполненного на материале лексико-семантической группы «часть целого» в современном английском языке. Показано, что выделение семантических групп слов обусловлено концептуальными структурами, за которыми стоят когнитивные доминанты. В результате исследования получена «матрица» когнитивных доминант, состоящая из концептов, представляющих разные аспекты соотношения части и целого в языковой картине мира английского языка.

Ключевые слова: английский язык, категоризация, концептуализация, лексическая система языка, когнитивные доминанты, классификаторы

Для цитирования: Красикова Е. А. Когнитивные доминанты в семантике английских существительных с общим значением «часть– целое» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 113–126. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_113

Original article

COGNITIVE DOMINANTS IN THE SEMANTICS OF ENGLISH NOUNS DENOTING “PART OF THE WHOLE”

Е. А. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The paper sets out to present the results of the study carried out on the material of the lexical-semantic group “part of the whole” in modern English, and aimed at investigating cognitive factors underlying lexical categorization. It is shown that the semantic subgroups are formed by conceptual structures, consisting of cognitive dominants. As a result of the study, a “matrix” of cognitive dominants was obtained, consisting of concepts reflecting different aspects of cognitive correlation

between the whole and its parts in the linguistic world-view represented in the English language.

Key words: the English language, categorization, conceptualization, the lexical system of the language, cognitive dominants, classifiers

For citation: Krasikova, E. A. (2021). Cognitive dominants in the semantics of English nouns denoting "part of the whole". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 113–126. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_113

Постановка исследовательской задачи

Проблема категоризации является одной из центральных в когнитивной лингвистике. По мнению Н. Н. Болдырева, процесс категоризации связан с тем, что «человек сталкивается с разнообразием вещей, событий и их всевозможных характеристик. Выделяя, осмысливая и сопоставляя их с имеющимися знаниями, он присваивает им конкретные обозначения, т.е. закрепляет их с помощью языка за данными рубриками-категориями в своем сознании» [Болдырев 2012, с.19]. Соответственно, категоризация действительности является когнитивным процессом, где язык, функционируя в роли одной из когнитивных форм познания, выступает в качестве инструмента осмысления действительности. Одним из наиболее ярких проявлений категоризации в языке является категоризация в сфере лексики. Категоризация в сфере словарного состава языка предполагает, что лексика распадается на многочисленные семантические и тематические группы, которые соответствуют структурам памяти и из которых говорящий выбирает слова в процессе речетворческой деятельности.

Когнитивисты считают, что процесс классификации лексики следует рассматривать не только на семантическом уровне, но также следует учитывать его когнитивные основания, в качестве которых чаще всего выступают сложные концепты. Когнитивным основанием классификации может быть не только один концепт, но целая структура, состоящая из относительно простых концептов. Поиск таких концептуальных оснований классификации лексики подразумевает, что представление о том или ином явлении действительности обуславливает выделение когнитивных доминант (КД), которые формируют классификационную структуру. По замечанию Н.Н. Болдырева, «в качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и

категории, концептуально-тематические области, системы ценностей и оценок, стереотипы, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке» [Болдырев, Григорьева 2018, с. 15].

В статье исследуются возможности выделения когнитивных доминант-классификаторов в группе лексических единиц английского языка с общим значением «part of the whole» в рамках разработки общей проблемы категоризации лексики в языковой системе.

Принципы отбора материала

Отбор лексического материала проводился посредством словарной выборки, поскольку она позволяет наиболее точно зафиксировать лексические единицы, входящие в лексико-семантическую группу (ЛСГ). В ходе исследования использовались идеографические (тезаурусные) словари, так как с их помощью можно более четко определить центр ЛСГ и отделить его от периферийных составляющих. По принятой методологии поиск лексических единиц, составляющих ЛСГ, обычно проводится на основе выделения соответствующих семантических маркеров в дефинициях толковых словарей. Однако практика показывает, что при этом семантическое основание классификации лексики в некоторых случаях невозможно определить точно (маркеры может быть несколько и их значения могут различаться), поэтому размытыми оказываются и границы выделяемых категорий. Примечательно, что «неточность критериев, по которым можно включать или не включать лексические единицы в класс, связана с тем, что они (эти критерии) были разработаны и систематизированы в рамках методологии компонентного анализа, т. е. в рамках чисто семантической процедуры» [Беляевская, 2005, с. 6]. В соответствии с методикой компонентного анализа категоризация проводится на уровне отдельных значений лексемы (на лексико-семантическом уровне), но в когнитивной парадигме лингвистического знания категоризацию следует проводить на уровне всей лексемы.

В нашем исследовании было необходимо учитывать особый характер ЛСГ *part of the whole*, поскольку практически каждый объект в окружающем нас мире обладает сложностью, т. е. состоит из более мелких частей. Например, формально следует включить в ЛСГ *part of the body* слово *arm*, поскольку в одной из дефиниций данного слова

имеется указание на часть целого (*part of the body*). Однако такое расширение границ ЛСГ будет, по нашему мнению, неоправданным и непродуктивным. Следовательно, при определении принципов категоризации лексики в нашем исследовании лучше рассматривать ядро ЛСГ, поскольку оно задает ее структурную организацию. Отбор материала проводился по двум тезаурусам современного английского языка – «Synonym Finder (New Edition)» by J. I. Rodale (RSF) и «Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus» (MWO: D&T). Процедура отбора включала в себя анализ и сопоставление цепочек синонимов, представленных в словарных статьях тезаурусов, начиная со словарных статей гиперонимов ЛСГ, таких как *piece, part, portion* и др.

На первом этапе мы рассматривали словарные статьи отобранных гиперонимов. Например, в словарной статье одного из наиболее общих гиперонимов *part*, помимо прочих, нами была выделена такая лексическая единица, как *scrap*. Большинство существительных, фиксируемых как синонимы слова *scrap*, уже встречаются как синонимы слова *part* (например, *fragment, bit, particle, sliver, snippet, wisp, morsel* и т. д.). Тем не менее в словарной статье слова *scrap* появляются новые, не встречавшиеся ранее лексические единицы, в частности слово *snatch*. В словарной статье слова *snatch* представлены те существительные, которые ранее уже встречались как синонимы существительных *part* и *scrap*, а также не встречавшиеся ранее лексические единицы: *taste, mouthful, handful, few, some; whip*. По аналогичному принципу мы рассматривали словарные статьи каждой отобранной лексической единицы и выделяли новые существительные, пока они не начали повторяться.

В результате материалом исследования послужила группа существительных со значением «часть целого», общее количество которых составило 365 единиц.

Методика выделения когнитивных доминант

Методика концептуального анализа семантики существительных, которая имела своей целью выделение КД, обеспечивающих классификационную структуру ЛСГ, состоит из двух этапов. На первом этапе проводилось выделение концептуальной внутренней формы (КВФ) семантики единиц отобранного материала для того, чтобы

определить систематически воспроизводимые в них концептуальные представления – базовые концепты (БК) и концептуальные операторы (КО) [Беляевская, 1992; Беляевская, 2005]. Мы исходим из того, что концептуальная внутренняя форма (КВФ) лексической единицы может указывать на ту лексическую категорию, которой эта единица принадлежит в языке. В качестве КВФ мы рассматриваем сложную концептуальную структуру, в которой могут быть выделены более простые составляющие [Беляевская, 2021].

На втором этапе фиксировались концептуальные составляющие, которые являются наиболее активными в КВФ гиперонимов ЛСГ, таких как *piece, part, portion, fragment, bit, item*¹.

Источником данных о семантике лексических единиц, входящих в ЛСГ, явились следующие лексикографические источники: «The Concise Oxford Dictionary» (COD), «Oxford Advanced Learners' Dictionary» [OALD], «Collins English Dictionary» (CED), «Merriam Webster English Dictionary» (MWED). В ходе определения КВФ слова сначала мы обращались к этимону семантики существительного и схематическому образу, который лег в основу развития значения данной лексической единицы. Мы, разделяя мнение Е. Г. Беляевской, считаем, что внутренняя форма обладает значительной устойчивостью, проявляясь с разной степенью очевидности в существующих в настоящее время значениях. Анализ семантики каждой отдельной единицы основан на предположении о том, что все значения лексемы представляют собой некую когнитивную общность, в которой могут быть выделены более важные, чем другие, когнитивные составляющие (когнитивные доминанты). Для установления когнитивных доминант, отражающих связи между лексическими единицами в ЛСГ нами выработана следующая методика: во-первых, необходимо рассмотреть все слова, которые лексикографические источники относят в данную ЛСГ; во-вторых, при определении КВФ каждого слова необходимо проанализировать всю его семантическую структуру, т. е. все те предметные области, в которых оно используется. Иными словами, для определения когнитивных доминант необходима «экспликация предметных областей, которую составляют значения (ЛСВ) вариантов слова, которые посредством дефиниции представлены в лексикографических источниках» [Беляевская 2005, с. 7].

¹ Rodale, J. I. The Synonym Finder. New York: Warner Books, 1998.

Рассматривая семантику существительных данной ЛСГ, можно заметить, что в КВФ слов повторяются некоторые концептуальные составляющие, которые отображают некий когнитивный образ той или иной ситуации. Например, в словарных дефинициях существительного *share* содержатся концептуальные составляющие, формирующие представления о некоторой части целого, которая была отделена от целого для какой-то цели («share» – *any of the equal portions into which property or invested capital is divided*¹). Помимо указания на цель, дефиниция данного существительного также позволяет сделать вывод, о том, что данная часть предназначается некому получателю (*a portion belonging to, due to, or contributed by an individual or group; the part allotted or belonging to one of a number owning together property or interest*²).

Описанная выше методика была применена к отобранному на первом этапе исследования языковому материалу. Проведенный анализ позволил выделить целый ряд концептуальных составляющих, которые лежат в основе семантики рассмотренных лексических единиц, и которые регулярно повторяются у достаточно большого количества существительных. Повторяемость таких концептуальных составляющих позволяет говорить о существовании когнитивных доминант в семантике лексических единиц, а наличие этих концептуальных составляющих у больших групп лексики указывает на их потенциал как лексических классификаторов.

В ходе анализа нами были в предварительном плане выделены следующие устойчивые концептуальные составляющие: базовые концепты (БК), т. е. наиболее общие и наиболее частые концептуальные представления, повторяющиеся в ЛСГ; «целое», «тематическая отнесенность целого», «часть», «соотношение целого и части», «ситуация, при которой выделяется часть» и «наличие получателя выделяемой части». Каждый из базовых концептов предполагает существование в его пределах некоторых более частных концептуальных представлений – **концептуальных операторов**. Так, «целое» может отсутствовать, может подразумеваться, причем «часть» может выделяться на

---

¹ CED – Collins English Dictionary Online. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/share> (дата обращения: 05.08.2021).

² MWO: D&T – Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/share> (дата обращения: 05.08.2021).

фоне целого или отдельно от него. В свою очередь, «часть» может быть маленькой или большой или может определяться количественно. Соотношение «целого» и «части» также может быть различным: целое может распадаться на части, но может и состоять из частей. И, наконец, «часть» может выделяться для какой-либо цели, выполнять какую-либо функцию или предназначаться для кого-либо. Выделенные БК и КО представлены в таблице 1.

Таблица 1

Когнитивные доминанты, выделенные из концептуальных оснований семантики существительных, относящихся к ЛСГ «часть целого»

Базовый концепт	Концептуальный оператор
целое	целое имеется / часть выделяется на фоне целого целое отсутствует / подразумевается
часть	по размеру: маленькая / очень маленькая / большая по значимости: важная / неважная количественно определяемая часть
характер целого	структура / субстанция / жидкость / еда и т. д.
соотношение части и целого	целое составляется из частей целое распадается / разделяется на части
ситуация, определяющая выделение части	часть выделяется для какой-либо цели часть выполняет некоторую функцию
получатель части	есть / нет

Далее были рассмотрены те концептуальные составляющие, которые играют наиболее значимую роль в КВФ таких гиперонимов ЛСГ, как *piece, part, portion, fragment, bit, item*. Например, в семантике гиперонима **part** содержится указание на «часть на фоне целого». Так, *the violin part* (*партия скрипки в музыкальной партитуре*) – это неотделимая часть от целого произведения. В то же время гипероним **fragment**, напротив, содержит идею «части при отсутствии целого». Например, в высказывании *the dish lay in fragments* в качестве части выступает слово *осколок*, а в качестве целого выступает слово *блюдо*. Очевидно, что осколок – это отдельная, небольшая, фрагментарная

часть целого блюда, которое разбилось и больше не существует как самостоятельный объект.

Сопоставление БК и КО, установленных на первом этапе анализа, с БК и КО, реализующихся в семантике гиперонимов рассматриваемой ЛСГ, позволил выделить следующие концептуальные составляющие, которым может быть присвоен статус когнитивных доминант: «часть на фоне целого», «часть при отсутствии целого», «часть структуры», «малая часть», «часть, предназначенная для какой-либо цели». Именно эти когнитивные представления являются базовыми классификационными доминантами для ЛСГ «часть целого».

Результаты исследования: когнитивно-доминантная матрица ЛСГ «часть целого»

В результате проведенного исследования был сделан вывод о том, что формирование ЛСГ в языке происходит за счет активизации КД-классификаторов, в основе которых лежат взаимосвязанные концептуальные представления о некотором фрагменте действительности. Концептуальные составляющие, которые отражены в семантике языковых единиц, позволяют сформировать когнитивно-доминантную матрицу и разбить ЛСГ с общим значением «часть целого» на более мелкие участки. В исследуемой ЛСГ выделялись группы слов, формирование которых обусловлено полученными в ходе концептуального анализа КД-классификаторами. Определенные участки ЛСГ становятся отдельными мини-категориями, в основании семантики которых лежат концепты или концептуальные схемы. Так, например, нами была выделена группа слов, сформированная КД, указывающей на оставшиеся части целого, больше не существующего в качестве целостного объекта. К такому разряду единиц относятся лексемы: *fragment, stump, shard, remnant, remainder, ort, scrap, snatch* и т. д.

В частности, лексемы *remnant* и *remainder* синонимичны, поскольку в основе семантики обоих существительных лежит образ небольшой части, которая осталась от целого (ср. *remainder – a remaining group, part, or trace; remnant – a small remaining part of something*¹).

---

¹ OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English Online. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/remainder_1?q=remainder

По аналогичному принципу были выделены группы лексических единиц, которые сформированы посредством активизации КД, указывающей на отношения части и целого, где часть рассматривается как несоизмеримая по размерам с целым и представляет очень малую часть целого. К данному разряду лексических единиц относятся такие лексемы, как: *grain, atom, particle, molecule, granule, mote, trifle, mite, iota, modicum* и т. д.

В ходе исследования было установлено, что КД «малая часть целого» активна в анализируемой ЛСГ в том смысле, что она часто сочетается с другими концептуальными представлениями, в том числе с указаниями на вещество, из которого выделяется часть. В результате в ЛСГ формируется участок, к которому принадлежат такие слова, как: *atom, molecule, granule, modicum* и др. Например, синонимы ***molecule*** и ***atom*** близки по своей семантике, но не идентичны. Слово *molecule* обозначает частицу, которая по размеру больше, чем ***atom***, однако, также содержит в своей семантике идею очень маленькой части. Этимология слова указывает на смыслы, которые синонимичны смыслам, реализуемым этимологией слова ***atom***: первое значение «*extremely minute particle*» зафиксировано в 1794, от лат. *molecula, mass, barrier*.

Еще одна очень активная КД – это «часть, выделяемая на фоне целого». К группе лексем, выделяемых при помощи этой КД, могут быть отнесены такие лексические единицы, как *detail, subdivision, proportion, portion, allotment, cantle, scale, hank, rag* и т. д. При этом очевидно, что все эти слова значительно различаются по семантике, и следовательно, в данном разряде лексических единиц была проведена дальнейшая классификация с выделением более однородных групп.

Проведенное исследование показывает, что сформированная когнитивно-доминантная матрица ЛСГ «часть целого» представляет собой иерархическую структуру, где одни КД носят более общий, а другие – более частный характер, одни КД более самостоятельны, а другие – часто сочетаются с другими лексемами.

Поскольку в основу классификации исследуемых лексем легли концептуальные представления о соотношении части и целого, что следует из самого названия ЛСГ, то в ходе исследования были выделены три базовые КД, указывающие на характер взаимодействия части и целого, причем наиболее продуктивной из них оказалась

КД-классификатор, указывающая на «часть на фоне целого» (43,5% лексических единиц), второй по продуктивности выступает КД-классификатор «часть от утеряннного целого» (23,2% лексических единиц), наименьшее количество лексических единиц выделяется КД-классификатором «несоизмеримо малой части целого» (19,8% лексических единиц).

Эти базовые КД дают основу для формирования более частных когнитивных доминант, в роли которых могут выступать различные характеристики части и целого. Особое положение здесь занимают КД, указывающие на характеристики «части». Представление о части помимо «малой части» (*bit, item, scrap* и др.) обуславливает выделение таких КД, как «часть большая» и «часть, определяемая количественно» (*half, quarter, fifth, tenth* и др.) КД «большая часть» в нашем исследовательском материале не отмечена, хотя она теоретически возможна, однако она описывается словосочетаниями, в том числе фразеологизмами (*the lion's share*). КД «часть, определяемая количественно» представлена небольшим числом единиц (4,7%), по-видимому, по двум причинам. Во-первых, в большинстве своем это числительные, поэтому они не все приводятся в тезаурусах. Во-вторых, эта часть рассматриваемой ЛСГ также относится к категории количества, которая пересекается с ЛСГ «часть целого», но является отдельной большой и самостоятельной областью исследования (см. [Федяева, 2021]).

Отдельную ветвь в иерархической структуре полученной когнитивно-доминантной матрицы образует наиболее общая в этой иерархии КД «часть на фоне целого». Гиперонимом-формантом данной КД выступает существительное *part*, обозначающее часть целого, на которой фокусируется внимание говорящего, но при этом эта часть рассматривается как неотъемлемая составляющая целого, которая изымается из целого только мысленно (например, *part of the body*).

В когнитивной структуре участка ЛСГ, сформированного реализацией КД «часть на фоне целого», конкретизируется характер целого, что обуславливает появление в ЛСГ таких лексических подгрупп, основывающихся на наличии нескольких предметных концептуальных областей: 1) часть тела человека; 2) часть механизма устройства; 3) часть строения; 4) часть вещества.

В ходе анализа было установлено, что, поскольку «целое» может быть различным, то КД «часть на фоне целого» в большинстве случаев

выступает совместно с КД «часть структуры», которая подчеркивает сложный характер целого, состоящего из многих разных частей. При этом КД «часть структуры», которая может рассматриваться как составляющая КД «часть на фоне целого», имеет следующие более частные КО, уточняющие классификацию: «целое» может формироваться, или синтезироваться, из «частей» (*ingredient, component*). Подобных лексических единиц в нашем исследовательском материале оказалось не так много – 5,5 % от общего количества отобранных слов.

Также «целое» может распадаться или разделяться на части (*sector, division, subdivision*), т. е. часть может выделяться при формировании целого (интеграционный процесс), и часть может выделяться при делении целого (процесс дифференциации).

В когнитивном основании семантики рассматриваемого участка ЛСГ обычно уточняется, каким образом и для чего происходит деление «целого» на «части». Поэтому в ходе исследования были выделены две частные КД, которые мы назвали **когнитивными классификационными операторами**. Во-первых, это часть, выполняющая некую функцию (*compartment, department, division, factor, detail, section, specimen, sample* и др.), такие лексемы, составляют 15,6 % всего исследованного материала. Во-вторых, это часть, предназначенная для некоторого адресата (*portion, allotment, share, sharing, dose* и др.), вышеперечисленные единицы составляют 8,4% от общего числа проанализированных единиц.

Таким образом, анализ элементов, классифицируемых КД «часть структуры» показал, что данное лексико-семантическое объединение распадается на определенные участки, в основе выделения которых лежат различные концептуальные представления, благодаря чему можно говорить о когнитивных основаниях системной организации лексико-семантических групп. Разделение ЛСГ на участки объясняется присутствием одних и тех же концептуальных составляющих, которые могут соединяться друг с другом, образуя кластеры.

Полученную «матрицу», или «сетку», КД и КО можно представить в виде следующей схемы (см. рис. 1).

Таким образом, в английском языке когнитивные доминанты ЛСГ могут выполнять функцию лексических классификаторов, которые играют существенную роль при выборе лексических единиц в процессе речевой деятельности.

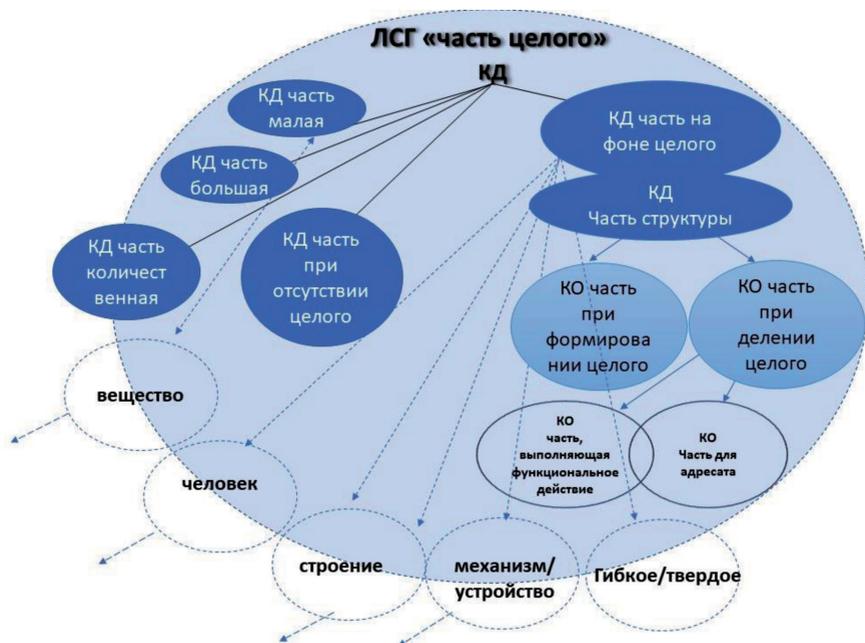

Рис. 1. Базовая матрица когнитивных доминант и когнитивных операторов ЛСГ «часть целого»

Заключение

Категоризация – одна из наиболее важных центральных проблем когнитивной лингвистики. Самым сложным аспектом этой проблемы является вопрос о том, что лежит в основании формирования классов языковых единиц и языковых категорий. Для решения проблемы категоризации лексики (словарного состава языка) предлагаются разные подходы, однако проведенное нами исследование позволяет сделать общий вывод о том, что категоризация лексики базируется на концептуальных матрицах, которые являются производными от семантики лексических единиц, формирующих различные классы или разряды лексических единиц. Полученная в ходе исследования концептуальная матрица характеризует английский языковой материал. В каждом языке должна быть лексико-семантическая категория «часть целого» и возникает вопрос о том, будет ли характерное для английского языка концептуальное основание этой категории

основанием в других языках. Когнитивная лингвистика исходит из того, что роль концептов в формировании концептуальных оснований семантики в разных языках будет отличаться, на что указывают закономерности «членения» одного и того же фрагмента действительности в разных языках. Можно предположить, что различными будут и когнитивные доминанты лексико-семантического уровня, т. е. они будут специфичными для каждого отдельно взятого языка. Также можно предполагать, что когнитивно-доминантный принцип организации и категоризации лексики характерен не только для английского языка, возможно, он является универсальным [Шахаева, Красикова 2019]. Для подтверждения этой гипотезы, однако, потребуются специальные исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Болдырев Н. Н.* Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17–101.
2. *Болдырев Н. Н., Григорьева В. С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. Вып. 4. С. 15–24.
3. *Беляевская Е. Г.* Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (К вопросу о методике когнитивного анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. Вып. 1. С. 5–15.
4. *Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992.
5. *Беляевская Е. Г.* Когнитивные доминанты в структуре лексико-семантических групп // Когнитивные исследования языка. 2021. № 1 (44). С. 65–73.
6. *Федяева Е. В.* Количественная интерпретация качества в языке: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.
7. *Шахаева А. А., Красикова Е. А.* Когнитивные основания многозначности китайского классификатора 台 // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. Вып. 4 (10). С. 1–9. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK419.pdf>

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2012). *Categorial System of Language. Kognitivnye issledovaniya yazyka* (pp. 17–120.). Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN; Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G. R. Derzhavina,
2. Boldyrev, N. N., Grigor'eva, V. S. (2018). Cognitive dominants of speech interaction. *Issues of cognitive linguistics*, 4, 15-24. (In Russ.)
3. Belyaevskaya, E. G. (2005). Towards a uniform procedure of conceptual analysis. *Issues of cognitive linguistics*, 1, 5–15. (In Russ.)
4. Belyaevskaya, E. G. (1992). *Semanticheskaya struktura slova v nominativnom i kommunikativnom aspektah (kognitivnye osnovaniya formirovaniya i funkcionirovaniya semanticheskoy struktury slova = Semantic structure of a word in nominative and communicative aspects (cognitive foundations of the formation and functioning of the semantic structure of a word: thesis of PhD in philology. Moscow. (In Russ.)*
5. Belyaevskaya, E. G. (2021). Cognitive dominants in the structure of lexico-semantic groups. *Cognitive studies of language*, 1(44), 65–73. (In Russ.)
6. Fedyaeva, E. V. (2020). *Kolichestvennaya interpretaciya kachestva v yazyke = Quantitative interpretation of quality in language: thesis of PhD in philology. Tambov. (In Russ.)*
7. Shakhaeva, A. A., Krasikova, E. A. (2019). Cognitive basis of polysemy of the polysemy of the Chinese classifier 台. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 4(10), 1–9. (In Russ.)

Информация об авторе

Красикова Е. А. – преподаватель-исследователь кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Krasikova E. A. – Lecturer-Researcher, Department of English Lexicology, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'276.6

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_127

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ХОД «ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЛЬМА»
В ТЕКСТАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-КИНОРЕЦЕНЗИЙ
(на материале франкоязычных веб-источников)**

А. В. Краснослободцева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
asjah@mail.ru

Аннотация. Жанр профессиональной интернет-рецензии как относительно устойчивая когнитивная модель в сознании носителей языка соотносится с числом коммуникативных стратегий, которые рецензент стремится реализовать при продуцировании текста. Среди последних одной из ключевой является стратегия воздействия. В качестве соответствующей ей коммуникативной тактики можно выделить апелляцию к разделяемым суждениям. Она реализуется посредством коммуникативных ходов, одним из которых является «эстетическая ценность в фильме». Выдвинутая нами и подтвержденная в ходе исследования гипотеза состоит в том, что данный коммуникативный ход реализуется по-разному в текстах профессиональных интернет-кинорецензий в зависимости от типа источника.

Ключевые слова: жанр профессиональных интернет-кинорецензий, когнитивно-дискурсивный анализ, стратегия воздействия, источники сферы культуры, источники общей информации

Для цитирования: Краснослободцева А. В. Коммуникативный ход «эстетическая ценность фильма» в текстах профессиональных интернет-кинорецензий (на материале франкоязычных веб-источников) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 127–140. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_127

Original article

**SPEECH ACT “AESTHETIC VALUE OF A MOVIE”
IN THE PROFESSIONAL ONLINE MOVIE REVIEWS
(as exemplified by Francophone websites)**

A. V. Krasnoslobodtseva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
asjah@mail.ru

Abstract. Professional online critique as a genre model is related to a number of communicative strategies which can be realized by a critic. Influence strategy is one of the most important and is present in a text within certain speech acts. In this paper we examine the linguistic means of the speech act “aesthetic value of a movie” in professional online critiques. The hypothesis will be tested that the linguistic means vary depending on the text source: culture website or general information website.

Key words: genre of professional online movie review, cognitive discourse analysis, impactful strategy, culture websites, general interest news websites

For citation: Krasnoslobodtseva, A. V. (2021). Speech act “aesthetic value of a movie” in the professional online movie reviews (as exemplified by Francophone websites). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 127–140. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_127

Введение

Экстралингвистические факторы ситуации общения играют ключевую роль в современном анализе текста. В их числе говорят о «физических (уточняющих обстоятельства общения), социолингвистических (идентифицирующих участников) и коммуникационных факторах (связанных с выбором и планированием типа акта коммуникации адресантом и его декодированием адресатом)» [Тарасова, 2017, с. 230–231]. Коммуникационные факторы особенно привлекают внимание современного лингвиста, поскольку в них содержатся этапы планирования, порождения и восприятия речи, что составляет неотъемлемую часть когнитивно-дискурсивного текстового анализа [Кубрякова, 2008].

Коммуникативные стратегии напрямую связаны с этапами речевого планирования и порождения речи. Термин «коммуникативная стратегия» относится к «когнитивному плану общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действия партнера» [Иссерс, 2008, с. 100].

Стратегия воздействия является ключевой, поскольку говорящему свойственно воздействовать на реципиента при речевом продуцировании. Так, И. Б. Чернышева рассматривает речевое воздействие как «материализуемое в тексте речевое действие адресанта, направленное на максимальное сходство картины мира текста на втором этапе коммуникации, т. е. при декодировании и смысловом восприятии с

картиной мира текста на первом этапе коммуникации – при порождении и кодировании» [Чернышева, 1992, с. 31].

В данной работе рассматривается реализация стратегии воздействия в текстах профессиональных интернет-кинорецензий, так как в последних авторы особенно стремятся оказать воздействие на читателя и убедить его в своей точке зрения [Авдеева, 2015]. С целью проведения тщательного анализа мы остановимся на одном из коммуникативных ходов реализации стратегии воздействия: «эстетической ценности фильма».

Типы источников профессиональных интернет-кинорецензий

Важно отметить, что на сегодняшний день профессиональные интернет-кинорецензии можно разделить на две группы в зависимости от целевой аудитории: кинорецензии на сайтах сферы культуры, направленные на компетентного читателя и кинорецензии на сайтах общей информации, адресованные массовому читателю. В таблице 1 приведен список использованных в анализе франкофонных электронных источников с 2017 по 2019 годы.

В статье мы выдвигаем гипотезу о том, что коммуникативный ход «эстетическая ценность фильма» по-разному представлен в текстах профессиональных интернет-кинорецензиях и варьируется в зависимости от типа источника. Для авторов *сферы культуры* представление эстетической ценности фильма важно само по себе, а авторы источников *общей информации* указывают на эстетическую ценность кинокартины для привлечения внимания читателя к фильму.

Представление коммуникативного хода «эстетическая ценность фильма»

Рецензенты *сферы культуры* указывают на эстетическую ценность фильма не только в сжатом (1), но и в развернутом виде (2):

- (1) Sur le fond, *The Greatest Showman* enfonce des portes ouvertes en déroulant un discours avec la finesse d'un éléphant dans un magasin de porcelaine. Sur la forme, le scénario ne profite pas d'une écriture aux petits oignons. [Mondociné] (URL : <https://mondocine.net/the-greatest-showman-critique-test-dvd/>).

Таблица 1

Виды интернет-источников

Критерий классификации: предметная среда			
Группа 1		Группа 2	
Источники сферы культуры		Источники общей информации	
	Культура в целом	Общественно-политическая жизнь	Досуг и частная жизнь
Видеоигровая / музыкальная сферы культуры и кинематограф	Журналы: «Les Inrocks» «Transfuge» «Télérama» Сайты : «Culturellement vôtre» «Culturoroïing»	Кинематограф	
Журналы: «Journal du Geek» «Rolling Stone»	Журналы: «Bande à Part» «Première» «Criticat» Сайты : «Écranlarge» «Mondocine»	Журналы: «Le Nouvel Obs» «Marianne» Газеты: «Le Monde» «Les Echos» «La Croix» «Le Figaro» «France Soir» «Huffpost» «20 minutes» «le JDD» «Le Parisien» «Ouest-France» «Les Dernières Nouvelles d'Alsace» «La Presse» «Le Soir»	Журналы: «Biba» «GQ» «Paris Match» «Elle» «Grazia» «Marie-Claire» «Femina»

- (2) Et malgré tout à la faveur d'un équilibre sidérant entre humour, architecture piégeuse et redoutables trouvailles scénaristiques, il parvient jusque dans sa dernière réplique, à conserver une ironie tranchante et délectable. C'est là que se niche la grande élégance du film, qui en dépit de sa radicalité et de sa mise en scène au scalpel, ménage toujours le confort du spectateur, conscient que du plaisir profond qu'il retirera dépend la réception de son propos. De cette performance funambule, le réalisateur tire peut-être son meilleur film à ce jour (URL : <https://www.ecran-large.com/films/critique/1086945-parasite-critique-qui-sent-la-palme>).

Как следует из примеров, рецензенты *первой группы источников* предпочитают использовать метафору (1), зачастую развернутую (2) в качестве стилистического средства, включающего в себя рациональную оценку фильма. Важность для авторов сайтов *сферы культуры* анализа фильма как предмета искусства подтверждается примером (2), в котором эксплицитно отражено желание рецензента указать на кинокартину как на средство в первую очередь передачи режиссерской задумки, а не предоставления удовольствия зрителю.

Реже встречаются рецензии, в которых авторы не прибегают к стилистическим средствам:

- (3) Le mystère comme principe narratif (on est constamment curieux d'en savoir plus) et métaphorique (on y met un peu ce qu'on veut) fonctionne à plein dans un premier temps et permet au jeune réalisateur de déployer son cauchemar éveillé avec force <...> Le vide créé par le silence et l'absence d'explication se remplit d'une angoisse viscérale, précisément le genre d'angoisse que le cinéma d'horreur contemporain tend à délaisser au profit d'une peur plus mécanique, plus facile. **Hélas**, comme si Krasinski ne saisissait pas sur quel tas d'or il est assis, ou plutôt n'avait pas confiance en la puissance de son dispositif, il finit par saturer sa bande son d'une musique tonitruante (composée par le souvent bourrin Marco Beltrami), et par ne plus s'appuyer que sur de vulgaires jump scares (URL : <https://www.lesinrocks.com/cinema/films-a-l-affiche/sans-un-bruit/>)

При отсутствии стилистических средств в анализе эстетической ценности фильма представляется возможным выделить ряд лексических единиц, выражающих как рациональную: *fonctionne à plein, avec force* (3), так и эстетическую оценку: *tonitruante, vulgaire* (3).

Во *второй группе источников общей информации* рецензенты указывают на эстетическую ценность кинокартины в достаточно сжатом виде:

- (4) Sa mise en scène touche avec aisance à différents genres, film catastrophe, film de gangsters, thriller psychologique, film d'horreur, comme autant de chapitres déroulés sur l'immensité nocturne de l'espace infini. Il y a une esthétique très maîtrisée du spectaculaire, enrichie par la musique de Max Richter (URL : <https://www.lefigaro.fr/cinema/ad-astra-lepopee-intime-de-brad-pitt-20190917>).
- (5) Néanmoins, au bout de son générique, « The Greatest Showman » n'évoque qu'un superbe dirigeable cloué au sol, ou le sentiment d'un film ambitieux figé par un titre trop lourd à porter (URL : <https://www.lesechos.fr/2018/01/the-greatest-showman-se-perd-dans-le-decor-1118476>).

При указании на эстетику фильма авторы используют лексические единицы (4) или стилистические средства (метафора) (5), выражающие рациональную оценку.

Описывая в целом фильм как произведение искусства, рецензенты *обеих групп источников* обращают особое внимание на *визуальную составляющую* кинокартины:

- (6) *Ad Astra* est **superbement** « designé », magnifié par la photo surréelle de Hoyte Van Hoytema (le chef opérateur de Christopher Nolan) et les envolées mélancoliques déchirantes de la partition signée Max Richter (*The Leftovers*) (URL : <https://www.premiere.fr/Cinema/News-Cinema/Ad-Astra-un-triomphe-de-SF-audacieuse--critique>).
- (7) Visuellement, c'est un festival : toujours ce graphisme sixties mais **encore plus** léché, pétaradant (URL : <https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/cinema/les-indestructibles-2-ils-vont-encore-tout-casser-03-07-2018-7805784.php>).

Авторы вводят не только лексические единицы, выражающие эстетическую: *magnifié* (6); *festival* (7) и рациональную оценку: *surréelle* (6); *léché* (7), но и психологическую оценку: *déchirantes* (6); *pétaradant* (7).

Рецензенты *сферы культуры* тщательно описывают эстетическую ценность фильма, указывая на уникальные визуальные средства (8) и на соответствие эстетического компонента данной кинокартины фильмам того же жанра (9):

- (8) Après quelques exceptions, Pixar s'adonne pour de bon au procédé. Six mois après *Coco*, *Les Indestructibles 2* semble bien marquer l'abolition de ce vieil empêchement figuratif. On n'a en effet jamais vu une telle palette de physionomies, de tics, de courbures du visage, de nuances dans la subtilité des regards, d'expressions, et donc évidemment de caractères que dans ce superhero movie aux airs de gros de coup de force (URL : <https://www.lesinrocks.com/cinema/films-a-l-affiche/les-indestructibles-2/>).
- (9) *Sans un bruit* confirme cependant une tendance du cinéma d'horreur états-unien, celle de revenir à une épure stylistique, déjà amorcée entre autres par Mike Flanagan. Lors d'une séquence d'ouverture, quasiment muette, John Krasinski pose les enjeux du film en quelques plans et une utilisation ingénieuse de la bande-son. Moins de « jump scares » et une musique moins présente au bénéfice des bruits d'ambiance donnent aux films une facture plus réaliste, plus âpre, les rendant ainsi plus efficaces et angoissants. <...> Quelques effets convenus et facilités viennent entâcher un film qui s'avère respectueux du genre, avec notamment un changement de tonalité le faisant sombrer dans le spectaculaire au cours de ces dernières images. Pour autant, cela ne remet pas en cause l'originalité et l'adresse de John Krasinski, réalisateur qui émerge discrètement, mais sûrement sous l'autorité de Michael Bay qui écope alors d'un sursis auprès des cinéphiles exigeants (URL : <https://www.culturopoing.com/cinema/sorties-salles-cinema/john-krasinski-sans-un-bruit/20180619>).

V* *первой группе источников авторы представляют достаточно подробный анализ экшн-сцен в рецензируемой кинокартине и сопоставляют их с эпизодами в других фильмах того же жанра:

- (10) Le spectacle est assuré dans la deuxième moitié, avec notamment un bouquet final d'une générosité certaine qui offre une poignée d'images spectaculaires et iconiques (dont une réplique exaltante). Et si la direction artistique est moins variée et riche que dans *Infinity War*, et que les CGI restent l'outil principal de l'action, l'affrontement final souffre moins que bien d'autres films du MCU de cette overdose. Le travail sur les arrière-plans, les couleurs et les décors est plus maîtrisé, et nuance cette impression de gros tas de virtuel mal assemblé (URL : <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1083731-avengers-endgame-critique-sans-spoilers>).
- (11) Si la séquence sur la Lune n'est pas sans rappeler la course-poursuite de *La Nuit nous appartient*, une différence de taille permet de saisir plus précisément l'écart ici à l'œuvre : l'une s'apparente à un détour dans

l'horizon tracé par le film et illustre à gros traits la cupidité humaine comme la corruption inévitable de l'idéal pionnier (c'est littéralement ce qu'exprime alors la voix-off), tandis que l'autre organise silencieusement sa découpe autour d'un drame qui se joue sous la pluie diluvienne et dans le chaos d'une embuscade, celui d'un fils entrapercevant la silhouette de son père vaciller sous un coup de feu (*Critikat*). (URL : <https://www.critikat.com/actualite-cine/critique/ad-astra/>).

Помимо эстетической оценки фильма: *une poignée d'images spectaculaires et iconiques* (305); *l'écart ici à l'œuvre* (306) рецензенты уточняют, как представлена эстетика фильма, используя единицы, выражающие рациональную оценку: *plus maîtrisé, nuance* (10); *illustre à gros traits* (11).

Рецензенты *общей информации* менее детальны в анализе и обращают особое внимание на эстетическую ценность фильма посредством лишь общего представления экшн-сцен (примеры (12) – (14)):

- (12) Sa mission vers Neptune sacrifie à quelques magnifiques scènes d'action inhérentes au genre – telles une course-poursuite en rover avec des pirates lunaires ou la découverte en chemin d'un vaisseau en détresse peuplé de singes enragés. Elle emporte aussi avec elle la possibilité, toujours appréciée des spectateurs, d'une pure et simple manipulation au plus haut niveau du commandement après celui du cinéaste (URL : https://www.lemonde.fr/culture/article/2019/09/17/cinema-ad-astra-une-odysee-astrale-et-dipienne_5511184_3246.html).
- (13) Mais s'il sacrifie à quelques figures imposées du genre, à l'image d'une incroyable poursuite en engins lunaires ou d'une spectaculaire attaque de babouins, le film de James Gray est avant tout un voyage méditatif, un ressassement intérieur (URL : <https://www.la-croix.com/Culture/Cinema/Ad-Astra-somptueuse-odysee-interieure-2019-09-17-1201048124>).
- (14) Michael Gracey réussit tout de même deux charmantes séquences. D'abord, un brillant marchandage au cours duquel Hugh Jackman tente de faire signer un contrat à Zac Efron à grand renfort de whiskies cul sec, tandis que les verres valsent sur le comptoir comme des cartes de bonneteau. Puis, un instant de séduction en apesanteur qui voit le même Efron poursuivre la jolie Zendaya entre une corde et un trapèze (URL : <https://www.lesechos.fr/2018/01/the-greatest-showman-seperd-dans-le-decor-1118476>).

В качестве используемых средств приоритет отдается адъективам, выражающим эстетическую оценку: *magnifiques* (12), *spectaculaire* (13), *charmante, jolie* (14). Рецензенты используют в меньшем объеме рациональную оценку: *au plus haut niveau du commandement* (12); *réussit* (14).

Авторы *обеих групп источников* представляют эстетическую ценность фильма в целом совместно с указанием на его уникальность (15), посредственность (16), (17), тем самым комбинируя несколько коммуникативных ходов:

- (15) Car au final « Ad Astra » se pose avant tout comme un film d'ambiance, une ambiance très particulière puisqu'il embarque le spectateur dans l'espace avec son héros. On n'a jamais filmé l'intérieur des vaisseaux spatiaux, la beauté des planètes et de la galaxie ainsi (URL : <https://www.leparisien.fr/culture-loisirs/cinema/ad-astra-l-epoustouflante-quete-spatiale-de-brad-pitt-17-09-2019-8154096.php>).
- (16) Comme le duo de réalisateurs a disposé de moyens en apparence illimités de la part d'un studio qui est désormais la division d'élite du plus gros conglomérat qu'ait jamais connu l'industrie du divertissement, cette longue promenade nostalgique prend la plupart du temps le rythme effréné des meilleures attractions des parcs à thème. Mais ces planètes méphitiques, ces cités dévastées, cette confrontation finale entre des armées innombrables, on les a toutes vues (URL : https://www.lemonde.fr/culture/article/2019/04/24/avengers-endgame-la-longue-marche-vers-la-fin-d-une-epoque_5453979_3246.html).
- (17) À de très rares exceptions près, Hollywood n'a jamais réussi à capter l'énergie et la folie du rock autrement que par une série de figures imposées. Bourré de clichés jusqu'à la nausée, Bohemian Rhapsody pourrait être un sujet d'étude, qui rassemble absolument tout ce qu'il ne faut pas faire: la platitude du scénario le dispute ici à la médiocrité de la mise en scène (URL : <https://www.lefigaro.fr/cinema/2018/10/30/03002-20181030ARTFIG00197-bohemian-rhapsody-cliches-en-majeste.php>).

В случае указания на посредственность фильма авторы могут быть как более (17), так и менее (16) категоричными в своих высказываниях. При большей категоричности рецензенты используют ряд оценочных средств, например, причастный оборот

и существительные, включающие в себя рациональную оценку: *bourré de clichés jusqu'à la nausée, la platitude du scénario, la médiocrité de la mise en scène* (17).

Поскольку фильм является аудиовизуальным произведением, то при представлении его как предмета искусства авторы обращают внимание и на его музыкальную составляющую.

Рецензенты *сферы культуры* акцентируют внимание читателя на музыке как на особом виде искусства и смещают фокус внимания читателя с самого фильма на творчество музыкального исполнителя:

- (18) Et puis il y a la musique, de la première à la dernière scène, presque plus présente que Rami Malek. Et l'on comprend vite pourquoi. Des tubes, du rock, de l'opéra, des rythmes implacables et irrésistibles. L'héritage de Freddie Mercury, c'est sa musique, et elle est plus forte que tout, plus forte que les volontés des uns ou des autres. Impossible de ne pas se laisser emporter par sa dimension opératique, épique même. C'est elle qui confère au film son rythme, et qui le teinte du côté « rock », novateur et provocateur que le scénario et la réalisation semblent vouloir gommer. En résulte un mouvement implacable vers la gloire, vers les cieux. Et les spectateurs en sortant de se jeter sur leurs disques (ou leurs mp3 !), et de se replonger dans leur relation « personnelle » à Freddie Mercury et à Queen, inaltérable (URL : <https://www.bande-a-part.fr/cinema/critique/magazine-de-cinema-bryan-singer-bohemian-rhapsody/>).

Отметим, что рецензенты *первой группы источников (сфера культуры)* обращают внимание на музыкальный фон в каждом из анализируемых ими фильмов в том случае, если, по их мнению, он служит одним из средств раскрытия режиссерской задумки, а во *второй группе источников (общая информация)* авторы анализируют музыкальную составляющую в рамках анализа фильмов, в которых она играет особую роль в соответствии с сюжетной линией (например, в мюзиклах или фильмах о музыкальных группах).

Доказательством вышесказанному является оценка музыкального сопровождения фильмов социальной тематики лишь в рецензиях на сайтах *сферы культуры* (например на фильм «Джокер»):

- (19) Ici, pas d'effets spéciaux, pas de scènes d'action interminables, pas de musique tonitruante sans justification (URL: <https://www.journaldugreek.com/critique/critique-joker-lecon-de-cinema/>).

- (20) Soutenu par la partition sonore anxiogène hypnotique de Hildur Guðnadóttir, Joaquin Phoenix déplace *Joker* dans un monde aussi détraqué que burlesque (URL : <https://www.bande-a-part.fr/cinema/critique/magazine-de-cinema-joker-todd-phillips-critique/>)
- (21) Bien mal nous en a pris tant il offre un long-métrage bluffant de maîtrise dont plusieurs séquences marqueront longtemps par leur sens du rythme et de la narration. La première scène du métré est ainsi une petite leçon de mise en scène, jouant parfaitement des lumières, du découpage et de la musique imposante de Hildur Guðnadóttir pour créer une tension allant crescendo avant de finir par exploser dans une rage salvatrice pour son personnage principal (URL : <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1096071-joker-critique-radicale>).

Во *второй группе источников (общая информация)* авторы подчеркивают ценность музыки с целью привлечения внимания читателя к самому фильму, в связи с чем говорят о музыке лишь в рамках рецензируемого фильма:

- (22) La petite déception que procure le film est cependant largement compensée par le professionnalisme de la réalisation, par le rythme et l'énergie de la narration, et par les tubes que les fans –et les autres– auront plaisir à réentendre, monuments de l'histoire de la musique (URL : <https://www.francesoir.fr/culture-cinema/critique-bohemian-rhapsody-le-sagebiopic-de-freddie-mercury-video>).
- (23) Une rhapsodie est une couture de chants. Ainsi va *Bohemian Rhapsody*, suite de hits de Queen et de morceaux de bravoures scéniques de Freddie Mercury, jusqu'au concert mémorable à Wembley, pour le Live Aid, en 1985. Le hit machine pulse à plein tube (URL: <https://www.dna.fr/culture/2018/10/31/freddie-mercury-drama-queen>).
- (24) Ce long film est tour à tour artificieux, pompier, sentimental, séduisant, boursoufflé, entraînant. Exactement comme *Bohemian Rhapsody*, plaisir coupable, éphémère et interminable (6 minutes), qui ne vaudra jamais la première mesure de *Get It On* (URL : https://www.lemonde.fr/cinema/article/2018/10/30/freddie-mercury-au-bord-de-la-canonisation_5376393_3476.html).

В примере (24) рецензент, на первый взгляд, неоднозначно характеризует фильм, используя адъективы, выражающие как положительную рациональную (*séduisant, entraînant*) и психологическую оценку

(*sentimental*), так и отрицательную рациональную оценку (*artificieux, pompier, boursoufflé*). Однако затем автор сравнивает фильм с песней, написанной главным героем: он намеренно обращается к читателям, которые предпочитают песню «Get It On» группы «T. Rex» песне «Bohemian Rhapsody» группы «Queen», представленной в фильме. Посредством неуважительного отношения читателей к песне «Queen» рецензент убеждает их в посредственности фильма.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что авторы по-разному освещают фильм как произведение искусства в текстах профессиональных интернет-кинорецензиях в зависимости от источника. В рецензиях на сайтах *сферы культуры* эстетическая ценность фильма раскрывается более детально, чем в текстах источников *общей информации*. Рецензенты обращают внимание на визуальную составляющую картины, ее уникальные свойства и соответствие жанру. Авторы также детально исследуют музыкальную составляющую фильма вне зависимости от ее роли в сюжетной линии.

В текстах источников *общей информации* рецензенты освещают эстетическую ценность фильма в более сжатом виде. Они представляют визуальную составляющую кинокартины в основном лишь при описании экшн-сцен, которые, по их мнению, наибольшим образом могут воздействовать на читателя. Что касается музыкальной составляющей, то авторы упоминают ее, только если она играет ключевую роль в фильме в соответствии с его жанровыми характеристиками (например, если речь идет о мюзикле).

Таким образом, для авторов *сферы культуры* представление эстетической ценности фильма важно само по себе, ее анализ представляется читателю в детальном виде. Авторы источников *общей информации*, со своей стороны, указывают на эстетическую ценность кинокартины для привлечения внимания читателя к фильму, как следствие, они предоставляют читателю не комплексный анализ фильма, а лишь то, что может, по их мнению, его заинтересовать. Подобное варьирование коммуникативного хода «эстетическая ценность фильма» свидетельствует о гетерогенности текстов профессиональных интернет-кинорецензий и свидетельствует о необходимости их дальнейшего лингвопрагматического анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Тарасова А. Н.* Ситуация общения: факторы и модели. // Язык и действительность: сборник статей по итогам второй Международной конференции. М. : Спутник +, 2017. С. 229–235.
2. *Кубрякова Е. С.* О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сборник научных трудов. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2008. С. 30–45.
3. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008.
4. *Чернышева И. Б.* Функционирование операторов авторизации в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1992.
5. *Авдеева Е. Д.* Специфика кинокритик в современных российских журналах // Язык. Культура. Коммуникации. 2015. №2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/122/317> (дата обращения: 15.02.2020).

REFERENCES

1. Tarasova, A. N. (2017). Situatsiya obshcheniya: faktory i modeli. = Communication situation: factors and models. Language and reality : collection of articles on the results of the Second International. Conf. Moscow: Sputnik +, 229–235. (In Russ.)
2. Kubryakova, E. S. (2008). O metodike kognitivno-diskursivnogo analiza primenitel'no k issledovaniyu dramaturgicheskikh proizvedenii (p'esy kak osobyie formaty znaniya). = On the methodology of cognitive-discursive analysis in relation to the study of dramatic works (plays as special formats of knowledge). Principles and methods of cognitive language research: Collection of scientific works. Tambov: TSU Publishing House, 30-45. (In Russ.)
3. Issers, O. S. (2008). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi. = Communicative strategies and tactics of Russian speech. 5th ed. Moscow: LKI Publishing House. (In Russ.)
4. Chernysheva, I. B. (1992). Funktsionirovanie operatorov avtorizatsii v gazetnom tekste. = Functioning of authorization operators in the newspaper text: thesis of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Avdeeva, E. D. (2015). Spetsifika kinoretsenzii v sovremennykh rossiiskii zhurnalakh = The specifics of film reviews in modern Russian magazines. Language. Culture. Communications, 2. URL: <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/122/317> (accessed: 15.02.2020). (In Russ.)

Информация об авторе

Краснослободцева А. В. – преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Krasnoslobodtseva A. V. – Lecturer of the Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Faculty of French, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 33'81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_141

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ – РЕЛЕВАНТНЫЙ ПРИЗНАК ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В. Г. Кузнецов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vgk.avamo@mail.ru

Аннотация. В статье проводится различие между врожденным и приобретенным билингвизмом. Вторичной языковой личностью становятся в результате приобретенного билингвизма. Причина интерференции – проецирование языковой картины мира родного языка на языковую картину мира иностранного языка. Анализируются наиболее частотные лингвистические и экстралингвистические средства, являющиеся причиной интерференции. Предлагаются рекомендации для преодоления интерференции.

Ключевые слова: интерференция, вторичная языковая личность, языковая картина мира, гиперо-гипонимические отношения, лакуны, реалии, сценарии поведения

Для цитирования: Кузнецов В. Г. Лингвистическая и экстралингвистическая интерференция – релевантный признак вторичной языковой личности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 141–153. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_141

Scientific paper

LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC INTERFERENCE AS A RELEVANT FEATURE OF THE SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY

V. G. Kuznetsov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, vgk.avamo@mail.ru

Abstract. The article points out the difference between congenital and acquired bilingualism. The secondary language personality is formed as a result of acquired bilingualism. The reason for the interference turns out to be the projection of the native language world view on that of a foreign language. The article analyses the most frequent linguistic and extralinguistic means which give rise to the

interference between two languages. Some recommendations are proposed in order to mitigate the interference.

Key words: interference, secondary language personality, language world view, hypero-hyponymic relations, lacunas, realia, scenarios of behavior

For citation: Kuznetsov, V. G. (2021). Linguistic and extralinguistic interference as a relevant feature of the secondary language personality. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 141–153. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_141

Введение

Термин «вторичная языковая личность» введен в научный оборот методистами-теоретиками обучения иностранным языкам. Так, И. И. Халеева описывает вторичную языковую личность через овладение изучаемым иностранным языком и культурой носителей данного языка [Халеева, 1989].

Следует добавить важную особенность вторичной языковой личности – приобретенный билингвизм. По аналогии с вторичной языковой личностью можно выделить первичную языковую личность, являющейся носителем языка. Ученые различают врожденный и приобретенный билингвизм. Врожденный билингвизм возможен в возрасте от 3 до 8 лет. В этом возрасте ребенок при условии, если один из родителей или воспитатели являются носителями другого языка, способен овладеть им как родным. Врожденным билингвизмом обладали А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой. Пушкин в лицее имел даже прозвище «француз». В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» целые страницы написаны на прекрасном французском языке. Очевидно, что Л. Н. Толстой не переводил их с русского языка, а сразу писал по-французски.

У ученых нет единого мнения относительно того, каким образом ребенок, мозг которого еще не достаточно развит, обладает такой феноменальной способностью. Известный американский лингвист Н. Хомский выдвинул гипотезу о врожденной языковой способности. Впервые эта гипотеза была сформулирована в его работе «Синтаксические структуры», опубликованной в 1957 году [Chomsky, 1957]. Позже концепция врожденного знания получила развитие в книге «Картезианская лингвистика» [Chomsky, 1966]. Обе работы переведены на русский язык. Согласно гипотезе Хомского, в генотипе ребенка

заложены врожденные языковые структуры. Гипотеза Н. Хомского восходит к идеям Р. Бэкона и Р. Декарта. Эту гипотезу разделяли такие видные лингвисты и психологи, как Ж. Пиаже, С. Линкер, Д. Макнил, Э. Ленненберг. Гипотеза о врожденной языковой способности, существовании своего рода языкового кода продолжает оставаться предметом оживленной дискуссии не только лингвистов, но и психологов и методистов. Она явилась стимулом для формирования новой дисциплины – когнитивной психологии. Проводились, в частности, опыты, свидетельствующие о том, что ребенок начинает осваивать язык еще до рождения. Группа ученых из университета Хельсинки доказала, что речь матери оказывает действие на ребенка еще в утробе. Плод, улавливая звуки языка, «готовится» к последующему овладению языком.

До настоящего времени гипотезу врожденной языковой способности не удалось ни убедительно доказать, ни опровергнуть. Слабой стороной этой гипотезы является тот факт, что процесс усвоения языка ребенком имеет когнитивную и социальную природу. В целом онтогенез языковой способности представляет собой сложнейшее взаимодействие, с одной стороны, процесса общения ребенка с родителями, с другой – процесса развития предметной и познавательной деятельности ребенка. Результатом этого процесса является формирование языковой картины мира (ЯКМ). В случае врожденного билингвизма ребенок овладевает двумя полноценными ЯКМ. А в случае приобретенного билингвизма имеет место своего рода проецирование ЯКМ родного языка на ЯКМ иностранного, результатом которого является интерференция. Интерференция проявляется прежде всего на языковом уровне. В то же время можно выделить интерференцию и на неязыковом уровне в случае незнания сценарий поведения в определенных ситуациях, социальных и культурных реалий.

Цель данной статьи – выделить наиболее распространенные случаи интерференции, присущие вторичной языковой личности на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях, и предложить способы их преодоления.

Интерференция на лингвистическом уровне

Ведущее место среди лексических средств формирования ЯКМ занимают гиперо-гипонимические отношения. *Гиперонимы* – это слова с родовым значением и широкой референцией. *Гипонимы* – это

лексические единицы с видовым значением, конкретной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу. Гиперонимы и гипонимы характеризуются этносемантическим содержанием и специфичны для каждого языка. Носители языка их не осознают. Они выявляются при сопоставлении лексики двух языков и при переводе.

Во французском и английском языках имеются гиперонимы, отсутствующие в русском. Гипероним с родовым значением фр. *véhicule m.*, англ. *vehicle* – любое средство передвижения (автомашина, велосипед, танк, самолет); фр. *monture f.* – любое верховое животное (лошадь, верблюд, осел); фр. *verre m.*, англ. *glass* – любой сосуд для питья (стакан, бокал, рюмка); фр. *cours d'eau* – любые воды, текущие по поверхности земли. Гиперонимы с обобщающим значением: фр. *rentrée f.* – возобновление работы, учебы после периода отпусков, каникул; фр. *trognon m.* – недоеденная сердцевина любого овоща, фрукта; англ. *pinch* – любая певчая птица.

Для передачи гиперонимов на другой язык используют прием, который называется конкретизацией – подбирается эквивалент в соответствии с контекстом и ситуацией общения. Примером может служить передача на французский и английский языки гиперонима русского языка *мероприятие*: культурное – *manifestation culturelle, cultural event*; дипломатическое – *initiative / démarche, diplomatic initiative*; по профилактике коронавируса – *mesures de prévention du Corona virus; prevention measures against Corona virus*; праздничное – *festivités, festivities*; спортивное – *activité sportive, sports event*; внеклассное – *activités en dehors de la classe, extracurricular activities*.

Узкозначная номинация гипонимов проявляется в том, что они обозначают конкретный предмет, для обозначения которого в другом языке используются два и более слов. Гипонимы могут быть разных типов: одиночные, парные, видо-видовые, возрастные, гендерные, специальных областей, многие гипонимы являются членами синонимических рядов.

Примеры одиночных гипонимов: фр. *incipit m.* – первые слова произведения, рукописи; фр. *frayer* – метать икру (о рыбе). Многие гипонимы характеризуются узкой сочетаемостью. В качестве субъекта глагола *vagir* в прямом значении «плакать, кричать» может быть только новорожденный, а субъектом глагола *frayer* – только рыба. Парные гипонимы :

main / bras, doigt / orteil, pied / jambe. Видо-видовые гипонимы (наиболее многочисленны): *calebasse f.* – бутылочная тыква, *coloquinte f.* – горькая тыква, *potiron m.* – круглая тыква; возрастные англ. *teg* – овца на втором году, *samlet* – молодой лосось. Гендерные гипонимы: *moine m.* – монах, *nonne f.* – монахиня; *жениться, выходить замуж*.

Невладение гиперо-гипонимическими отношениями может нарушить межкультурную коммуникацию. Так, различие между гипонимами *fleuve m.* и *rivière f.* в том, что *fleuve m.* впадает в море, а *rivière f.* – в другую реку. Если в общении с носителем французского языка сказать Москва-река *fleuve m.*, то может последовать вопрос «*Mais dans quel mer se jette la Moskova?*». Разница, отсутствующая в русском языке, между французскими и английскими глаголами *mordre / piquer*, англ. *bite / sting* в том, что *mordre* и *bite* употребляются, как правило, когда кусают животные, у которых есть зубы, а *piquer* и *sting*, когда кусают насекомые. Существуют пространственные лакуны. Так, в английском языке глагол *садиться* передается по-разному. Если действие производится из положения стоя – *to sit down*, а если из положения лежа – *to sit up*.

Знание гипонимов позволяет приблизиться к уровню владения иностранным языком носителем этого языка. Это проявляется, в частности, в экономии языковых средств. Например, во французском языке есть гипоним, отсутствующий в русском, *trac m.*, означающий «страх перед публичным выступлением». Можно перевести дословно *la peur de se produire en public*. Однако носитель языка в данном случае выразится экономным способом – гипонимом.

Термин «лексическая лакуна», как свидетельствует само название, означает отсутствие в том или ином языке однословного обозначения определенного предмета, понятия, явления. Во французском языке отсутствуют эквиваленты русских слов *стук, подсказка, желающий*, которые передаются глаголами и описательными словосочетаниями: *Мы услышали стук в дверь. – Nous avons entendu frapper à la porte. Студент получил замечание за подсказку. – L'étudiant a été reprimendé pour avoir soufflé. Во Франции в университете могут поступать все желающие. – En France, tous ceux qui le veulent peuvent être admis à l'université.* В английском языке также семантическая лакуна денотата *желающий*, которая обозначается описательно: *one who wishes; mn. persons interested, those who so desire.*

Лакуны бывают структурно-семантические, как вышеприведенный пример, словообразовательные и коннотативные.

Словообразовательные лакуны во французском и английском языках объясняются их аналитическим строем и ограниченными деривационными возможностями. В качестве примера можно также привести отсутствие морфологического эквивалента префикса *про-* во французском языке в значении «нереализованность какого-л. действия». В этом случае французский язык вынужден прибегать к раздельнооформленной передаче значения русского префикса лексическими средствами. Глагол *проспать* переводится описательно: *ne pas se réveiller à temps, проглядеть* (не заметить) – *ne pas apercevoir; прогулять* (пропустить уроки) – *manquer les classes, faire l'école buissonnière*.

Коннотативные лакуны характеризуются отсутствием добавочных функционально-стилистических, экспрессивно-стилистических и эмоционально-экспрессивных созначений, которые накладываются на основное значение. Так, во французском и английском языках отсутствуют полные эквиваленты таких слов возвышенного стиля русского языка, как *очи, деяние, кручина, ненаглядный, зазнобушка, уста, Отчизна, шествовать, высь, тишь, знамение (времени), одеяние, свершение, детище*. При переводе передается только общее значение, а созначения утрачиваются: соответственно английские и французские эквиваленты *очи* – *eyes / les yeux*; *деяние* – *deed / acte*; *кручина* – *sorrow / affliction*; *ненаглядный* – *darling / chéri*; *язнобушка* – *sweet-heart / béguin* (близко по значению к русскому); *уста* – *mouth, lips / bouche, lèvres*; *Отчизна* – *Fatherland / Patrie*; *шествовать* – *walk / marcher*; *высь* – *height / hauteur*; *тишь* – *calm / le calme*; *знамение (времени)* – *sign of the times / signe du temps*; *одеяние* – *garment / vêtement*; *свершение* – *achievement / travail remarquable*; *детище* – *creation / création*.

Следует отметить, что носители языка лакуны не осознают. Они выделяются при сопоставительно-типологических исследованиях и в практике перевода.

Реалии – это слова, обозначающие предметы повседневной жизни, культуры, общественной и политической жизни языкового коллектива, для которых отсутствуют в соответствующем языке средства номинации. Много реалий в таких сферах, как названия блюд национальной кухни, одежды, быта. Например, блюда: *щи, окрошка*,

пельмени, квас, сырники; фр. *bouillabesse f.* – суп-уха из свежих даров моря со специями (распространен в Провансе), ам. *sundae* – пломбир с сиропом, орехами, фруктами, одежда, обувь: *сарафан*, *кокошник*, *шаровары*; *лапти*, *sabots* – деревянные башмаки, *сабо*. Народные танцы: *гопак*, *трепак*; *Pop! Goes the weasel*. Танцующие становятся в круг. Танец сопровождается песнопением. Существует несколько версий этого танца. Песенное творчество, фольклор, устное народное творчество: *частушки*, *былина*. Реалии системы образования: *аттестат зрелости*, фр. *baccalauréat (bac) m.* – выпускной экзамен в средней школе на степень бакалавра, *terminale f.* – выпускной класс, *grande école* – высшая школа, *recteur m.* – руководитель учебного округа. Социальные реалии: *salarié m.* – работающий по найму, *Smic (minimum interprofessionnel de croissance* – минимальная межпрофессиональная заработная плата с поправкой на инфляцию. Реалии политической, общественной жизни: *перестройка*; *caucus* – амер. предвыборное фракционное или партийное совещание. Реалии американского образа жизни: *drive-in* – обслуживание в автомашине (прием пищи, банковские операции), просмотр фильмов на открытом воздухе на большом экране. Реалии – обозначения государственных и производственных должностей: *США State Secretary* – государственный секретарь, функции аналогичны министру иностранных дел в других странах; *Великобритания Chancellor of Exchequer* – канцлер казначейства, министр финансов.

Передача реалий на другой язык – часть большой и важной проблемы передачи национального и культурно-исторического своеобразия картины мира языкового коллектива и, следовательно, достижения эффективности межкультурной коммуникации. Существуют четыре способа передачи реалий на другой язык. *Транслитерация* – побуквенная передача иностранного слова, сходна с транскрипцией. Например, французская транслитерация блюд русской кухни *kv(w)as*, *borchtch*, *okrochka*, *pelmeni*. Этот способ перевода целесообразно применять в том случае, когда носитель французского, либо другого языка, знаком с соответствующими реалиями, в данном случае с блюдами русской кухни. Если участник межкультурной коммуникации не знаком с реалией, следует прибегать к *разъяснительному* или *объяснительному переводу*. *Kvas* – *boisson russe préparée avec de la farine d'orge fermentée dans l'eau*. *Kvas* – a fermented Russian beverage made

from rye or barley, soft drink. *Borchtch* – une soupe à base de chou, de bettrave et de viande. *Borsch* – beetroot and cabbage soup. *Pelmeni* – plat russe, pâte fine farcie de viande hachée. *Pelmeni* – similar to ravioli, small casing of pasta filled with chopped meat, onion and often served with sour cream sauces. *Samovar* – bouilloire russe, chaudière portative en cuivre où l'on met des braises, et qui fournit de l'eau bouillante pour la confection du thé. *Samovar* – a metal container used to boil water for tea. Чтобы сформулировать объяснительный перевод надо обращаться к толковым словарям.

Калькированный перевод представляет собой перевод дословный. *Высшая нормальная школа*. Серьезный недостаток этого способа перевода реалий в том, что в качестве эквивалентом выступают непривычные для носителя языка словосочетания, в данном случае *нормальная школа*. К тому же калькированный перевод не всегда раскрывает содержание реалии. Так, русскому реципиенту, не знакомому с традициями английского парламента, значение слова *заднескамеечник* – *backbencher* не будет понятно без дополнительного пояснения: рядовые депутаты Палаты общин, которые должны занимать места в заднем ряду.

Калькированный перевод может даже нарушать межкультурную коммуникацию. Примером могут служить такие квази реалии, как *дом отдыха* и *санаторий*. Дело в том, что во Франции, в отличие от России, в санаториях (*sanas*) лечили туберкулезных больных. В качестве эквивалентов можно использовать *station de cure* и *station thermale*, которые также переводятся, как *курорт*. *Maison de repos* во Франции – это *медицинское учреждение для реабилитации*. В качестве эквивалента можно использовать *centre de vacances*. Может вызвать непонимание франкофоном калькированный перевод слова *пансионат* как *pensionnat*, означающее *пансион, интернат*. Возможные эквиваленты *pension de famille* и *maison de famille*.

В США в санаториях также лечили больных туберкулезом. Примерным эквивалентом *санатория* будут *health resort* и *spa-resort / retreat*, которые имеют более широкое значение *курорт, курортный комплекс* (талассотерапия и другие оздоровительные процедуры). Подобные оздоровительные учреждения существуют и в других странах. Дословный перевод *дом отдыха* может вызвать непонимание. Также как и во французском языке эквивалентом является *пансионат (дом)*

для престарелых. В британском английском *sanatorium* имеет значение *изолятор для больных детей* при колледже или школе-пансионе.

В качестве эквивалента слово *ректор* встречается *recteur*. Между тем во Франции это – руководитель учебного округа (*académie*). Территория Франции поделена на 30 учебных округов. Должности ректору российских вузов соответствует *Président du Conseil universitaire*, или сокращенно *Président de l'université*. Перевод слова *methodist* «специалист по методике преподавания какого-л. предмета» как *méthodiste* может вызвать недоумение, поскольку оно означает «сторонник методизма – протестантского вероисповедания». Еще большее недоумение вызовет калькированный перевод слова *аспирант aspirant*, поскольку это воинское звание во французской армии.

В некоторых случаях можно прибегать к приблизительному переводу. Например, *пельмени – une sorte de ravioli, raviolis sibériens; матрешка – poupée gigogne*. Во французских университетах факультет называется *Unité de formation et de recherche (UFR)*. В некоторых случаях его можно перевести как *факультет*. Примерным аналогом нашего *дома (дворца) культуры* является *Community center – районный (городской) общественный центр*, место проведения общественных мероприятий, социальной поддержки, *парк культуры и отдыха – фр. parc public, англ. recreation park / recreation center*.

Интерференция на экстралингвистическом уровне

Категория вежливости играет важную роль в межкультурной коммуникации. Вежливость представляет собой закрепленные в менталитете языкового коллектива правила, эталоны поведения, особенности этикета. Чтобы ею овладеть, надо знать правила вежливого поведения и языковые средства их реализации участников межкультурной коммуникации. Вежливость реализуется как языковыми, так и неязыковыми способами. Примерами неязыковых средств выражения вежливости являются социальная дистанция, рукопожатие при встрече.

В западных культурах, в том числе в британской, американской и французской, социальная дистанция между собеседниками, особенно во время официальных встреч, гораздо больше, чем в русской. В английской культуре, являющейся исторически индивидуалистической, в отличие от русской, существует даже специальное слово

privacy. Важно знать национально-культурные особенности приветствия. Так, на вопрос *How are you?* в американской культуре принято отвечать *Fine*, даже если собеседник плохо себя чувствует, либо у него неприятности. А на приветствие следует также ответить *How are you?* с ударением на *you*. В противном случае это будет расценено как равнодушие.

Формулы обращения (ФО) во французском и английском языках имеют свою национально-культурную специфику, отличающуюся от русской культуры коммуникации. ФО играют важную роль в коммуникации, поскольку они несут информацию о социальном статусе собеседников, их возрасте, национальной принадлежности. Поэтому владение ФО имеет немаловажное значение для успешности межкультурной коммуникации.

В британском английском слова *sir* и *madame* используются в официальной обстановке при обращении к посетителям. В американском английском *sir* и *ma'am* не являются официальными и используются в обиходной речи, особенно с людьми старшими по возрасту, либо имена которых неизвестны. В целом в западных коммуникативных культурах категория вежливости более дифференцирована, чем в русской. Там, где русские употребляют обычное обращение в соответствии с ситуацией, англичане используют форму вежливости. Если на эскалаторе пассажиру, который стал слева, русские скажут «Вы мешаете проходу», то англичане и американцы скорее скажут «Let me pass».

Важно знать вопросы-табу, которые нельзя задавать, поскольку в западной коммуникативной культуре они воспринимаются как исключительно бестактные и могут серьезно нарушить межкультурную коммуникацию. К подобного рода вопросам относится, прежде всего, вопрос о размере заработной платы, доходах, политических симпатиях. В английской коммуникативной культуре не принято задавать вопросы личного характера, касающиеся семьи, отношений в семье, покупок – всего того, что касается личной жизни собеседника. Подобного рода вопросы могут восприниматься как излишнее любопытство, вторжение в частную жизнь, нарушение коммуникативных норм. Англичане очень трепетно относятся к своей королеве. Поэтому крайне неуместно высказывать любые негативные суждения в ее адрес.

Цветовой этикет, символика цвета значительно отличаются в разных странах, у разных народов. Нарушение цветового этикета может

серьезно нарушить межкультурную коммуникацию. Так, во Франции хризантемы – траурные цветы, а гвоздики приносят на поминки. Поэтому встреча делегации с букетом этих цветов с самого начала вызовет недоброжелательность ее членов. В Японии всё как раз наоборот. Желтые хризантемы – особо почитаемые цветы, причем четное количество. Изображение хризантемы присутствует на печати императора. А орден Хризантемы – высшая награда Японии.

Существует так называемая магия цифр, своего рода цифровой код, который следует знать участникам межкультурной коммуникации. Во многих европейских гостиницах нет номера 13. В США нет домов под номером 13. Во многих многоэтажных домах нет 13-го этажа. После 12-го этажа следует 14-й этаж либо 12 А, или 12 В. Во Франции вместо этого несчастливого числа пишут 12-бис.

Сценарий – это последовательность поведенческих действий в определенной деловой, социальной среде и средств их вербализации. Сценариев поведения, так же как и поведенческих ситуаций, значительное количество. Начиная от простых, например, правила проезда на метро (ср. карта «Тройка»), отличающиеся в разных странах, до более сложных – процедура открытия банковского счета, оформление кредита, оплата коммунальных платежей, оформление на работу.

В России основным документом о трудовой деятельности является трудовая книжка. Во Франции трудовых книжек нет, Примерным аналогом трудовой книжки является справка о работе, который работодатель обязан выдать работнику после истечения трудового договора. Эти справки предъявляют при последующем трудоустройстве. Примером сценария может служить процедура открытия банковского счета в США резидентами. В отличие от России предъявляют два документа: водительские права (driver' license) и номер социального страхования (Social Security Number, сокр. SSN). В случае, если по какой-либо причине нет возможности получить водительские права, выдают ID card. Оба документа заменяют внутренний паспорт.

Заключение

Рассмотрены лексические средства, являющиеся наиболее специфичными для ЯКМ каждого языка. Чем выше этносемантический потенциал лексического средства, тем выше вероятность интерференции.

Таким образом, между ними имеет место прямо пропорциональная зависимость. Важная роль в формировании ЯКМ принадлежит гиперонимам и гипонимам, поскольку они пронизывают лексику языка от категориальных, общих, родовых понятий до конкретных, видовых. Гиперо-гипонимические отношения играют ведущую роль в категоризации и структуризации предметов объективной действительности, этносемантических особенностей их номинаций и, соответственно, в формировании ЯКМ.

Другим языковым средством специфичным для ЯКМ каждого языка являются структурно-семантические, словообразовательные и коннотативные лакуны. Реалии занимают промежуточное положение между лингвистическими и экстралингвистическими средствами формирования ЯКМ. Овладение перечисленными средствами является важным условием преодоления интерференции и успешности межкультурной коммуникации. Овладению лингвистическими средствами формирования ЯКМ во многом способствуют занятия двусторонним переводом. Важное место в этом плане занимает учебный предмет «Профессионально ориентированный перевод».

Специфичными для языкового коллектива являются такие экстралингвистические средства, как сценарии поведения, представляющие собой своего рода алгоритм поведения в определенной ситуации, категория вежливости, знание национального менталитета, традиций, этики поведения. Они не менее важны для успешности межкультурной коммуникации. Владение этими средствами основано на глубоких фоновых знаниях и лингвострановедческой информации. Этому во многом могло бы способствовать учебное пособие, включающее совокупность экстралингвистических аспектов межкультурной коммуникации. Авторский коллектив подобного пособия обязательно должен включать носителя языка, постоянно проживающего в стране изучаемого языка и хорошо знающий реалии всех сторон жизни этой страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи: подготовка переводчиков. Москва: Высшая школа, 1989.
2. *Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague: Mouton & Co, 1957.
3. *Chomsky N.* Cartesian linguistics (Studies in Language). New York: Harper & Row, 1966.

REFERENCES

1. Khaleeva, I. I. (1989) *Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi: podgotovka perevodchikov = Basis for the theory of teaching to understand foreign speech: training of translators and interpreters*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ)
2. Chomsky, N. (1957). *Syntactic structures*. The Hague: Mouton & Co.
3. Chomsky, N. (1966). *Cartesian linguistics (Studies in Language)*. New York: Harper & Row.

Информация об авторе

Кузнецов В. Г. – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kuznetsov V. G. – Doctor of Philology (Dr. Habil.), Professor, Professor of the Department of French, Faculty of French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_154

**ГРУППООБРАЗУЮЩИЙ СЕМИОТИЧЕСКИЙ КОД
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА БЛОГЕРОВ
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК**

А. В. Куковская

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.kukovskaya@linguanet.ru

Аннотация. В работе исследуется англоязычный интернет-дискурс блогеров, интерпретирующих произведения массовой культуры. Акцент сделан на изучении данного дискурса через призму когнитивной концепции лингвокреативности. Язык блогосферы рассматривается как группообразующий семиотический код, используемый коммуникантами и способствующий их объединению в единую социокультурную общность. Материалом исследования служат записи в англоязычных блогах. Статья содержит выводы, сделанные на основе изучения эмпирического материала.

Ключевые слова: интернет-дискурс, блог, семиотический код, полимодальность, лингвокреативность, социокультурный контекст

Для цитирования: Куковская А. В. Группообразующий семиотический код англоязычного интернет-дискурса блогеров в контексте социокультурных практик // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 154–165. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_154

Original article

**GROUP-FORMING SEMIOTIC CODE OF THE ENGLISH INTERNET
DISCOURSE OF BLOGGERS IN THE CONTEXT
OF SOCIOCULTURAL PRACTICES**

A. V. Kukovskaya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.kukovskaya@linguanet.ru

Abstract. The article examines the English Internet discourse of bloggers engaged in interpreting mass culture works. The emphasis is on the study of this discourse from the perspective of the cognitive concept of human creativity. The language of the

blogosphere is viewed as a group-forming semiotic code, used by communicants and facilitating their merger into one socio-cultural community. English-language posts in blogs were used as the research material. The article contains conclusions based on the study of empirical material.

Key words: Internet-discourse, blog, semiotic code, multimodality, creativity, socio-cultural context

For citation: Kukovskaya, A. V. (2021). Group-forming semiotic code of the English internet discourse of bloggers in the context of sociocultural practices. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 154–165. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_154

Введение

Полимодалные записи блогеров, интерпретирующих современную массовую культуру, составляют интернет-дискурс, при этом блогерами используется набор вербальных и невербальных единиц (аудиовизуальный контент), заимствованных из различных коммуникативных знаковых систем. Учитывая, что «культура включает в себя не только определенное сочетание семиотических систем, но и всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках» [Лотман, 2002], можно говорить о том, что произведения массовой культуры и записи в интернет-дискурсе, которыми реагируют на них блогеры-интерпретаторы, являются сложными семиотическими пространствами, пронизанными интертекстуальными связями. При этом интернет-дискурс позволяет осуществлять коммуникацию за счет различных модусов репрезентации информации (вербального, визуального и т. п.). Учитывая подобную специфику изменяющегося интернет-дискурса блогосферы, а также тот факт, что акт цифровой коммуникации носит интерактивный и интертекстуальный характер, отправитель и адресат сообщения успешно понимают друг друга только при наличии единого «языка общения», выступающего «как некоторый код, при помощи которого воспринимающий дешифрует значение интересующего его сообщения» [Лотман, 1998, с. 25]. С точки зрения семиотики в качестве такого «кодирующего устройства» выступает специфический язык, используемый блогерами как «кодирующее устройство», способствующее успешной коммуникации, поскольку «чтобы сообщиние могло быть отправлено и получено, оно

должно быть соответствующим образом закодировано и декодировано» [Лотман, 2002]. Используемые блогерами вербальные и невербальные единицы складываются в семиотический код, который выступает как группообразующий фактор и приводит к формированию дихотомии «свой – чужой». Как «общность языка создает предпосылки для складывания этнической общности людей» [Германова, 2008, с. 8] в широком социокультурном контексте, так и единый семиотический код коммуникации блогеров способствует их объединению в единую социокультурную общность.

Актуальность данной темы обусловлена интересом, который современные лингвисты проявляют к изучению интернет-дискурса и к специфике взаимодействия различных семиотических систем в цифровую эпоху. Новизна данного исследования связана с тем, что англоязычный интернет-дискурс блогеров, пишущих о современной массовой культуре, и его лингвистические и социокультурные особенности изучены недостаточно. Поскольку язык блогосферы, выступающий как группообразующий семиотический код, рассматривается через призму когнитивной концепции лингвокреативности, то можно глубже исследовать когнитивные механизмы, лежащие в основе ментальных процессов.

Англоязычный интернет-дискурс блогеров как группообразующий семиотический код в контексте социокультурных практик

Англоязычный интернет-дискурс блогеров-интерпретаторов произведений современной массовой культуры, участвуя в формировании интертекста в социокультурном контексте, обладает рядом особых лингвистических и социокультурных характеристик и порождается вследствие лингвокогнитивных и лингвокреативных процессов, поскольку в процессе коммуникации блогеры творчески и новаторски используют и / или создают вербальные и невербальные единицы с привлечением разнообразных модусов репрезентации информации. Успешная реализация коммуникативной функции необходима блогерам-интерпретаторам для удовлетворения социальных и личностных потребностей, например: общения, общественного признания, самореализации, саморазвития, творчества и т. д.

Умение декодировать и порождать полимодальные записи в блогах маркирует коммуниканта как «своего», т. е. блогера-интерпретатора, способного на лингвокреативную деятельность и, следовательно, на пополнение интертекста, который представляет интерес для участников коммуникации. Так полимодальный и семиотический код англоязычного интернет-дискурса блогосферы становится группообразующим фактором. Большинство единиц дискурса блогеров, вербальных и невербальных, как правило, сообщают дополнительные смыслы, прагматические установки, которые неправильно декодируются «чужими» или не «считываются» ими.

Учитывая, что большинство современных сериалов, фильмов, книг и т. п., вызывающих отклик у блогеров, являются американскими или британскими, англоязычный интернет-дискурс блогеров становится средством общения субкультурных групп не только в блогосфере. Коммуникация в интернет-дискурсе происходит между различными участниками: блогерами, авторами произведений массовой культуры, журналистами и т. п. Чтобы быть ближе к блогерам, стать «своими», авторы произведений и журналисты часто прибегают к попыткам говорить на «языке блогосферы» – используют слова, выражения, мемы из Интернета и т. п. Так, семиотический код интернет-дискурса выходит за пределы блогосферы в реальное общение и / или иные дискурсы.

Англоязычное общение в блогосфере предполагает также межкультурную коммуникацию, когда в общении принимают участие представители разных стран. При этом англоязычный интернет-дискурс блогеров, будучи понятным для коммуникантов семиотическим кодом, выступает как посредник, облегчающий взаимодействие и служащий объединяющим фактором, который позволяет блогерам обсуждать произведения массовой культуры и соотносить их с собственным миропониманием. Таким образом, благодаря объединяющему их семиотическому коду англоязычного интернет-дискурса, коммуниканты, находясь по всему миру, оказываются в одном виртуальном зрительном зале, становятся единой социокультурной общностью людей, наблюдающей некий интертекстуальный перформанс, участниками которого они могут становиться.

Лингвокреативная деятельность блогеров-интерпретаторов позволяет им как творчески комбинировать лингвистические и паралингвистические единицы, в том числе заимствованные из других

дискурсов, так и модифицировать свои собственные неологизмы, словосочетания, порождая огромное количество вербальных и невербальных явлений. В связи с динамичностью характера интернет-дискурса его средства постоянно меняются: одни единицы выходят из употребления, новые – появляются.

Далее мы рассмотрим примеры единиц семиотического кода, используемого в англоязычном интернет-дискурсе блогеров, интерпретирующих произведения массовой культуры.

Во-первых, следует отметить использование блогерами элементов, типичных не только для блогосферы, но для современных средств коммуникации в широком смысле (в частности, общения при помощи мессенджеров, чатов, СМС и т. п.), к которым относятся:

- сокращения отдельных слов и неологизмы, образованные в результате усечения слов: *totes / tots (totally), adorbs (adorable)*¹;
- аббревиация выражений: *brb (be right back), lol (laughing out loud), IDEK and IDEC (I don't even know and I don't even care), tbh (to be honest), TL; DR (Too long; didn't read), OMG (Oh my God)*;
- сокращения слов с использованием знаков, а не букв, например, цифр (особенно когда цифра звучит похоже на заменяемый ею фрагмент) и иных типографских значков как элементов слов: *4ever (forever); 2U (to you), <3U (love you)*;
- графиконы.

Термин «графиконы» (*graphicons* – англ. ‘*graphical*’ + ‘*icons*’) ввели исследователи С. Херринг и Э. Дейнас. К графиконам они относят следующий паралингвистический контент: эмодиконы (англ. *emoticons*), стикеры (англ. *stickers*), гиф-изображения (англ. *GIFs* – *Graphics Interchange Format* – формат графических изображений, поддерживающий анимированные изображения), изображения (картинки, фото) (англ. *images*), видео (англ. *videos*). [Herring, Dainas, 2017].

Следует отметить, что использование вышеуказанных элементов в блогосфере является следствием устно-письменного характера интернет-дискурса. При этом помимо вышеперечисленных элементов в интернет-дискурсе блогеров-интерпретаторов наблюдается широкое употребление традиционных графических средств, к которым относятся знаки препинания, прописные буквы, шрифты и т. п. В блогосфере

¹Если не указано иное, примеры здесь и далее взяты с интернет-площадок «Tumblr» (URL: <https://www.tumblr.com/>) и «Twitter» (URL: <https://twitter.com/>)

данные невербальные знаки могут использоваться как инструмент «рисования» эмодиконов, например при помощи знаков препинания, так и выступать в более существенной роли – передавать просодическую информацию, в частности, при помощи прописных букв и т. п. Вслед за И. В. Арнольд, мы рассматриваем графику как «особый код», «особую систему знаков и правил их употребления, предназначенную для хранения и передачи вербального сообщения в виде, пригодном для зрительного восприятия» [Арнольд, 2002, с. 315]. Говоря о стилистической роли графики для традиционных текстов вне интернет-дискурса, И. В. Арнольд отмечает, что «обычно графические средства направлены на передачу эмоциональной окраски, т. е. чувств, которые писатель сообщает читателю» [Арнольд, 2002, с. 297]. В блогах графика выполняет аналогичную функцию, при этом коммуниканты оперируют широким арсеналом полимодальных средств: мультимедийным контентом, графиками. Можно утверждать, что графика в блогосфере выступает как часть семиотического кода.

Полимодальные паралингвистические средства используются блогерами для имитации реального общения в условиях коммуникации, опосредованной компьютером, а именно, для передачи мимики, жестов, сопровождающих речь, а также разнообразной просодической информации: ударения, пауз, особенностей произнесения звуков (удлинения, нечеткого произношения и т. п.), тона голоса, интонации, громкости и иных просодических характеристик, присущих устной речи. Так, например, написание прописными буквами передает повышение тона голоса, крик: *OMG YOU DID NOT!!!!*. Повтор знаков препинания усиливает этот эффект и показывает эмоциональное состояние блогера.

Лингвокреативная деятельность блогеров-интерпретаторов также способствует порождению новых значений у слов и созданию неологизмов, характерных именно для данной группы коммуникантов. В частности, речь идет о новых значениях таких слов, как *ship* (зд. «любимая пара в произведении»), *crossover* (зд. «произведение, в котором используются герои или иные элементы нескольких произведений»), *canon* (зд. интерпретируемое произведение, совокупность произведений), *hiatus* (зд. «перерыв в показе сериала, например, на лето») и т. п.

В качестве примеров неологизмов, характерных для англоязычной коммуникации блогеров-интерпретаторов и их семиотического кода, можно привести такие типичные для рассматриваемого дискурса

единицы, как *stan* («верный сторонник кого- или чего-либо»), *fanon* («совокупность коллективных интерпретаций и представлений о произведении / каноне»), *bromance* («настоящая дружба между героями произведения»), *OOC* (*out of character* «не соответствует характеру персонажа») и т. д. Такие неологизмы часто представляют собой аббревиатуры, а также окказиональные слова-бленды, образованные стяжением, что затрудняет их декодирование «чужими». Так, вышеприведенное слово *stan* это стяжение слов *stalker* + *fan*, *fanon* – стяжение *fan*+*canon*, *bromance* – стяжение *brother*+*romance*.

Также стоит упомянуть, что вследствие лингвокреативности блогеры-интерпретаторы конкретных произведений массовой культуры порождают вербальные и невербальные единицы семиотического кода, которые являются узкоспецифичными для конкретных произведений. Успешно декодировать такие единицы обычно могут коммуниканты, знакомые с данным произведением и являющиеся участниками соответствующей субкультуры. Большую часть их составляют наименования любимых блогерами романтических пар из произведений и их сторонников, например, пары *Джек и Кейт* (*Jack and Kate*) и *Соуер и Кейт* (*Sawyer and Kate*) из сериала «Остаться в живых» («*Lost*»): *Jate* и *Skate* и их сторонники *Jater(s)*, *Skater(s)*, соответственно; или пары *Зуко и Катара* (*Zuko and Katara*) и *Аанг и Катара* (*Aang and Katara*) из мультсериала «Аватар: Легенда об Аанге» («*Avatar: The Last Airbender*») *Zutara* и *Kataang* и их сторонников *zutarian(s)* и *kataanger(s)*, соответственно. Как видно из примеров, наименования пар обычно образуются стяжением имен их участников, а наименования сторонников при помощи добавления суффикса (в частности, *-er*, *-ian*) к новообразованному имени пары.

Помимо наименований пар в исследуемом сегменте блогосферы встречаются окказиональные аббревиатуры имен авторов произведений (*JKR* – *J. K. Rowling*, *GRRM* – *George R. R. Martin*), названий произведений (*Ouat* – *Once Upon a Time*; *AtLA* – *Avatar: The Last Airbender*), имен и прозвищ героев (*HBP* – *Half-Blood Prince*), событий сюжета (*JNSI* – *the Jeremy Neck Snapping Incident*) и зрительских интерпретаций сюжета, как, например, предположение о том, кто является родителями персонажа ($L+R=J$ – *Lyanna*+*Rhaegar*=*Jon*).

Рассмотрим несколько иллюстративных примеров (см. рис. 1) записей в блогах, где вышеперечисленные вербальные и невербальные элементы представлены в различных контекстах, в том числе полимодальных.

Пример 1	Пример 2
<p>Ah, Zutara, the ship of dreams, technically sunk ten years ago but still afloat in countless shipper hearts. The ways in which the creators of AtLA id the fans dirty on this one could be an entire discussion unto itself, but right now I want to focus on a particular episode, which I think suggests that, hen it came to the show's romantic relationships, the showrunners' priorities were not where they should have been.</p>	<p>“News flash to fresh fandom meat: I can ship whatever I want. It literally does not matter if it’s canon or not. I’m not delusional for liking a ship and wishing it had happened. Nor are you stupid for enjoying a canon pairing. We can see chemistry in different relationships. We can peacefully disagree about writing choices. We can enjoy our own content in spaces designated for that content and stay out of each other’s tags. It’s really quite simple.”</p>
Пример 3	Пример 4
	<p>My shipping aesthetic:</p>
Пример 5	Пример 6
	<p>ME EXPLAINING TO MY FAMILY WHY I'M SCREAMING AND FLAILING AT 3AM</p>

Рис. 1. Семиотической код англоязычного интернет-дискурса блогеров в полимодальном и интертекстуальном ракурсе: примеры неологизмов, аббревиатур и иных единиц, порожденных вследствие лингвокреативности блогеров (URL: <https://www.tumblr.com/>)

В примерах 1–5 присутствуют неологизмы *ship* (*I'm not delusional for liking a ship*), *canon* (*a canon pairing; still mad my ship is not canon*), *fandom* (фандом – совокупность поклонников произведения, *fandom meat*), наименование романтической пары *Zutara*, сокращение названия произведения *AtLA* – «Avatar: The Last Airbender».

Семиотический код интернет-дискурса блогеров-интерпретаторов обогащается новыми единицами за счет такого проявления лингвокреативности, как использование конверсии и суффиксации для образования новых слов из неологизмов. Так, существительное *ship* («любимая романтическая пара») становится глаголом *to ship* («поддерживать пару, быть ее сторонником»: *I can ship whatever I want*), а также служит основой для слов *shipping* («связанный с поддержкой романтической пары»: *shipping aesthetic*), *shipper* («сторонник романтической пары»). Последнее, в свою очередь, входит в популярный в блогосфере метонимический концепт *shipper heart* (*in countless shipper hearts*). Примеры 1 и 5 иллюстрируют игру слов, которую успешно декорируют знакомые с данным семиотическим кодом коммуниканты. Она основывается на омонимичности слов *ship* – *корабль* и *ship* (от *relationship*) – *любимая романтическая пара*. Благодаря метафорическому переосмыслению и процессу концептуальной интеграции данные значения сливаются в единице *ship*, становясь вербальным воплощением популярной в блогосфере концептуальной метафоры «Любимая пара» как «Пустившийся в плавание корабль». В примере 1 данная метафора актуализируется через вербальное сравнение любимой пары блогера с потерпевшим бедствием кораблем: *Ah, Zutara, the ship of dreams, technically sunk ten years ago but still afloat in countless shipper hearts*; в примере 5 – при помощи использования не только вербального, но и визуального модуса репрезентации: фраза *Still mad my ship is not canon* наложена на изображение корабля, на парусе которого нарисовано сердечко.

Примеры 3 и 4 также используют сочетание вербального и визуального модуса репрезентации: на картинке в примере 3 фраза *My ships* написана на коробке, имеющей форму сердечка, что символизирует трогательное и эмоциональное отношение блогера к любимым парам. На изображении в примере 4 представлена любимая пара блогера *Zutara* (персонажи Зуко и Катара из мультсериала «Аватар: Легенда об Аанге»): вместо вербального описания того, какой тип

романтических отношений ему нравится, блогер использует визуальный модус – изображение любимой пары.

Пример 6 носит интертекстуальный характер, а также содержит лингвокреативный элемент игры, опирающийся на вербальный и визуальный способы представления информации и на фоновые знания коммуникантов. Вверху записи представлена фраза *Me explaining to my family why i'm screaming and flailing at 3am*, которой блогер хочет сказать, как эмоционально он реагирует на события, связанные с его любимой парой, – кричит и размахивает руками в 3 часа утра. Фраза написана прописными буквами, т. е. блогер использует графику для подчеркивания своего эмоционального состояния. Ниже идут два изображения, на которых представлен персонаж фильмов о Гарри Поттере Сириус Блэк и даны цитаты из фильма, соответствующие данным сценам. Однако в сочетании с предваряющей надписью эти слова Сириуса и его потрепанный, изможденный внешний вид и нервическое состояние не отсылают нас к фильму, но намекают на состояние самого блогера. При этом слова Сириуса *I did my waiting! Twelve years of it!* больше относятся к тому, что, будучи невинно обвиненным и преданным тем, кого он считал другом, он двенадцать лет ждал возможности отомстить, являются объяснением того, почему блогер так расстроен, что *кричит и размахивает руками в 3 часа утра*: он объясняет это тем, что очень долго ждал воссоединения своей любимой пары, но, очевидно, этого не случилось, и он крайне расстроен тем, что Сириус Блэк провел в тюрьме для волшебников 12 лет по ложному обвинению. Таким образом, благодаря полимодальному характеру записи в блоге и интертекстуальности, блогеру удастся донести свои эмоции до коммуникантов, но только в том случае, если они могут успешно декодировать его сообщение, будучи знакомыми с семиотическим кодом.

Заключение

Англоязычный интернет-дискурс блогеров, пишущих о современной массовой культуре, представляет собой группообразующий семиотический код, который объединяет коммуникантов как причастных к созданию или интерпретации произведений массовой культуры, так и просто интересующихся данной тематикой вне зависимости

от их географического местонахождения или социокультурной принадлежности. Использование различных модусов репрезентации, возможное благодаря устно-письменному характеру коммуникации, придает интернет-дискурсу полимодальный характер. Многие вербальные и невербальные единицы такого семиотического кода блогеры-интерпретаторы творчески порождают сами вследствие лингвокреативности и творческого использования английского языка и иных семиотических систем, тем самым умножая семиотический интертекст.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. Спб.: Академический проект, 2002.
2. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
3. *Германова Н. Н.* Введение в языкознание. Язык в социокультурном контексте: учебное пособие. М.: Рема, 2008.
4. *Herring S. C., Dainas A. R.* "Nice picture comment!" Graphicons in Facebook comment threads. Proceedings of the Fiftieth Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-50). Los Alamitos, CA, 2017. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/hicss.graphicons.pdf>
5. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002.

REFERENCES

1. Lotman, Yu. M. (2002). Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on semiotics of culture and art. St. Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
2. Lotman, Yu. M. (1998). Ob iskusstve = On Art. St. Petersburg: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Germanova, N. N. (2008). Vvedenie v Yazykoznanie. Yazyk v sociokul'turnom kontekste = Introduction to linguistics. Language in sociocultural context. Moscow, Rema. (In Russ.)
4. Herring, S. C., Dainas, A. R. (2017). "Nice picture comment!" Graphicons in Facebook comment threads. Proceedings of the Fiftieth Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-50). Los Alamitos, CA. URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/hicss.graphicons.pdf>
5. Arnol'd, I. V. (2002). Stilistika. Sovremennyj anglijskij yazyk = Stylistics. Contemporary English Language. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)

Информация об авторе

Куковская А. В. – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области информационных наук Института информационных наук Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kukovskaya A. V. – Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Information Sciences, Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81-13, 81-2, 81-37, 81-42

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_166

**ФУНКЦИИ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ БРЕНДИНГЕ
(на материале наименований японских брендов)**

А. Д. Левшиц

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

levshits-ad@rudn.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка проанализировать социолингвистические параметры, используемые при формировании этнокультурной специфики бренда, а также служащие его объективации и популяризации в различных видах пространства. К одному из ключевых социолингвистических параметров следует прежде всего отнести гендер, интегрирующий в себе социальную принадлежность отправителя и получателя, социальный статус, этнокультурную идентичность и т. п. В статье отмечается, что понятие «этнокультурный бренд» институализировано в таких гуманитарных науках, как культурология, история, антропология, этнография, когнитивистика. В контексте лингвистического исследования нами установлено, что наряду с гендером, одним из интегрирующих факторов, необходимым для формирования этнокультурного бренда, является лингвистический ландшафт, включающий в себя социолингвистические параметры.

Ключевые слова: этнокультурный бренд, социолингвистические параметры, социолингвистика, Япония, маркетинговая коммуникация, гендер, лингвистический ландшафт

Для цитирования: Левшиц А. Д. Функции социолингвистических параметров в этнокультурном брендинге (на материале наименований японских брендов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 166–180. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_166

Original article

**FUNCTIONS OF SOCIOLINGUISTIC DIMENSIONS
IN ETHNOCULTURAL BRANDING (based on Japanese brandnames)**

Anna D. Levshits

RUDN University, Moscow, Russia

levshits-ad@rudn.ru

Abstract. This article presents sociolinguistic dimensions used in brand's ethnocultural features with a view to objectifying and promoting it in different types of space. Gender is one of the key sociolinguistic dimensions that integrates other parameters including the sender and the recipient social set-up, social position, ethnocultural identity, etc. We note that ethnocultural brand concept is institutionalized within cultural studies, history, anthropology, ethnography, cognitive science and other humanities. In linguistic context we establish that linguistic landscape (that includes sociolinguistic dimensions) becomes one of the integrating factors necessary for ethnocultural brand formation along with gender.

Key words: ethnocultural brand, sociolinguistic dimensions, sociolinguistics, Japan, marketing communication, gender, linguistic landscape

For citation: Levshits, A. D. (2021). Functions of sociolinguistic dimensions in ethnocultural branding (based on Japanese brandnames). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 166–180. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_166

Введение

В нашем исследовании мы полагаем необходимым рассмотреть феномен этнокультурного бренда с позиции лингвистических теорий. В современном обществе, ориентированном на цифровые технологии, становится необходим инструментарий, позволяющий обрабатывать, анализировать и систематизировать объемы данных, представляющих ценный исследовательский материал. Согласно проведенным исследованиям, большая часть получаемых нами данных – это текстовая информация, поступающая в том числе из социальных сетей, таких как «Facebook», «Twitter», «Instagram» и др. Поскольку подобные тексты содержат даты, числа и иные разнообразные факты, описанные современным языком, их анализ при помощи традиционного инструментария и уже созданных баз данных затруднителен и приводит к разнообразным неточностям и интерпретациям. В этой связи возникла необходимость в применении новых методов и подходов корпусной лингвистики (в том числе текстовой аналитики), позволяющих проанализировать и выявить гендерную специфику.

Для иллюстрации вышесказанного представляется целесообразным проводить исследование на материале наименований японских брендов, поскольку Япония, будучи примером этнически и территориально целостного государства, сохраняющего свою культурную

самобытность в условиях глобализации, является сильнейшим национальным брендом и наиболее репрезентативна для данной тематики.

Этнокультурный бренд в лингвистическом измерении

Вслед за В. А. Тишковым и В. В. Степановым, под этнокультурным брендом мы понимаем «идеи выявления, моделирования и маркетингового продвижения этнокультурных образов» [Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России, 2016]. Согласно Е. Б. Хорольцевой, «бренд региона может создаваться как территориальная идентичность, выраженная в этнокультурных ценностях, образах, символах. В этом случае речь идет о конструировании этнокультурного бренда» [Хорольцева, 2018].

Придерживаясь данных утверждений, обозначим этнокультурный бренд как конструкт, основанный на историко-культурологических, этнопсихологических и географических особенностях. Материалом нашего исследования выступают наименования популярных японских брендов, которые в определенной степени могут быть рассмотрены в качестве этнокультурных. Отметим, что анализ проводится с использованием социолингвистического инструментария, сформировавшегося «на базе лингвистических методов под воздействием новых исследовательских задач и объектов изучения» [Бондалетов, 1987, с. 150]: для сбора и анализа данных используются методы, принятые в социологии, а более детальный языковой анализ проводится с помощью лингвистических методик.

У. Брайт в своей программной статье «Проблемы социолингвистики» справедливо отмечает относительную новизну термина «социолингвистика» и то, что «подобно своим “старшим сестрам” – этнолингвистике и психологии, эти три термина плохо поддаются точному определению, поскольку частично пересекаются, и различия их – это не столько расхождения в материале, сколько разница в подходе и интересах исследователей» [Брайт, 1975, с. 34]. В соответствии с этим утверждением нам представляется целесообразным провести экспериментальное социолингвистическое исследование методом опроса для понимания лингвистического статуса наименований японских брендов. Предлагаемый метод также поможет определить

их репутацию и систематизировать применение вербальных и невербальных средств, объективирующих этнокультурный бренд.

Степень дивергенции социологических и лингвистических параметров может варьироваться, по этой причине нам представляется важным установить корреляцию между лингвистическими и социологическими параметрами при анализе этнокультурных брендов. Таким образом, при анализе наименований брендов принципиальными становятся *социолингвистические параметры*, в частности возраст, пол, уровень образования, уровень квалификации и др. [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. В своем исследовании мы учитываем типологию социолингвистических параметров, разработанную У. Брайтом, а также уделяем особое научное внимание феномену гендера.

Социолингвистические параметры этнокультурного бренда

У. Брайт, исследуя параметры социолингвистики, утверждает, что «этот термин охватывает многообразно социально обусловленные факторы, с которыми соотносятся языковые различия» [Брайт, 1975, с. 35]. Рассмотрим ниже результаты проведенного эксперимента в преломлении социолингвистических параметров.

Социальная принадлежность отправителя и социальная принадлежность получателя: обозначенные параметры наиболее проявляются в «классовых диалектах», в ситуации употребления «специальных» видов речи, в частности детской, женской и мужской, а также намеренного использования вежливой или фамильярной речи [там же]. *Обстановка* проявляется в «особом использовании языка», а также в ситуациях, когда «официальный и неофициальный стили резко различаются по форме и функции» [там же, 1975, с. 36].

В разработанной нами анкете в одном из вопросов респондентам было предложено прочитать указанный слоган и по возможности указать бренд. Напомним, что успешность рекламной компании во многом зависит от ее языкового оформления. Слоган, как пример языка рекламных текстов, способствует созданию яркого образа, запоминаемости и узнаваемости рекламы. Отметим, что в вопросе намеренно используются устаревшие слоганы (например, слоган «Think. Feel.

Drive.» компании «Subaru Motor» перестал использоваться в 2010 г.) с целью подтверждения интересов возрастных групп респондентов.

В контексте данных параметров уместно обозначить так называемую «народную лингвистику»: «разницу между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своем языковом поведении и языковом поведении других» [Брайт, 1975, с. 36]. Сложность и неоднозначность данного параметра заключается в том, что исследователь может ошибочно интерпретировать «народную» точку зрения как нечто отражающее реальное языковое поведение, однако необходимо учитывать, что «народная» точка зрения является частью социолингвистической ситуации, требующей отдельного анализа. В качестве примера можно привести информационные таблички храма Мэйдзи Дзингу (明治神宮), святыни, находящейся в Токио. Если надписи, выполненные на английском языке, дают справочную информацию о той или иной достопримечательности, надписи на японском языке содержат также информацию о различных мероприятиях и ритуалах, неся более глубокий культурологический посыл. Отметим, что в японском языке существуют специальные понятия для описания подобных ситуаций: если текст на японском языке предполагает так называемые «многократные отношения» (往来する関係; *о:рай суру канкэй*, букв. 'отношения, предполагающие поддержание общения') со своим адресатом, текст на английском языке подразумевает «разовую встречу» (一過性の関係; *иккасэй-но канкэй*, букв. 'разовые, мимолетные отношения').

Синхронические и диахронические исследования социолингвистики помогут увидеть различия в языковом поведении, а также «найти исторические объяснения диалектных расхождений» [там же, с. 37]. Вслед за В. М. Алпатовым полагаем, что «в любом государстве сознательно и/или стихийно ведется та или иная языковая политика, влияющая на соотношение двух естественных потребностей человека: потребности идентичности и потребности взаимопонимания» [Алпатов, 2016, с. 7]. Для японского общества по-прежнему характерна достаточно жесткая языковая политика, при которой практически не принимаются меры по развитию иных, кроме государственного, языков. В этой связи считаем правомерным осмысление ситуации при помощи концепции «плавильного котла», т. е. «слияния этноса в единое целое, одним из признаков которого должен быть единый язык» [Алпатов, 2016,

с. 7]. В качестве примера приведем крупный национальный проект «Cool Japan» («Крутая Япония»), инициированный в начале 2000-х годов правительством Японии с целью пропаганды за рубежом японского образа жизни и японской молодежной субкультуры. Данный термин изначально употреблялся в качестве обозначения японской поп-культуры в самом широком смысле, однако был заимствован для обозначения государственного бренда и названия национальной стратегии «мягкой силы»: *Cool Japan* является инструментом японской культурной дипломатии и способом популяризации Японии в мире.

Масштабы разнообразия следует понимать как параметр, «относящийся к географическим масштабам или простейшим лингвистическим характеристикам, таким, как число общих слов» [Брайт, 1975, с. 38]. В понятие масштаба включаются три типа: мультидиалектный, мультиязыковой, мультисоциальный. Вслед за П. Бэкхаусом полагаем, что Япония является одним из наиболее иллюстративных примеров документально подтвержденного изучения лингвистического ландшафта и является благоприятной средой для исследований подобного рода.

Согласно определению Р. Лэндри и Р. Бурхиса, лингвистический ландшафт – это «визуальное отображение и значимость языка на общественных и коммерческих знаках конкретной территории или региона» Зд. и далее перевод наш. – А. Л. [Landry, Bourhis, 1997, с. 23]. Отметим, что в японском языке есть аналогичный термин 言語景観 (*гэнго кэйкан*; букв. ‘лингвистический пейзаж’), к которому, по мнению Д. Лонга, одного из известных исследователей японского лингвистического ландшафта, относятся следующие категории [Long, 2010]:

- информация, которая воспринимается визуально, а не на слух, например, рекламные вывески и надписи на упаковке товара;
- информация, представленная в общественном месте, например объявление или надпись в витрине магазина;
- информация, рассчитанная на представителя любой социальной группы;
- информация, полученная пассивно, например рекламный заголовок.

Одно из первых исследований японского лингвистического ландшафта было проведено в 1962 году географом Масай Ясуо, который проанализировал с лингвистической точки зрения более 3 тыс.

торговых знаков Синдзюку, оживленного района Токио. Главный вывод состоял в том, что большая часть исследуемого материала была на японском языке, а западные языки были представлены крайне редко. Отметим, что утверждение о преобладающем употреблении японского языка не вполне справедливо: классификация была основана на этимологических критериях, однако многие проанализированные надписи были транскрипцией западных слов, записанных азбукой *катакана* (используется преимущественно для записи заимствованных слов).

Проведенное исследование спровоцировало интерес к влиянию индоевропейских языков, преимущественно английского, на японский лингвистический ландшафт. Если ранние исследования были направлены на «выявление иностранного», более поздние противостояли этой тенденции, концентрируясь на *локусных* вариантах японского языка. Интерес к региональным различиям был особенно ярко выражен в отношении лингвистического ландшафта района Кансай, в который входят префектуры Вакаяма, Киото, Мие, Нара, Осака, Сига и Хёго, и его окрестностей. Так, известна тенденция использования в названиях заведений, а также рекламе диалектных форм японского языка, характерных для конкретной местности. Употребление форм кансайского диалекта (関西弁; *кансай бэн* – диалект региона Кансай.), в частности диалекта Осака (大阪弁; *о:сака бэн*), привело к возникновению термина ローカル化 (ро:карука, букв. ‘локализация’ (от англ. *local* + суффикс 化 (-ка), обозначающий изменение или какую-либо тенденцию). Характерной чертой лингвистических ландшафтов Осака и Киото является, в частности, употребление местных диалектных форм для передачи предупреждений и запретов.

Отметим, что интерес исследователей к региональным лингвистическим ландшафтам не ограничивается центральными районами и «известными» диалектами, но также охватывает более миноритарные направления. Например, в г. Тояма (東山市; *тояма-си*), административном центре префектуры Тояма, возросло количество туристических надписей на местном диалекте, что безусловно способствует восприятию города как бренда [Nakai, 2011]. По мнению С. Накай, данную тенденцию необходимо рассматривать и в более глобальном контексте, включая политику регионального развития и переосмысление отношения к диалектам в целом.

Ё. Асахи, чьи исследования направлены на изучение топонимов айнов, выявил элементы айнского диалекта в лингвистическом ландшафте Хоккайдо, детальный анализ которого демонстрирует ряд соответствий и совпадений с лингвистическим ландшафтом Сахалина. По мнению Ё. Асахи, это связано не только с географической смежностью, но и взаимным статусом внешних территорий (外地; *gaijū*) [Asahi, 2011].

Заключительный параметр, *применение*, отражает интересы социолога, лингвиста и специалиста, занимающегося языковым планированием. Для каждой категории исследователей существуют диагностические показания, раскрывающие особенности процессов языковых изменений, социальной структуры и социальных явлений, а также их взаимосвязь.

Подразумевается, что указанные параметры могут дополнять друг друга, обозначая особый социолингвистический тип.

Отметим, что опираясь на типологию У. Брайта, представленную выше, в своем исследовании мы приходим к выводу о том, что в современных условиях глобализации и цифровой трансформации предложенной классификации недостаточно. По этой причине считаем необходимым дополнить существующую классификацию гендерным фактором, интегрирующим ключевые социолингвистические параметры.

Гендер как фактор, интегрирующий социолингвистические параметры этнокультурного бренда

Согласно утверждениям ряда исследователей, роль гендера является ключевой, благодаря очевидной общности с такими социальными конструктами как классовая и этническая принадлежность, культура, экономическое благосостояние, национальная принадлежность и т. п. В результате в обществе формируются структурные отношения, влияющие на иерархию, разделение труда и иные дифференциации в условиях глобализированной экономики.

Согласимся с С. Дюбуа и Б. М. Хорватом, которые утверждают о взаимодействии гендера и иных социальных параметров, а также описывают влияние конкретных исторических событий на формирование траектории языковых изменений. Согласно их исследованиям,

в каждом поколении наблюдается отличия гендерного фактора от гендерных стереотипов [Dubois, Horvath, 1999].

Мы разделяем мнение П. Эккерта, что конструирование гендерного фактора «значительно отличается от культуры к культуре, от места к месту, от группы к группе, находясь на пересечении прочих аспектов социальной идентичности» («differ considerably from culture to culture, from place to place, from group to group, living at the intersection of all the other aspects of social identity») [Eckert, 1998, с. 66]. В своих исследованиях он обнаруживает частотность употребления мужчинами и женщинами, определенных профессий и проживающих в США, различных вариантов и форм английского языка, в зависимости от ситуации, времени и эмоционального состояния. Обнаружено, что женщины, выходцы из провинции или представители более низких социальных слоев, чаще, чем мужчины, склонны к употреблению просторечных форм в ситуации эмоционального выгорания или раздражения, тем самым демонстрируя сложную взаимосвязь между полом, социальной иерархией, а также ориентацией на провинцию в сравнении с центром. Отметим, что аналогичные исследования проводились и японскими социолингвистами. В частности, в работе Д. Сибамото был впервые проведен количественный социолингвистический анализ речи [Shibamoto, 1985]. В результате анализа корпусов текстов, представляющих собой разговорную речь мужчин и женщин среднего класса, проживающих в престижном районе Яманотэ (г. Токио) была выявлена гендерная особенность морфологической вариации (иное употребление в женской речи падежных частиц, типов предиката, порядка слов) токийского диалекта японского языка. В исследовании С. Такано фокус-группа была сужена до мужчин и женщин, занимающих диаметрально противоположные места в социальной иерархии [Takano, 1997]. Была проанализирована речь руководителей крупных корпораций, офисных сотрудников, домохозяйек, занятых полный рабочий день. Было подтверждено, что язык женщин является гетерогенным; в подгруппах профессий, где возникает речевое взаимодействие женщин и мужчин в ходе реализации повседневных задач, наблюдается большее разнообразие реализации параметра гендера, нежели в более узких фокус-группах.

Такие социальные параметры как класс, возраст, пол и этническая принадлежность также занимают особое место в вариационистских

исследованиях (variationist sociolinguistics) и часто используются для выявления языкового разнообразия в различных слоях населения. Согласно ряду последних исследований, способы, с помощью которых эти переменные связаны с языковым разнообразием, определяются местными нормами и традициями. Поскольку социальный класс не означает одно и то же в различных сообществах, нельзя утверждать, что гендер оказывает единообразное влияние на язык или является категорией, которая напрямую соотносится с полом.

Рассмотрим ниже роль гендерного фактора в формировании этнокультурного бренда, опираясь на результаты выполненного нами социолингвистического эксперимента.

Проведение анкетирования для нашего исследования проходило в четыре этапа (подготовка анкет, сбор данных, обработка информации, формирование выводов о результатах опроса) с использованием раздаточного, аудиторного (группового) и почтового видов заполнения. Анкета, используемая в ходе опроса, состояла из введения, в котором респондент получал сведения о целях опроса, а также фиксированное количество вопросов различного типа: 14 вопросов открытого, закрытого и полузакрытого форматов, а также вопросы-фильтры и зависящие вопросы. Все анкеты заполнялись лично респондентами.

Ряд вопросов закрытого типа должен был уточнить пол и возраст респондентов, а также получить сведения об уровне образования. Вслед за В. Ю. Мамаевой полагаем, что «гендерные характеристики должны непременно изучаться для понимания потребностей, а также выстраивания грамотной маркетинговой политики» [Мамаева, 2012, с. 89]. В опросе приняли участие 81 респондент мужского пола и 199 – женского.

Вопросы, выявляющие возрастной состав респондентов и уровень их образования, были направлены на дальнейший анализ предпочтений потребителей различных демографических групп, а также социально-экономический статус респондентов, который потенциально влияет на потребительское поведение различных социальных слоев и групп населения. Отметим, что выбор ответов респондентов часто обусловлен традиционным распределением социальных ролей, приписываемым мужчинам и женщинам. В опросе приняли участие 231 человек в категории 18–25 лет, 18 человек категории 25–35 лет, 18 человек категории 36–45 лет, 8 человек категории 46–55 лет

и 5 человек старше 56 лет. 24 человека указали неполное среднее образование, 58 человек – среднее образование, 6 человек – среднее специальное образование, 122 человека отметили неполное высшее образование, 42 человека – высшее образование, у 25 респондентов есть ученая степень.

С помощью вопросов, содержащих шкалы измерения, возможно выявить интенсивность тех или иных факторов для потребителя, а также проанализировать лояльность к указанным брендам с помощью лингвистического инструментария, в том числе семиотики и фразеологии. Согласимся с М. В. Томской, что «в центре внимания лингвистических исследований рекламы находятся ее языковые особенности в различных аспектах и проявлениях» [Томская, 2014, с. 96]. Из представленных факторов, влияющих на выбор потребителями товара, наиболее значимыми являются (в порядке убывания): качество, прошлый опыт покупок, цена, вид товара, производитель, рекомендация знакомых, дизайн и цвет упаковки, привлекательность рекламного ролика и запоминаемость слогана.

На основании результатов вопроса с просьбой указать, знаком ли потребителю тот или иной бренд, а также источник получения информации об этом бренде, возможно получить представление о распространении тех или иных японских брендов на рынках разных стран (преимущественно российском), а также обозначить основные коммуникационные каналы, с помощью которых информация передается целевой аудитории. Отметим, что список японских брендов, представленный в вопросе («Toyota», «Honda», «Nissan», «Canon», «Sony», MUFG, «Panasonic», UNIQLO, «Nintendo», «Subaru», SMBC, «Bridgestone», MIZUHO, KAO, «Shiseido»), был составлен в результате тщательного анализа корпусов рекламных текстов, а также при помощи официальных статистических данных соответствующих правительственных институтов Японии и международных маркетинговых структур. Наиболее узнаваемыми являются автомобильные и косметические бренды, практически неизвестны банковские и финансовые холдинговые компании.

С помощью результатов вопросов полузакрытого типа мы выявляем ценностные ориентации респондента, а также роль эмоционального фактора в формировании потребительского поведения. Согласно И. В. Алешинной, персональные ценности используются в

маркетинговых исследованиях для анализа потребительского поведения, поскольку участвуют в формировании у потребителя оценочных критериев и проявляют свою значимость в момент принятия решения о покупке [Алешина, 2006].

В результате ответов на вопросы открытого типа мы можем определить географию респондентов и, принимая во внимание ментальные особенности представителей тех или иных стран, исследовать узнаваемость японских брендов в различных этнокультурах, на что, в частности, влияет репрезентация женских и мужских образов в рекламе и национально-культурные гендерные стереотипы, зафиксированные в сознании носителей языка.

Вопросы-фильтры помогают отобрать группу респондентов, которые могут ответить на следующие за ними зависимые вопросы. Для прочих респондентов зависимые вопросы нерелевантны.

Заключение

В результате вышесказанного мы приходим к выводу о том, что для исследования этнокультурного бренда недостаточно классификации социолингвистических параметров, разработанной У. Брайтом. Считаю необходимым дополнить представленную типологию гендерным фактором, интегрирующим остальные параметры и играющим существенную роль при социолингвистическом анализе, проведенном с учетом этнокультурной специфики. Отдельно отметим возросший научный интерес к гендерным аспектам языка, в частности, в сфере маркетинговой коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / под ред. В. А. Тишкова и В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2016.
2. *Хорольцева Е. Б.* Проектирование этнокультурного бренда региона как ресурс управления развитием территории // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13 (2). С. 23–36.
3. *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М. : Просвещение, 1987.
4. *Брайт У.* Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. 1975. Вып. VII (Социолингвистика). С. 34–41.
5. Словарь социолингвистических терминов / под ред. В. Ю. Михальченко. М. : Институт языкознания РАН, 2006.

6. *Алпатов В. М.* О языковой политике // Этнографическое обозрение. 2016. Вып. 3. С. 7–15.
7. *Landry R., Bourhis R. Y.* Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. Sage Publications, Inc., 1997. P. 23–49.
8. *Long D.* Amami kotoba no gengo keikan = The linguistic landscape of the Amami language // Higashi ajia naikai no kankyō to bunka. Toyama: Katsura Shobō, 2010. P. 174 – 200.
9. *Nakai S.* Gengo keikan ni miru chihō toshi no bunka kyōjakusei = Cultural fragility of a regional city as seen in its linguistic landscape // Sekai no gengo keikan, nihon no gengo keikan. Toyama: Katsura Shobō, 2011. P. 238–258.
10. *Asahi Y.* Kita no gaichi gengo keikan no taishō. Hokkaidō to Saharin o jirei ni = Contrasting linguistic landscapes of the northern outer territories. Hokkaido and Sakhalin // Sekai no gengo keikan, nihon no gengo keikan. Toyama: Katsura Shobō, 2011. P. 96–109.
11. *Dubois S., Horvath B. M.* When the music changes you change too: Gender and language change in Cajun English // Language Variation and Change, 11 (3). Cambridge University Press, 1999. P. 287–313.
12. *Eckert P.* Gender and sociolinguistic variation // Language and gender: A reader. Oxford: Blackwell, 1998. P. 64–75.
13. *Shibamoto J. S.* Japanese sociolinguistics // Annual review of anthropology (vol. 16). Annual Reviews, 1987. P. 261–278.
14. *Takano S.* The Myth of a Homogeneous Speech Community. The Speech of Japanese Women in Non-traditional Gender Roles: thesis of PhD in Second Language Acquisition and Teaching. The University of Arizona, 2017.
15. *Мамаева В. Ю.* Гендерные особенности поведения потребителей // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. 2012. Вып. 3. С. 87 – 97.
16. *Томская М. В.* Рекламный дискурс в гендерном аспекте (аналитический обзор) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). С. 95–108.
17. *Алешина И. В.* Поведение потребителей. М. : Экономика, 2006.

REFERENCES

1. *Tishkov V. A., Stepanov V. V. (Ed.). (2016).* Mezhetnicheskie otnosheniya i etnokul'turnoe obrazovanie v regionakh Rossii = Interethnic relations and ethnocultural education in Russian regions. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. (In Russ.)
2. *Khorolceva, E. V. (2018).* Proektirovanie etnokul'turnogo brenda regiona kak resurs upravleniya razvitiem territorii = Design of ethnocultural brand of the

- region as a resource for managing the territory development. *Central Russian journal of social sciences*, 13 (2), 23–36. (In Russ.)
3. Bondaletov, V. D. (1987). *Sotsial'naya lingvistika = Social linguistics*. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
  4. Bright, U. (1975). Introduction: the dimensions of sociolinguistics. *New in Linguistics, VII (Sociolinguistics)*, 34–41. (In Russ.)
  5. Mikhal'chenko, V. Yu. (Ed.). (2006). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov = Glossary of sociolinguistic terms*. Moscow: Institute of linguistics RAS. (In Russ.)
  6. Alpatov, V. M. (2016). *O yazykovoj politike = About language policy. Et-nograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)*, 3, 7–15. (in Russ.)
  7. Landry R., Bourhis R. Y. *Linguistic landscape and ethnolinguistic Vitality. An empirical study. Journal of Language and Social Psychology. Sage Publications, Inc., 1997. P. 23–49.*
  8. Long D. *Amami kotoba no gengo keikan (The linguistic landscape of the Amami language) // Higashi ajia naikai no kankyō to bunka. Toyama: Katsura Shobō, 2010. P. 174–200.*
  9. Nakai S. *Gengo keikan ni miru chihō toshi no bunka kyōjakusei (Cultural Fragility of a regional city as seen in its linguistic landscape). Sekai no gengo keikan, nihon no gengo keikan. Toyama: Katsura Shobō, 2011. P. 238 – 258.*
  10. Asahi Y. *Kita no gaichi gengo keikan no taishō. Hokkaidō to Saharin o jirei ni = Contrasting linguistic landscapes of the northern outer territories. Hokkaido and Sakhalin. Sekai no gengo keikan, nihon no gengo keikan. Toyama: Katsura Shobō, 2011. P. 96–109.*
  11. Dubois S., Horvath B. M. (1999). *When the music changes you change too: Gender and language change in Cajun English. Language variation and change, 11(3), 287–313.*
  12. Eckert P. *Gender and sociolinguistic variation. Language and gender: A Reader. Oxford: Blackwell, 1998. P. 64–75.*
  13. Shibamoto J. S. *Japanese Sociolinguistics. Annual Review of Anthropology (vol. 16). Annual Reviews, 1987. P. 261–278.*
  14. Takano S. *The myth of a homogeneous speech community. The speech of Japanese women in non-traditional gender roles: thesis of PhD in Second Language Acquisition and Teaching. The University of Arizona, 2017.*
  15. Mamaeva, E. Yu. (2012). *Gendernye osobennosti povedeniya potrebitel' = Gender specifics of consumer behavior. Vestnik of Pacific State University of Economics, 3, 87–97. (In Russ.)*
  16. Tomskaya, M. V. (2014). *Reklamnyj diskurs v gendernom aspekte (analiticheskij obzor) = Advertising discourse from a gender perspective (analytical review). Vestnik of Moscow State Linguistic University, 17 (703), 95–108. (In Russ.)*

17. Alyoshina, I. V. (2005). *Povedenie potrebitelej = Consumer Behavior*. Moscow: Editorial Ekonomist'. (In Russ.)

Информация об авторе

Левшиц А. Д. – старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН

Information about the author

Levshits A. D. – Senior Lecturer, Faculty of Philology, Department of Foreign Languages, RUDN University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_181

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БРЕНД»
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ И ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ**

В. Е. Лежнина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
elezn@rambler.ru

Аннотация. В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматривается терминологическое и нетерминологическое употребление заимствованной лексемы «бренд» в современном русском языке. Особое внимание уделяется преобразованиям семантики лексемы при переходе от терминологического к нетерминологическому ее употреблению. Такие преобразования упрощают значение рассматриваемой единицы и возвращают лексему «бренд» в повседневный русский язык, значительно влияя и на ее употребление.

Ключевые слова: термин, терминология, детерминологизация, персонификация, лексема «бренд»

Для цитирования: Лежнина В. Е. Функционирование лексемы «бренд» в современном русском языке: терминологизация и детерминологизация // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 181–192. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_181

Original article

**THE FUNCTIONING OF LEXEME “BRAND” IN MODERN RUSSIAN:
(DE)TERMINOLOGIZATION GAMES**

V. E. Lezhnina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elezn@rambler.ru

Abstract. Based on Russian National Corpus, the article analyses terminological and non-terminological usage of the lexeme “brand” borrowed in modern Russian as “бренд”. Special attention is paid to semantic transformations this lexeme undergoes on the way to terminological and back to not-terminological usage.

Those transformations simplify the semantics of “brand” and bring the word back to the sphere of everyday Russian speech.

Key words: term, terminology, determinologization, personification, lexeme “brand”

For citation: Lezhnina, V.E. (2021). The functioning of lexeme “brand” in modern Russian: (de)terminologization games. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 181–192. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_181

Введение

Развитие науки и технологий, в том числе социогуманитарных, закономерным образом ведет к пополнению языковых систем, вовлеченных в развитие, терминологической лексикой. Термины, как известно, могут создаваться путем использования морфологических ресурсов, формироваться в результате переосмысления и семантического развития существующих в языке слов, и – что очень часто имеет место в условиях активного межязыкового взаимодействия – появляться в результате прямого заимствования терминологических единиц, а также их калькирования.

Соотношение этих процессов в разных языках различно. Настоящая работа не является узколексикографической и не претендует на сколько-нибудь полное описание соответствующих процессов, тем более с учетом того, что они многократно служили предметом исследований, выявивших наиболее характерные явления в сфере возникновения неологизмов в ответ на потребности общества в оперировании с новыми реалиями, в частности (а в России в особенности) с реалиями экономическими, на протяжении длительного времени не слишком актуальными для русскоязычного общества. Однако в последние десятилетия ситуация в русском экономическом дискурсе существенным образом изменилась. Развитие мировой экономики и включение в нее России (более заметное и глубокое по сравнению со многими другими сферами международных связей) привело к существенным преобразованиям в современном русском языке. Большое количество информационных потоков, постоянная динамика средств массовой информации также приводят к изменению уже сформировавшихся понятий. Интенсивное взаимодействие нескольких отраслей проявляется не только в узкопрофильной литературе, но и в средствах массовой информации, благодаря чему происходит обмен данными между научной и бытовой сферами.

Не уникальная, но весьма интересная особенность освоения русским языком ранее не востребованной или востребованной в очень малой степени экономической, а, точнее, психолого-экономической лексики, к которой относятся, в частности, многие ключевые термины теории и практики рекламы и маркетинга (как известно, реклама и маркетинг – это в равной степени психология и экономика), состоит в том, что на данный момент коммуникация в соответствующих сферах деятельности (а также ее исследовательская рефлексия) осуществляется преимущественно на английском языке, и из него и происходит основной поток заимствований. Между тем английский язык отличается от других «основных» европейских языков, особенно немецкого, чрезвычайной легкостью превращения в термины слов обыденного языка. В свое время в работе австралийского социолингвиста М. Клайна были приведены аргументы в пользу того, что (внешним) критерием научности англоязычного текста является соответствие его некоторой дискурсивной модели, а немецкого – уровнем абстрактности текста, обеспечиваемой выбором лексических средств [Clupe, 1987]. Можно предположить, что интерес британской философии к логическому анализу языка, включая язык науки, во многом обусловлен тем, что ей есть что рассматривать и критиковать – представители конкретных научных дисциплин часто бывают больше озабочены их изяществом, чем терминологической точностью, однозначностью и отсутствием нетерминологических омонимов.

Похожая картина наблюдается и в маркетинговой терминологии.

Мы в настоящей работе рассматриваем всего лишь один, на наш взгляд, интересный случай, связанный с эволюцией слова английского языка *brand* в термин, заимствованный в русский язык в форме *бренд* (первоначально – *брэнд*) и последующей его детерминологизации, ведущей к формированию весьма своеобразной семантической трансформации этой языковой формы.

Термин *бренд* как и немалая часть ключевых терминов (например, *мягкая сила*, *дезинформация*, *софт*, *ген*, *иммунитет*, *искусственный интеллект*, *позиционирование* и др.), употребляемых в сфере политики, экономики, биологии, информационных технологий, маркетинга и рекламы, со временем выходит из узкоспециализированных сфер употребления и осваивается общелитературным языком. Взаимопроникновение терминов одной сферы в другую вызывает необходимость

унификации и стандартизации терминологической лексики. А всё более активное участие человека в экономической деятельности объясняет утрату таковой лексикой терминологических свойств и изменение первоначального значения входящих в нее единиц. Что особенно интересно в случае не столь давно заимствованной лексики *бренд*, так это высокий темп и фактическое наложение во времени процессов терминологизации и детерминологизации.

Терминологизацией принято называть переход общеупотребительных слов в пласт терминологии. Это явление, о котором в лингвистической теории говорят чаще, чем о детерминологизации, реализуется в повседневной жизни и объясняется множеством экономических процессов, происходящих в обществе, каждый из которых требует наличия своих, по возможности точно определенных языковых средств для более удобного наименования процессов, явлений и т. д. в рамках коммуникации.

В процессе же детерминологизации, понимаемой как проникновение в общеупотребительный пласт лексики слов и словосочетаний из профессионального лексикона, активное употребление отдельных терминов как специалистами профессий, становящихся массовыми (будь то компьютерная, экономическая или политическая сферы), так и (часто некорректное) их использование журналистами постепенно сделало их доступными и обычному читателю, и вернуло им статус общеупотребительного слова, однако с изменением значения. При этом их семантическое развитие и прагматические основания такого развития демонстрируют своеобразие, заслуживающее специального исследования, остающегося за рамками настоящей статьи.

Из истории изучения детерминологизации

Терминоведение на современном этапе развития лингвистической мысли занимает позиции одного из важных в прикладном отношении и активно развивающихся направлений в языкознании, и процессы обретения и утраты языковыми единицами терминологического статуса, развивающиеся в различных терминосистемах, относятся к числу актуальных и теоретически значимых, поскольку изучение переходных процессов является немаловажным этапом при анализе не только динамических свойств, но и собственно качеств исследуемой системы. По мнению О. В. Луновой, все изменения, которые происходят внутри

любой терминологии, неизбежно сказываются на общем состоянии специализированной лексики [Лунева, 1996].

Таким образом, в общем смысле детерминологизация – это механизм обмена между специальной и общеупотребительной лексикой, при котором происходит утрата термином его конститутивных свойств в связи с выходом за пределы терминологической системы и превращением его в слово обывденного языка [Мелех, 2004]. Научные термины все более активно используются в повседневной речи, что естественным образом запускает процесс детерминологизации [Володина, 2000].

Однако с развитием этого процесса происходит размывание или даже утрата первоначального значения термина, а соответственно, и его точности. Дополнительным фактором, оказывающим влияние на данный процесс, является весьма активное освещение развития науки и технологий в СМИ (и даже в беллетристике – ср. «Generation П» В. Пелевина: именно этот роман ввел в повседневный язык, например, термин *позиционирование* в его маркетинговом значении), что, несомненно, способствовало интенсивному переходу научной лексики в пласт общеупотребительной.

Помимо этого, нельзя забывать и про экстралингвистические основания детерминологизации. По мнению ряда исследователей [Лубожева, 2007; Аникин, 2010], отношение лексемы к информационно-приоритетному и актуальному полю способствует приобретению некоторыми изначально научными терминами популярности и даже превращению их в модные выражения (около десяти лет назад так обстояло дело со словообразовательным гнездом с префиксоидом *нано*-).

Развитию детерминологизации способствует и закон языковой экономии (краткое описание научного понятия в одном слове), что можно отнести к интралингвистическим факторам.

Не стоит забывать и об исследованиях детерминологизации с позиции когнитивной лингвистики (ср. [Маслова, 2005]). Когнитивный подход позволяет связать процесс детерминологизации с концептуальной и языковой картинами мира и апеллировать к процессам их изменения.

Дотерминологическая эволюция слова *brand*

В русский язык интересующая нас лексическая единица пришла в фонетической оболочке *brand*. В немецком языке лексема *brand*

приобрела значение «пожар» (уничтожение физического имущества). Однако в XVI веке значение этого понятия ассоциируется с человеком, который «погорел», остался без средств к существованию («Поэзия и правда» («*Dichtung und Wahrheit*») у И. В. фон Гёте). *Etre Brule* (с фр.) – потеря доверия, поддержки. В испанском *brander* – факел [Koerting, 1907]. Из немецкого языка понятие *brand* позднее перешло в английский в устаревшей форме («огонь, пожар, пламя»).

Если связать воедино все эти значения с современным пониманием термина *бренд*, то можно говорить о чем-то ярком, запоминающемся.

Глагол *to brand* в значении «ставить клеймо» появился в 1400 году, часто употреблялся также в значении «прижигать раны»¹. С 1580 года слово *Brand* в немецком языке стало использоваться для обозначения средства маркировки собственности (например, крупного рогатого скота, отсюда и второе название бренда – *тавро*, от лат. *taurus* – бык). А расширение его значения до «конкретная марка товара» датировано 1827 годом. Именем нарицательным слово *brand* стало в 1922 году. Также существует понятие *brand new*, которое также произошло от слова *brand* в 1570 годах [Duden, 2016]. Первичное его значение «fresh from the fire», которое переводится «только что из огня» [Koerting, 1907].

В плане денотативной семантики термин *бренд* непосредственно связан с лексемами *марка* и *товарный знак* (*mark, trademark*). В финском языке есть родственные слова со значением «иметь отметку», что было зафиксировано еще в начале XV века. Глагол *mark* в значении «закрепить цену на объект для продажи» стал использоваться при упоминании маркировки товаров. Устаревшее слово *merchier*, пришедшее во французский из древнего германского языка в XVII веке, употреблялось в значении «отметка, заметка, печать, бренд». С английского и немецкого языков термин *mark* переводится как «знак, впечатление, след», а позднее и как *бренд* [Griniew, 2001].

На сегодняшний день, согласно Ф. Котлеру, насчитывается порядка 80 определений термина «бренд» (по числу выделяемых им концепций маркетинга) [Котлер, 2020]. Их можно классифицировать по конкретным значениям:

---

¹ URL: https://www.etymonline.com/search?q=brand&ref=searchbar_searchhint

- 1) торговая марка продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя. Прежде всего, это уникальная идея продукта, вызывающая спектр ассоциаций, образов, эмоций, которые возникают в сознании человека при упоминании конкретного продукта [Котлер, 2020];
- 2) знак, образ предмета или явления, выделяющий его в ряду конкурирующих марок [Ушаков, 2012].

Бренд, «как и всякий знак, сопрягает материальный и идеальный миры», обладая при этом определенными, специфическими свойствами, отличающими его от других, сходных ему по ряду признаков [Рожков, Кисмерешкин, 2013].

Дэвид Аакер в своей книге «Управление капиталом бренда» дает следующее определение бренда [Аакер, 2003] – особое название или символ (это может быть логотип, торговая марка или дизайн упаковки), предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для дифференцирования этих товаров или услуг от других похожих продуктов.

К первоначальному значению в настоящее время добавляется и его социальная роль: бренд сопоставляет товар с общественным положением человека в обществе, указывает на его место в социальной структуре, на уровень доходов. Бренды также могут содействовать изменению социального статуса, помогать в карьерном росте, становиться основанием для уважения со стороны соседей, друзей и знакомых, в семье. Все эти характеристики, по нашему мнению, способствуют росту их привлекательности среди потребителей, что прежде всего характерно для среднего класса.

На самом же деле приведенных определений недостаточно, поскольку они акцентируют лишь одну из сторон *бренда*, пусть самую важную. Бренд следует понимать как семиотическую единицу – *трехсторонний знак*, в котором закононосителем является название бренда, денотатом – брендируемая сущность, а идея продукта со всеми его ассоциациями, ожиданиями и т. п. – это смысл бренда, его нематериальная составляющая. На наш взгляд, очень удачным и при этом афористическим определением бренда можно считать формулировку классиков локусного маркетинга С. Анхолта и Дж. Хилдрета: «по сути, бренд – это доброе имя чего-либо, предлагаемого публике, не больше и не меньше» [Анхольт, Хильдрет, 2009].

Семантические трансформации термина *бренд*

На практике, в том числе и в профессиональном дискурсе маркетологов, лексема *бренд* подвергается модификациям, свидетельствующим об утрате ею терминологической точности. Рассмотрим их на примерах, взятых из Национального корпуса русского языка.

1. Персонификация бренда: *отождествление бренда с фирмой / компанией*

В общем смысле персонификация (от латинского *persona* – *лицо, facio* – *делаю*) – представление природных явлений, человеческих свойств, отвлеченных понятий в образе человека [Ахманова, 1969]. Однако в данной статье применимо к рассматриваемой лексеме персонификация – это не рассмотрение личности как бренда (что называется личностным, или персональным брендом и представляет собой метафору, хорошо известную и описанную в литературе; терминологическое понимание бренда при этом сохраняется), а придание бренду свойств субъекта (см. примеры 1–7). Семантика такой трансформации вполне понятна, прагматика объяснима, и встречается она в языке нередко, однако очевидно, что такое использование слова *бренд* не соответствует указанному выше пониманию этого термина как трехстороннего знака и является нетерминологичным.

- 1) *Бренд Vonprix расширил логистическую сеть за счет сотрудничества с 5Post.*
- 2) *Конкурирующие бренды бросились вдогонку.*
- 3) *Покрас работает с такими с брендами, как YSL, Adidas, Nike, Mercedes-Benz, Dries Van Noten, Lamborghini.*
- 4) *Бренд Lexus рекламирует на выставке новый премиальный седан бизнес-класса Lexus ES.*
- 5) *Code Red стал коммерческим, Дмитрий принял, пожалуй, самое мудрое и благородное решение – он ушел из этого бренда.*
- 6) *«Алроса» продала желтый бриллиант «Жар-птица» массой 20, 69 карата известному мировому бренду премиальных ювелирных изделий Graff Diamonds.*
- 7) *Российский бренд одежды Rasario уличили в копировании наряда французского модного дома Yves Saint Laurent.*

Очевидно, что бренды не могут выполнять приписываемые им в вышеприведенных примерах действия – в примерах 1, 3–7 брендами названы денотаты соответствующих знаков, а в примере 2 конкретные денотаты не указываются, форма множественного числа означает просто «фирмы» или «компании», о хорошей репутации которых мы ничего не знаем (и брендами они названы голословно).

2. Отождествление бренда со закононосителем

Наименование бренда – элемент его идентификации. Именно это потребитель замечает в первую очередь, и это непосредственно влияет на формирование его отношения к конкретному бренду. Однако зачастую именно наименование бренда может быть «опущено» авторами по некоторым экономическим соображениям (релейтинг, трансформация бренда, административные или же юридические причины и др.). Лексема *бренд* сама по себе ассоциируется у потребителя со стабильностью, престижностью, что может использоваться как самим производителем, так и СМИ для придания большей значимости объекту.

- 8) *Бренд [без указания конкретного имени бренда, компании] отображается в объявлении и должен быть хорошо виден на этикетке или лицевой стороне упаковки товара.*
- 9) *Если голос врёт, то зритель перестает верить в бренд.*

3. Отождествление бренда с продуктом

- 10) *Бренд должен представлять собой определенную форму обуви, которая обычно не регулируется законодательством ЕС, а также цвет подошвы.*
- 11) *Бренды спортивной обуви представлены в дальнем конце торгового зала.*

4. Отождествление бренда с линейкой брендируемых продуктов

- 12) *Партитура бренда содержит еще одну часть: новейший мануфактурный механизм с автоподзаводом, благодаря вдохновению творчества Антонио Вивальди, автора знаменитого цикла «Времена года».*

В последнем примере используется еще и музыкальная метафора.

Заключение

В заключение отметим, что бренд – это торговая марка продукта в наиболее предпочтительном образе, имеющем высокую репутацию у потребителя и существующем в его сознании. Это также оригинальная идея продукта, вызывающая спектр эмоций, образов, идей. Однако часто как в обыденной речи, так и в СМИ лексема *бренд* употребляется нетерминологически, что обусловлено потерей первоначального терминологического свойства служить трехсторонним знаком, каждая из сторон которого обозначает определенный класс сущностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Clyne M.* Cultural Differences in the Organization of Academic Texts: English and German // *Journal of Pragmatics*. 1987. Vol. 11. Issue 2. P. 211–241.
2. *Лунева О. В.* Лингвостатистическое исследование подъязыка специальности. Цифровые сигнальные процессоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1996.
3. *Мелех Н. Н.* Проникновение терминологических единиц в общеупотребительную лексику: экспериментально-сопоставительное исследование на материале разностилевых английских и русских текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.
4. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина. М.: МГУ, 2000.
5. *Лубожева Л. Н.* Причины миграции профессиональной лексики в словарный состав общеупотребительного языка // *Языки профессиональной коммуникации: сборник статей участников Третьей международной научной конференции*. 2007. Т. 1. С. 57–60.
6. *Аникин Ю. В.* Детерминологизация английской экономической терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. С. 26.
7. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005.
8. Koerting G. Lateinisch-Romanisches Wörterbuch (Etymologisches Wörterbuch Der Romanischen Hauptsprachen). F. Schöningh. 1907.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 2016.
10. *Griniew S.* Some Tendencies of Terminology in the Era of Globalization. Neoterm World Specialized Terminology // *Journal of the International Federation of Terminology Banks*. 2001. Vol. 39/40. 49–53.
11. *Котлер Ф.* Основы маркетинга. М.: Вильямс, 2004.
12. *Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь русского языка: современная редакция. М.: Дом славянской книги, 2008.

13. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Брендинг: учебник для бакалавров. Юрайт, 2013.
14. Аакер Д. Создание сильных брендов. М.: Издательский дом Гребенникова, 2008.
15. Анхольт С., Хильдрет Дж. Бренд Америка. Мать всех брендов. М.: Добрая книга, 2009
16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. Энциклопедия, 1969.

REFERENCES

1. Clyne, M. (1987). Cultural differences in the organization of academic texts: English and German. *Journal of pragmatics*. 1987, 11(2), 211–241.
2. Luneva, O. V. (1996). *Lingvostatisticheskoe issledovanie pod "yazyka special'nosti. Cifrovye signal'nye processori = Linguistic statistical study of the sublanguage of the specialty. Digital signal processors: abstract of PhD in Philology. Ivanovo.* (In Russ.)
3. Melekh, N. N. (2004). *Proniknovenie terminologicheskikh edinic v obshcheupotrebitel'nyuyu leksiku: eksperimental'no-sopostavitel'noe issledovanie na materiale raznostilevykh anglijskikh i russkikh tekstov = Penetration of terminological units into common vocabulary: an experimental comparative study based on the material of different styles of English and Russian texts): abstract of PhD in Philology. Pyatigorsk.* (In Russ.)
4. Volodina, M. N. (2000). *Kognitivno-informacionnaya priroda termina = Cognitive-informational nature of the term. Moscow. MGU.* (In Russ.)
5. Lubozheva, L. N. (2007). *Reasons for the migration of professional lexis into the common lexis. Languages of professional communication (pp. 57–60): collection of articles by the participants of the Third International Scientific Conference. Book 1.* (In Russ.)
6. Anikin, Yu. V. (2010). *Determinologizaciya anglijskoj ekonomicheskoy terminologii = Determinologization of English economic terminology: abstract of PhD in Philology. Samara.* (In Russ.)
7. Maslova, V. A. (2005). *Kognitivnaya lingvistika = Cognitive Linguistics. Minsk: TetraSistems.* (In Russ.)
8. Koerting, G. (1907). *Lateinisch-Romanisches Wörterbuch = Etymologisches Wörterbuch Der Romanischen Hauptsprachen. F. Schönigh.*
9. Duden. *Deutsches Universalwörterbuch.* 2016.
10. Griniew, S. (2001). *Some tendencies of terminology in the era of globalization. Neoterm world specialized terminology. Journal of the International Federation of Terminology Banks, 39/40, 49–53.*
11. Kotler, P (2004). *Osnovi marketinga = Marketing management. Moscow: Wiliams.* (In Russ.)

12. Ushakov, D. N. (2008). Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redakciya = The Explanatory Dictionary of the Russian Language: modern edition. Moscow: Dom Slavyanskoj knigi. (In Russ.)
13. Rozhkov, I. Ya., Kismereshkin, V. G. Brending: uchebnik dlya bakalavrov = Branding: textbook for bachelors. Moscow: Izdatel'stvo Yurajt, 38. (In Russ.)
14. Aaker, D. (2008). Sozdanie sil'nyh brendov = Building strong brands. Moscow: Izdatel'skij dom Grebennikova. (In Russ.)
15. Anholt, S., Hildreth, J. (2009). Brend Amerika. Mat' vsekh brendov = Brand America: The mother of all brands. Moscow: Dobraya kniga. (In Russ.)].
16. Akhmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sov. Enciklopediya. (In Russ.).

Информация об авторе

Лежнина В. Е. – аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Lezhnina V. E. – postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'362

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_193

ОТРАЖЕНИЕ ОЦЕНОЧНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ОПИСАНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КУХНИ XIV ВЕКА

А. О. Манухина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется специфика оценочных характеристик на материале средневековых поваренных книг XIV века, написанных на латинском и среднефранцузском языках. Кулинарные традиции Франции, запечатленные в письменных памятниках Средневековья, сформировались под влиянием религиозных представлений и народных устоев, что нашло отражение в оценочных структурах языка. В работе рассматривается восприятие повседневности человеком третьего сословия через призму этических и эстетических стереотипов эпохи.

Ключевые слова: оценочные характеристики, традиционная французская кухня, латинские и среднефранцузские письменные памятники Средневековья

Для цитирования: Манухина А. О. Отражение оценочного восприятия повседневности в описаниях средневековой французской кухни XIV века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 193–205. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_193

Original article

REFLECTION OF THE EVALUATIVE PERCEPTION OF EVERYDAY LIFE IN THE DESCRIPTIONS OF MEDIEVAL FRENCH CUISINE OF THE XIV CENTURY

A. O. Manuhina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of evaluation characteristics based on the material of medieval cookbooks of the XIV century, written in Latin and middle French. The culinary traditions of France, embodied in written monuments

of the Middle Ages, were formed under the influence of religious beliefs and folk customs, which is reflected in the language in the evaluation structures. The work considers the perception of everyday life by a person of the third estate through the prism of ethical and aesthetic stereotypes of the epoch.

Key words: evaluation characteristics, traditional French cuisine, Latin and middle French written monuments of the Middle Ages

For citation: Manuhina, A. O. (2021). Reflection of the evaluative perception of everyday life in the descriptions of medieval French cuisine of the XIV century. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 193–205. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_193

Введение

В любую эпоху у любого народа феномен еды является важнейшей частью повседневной жизни. Процесс принятия пищи – это культурный ритуал, посредством которого индивид осознает себя частью того или иного социума. Все аспекты, относящиеся к кухне, выстроены на основе сложившихся в обществе стереотипов. Поведенческие нормы, связанные с приготовлением и приемом пищи, отражают хранимые и передаваемые из поколения в поколение культурные ценности, накопленные народом.

Кулинарные традиции Франции, воплощающие национальный менталитет, уходят корнями в Средние века. Средневековая французская кухня представляет собой сочетание традиций римских, пришедших на территорию Галлии еще в эпоху Античности, германских, связанных с ранним Средневековьем, и восточных (арабских и византийских), попавших на территорию Франции благодаря рыцарям, вернувшимся из Крестовых походов.

Цель работы состоит в выявлении и изучении способов оценочного восприятия повседневности через описание традиционных блюд французской кухни. В оценке, реализованной в ранних текстах, посвященных кулинарии, письменных памятников XIV века, отражено отношение человека того времени к сложившейся традиции питания. В рецептах блюд, характерных для эпохи Средневековья, воплотилась национально-культурная специфика народа.

Материал исследования – средневековые поваренные книги на латинском и среднефранцузском языках. Наиболее ранняя из

них – латинская анонимная книга XIV века «Liber de coquina ubi diuersitates ciborum docentur» [Liber ... 1971]. Книга состоит из двух частей, и существует предположение, что первая ее часть была написана французом, а вторая – итальянским автором и была преподнесена как подарок одному из правителей Анжу-Сицилийского дома (Maison sarétienne d'Anjou-Sicile), правившего Провансом и Сицилией в XIII веке. Сохранившиеся рукописи XIV века¹ восходят, очевидно, к более раннему, не дошедшему до нас, оригиналу XIII века.

Первая кулинарная книга на французском языке (а, возможно, и одна из первых книг на народном романском языке) «Le Viandier de Guillaume Tirel dit Taillevent» [Le Viandier ... 1892], приписывается Гийому Тирелю², жившему в первой половине XIV века и известному как Тайеван – шеф-повару (maîtres queux) королевского двора Франции при Карле V и Карле VI.

Одним из самых подробных трудов, написанных на французском языке и посвященных традиционной французской кухне и умению вести дом, является анонимный трактат «Le Ménagier de Paris» 1393 года [Le Ménagier, 1844]. Он признан наиболее обширным произведением по средневековой кулинарии [Bourin, 2010]. Автором трактата считается некий bourgeois parisien, представивший свой труд как свод наставлений для своей молодой жены: «un traité général des devoirs d'une femme mariée avec l'idée que cet ouvrage pourrait aussi être utile à ses filles et à ses amies» [Le Ménagier ... 1844, с. 23].

Все три изучаемые сочинения созданы в одно время, их авторы – неблагородные сеньоры, а люди третьего сословия, уже имевшие в XIV веке возможность получить образование, и поэтому умеющие как составлять документы, так и писать художественные произведения. Постепенно такие книги стали составляться на народном

---

¹ Сочинение «Liber de coquina ubi diuersitates ciborum docentur» дошло до нас в двух манускриптах XIV в., находящихся в настоящее время в Национальной библиотеке Франции.

² Авторство книги традиционно приписывают Гийому Тирелю благодаря Ж. Ф. Пишону и его первой публикации рукописи в 1892 г. Однако манускрипт, найденный в 1950-х гг. в Archives cantonales du Valais, оказавшейся наиболее ранней версией этого документа, датируется ранее 1300 г. Таким образом, текст сочинения был создан на старофранцузском языке анонимным автором XIII в. еще задолго до Г. Тиреля. Подобное было типично для Средневековья, когда книги копировались, дополнялись новыми текстами и выдавались за произведения других авторов.

французском языке, а не на «ученой книжной» латыни. Их возникновение отражает изменившиеся тенденции в культуре и потребностях европейского общества: проявляется интерес к бытовым деталям, к повседневной жизни простого человека. Адресат такого рода книг по кулинарии не имел конкретного социального статуса: это мог быть сюзерен (кому предназначался в дар «Liber de coquina») или придворный короля (как читатель «Le Viandier de Taillevent»), но также и простая женщина – жена парижского буржуа (автора «Le Ménagier de Paris»).

Специфика оценочного восприятия

В сочинениях отображены уже сложившиеся во французском средневековом социуме традиции кухни. Приведенные в текстах названия рецептов блюд и напитков мы условно распределили по следующим тематическим блокам:

- по имени собственному:
tarte Bourbonnaise;
- по географическому имени:
soubtil brouet d’Engleterre (изысканная английская похлебка)
pastes à la Lombarde (ломбардский паштет)
tourte Parmérienne (пармский пирог)
- названия блюд – топонимы:
boussac de lièvre (Boussac – область в регионе Лимузен)
montreuil et faulx grenon (Montreuil – области в долине Луары и в Вандее)
chaudun de porc (Chaudun – регион на севере Франции)
condoignac (Condoignac – историческая провинция Франции)
oeufs en meurette (meurette – винный соус, названный по одной из областей Бургундии)
Mammonia (от средневекового топонима греческого или ближневосточного происхождения)
- по социальному статусу потребителя:
pouldre de duc, saulce Ma Dame, esche roys (паштет из рыбы)
- по месту приготовления:

tarte jacobine (отсылка к монастырю монашеского ордена доминиканцев или яacobинцев: *ordre dominicain ou Jacobin*, получившему название от Святого Якова, покровителя ордена)

- по основному ингредиенту:
  - amigdalial (блюдо из миндаля с медом)
  - limasson (улитки)
  - renouilles (лягушки)
  - fromentée (пудинг, *букв.* ‘пшеница’)
  - bourbelier (грудинка или лопатка кабана)
  - tourtes d’espinoches (пирог со шпинатом)
  - gauffres couleisses (сырные вафли),
  - lait lardé (*букв.* ‘шпигованное молоко’),
  - poulet aux pruneaux et aux dates (цыпленок со сливами и финиками),
  - perdriz auls choulx (куропатка с капустой);
- по использованным в блюде приправам:
  - vin de roses (вино с добавлением цветков розы)
  - bouillon au persil (бульон с петрушкой)
  - soupe à l’oignon (луковый суп)
  - soupe en moustarde (суп с горчицей)
  - brochiez au romarin (щука с розмарином)
  - comminée de poullaille (от *cumin* – тмин: цыпленок с тмином)
  - comminée d’almendes (цыпленок с тмином и миндалем)
  - brouet de canelle (похлебка с корицей)
  - brouet houssié (пряная похлебка)
  - froide sauge (холодный цыпленок с шалфеем)
- по способу приготовления:
  - fristella (от глагола *frire*: жареная паста – *rôte frite*)
  - soupe dépourvue (суп быстрого приготовления, *букв.* ‘из ничего’)
  - arboulastre¹ en tarte faite dans la paelle (пирог с арбулястром, запеченный на сковороде)
  - oeufs heaumés (*букв.* ‘яйца в шлеме’, то есть приготовленные в скорлупе)
  - chapon bardé (каплуи ‘облаченный в латы’, то есть обложенный ломтиками сала и запеченный в тесте)

¹ Рецепт *arboulastre* как горячего блюда (плотный омлет с травами и зеленью), впервые зафиксированный в «Le Ménagier de Paris», и в настоящее время используется в традиционной французской кухне, например, для приготовления киша (*Прим. автора*).

faisans et paons tous armés (фазаны и павлины «в доспехах»,
т. е. приготовленные с кожей и под соусом)
oeufs à la braise (яйца на углях)
chaudumel¹ au bescuits de brochiez (щука в соусе с тостами)
sivé² d'oeufs fris (рагу из яиц)
capilotaste (рагу из обрезков мяса)
cretonnée³ (пюре с молоком из мяса или овощей)

— по цвету:

porée *blanche*, dodine⁴ *rouge*, dodine *blanche*, dodine de *vert* jus,
brouet *vert* d'oeufs et de fromage, *blanc-manger* à poisson;

— по форме и размеру блюда:

gros bastons, *pastillus* (круглая ароматная лепешка)
taillis (*букв.* ‘перелесок’: десерт, смесь из изюма и яблок)

— по религиозному календарю:

*fouace*⁵ (мучная пряная лепешка, круглая или в форме кольца,
которую традиционно готовили на религиозные праздники)
porée de cresson en Karesme (порей с салатом в Великий пост)
rissoles en jour de char (котлеты в скоромные дни)
riz engoulé à jour de mangier char (*букв.* ‘рис, проглоченный
в скоромные дни’)
rissole à jour de poisson (котлеты в рыбные дни).

Как следует из нашей выборки, наиболее частотные выявленные в текстах названия – по способу приготовления. В них отражено не только содержание блюда и способ приготовления (*fristella*, *arboulastre en tarte faite dans la paille*), но и оценочное отношение к приготовленному. Оценка вербализована следующими лексическими способами:

¹ *Chaudumel* – тип средневекового соуса [Godefroy, 1892, с. 96].

² *Sivé* (в современной орфографии *civet*) – это блюдо сохранилось в современной французской кухне как рагу из мяса с луком, чесноком и красным вином.

³ *Cretonnées* – это блюдо под названием «кретон» сохранилось в современной французской и канадской кухне.

⁴ *Dodine* – наиболее популярный средневековый соус на основе вина, сока или молока, пряностей и мяса дичи («sorte de sauce qui se faisait de blanc de charbon, amandes, ail et oeufs, et se servait sur les oisons» [Godefroy 1892, с. 734]).

⁵ *Fouace* – это блюдо сохранилось во французской кухне в провинции Бос как традиционный десерт к кофе, а также в Провансе – несладкий прованский фуас – подается к первым блюдам.

- эпитетом, указывающим на простоту в приготовлении (*soupe dépourvue*). Эпитет в данном контексте, несмотря на отрицательный коннотат в самой семантике прилагательного (*лишенный, обделенный, не содержащий*) реализует положительную оценку, указывая на доступность и отсутствие сложных ингредиентов;
- метафорой: *oeufs heaumés, faisans et paons tous armés, chapon bardé*. Употребленные здесь прилагательные *heumé* (от среднефранцузского *heume* – шлем), *armé* (букв. ‘вооруженный’, ‘в доспехах’, оценочное значение усилено наречием-интенсификатором *tous*) не столько указывают на способ приготовления кушанья, сколько служат для создания метафоры и создают несколько ироничный, сниженный «рыцарский» образ. В примере с *bardé* мы видим игру слов, так как прилагательное *bardé* имеет двойное значение: «окованный, обложенный в латы» (от *barde* в значении «конский доспех») и «нашпигованный, обложенный салом» (от *barde* в значении «ломтик сала»), и оба значения актуализированы в данном контексте, имплицитно указывая на отношение простого народа к высшему сословию.

Очевидно, такие названия существовали в народе еще задолго до записи рецептов в XIV веке: авторы сочинений не изобретали новых блюд, а фиксировали то, что было уже привычным и узнаваемым как для составителя, так и для адресата книги. В этом фрагменте проявляется не индивидуальная авторская оценка, а обобщенное оценочное восприятие народом своей традиционной кухни.

В тексте «Le Ménagier de Paris» проявляется авторская оценка рецепту. Так, сложное в приготовлении блюдо «roules farcies coulourées ou dorées» оценивается как непозволительная роскошь:

Mais il y a trop à faire. Ce n'est pas ouvrage pour le queux d'un bourgeois non mie d'un chevalier simple; et pour ce je le laisse [Le Ménagier ..., 1844, с. 269].

Но здесь слишком много делать. Это работа не для повара буржуа или простого рыцаря; и поэтому я его опускаю¹.

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. М.

Имплицитно общая отрицательная оценка выражена и в последнем высказывании автора *et pour ce je le laisse* (то есть блюдо не подходит для практичного буржуа настолько, что не стоит даже о нем упоминать): этот отрывок подчеркивает положение, которое занимал составитель книги в обществе.

Интересно, что во многие рецепты включен хлеб как обязательный компонент (*tranches de pain, mie de pain, mies grillées*), что также отсылает нас к средневековым стереотипам: «хлеб и вино входили в предписания святого Бенедикта относительно правильного питания, что способствовало их активному распространению, особенно после того, как все монахи, начиная с 817 года, стали придерживаться основных положений его учения о питании» [Поло де Болье, 2006, с. 313]. Здесь мы видим взаимопроникновение традиционных народных и религиозных представлений.

Отдельное внимание авторов обращено на тонкости приготовления, например, на соусы – их подробное описание свидетельствует о том, что уже в XIV веке в приеме пищи важен был не столько результат (чувство сытости), сколько удовольствие от самого процесса: еда стала восприниматься как источник наслаждения. Так, в «*Le Viandier de Taillevent*» дается множество вариантов приготовления соуса *dodine* (*dodine de laict, dodine rouge, dodine blanche, dodine de vert jus*), что подтверждает особый интерес французского общества к деталям как эстетической стороне приготовления блюд. Рассмотрим несколько примеров:

Pour faire dodine de laict sur tous oyseauls de revières, prenez du laict, et puis mettez en ung poisle, puis demie once de gingembre pour deux platz, passez l'estamine, avec deux ou trois moyeux d'oeufs et les faictes bouillir tout ensemble avec laictet sucre qui vault, et quand les oyseaulx seront cuitz, mettez la dodine dessus [*Le Viandier ... 1892, с. 13*]

Prens du pain blanc & le fais rostir bien roux sur le gril, & la mets

Чтобы сделать *Dodine* из молока любой водоплавающей птицы, возьмите молоко, затем налейте его в кастрюлю, затем добавьте половину унции имбиря на два блюда, процедите через сито с двумя или тремя желтками яиц и вскипятите все вместе со сладким молоком, кто хочет, и когда птица будет пожарена, добавьте сверху *Dodine*.

Возьми белый хлеб и поджарь его хорошенько до золотистого цвета

tremper en fort vin vermeil, puis faits faire des oignons par rouelles en saing de lard, & passe ton pain par l'estamine, puis pour espice, canelle, muscade, clou de girofle, & sucre & un peu de sel, & fais le tout bouillir ensemble avec la gresse de canard, & quand il sera cuit, jette sur ton canard, ou oiseau de riuère [Le Viandier ... 1892, с. 15].

на гриле, размочи его в крепком красном вине, поджарь кружочки лука в растопленном сале, процеди хлеб через сито, затем в качестве приправ – корица, мускат, палочка гвоздики и сахар, и немного соли, всё вскипятить с утиным жиром, и когда она (т.е. утка) будет пожарена, вылей на твою утку или дру- гую водоплавающую птицу.

Имплицитно положительная гедонистическая и эстетическая оценка проявляется в подробном описании приготовления вариантов этого соуса и тщательном подборе ингредиентов.

Культурные составляющие продуктов питания отражают своеобразие национальной культуры. В рецептах, названия которых перечислены выше, присутствует типичная для всех трех сочинений особенность: подробное описание множества специй, пряностей и причудливое сочетание приправ, которыми обильно снабжены все виды блюд. Некоторые специи вынесены в название кушанья. В самих описаниях рецептов присутствуют как привычные современному человеку приправы (*persil, oignon, moustarde, romarin, cumin, canelle, sauge, almende, safran*), так и экзотические, известные в Средневековье, но забытые сейчас пряности: *aunée* (девясил), *maniguette* (разновидность кардамона, амомум), *garingal* (Plante d'origine orientale, dont la racine était considérée autrefois comme médicinale et aromatique [Godefroy, 1892, с. 692]).

В Средневековье употребление редких и дорогостоящих приправ должно было, в первую очередь, свидетельствовать о высоком положении заказчика и потребителя блюд, то есть считалось проявлением гастрономического маркера «элитарности» его социального статуса. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в одно блюдо входило множество специй и трав, часто в сочетании, непривычном для современного человека. Такое обильное их использование не только имело целью придать блюдам благородный вкус и специфический запах: согласно распространенным в средневековье легендам и поверьям, многие специи наделялись определенным набором качеств,

способных положительно влиять на человека. Особенно это касалось пряностей, попавших в Европу с Востока в эпоху Крестовых походов: например, считалось, что *almende* (миндаль) был способен снимать боль и заживлять раны, *safran* (шафран) восстанавливал душевные силы, *sauge* (шалфей) притягивал благополучие, *canelle* (корица) физически и душевно очищала человека и т. д. В этом книга рецептов XIV века сродни средневековым гримуариям.

В «Le Ménagier de Paris» можно видеть, что между кулинарией, медициной и колдовской книгой в XIV веке проходила тонкая грань – некоторые продукты, обыденные для современного человека, наделялись вполне конкретными медицинскими и даже магическими качествами:

Médecine pour garir de morsure
de chien ou de autre beste
arragée. Prenez une crouste de
pain et escripez: fiat, fiat, fiat
[Le Ménagier ... 1844, с.259].

Лекарство, чтобы исцелить от укуса собаки или другого бешеного животного. Возьмите корку хлеба и напишите: «Да будет так, да будет так, да будет так».

В этом примере заметна параллель как со средневековыми медицинскими трактатами, так и популярными в народе магическими поверьями.

Заключение

Изучение оценочного компонента на материале поваренных книг XIV века позволяет сделать вывод о том, что кулинария являлась важнейшей частью культурно-бытового уклада жизни Франции того времени.

Рассмотренные нами документы представляют собой ценнейший языковой и культурный материал для исследования. В такого рода письменных памятниках намного более явно, чем в литературных сочинениях, отображены представления о быте. Специфика французской средневековой национальной культуры реализована через отношение к приготовлению и потреблению пищи. В средневековом восприятии не было оценочно нейтральных предметов: все объекты или явления повседневной действительности получали оценку через призму отношений «человек / универсум». Корни отношения французов к кулинарии уходят в древние представления о голоде и сытости. Средневековые поваренные книги, с одной стороны, имплицитно

свидетельствуют «о самом большом страхе средневековых многонаселенных мест – страхе голода» [Ле Гофф, 2012, с. 39]. По утверждениям историков, «1315–1322 годы для Европы оказались невероятно голодными» [Ле Гофф, 2008, с. 97], а впоследствии ужасы Столетней войны (1337–1453) сделали мечту о мире, спокойствии и богатстве недоступной, но притягательной. Мечты средневекового человека о достатке отсылают нас к средневековой французской легенде о Кокани, «мифической стране питательного изобилия, в котором количеству сопутствует и качество, картине земных наслаждений, где каждый может поесть сколько душа пожелает» [Ле Гофф, 2012, с. 37]. Таким образом, книги о кулинарии как «детнице средневекового воображения» [там же, с. 139], наряду с художественными произведениями того времени, служат своего рода зеркалом, в котором отражены этические и эстетические стереотипы эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Liber de coquina ubi diuersitates ciborum docentur* (saec. XIV.) // Mulon Marianne: Deux traités inédits d'art culinaire médiéval. In: Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1610) du Comité des Travaux historiques et scientifiques. Année 1968: Actes du 93e Congrès national des Sociétés savantes tenu à Tours. Volume I: Les problèmes de l'alimentation. Paris., 1971, P. 369–435.
2. *Le Viandier de Guillaume Tirel dit Taillevent*, publié sur le manuscrit de la Bibliothèque nationale, précédé d'une introduction et accompagné des notes par le baron Jérôme Pichon. – Paris: Techener, MDCCCXCII.
3. *Le Ménagier de Paris*, traité de morale et d'économie domestique composé vers 1393, par un bourgeois parisien. Tome second. Paris: L'imprimerie de Crapelet, MDCCCXLIV.
4. *Bourin J.* Cuisine medievale. Paris: Flammarion, 2010..
5. *Godefroy Frederic.* Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Genève – Paris: Slatkine, 1892.
6. *Поло де Болье М.-А.* Средневековая Франция. М.: Вече, 2006.
7. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2012.
8. *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. М.: Александрия, 2008.
9. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001.

REFERENCES

1. Liber de coquina ubi diuersitates ciborum docentur (saec. XIV.). Mulon Marianne (1971): Deux traités inédits d'art culinaire médiéval. In: Bulletin philologique et historique (jusqu'à 1610) du Comité des Travaux historiques et scientifiques (pp. 369–435). Année 1968: Actes du 93e Congrès national des Sociétés savantes tenu à Tours. Vol. I: Les problèmes de l'alimentation. Paris.
2. Le Viandier de Guillaume Tirel dit Taillevent, publié sur le manuscrit de la Bibliothèque nationale, précédé d'une introduction et accompagné des notes par le baron Jérôme Pichon (1892). Paris: Techener.
3. Le Ménagier de Paris, traité de morale et d'économie domestique composé vers 1393, par un bourgeois parisien (1842). Tome second. Paris: L'imprimerie de Crapelet.
4. Bourin, J. (2010). Cuisine medievale. Paris: Flammarion.
5. Godefroy, Frederic. (1892). Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle (composé d'après le dépouillement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimés qui se trouvent dans les grandes bibliothèques de la France et de l'Europe et dans les principales archives départementales, municipales, hospitalières ou privées). Genève – Paris: Slatkine.
6. Polo de Bol'e M.-A. (2006). Srednevekovaya Franciya = Medieval France. Moscow: Veche. (In Russ.)
7. Le Goff Zh. (2012). Geroi i chudesa Srednih vekov = Heroes and Wonders of the Middle Ages. Moscow: Tekst. (In Russ.)
8. Le Goff Zh. (2008). Rozhdenie Evropy = the Birth of Europe. Moscow: Aleksandriya. (In Russ.)
9. Le Goff Zh. (2001). Srednevekovyj mir voobrazhaemogo = The medieval world of the imaginary. Moscow: Progress. (In Russ.)

Информация об авторе

Манухина А. О. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Manuhina A. O. – PhD (Philology Science), Associate Professor, Head of the Department of the Phonetics and Grammar of the French language, Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 472.881.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_206

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ
В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОЙ ЛИНГВИСТИКИ
(на примере немецкого языка)**

Н. Ю. Мороз¹, Н. В. Чурилова², Е. А. Калашникова³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹nataschamoroz@yandex.ru

²mchurilovanad@mail.ru

³elk99@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические этапы миграционных потоков и их влияние на титульный язык страны пребывания мигрантов, предпосылки и условия трансформации норм немецкого языка, также поднимается проблема формирования измененного языкового сознания как следствие процессов новых языковых контактов между разноязычными мигрантами и между мигрантами и коренным населением.

Ключевые слова: трансформация языковых норм, исторические этапы миграционных процессов, миграционная лингвистика, титульный язык, многоязычие, переключение коммуникационных кодов

Для цитирования: Мороз Н. Ю., Чурилова Н. В., Калашникова Е. А. Трансформация языковых норм в контексте миграционной лингвистики (на примере немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 206–221. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_206

Original article

**TRANSFORMATION OF LANGUAGE NORMS
IN THE CONTEXT OF MIGRATION LINGUISTICS
(using the example of the German language)**

N. Yu. Moroz¹, N. V. Churilova², E. A. Kalashnikova³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹nataschamoroz@yandex.ru

²mchurilovanad@mail.ru

³elk99@mail.ru

Abstract. This article examines the historical stages of the emergence of migration flows and their impact on the titular language of the host country of migrants. The relevance of the topic is due to the interest of domestic and foreign (German) linguists in the transformation of the linguistic norms of the German language under the influence of ethno-cultural factors of multilingualism of ethnic minorities living in Germany. The subject of the linguistic research of this article is the analysis of the conditions and prerequisites for the appearance of transformations in the grammatical and lexical structures of the German language of migration linguistics as one of the newest scientific areas of linguistics. In addition, it raises the topic of the formation of a changed language consciousness of migrants who are learning German as the official language of the host country.

Key words: transformation of language norms, historical stages of migration processes, migration linguistics, titular language, multilingualism, codeswitching communication

For citation: Moroz, N. Yu., Churilova, N. V., Kalashnikova, E. A. (2021). Transformation of language norms in the context of migration linguistics (using the example of the German language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 206–221. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_206

Введение

Область исследования «Миграционная лингвистика» представляет собой новое направление языкознания, выполняя функцию интерфейса между несколькими иноязычными филологическими аспектами. Проблема миграции находится в центре внимания многих наук и представляет большой интерес с точки зрения лингвистики в контексте влияния данного феномена на язык и языковую картину общества в целом [Зубарева, Шустова, 2018].

Тема «Миграция и язык» будет наиболее обсуждаемой проблемой в лингвистике в последующие десятилетия наряду с проблемами изменения климата, глобализации экономики и новых политических, социальных и военных угроз. Томас Штель (Thomas Stehl), немецкий лингвист, считает основной задачей миграционной лингвистики исследование языковых и социолингвистических аспектов миграционных процессов и, как результат, формирующихся кейсов языкового контакта в формате новой парадигмы лингвистики и культурного трансфера [Stehl, 2011]. С этой целью анализу подвергается динамика языковых контактов вступающих в межкультурную коммуникацию разноязычных сообществ, реализуя тем самым обмен языковыми структурами,

традициями дискурса и культурами. Интерес к этой области исследований вызван процессами глобализации и связанными с ними национальными и транснациональными иммиграционными процессами. Эмпирическим предметом исследования миграционной лингвистики, по мнению Томаса Штель, должны стать как классические массовые миграционные передвижения XIX-XX веков (например, эмиграция из Африки в Европу или из Восточной Европы в Западную, из Западной Европы в Америку, национальная внутренняя миграция (например, из Восточной Германии в Западную или из Южной Италии в Северную и т. д.), так и более поздняя по времени иммиграция на родину последующих поколений мигрантов [Stehl, 2011].

Уве Хинрихс (Uwe Hinrichs) высказывает мысль о том, что только со второй половины XX века в научном сообществе укоренилась точка зрения, что история языка – это прежде всего история языковых контактов, а изменения языковой структуры – это феномен, образующийся в основном посредством контактов и конфликтов языков [Hinrichs, 2013]. Помимо этого, он рассматривает последствия международных экономических и торговых контактов, которые приводят к всё более интенсивной мобильности рабочей силы и к новым формам миграции и культурных контактов. Наиболее важными предметами исследования миграционной лингвистики в историческом контексте являются:

- колониальные завоевания европейских государств в XVI–XIX веках, и как результат процессы исторически ориентированной миграционной лингвистики;
- массовая миграция европейцев в XIX–XX веках, результатом которой явились прогрессивные на начальном этапе интеграционные процессы и разнообразные межязыковые контакты, например, между европейскими и индоамериканскими языками и последующая социальная изоляция сообществ мигрантов в Северной и Южной Америке;
- современная миграция XX и XXI веков, имеющая огромное значение социополитического масштаба, в рамках которого миграционные сообщества сталкиваются с ситуациями двуязычия и одновременно с языковой и социальной интеграцией или – в худшем случае – с языковой и социальной изоляцией;
- внутренние миграционные процессы на общем рынке труда европейских государств, носящие длительный или временный

характер, например, миграция специалистов в Западную или Северную Европу [Stehl, 2011];

- миграционные процессы, происходящие на внутреннем рынке, возникшие в результате исхода людей из сельской местности в города как фактор урбанизационной агломерации и, как следствие, формирование языковых «гетто» отдельных сообществ и генезис особых форм языка (например, молодежный сленг и технолекты).

Новые языковые контакты как первопричины трансформации грамматических и лексических норм немецкого языка

В современном немецком обществе миграция влияет практически на все сферы деятельности в обществе. И это не случайно, ведь Германия в последние десятилетия стала самой популярной страной, привлекающей многочисленных мигрантов из разных стран. Этот факт способствовал тому, что именно в Германии фиксируются интенсивные процессы формирования мультязычного общества. Родные языки мигрантов стали неотъемлемой частью языковой картины Германии и ошутимо изменяют языковую карту этой страны.

В 2012 году в Германии насчитывалось от 16 до 17 млн жителей с миграционными корнями, это примерно одна пятая населения Германии. Изменения в сторону увеличения доли мигрантов особенно очевидны среди молодежи, где соотношение между коренным населением и молодежью с миграционным фоном постепенно приближается к параметрам 1:1 [Hinrichs, 2013].

По информации Статистического федерального ведомства Германии от 29 марта 2021 года сообщается, что к концу 2020 года в Германии были зарегистрированы еще 11,4 млн иностранцев. Их количество увеличилось на 1,8% по сравнению с предыдущим годом. В 2017 году в Германии насчитывалось более 19 млн мигрантов (www.destatis.de).

Это означает, что в Германии в 2012 году около 17 млн ее жителей ежедневно говорили не на немецком, а на ином языке. Поскольку новое многоязычие распространяется по всей территории Германии, возникают многочисленные языковые формы, отличающиеся от классических стандартных правил грамматики и лексики немецкого

языка. Каждый говорящий на своем родном языке мигрант отличается от других мигрантов уровнем общих знаний, образованием, способностями, биографией и социальным окружением. Если мигрант с детства растет в двуязычной среде или долго находится в какой-либо стране, у него формируется свое отношение к обоим языкам, отличающееся от одноязычного носителя родного языка. Чем дольше мигрант находится в Германии, тем больше он «забывает» ритм родного языка.

Переключение коммуникационных кодов (codeswitching)

Немецкий язык может служить репрезентативным примером трансформации своих грамматических и лексических структур, происходящей под влиянием новых интенсивных языковых контактов. В мультикультурных агломерационных пространствах за последние десятилетия возникли экстремальные формы пиджинов, (от *англ.* pidgin), которые сайт *academic.ru* трактует как упрощенный язык общения между группами людей, не имеющих общего языка, в создании которых участвовали люди многих национальностей: русские, турки, поляки и арабы, португалыцы и сербы.

- Isch geh _ Görlitzer Park. (für: zum Görlitzer Park)
- Isch frag mein _ Schwester. (für: meine Schwester)
- Hat er Protest gemacht. (für: protestiert)
- Hat sie aufgemacht die Tür Fatima. (für: Fatima hat die Tür aufgemacht)
- Gehst du _ Bahnhof? (für: Gehst du zum Bahnhof)
- Kaufst du _ Auto! (für: Kaufst du ein Auto!)
- Isch werde _ zweiter Mai 18. (für: Ich werde am zweiten Mai 18.) (<https://www.goethe.de/ins/pl/de/spr/mag/21328114.html>)

Рис. 1
(<https://www.haz.de>)

Если искать этому явлению какое-либо объяснение, то ответ сводится исключительно к стремлению убрать всё лишнее. И это хорошо видно на примерах

языковых норм, принятых в чатах социальных сетей. В этой связи показателен пример (см. рис. 1) употребления Kiezdeutsch, или Kurzddeutsch (язык городских окраин, популярный преимущественно среди молодежи), опубликованный немецкой газетой «Hannoversche Allgemeine».

Для формы пиджина характерна быстрота устной речи и определенный протест против норм письменной речи. Но и родные языки мигрантов оказывают большое влияние на формирование молодежного сленга Kiezdeutsch. И здесь имеет место такое явление, как Codeswitching (понимается как переключение коммуникационных кодов в процессе языковых контактов). Оно представляет собой некую гибридную форму из двух языков, при употреблении которых важной является не грамматическая корректность, а возможность объясниться. М. В. Попова в своей статье «Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке» обращает внимание на разные взгляды отечественных и зарубежных лингвистов на происходящее при этом сознательное и бессознательное смешивание систем двух языков при коммуникации, в результате которой возникают фонетические, грамматические и лексические отклонения от стандартных норм языка. Она ссылается, в частности, на дефиницию термина «интерференция» Н. Б. Мечковской, которая это понятие рассматривает как ошибки в речевой коммуникации, вызванные влиянием системы родного языка мигрантов, и В. А. Виноградова, определяющего интерференцию как взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия при языковом контакте или в условиях индивидуального изучения иностранного языка [Попова, 2018].

Лингвистика трактует такие кейсы, как дестандартизацию. Это когнитивная величина, которая способствует спонтанному изменению грамматических норм. И Codeswitching является в этом смысле идеальной средой не только для релативации грамматических интерференций и изменений любого вида. Эти интерференции повторяются и к определенному времени образуют источник трансформаций и для самих носителей немецкого языка. Уве Хинрихс считает Codeswitching центральным элементом сформированного двуязычия и универсальным признаком так называемого Migrantendeutsch (немецкого языка, на котором говорят мигранты): этот феномен имеет место в процессе коммуникации практически среди всех людей с

миграционными корнями, в том числе и среди тех, кто вырос в Германии в условиях двуязычия в семье. Для мигрантов, имеющих русские корни, он приводит следующие характерные примеры переключения коммуникационных кодов (Codeswitching):

- Weißt du, und sie erzählt, nu ne spletničaet, tol'ko rasskazyvaet, und sie ist sehr hilfsbereit. *Вместо*: Weißt du, und sie erzählt, nun ja sie verbreitet keinen Klatsch, sie erzählt nur und sie ist sehr hilfsbereit).
- I na mašinu, i na kvartiru, i na imuščestvo, i na m-m wie heißt das, Krankenversicherung haben wir auch, alle. *Вместо*: Und für das Auto, für die Wohnung, und fürs Eigentum, und na m-m wie heißt das, Krankenversicherung haben wir auch, alle [Hinrichs, 2013].

И, наконец, во многих языках мигрантов отсутствует такая грамматическая норма, как артикль, поэтому в немецком языке, используемом, например, мигрантами со славянскими и турецкими корнями, он часто также не употребляется.

Примеры трансформации грамматических, лексических и фонетических норм немецкого языка

У. Хинрихс отмечает, что самую большую сложность для изучающих немецкий язык представляют именно артикли, поэтому для упрощения речи мигранты их опускают, что начинает постепенно перенимать и коренное население. Очевидной становится и новая роль падежей, т. е. все четыре падежа в немецком языке меняются местами:

- das Auto von meinem Vater (*вместо* meines Vaters)
- er hat es ihn versprochen (*вместо* ihm)
- wir sprechen mit den Präsident (*вместо* «mit dem Präsidenten»)
- er hat ihm ein Vorwurf gemacht (*вместо* einen Vorwurf) и т. д.

Употребление предлогов вместо других частей речи:

- die Zukunft für die Banken
- die Lehren aus der Geschichte

Сложные грамматические категории, такие как конъюнктив или плюсквамперфект, в устной речи практически не используются,

а сложные слова распадаются на отдельные слова: *Privatleben – privates Leben; dunkelblau – dunkles Blau, Osterfeiertage – Feiertage an Ostern* [Hinrichs, 2013].

Влияние арабского языка на падежные окончания письменного немецкого языка проявляется в том, что падежные окончания почти полностью опускаются. Например: *gibt Leute die kein Fleisch essen* / (вместо *es gibt*), а широко распространенная лексическая модель *Protest machen* (вместо *protestieren*) пришла из турецкого и персидского языков, а также хинди (<https://www.goethe.de/ins/pl/de/spr/mag/21328114.html>).

Эти «ошибки» являются признаком того, что когда-либо новая форма настолько укоренится в устной речи, что следующим шагом будет ее безусловный переход в письменную речь [Hinrichs, 2013].

Множество турецких и арабских слов прочно вошли в словарный запас немецкого языка: *Döner, Kebab, Raky, Halva, Hamam, Ramadan, Burka, Dzihad, Hadzh, Koran, Bayram Blackout, Curry, Modem, Paprika, Spray*, но и *Kaugummi, Zigarillo, Toast* и др. Род таких слов выбирается практически произвольно: *der / die / das Joghurt*. Особенно молодые люди склонны к вольному употреблению родового артикля: *der Dressing, der Klientel, der Meeting, der Stereotyp, der Massaker*, но и: *das Event, das Klientel, das Kommentar*, что говорит о том, что и носители немецкого языка не уверены в том, какой артикль теперь является правильным.

Употребление артикля мужского рода в словах *der Radio, der Resultat, der Manko, der Substrat, der Reform, der Ergebnis, der Theaterstück, der Opium, der Weltall* пока еще считается вопиющими ошибками, но встречается всё чаще. По этой причине есть основание полагать, что именно артикль мужского рода превращается в грамматическую норму «артикля общего назначения» (Allzweckartikel) [Hinrichs, 2013].

М. В. Попова в своей статье «Социокоммуникативная значимость фонетических ошибок на сегментном уровне» отмечает, что для мигрантов характерны фонетические ошибки, а именно – несоблюдение фонематических правил произнесения немецких гласных по их долготе и краткости, а также и открытости / закрытости [Попова, 2019]. По мнению Н.Д. Климова, разница между акустической формой произносимых языковых средств с их слуховыми образами затрудняет процесс коммуникации [Климов 2012].

Интересен в этой связи тот факт, что носители немецкого языка скорее могут примириться с мигрантами, говорящими без акцента, даже если они делают грубые грамматические и лексические ошибки, считая, что именно овладение безакцентным произношением представляет собой самый сложный аспект при изучении немецкого языка [Климов, 1981].

Факторы влияния изменения языковых норм

Для проведения объективного анализа необходимо найти ответ на вопрос: «Существуют ли эпицентры, кульминационные точки, возможно что-то вроде средоточия изменения языковых норм?»

На востоке Германии изменение языковых норм немецкого языка происходит в гораздо меньшей степени, так как национальные меньшинства образуют русские и поляки, компактно проживающих в землях Мекленбург-Передняя Померания и Тюрингия, а также вьетнамцы в Саксонии и Саксония-Анхальт [Hinrichs, 2013]. В новых федеральных землях встречается довольно консервативное отношение к языку и культуре речи. Средоточием изменений языковых норм выступают в основном большие города Западной Германии, такие как Берлин, Франкфурт, Мюнхен, Кельн, Дюссельдорф, Мангейм, Майнц с их притяжением мигрантов и смешением разных языков. Однако и в средних по величине городах Германии употребление молодежного сленга «мультикульти», производного от слова «мультикультурализм» [там же] стало рядовым явлением. Изменения языковых норм скорее и быстрее всего будут проявляться и в этих городах. Уве Хинрикс отмечает такие характерные черты этого сленга, как редукция языковых норм, совпадающих во многом с известными признаками пиджинов [там же]:

- подлежащее: *_ weiß, wie das heißt;*
- родительный падеж: *Die Frau wirft den Ball zu seinem Jungen;*
- единственное число: *Die Henne legt ein Eier;*
- множественное число: *Er hat drei Knopfe;*
- артикль: *Junge da weint;*
- дополнение: *Sie gibt zu ihrem Kind das Telefon;*
- глагол-связка: *Der Junge und das Mädchen _ traurig;*
- вспомогательный глагол: *was so schön geworden _;*

- некорректный предлог: *Das liegt da oben in das Tisch;*
- отсутствие предлога: *Ich will _ Türkei gehen;*
- некорректный союз: *Er weint, warum er allein ist;*
- отсутствие союза: *Ich weiß nicht ist die Mutter ist (ob das...)*
- порядок слов: *und dann sie gehen weg.*

Другими факторами влияния на изменения языковых норм стали процессы глобализации и употребление английского языка в печатных СМИ, на телевидении, в ток-шоу и социальных сетях, так как они всё больше ориентированы на скорость в мышлении и в речи и всё меньше опираются на стандарты письменной речи. В этой связи такого рода «упрощение» устной речи наблюдается как в Германии, так и в Европе в целом, которая «дрейфует» в сторону от письменной формы стандартного языка. Прежние стандарты высокой грамматики всё больше смешиваются с трансформированными нормами устной речи. Интернет также продуцирует новые коммуникационные нормы в социальных сетях («Твиттер», «Фейсбук», СМС и чаты), используя собственные языковые коды вопреки старым грамматическим нормам. Такая постоянно изо дня в день используемая форма языка образует вначале эпицентр изменений языковых норм, которые затем «идут в народ». Таким образом происходит их стабилизация с последующим постепенным укоренением и использованием в телевизионных ток-шоу, Интернете, на радио, образуя субтильную трансформацию языковых норм. Дополнительное влияние на трансформацию языковой ситуации оказывают также пониженный уровень общего образования и слабый интерес к изучению языка.

Поскольку все эти явления обусловлены мультязычной средой, это приводит к тому, что ножницы между литературным языком с его «правильной» грамматикой и разговорным языком постоянно увеличиваются. Новая языковая норма таким образом всё больше отдаляется от письменной грамматической нормы, что, конечно, способствует появлению новой языковой проблемы для самих мигрантов, а именно – освоение употребляемых в среде мигрантов и молодежи Kiezdeutsch и Kurzdeutsch.

Kiezdeutsch и Kurzdeutsch представляют собой экстремальные явления, связанные с принадлежностью к определенному социальному слою и уровню образования. Но если более 20 млн многоязычных мигрантов ежедневно разговаривают на своем варианте немецкого

языка, то это так или иначе накладывает отпечаток на официальный язык немецкого общества и образует пространство для формирования компромиссного феномена, берущего свое начало из языковых контактов межкультурного общения. В целом можно заметить, что высокая грамматика будет сдавать свои позиции, а «настоящие» немцы будут иметь дело в будущем с новой для них языковой реальностью [Hinrichs, 2013].

Решающее значение для мигрантов имеют их первые контакты с иной и чуждой для них культурой, так как с обеих сторон имеет место процесс как принятия, так и отторжения иной культуры. Потребность ассимилироваться и интегрироваться распространяется на несколько поколений семей мигрантов, но успешность реализации этой цели зависит от степени желанности и противостоящих ему тенденций к изоляции.

Формирование измененного языкового сознания

Процесс ассимиляции происходит в «каскадном режиме», т. е. по мере появления новых коммуникационных задач говорящего как в отношении модальности в использовании языковых выражений, так и в отношении сохранения, передачи и принятия традиций дискурса в данном языковом контакте. Перед участниками языкового сообщества стоит задача интегрировать чужие традиции в собственную культуру, адаптировать свои традиции к чужой культуре или создать новую гибридную идентичность. Успешное разрешение ситуации предполагает взаимную адаптацию традиций культуры и дискурса [Stehl, 2011].

Но и общество страны пребывания мигрантов неизбежно перенимает некоторые черты их повседневного быта, иную культуру и особенности национального этикета, языковые лексические и грамматические структуры иного языка. Массовые миграционные потоки неизбежно влекут за собой формирование билингвизма и / или мультилингвизма [Зубарева, Шустова 2018]. Немецкий язык в его устной бытовой форме находится сегодня на этапе значительных трансформаций своих языковых норм: он утрачивает постепенно свою уплотненную языковую структуру синтетического языка, переходя постепенно к более простой и открытой структуре аналитического языка, приближаясь тем самым к структуре западноевропейских языков, в частности, под влиянием английского языка [Stehl, 2011].

Другими словами, многоязычный «мозг» формирует измененное языковое сознание, которое не направлено более на абсолютную власть одной языковой системы. В этом случае языковое сознание открыто для восприятия измененных грамматических структур, вызванных коммуникационной необходимостью. Основное значение имеют контекст и ситуация, а также комбинация из нескольких языков. Именно эти факторы связаны с возникновением своего рода «суржика» немецкого языка, употребляемого в миграционной среде [Hinrichs, 2013]. Языковые контакты и многоязычие составляют в настоящее время рутинную практику во многих европейских странах, но особенно это очевидно в Германии. Они характеризуются не только внешней аудиолингвальной составляющей, но и внутренней, психологической и когнитивной стороной, так как уже за короткий промежуток времени формируют другое языковое сознание, специфика которого вытекает из многоязычия и способствует продвижению измененной грамматической структуры немецкого языка [там же].

Теория ассимиляции предполагает полное включение мигрантов в общество страны пребывания, в том числе и освоение ее официального языка. Но факты свидетельствуют о другом: зачастую процесс ассимиляции именно по этой причине буксует, поскольку возникают трудности при изучении иностранных языков, так как говорящий всё равно думает на родном языке. Массовая миграция порождает этнические сообщества, и тогда речь идет о феномене мультикультурализма, согласно которому разные этнические меньшинства сохраняют свой язык и культуру, не вступая при этом в противоречие с коренным населением. Но, с другой стороны, мультикультурализм приводит к снижению мотивации у мигрантов к изучению языка страны пребывания, а также к образованию языковых анклавов-гетто, формированию образа «чужаков» в глазах коренного населения, что может вызвать серьезные социальные конфликты. М. В. Попова анализирует в этой связи необходимость создания благоприятного социального портретирования миграционной среды для успешного решения проблемы социализации мигрантов в принимающем сообществе. Именно грамотная речь и корректное произношение являются во многих странах предпосылкой успешной социализации в иноязычном обществе [Попова, 2019]

Заключение

1. В настоящее время немецкий язык изменяется под влиянием процессов миграции, мультикультурализма, многоязычия и неуправляемой интеграции быстрее, чем когда-либо. Трансформации подвергается прежде всего разговорный язык, который в обиходе употребляется спонтанно под влиянием контактов друг с другом многих участников межкультурной коммуникации. Однако письменные нормы стандартного немецкого языка (сюда можно отнести литературу, язык печатных СМИ или школьные нормы стандартного немецкого языка) с его традициями как языка «философов и поэтов» достаточно инертны, чтобы немедленно впитывать такие изменения своих языковых норм, носящих, как правило, неосознанный характер. При этом формируется «новая языковая норма второго порядка» немецкого языка, используемая мигрантами, так называемый «Migrantendeutsch» [Hinrichs, 2013].

2. Решающее значение на трансформацию языковых норм имеют влияние многие языки, которые взаимодействуют с немецким языком, однако наиболее сильно на этот процесс влияют турецкий, арабский и славянские языки. Миграцию можно рассматривать как главную причину изменения языковой структуры немецкого языка, но и появление таких новых понятий, как языковая адаптация, языковые конфликты, языковая политика и т. п. также являются реалиями современного языкового ландшафта Германии.

3. Эффекту «Codeswitching» подвергаются все уровни немецкого языка: фонетика, морфология, синтаксис, фразеология. Важнейшие среди них: отказ от падежей, утрата окончаний, потеря грамматических взаимосвязей, колебания родовых артиклей, значения предлогов, появление новых лексических моделей и заимствований из других языков.

4. Многоязычие нового типа стало реальностью немецкого общества. Оно формирует измененное языковое сознание, которое уже больше не ориентировано на абсолютное верховенство лишь одной языковой системы, оно открыто для многих изменений в грамматических нормах, вызванных коммуникативной необходимостью и обусловленных контекстом, а также конкретной языковой ситуацией и комбинацией из многих языков. Но цена этому – изменение грамматической и лексической субстанции. Разговорный немецкий язык будущего в значительной степени будет продуктом языковых контактов, происходящих на современном этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Зубарева Е. О., Шустова С. В.* Миграционная лингвистика: динамические процессы в языке. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №06/2. С. 132–136. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/2/2018/№06/2/b9aeb19d-4a68-4b49-a5d1-7959c541804d>
2. *Stehl T.* Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik. Potsdam Universitätsverlag 2011. URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5166/file/moku02_online_S39_55.pdf
3. *Hinrichs U.* (2013). Multi Kulti Deutsch: Wie Migration die deutsche Sprache verändert. München Verlag C. H. Beck OHG. URL: <https://www.pdfdrive.com/multi-kulti-deutsch-wie-migration-die-deutsche-sprache-veraendert-e187041849.html>
4. *Попова М. В.* Подходы к интерпретации понятия «интерференция» в отечественной и зарубежной науке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (797). 2018. С. 52–65
5. *Попова М. В.* Социокоммуникативная значимость фонетических ошибок на сегментном уровне. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 11 (827). С. 104–118.
6. *Климов Н. Д.* Коммуникативная значимость отклонений от фонетической нормы в немецкой речи с русским акцентом // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 18 (651). С. 45–73.
7. *Климов Н. Д.* Некоторые проблемы изучения иностранного акцента как фактора устно-речевого воздействия // Проблемы организации речевого общения: сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. С. 63–71.

REFERENCES

1. *Zubareva, E. O., Shustova, S. V.* (2018). Migration linguistics: dynamic processes in language. *Sovremennaja nauka: aktualnyje problem teorii I praktiki*. Serija: Gumanitarnyje nauki, 06/2, 132–136. URL: <https://www.vipstd.ru/index.php/serija-gumanitarnyje-nauki/serija-gumanitarnyje-nauki/gumanitarnyje-nauki-2018-ijun/3034-hum-2018-06-71> (In Russ.)
2. *Stehl, T.* (2011). *Sprachen und Diskurse als Träger und Mittler mobiler Kulturen Kommunikative Aspekte der Migrationslinguistik*. Potsdam Universitätsverlag. URL: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4ubp/frontdoor/deliver/index/docId/5166/file/moku02_online_S39_55.pdf (In German)

3. Hinrichs, U. (2013). Multi Kulti Deutsch: Wie Migration die deutsche Sprache verändert. C.H.Beck. URL: <https://www.pdfdrive.com/multi-kulti-deutsch-wie-migration-die-deutsche-sprache-verändert-e187041849.html> (In German)
4. Popova, M. V. (2018). Approaches to Interpretation of the Concept of «Interference» in Russian and Foreign Science. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(797), 52–65. (In Russ.)
5. Popova, M. V. (2019). Sociocommunicative Significance of Phonetic Mistakes at the Segmental Level. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(827), 104–118. (In Russ.)
6. Klimov, N. D. (2012). The communicative significance of deviations from the phonetic norm in German speech with a Russian accent Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 18(651), 45–73. (In Russ.)
7. Klimov, N. D. (1981). Nekotoryje problemy izuchenija inostrannogo akcenta kak faktora ustno-rechevogo vozdejstvija = Some problems in research of foreign accent as a factor of verbal linguistic manipulation. Problemy organizacii rechevogo obshhenija (pp. 63–71): sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza. Moscow: MGPIIJa im. M. Toreza. (In Russ.)

Информация об авторах

Мороз Н. Ю. – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Чурилова Н. В. – старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

Калашникова Е. А. – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Moroz N. Yu. – Ph. D., Associate Professor, Head of Department of Linguistic and Professional Communication in the Sphere of Media Technology, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty) Moscow State Linguistic University

Churilova N. V. – senior lecturer of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences (Faculty) Moscow State Linguistic University

Kalashnikova E. A. – PhD, Associate Professor of the German Phonetics Department, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.111`01

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_222

**УСТОЙЧИВОСТЬ СОЧЕТАНИЙ
КВАНТОРНОЙ ЛЕКСИКИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

С. В. Мухин

Московский государственный институт международных отношений МИД России
Москва, Россия, s.muhin@inno.mgimo.ru

Аннотация. Анализируется способность к фразообразованию кванторной лексики основного словарного фонда древнеанглийского языка. Рассматриваются словарные примеры сочетаемости кванторных лексем из расширенного списка Сводеша – числительных и неопределенных местоимений. Используются методы компонентного и контекстного анализа, а также фразеологической идентификации. Установлена способность кванторной лексики к образованию преимущественно фразеоматических единиц, а также активное употребление в паремиях.

Ключевые слова: квантор, фразеология, список Сводеша, сочетаемость, древнеанглийский язык

Для цитирования: Мухин С. В. Устойчивость сочетаний кванторной лексики в древнеанглийском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 222–235. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_222

Original article

FIXITY OF QUANTITATIVE WORD-COMBINATIONS IN OLD ENGLISH

S. V. Mukhin

Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia,
Moscow, Russia, s.muhin@inno.mgimo.ru

Abstract. The research focuses on the analysis of the potential for ideomatization of quantitative lexis belonging to the core of Old English lexicon. Attention is paid to lexicographic examples of combinability of quantitative lexemes in the extended version of the Swadesh list, namely of numerals and indefinite pronouns. Methods employed include componental and contextual analysis and phraseological identification. It was found out that quantitative lexis tends to mainly form phraseomatic units and to actively enter proverbial phrases.

Key words: quantor, phraseology, Swadesh list, combinability, Old English

For citation: Mukhin, S. V. (2021). Fixity of quantitative word-combinations in Old English. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 222–235. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_222

Введение

При изучении раннего состояния того или иного языка внимание часто фокусируется на его основном словарном фонде, что обусловлено особой ролью ядерной лексики в лексической системе. При этом в современной лингвистике мало разработана проблематика фразообразовательных процессов в древних языках, что вызвано прежде всего относительно малым объемом доступного языкового материала. Всё это в полной мере относится к фразеологии древнеанглийского языка. Данное обстоятельство обуславливает актуальность и новизну исследований, направленных на изучение фразообразования и фразеологической подсистемы языка в его раннем состоянии.

Мы исходим из того, что высокий фразообразовательный потенциал, характерный для ядерной лексики, является языковой универсалией, действительной и в ареальном, и в хронологическом отношении. Работы на данную тематику показывают, что в процесс фразообразования вовлекаются соматизмы, лексемы со значением цветообозначения, зоонимы и т. п. [Шабашева 2012; Подгорная 2016]. К подобной лексике также необходимо отнести кванторные слова из ядра лексикона.

Цель настоящего исследования – выявление способности к фразообразованию у кванторных лексем, входящих в основной словарный фонд древнеанглийского языка. В ходе исследования выполняются следующие задачи:

- 1) выявление кванторной лексики и определение ее объема в ядре древнеанглийского лексикона;
- 2) анализ лексикографических данных о сочетаемости ядерных лексем и отбор словосочетаний, демонстрирующих признаки фразеологической устойчивости;
- 3) определение типов предполагаемых фразеологических единиц (ФЕ) с кванторными компонентами;
- 4) подведение итогов исследования.

Для выполнения обозначенных задач в основном используются методы компонентного и контекстного анализа, фразеологическая идентификация и анализ словарных дефиниций.

Кванторная лексика в ядре древнеанглийского лексикона

Понятие ядерной лексики широко используется прежде всего в глоттохронологии. К ядерной лексике относятся наиболее значимые в структурном и функциональном аспектах лексические единицы, функционирующие в языке с его древнейших периодов. В. В. Виноградов выделял основной словарный фонд – устойчивое, сохраняющееся в течение ряда эпох, определяющее общенародный характер языка и взаимопонимание всех членов языкового коллектива «корневое ядро» лексики [Виноградов, 1977]. Лексическое ядро обеспечивает базу для словообразования, является устойчивой материальной и структурной основой пополнения словарного состава, определяет центральное положение этой части лексикона в лексической системе.

Одновременно с этим единицы, входящие в ядро, как правило демонстрируют высокий фразообразовательный потенциал, поскольку факторами, регулирующими выбор лексем при фразообразовании, выступают их структурно-семантические свойства. Исконность происхождения слова, простота морфологической структуры, многозначность, первичность номинации, стилистическая нейтральность, принадлежность к ядерной части лексико-семантической группы (ЛСГ) образуют совокупность свойств, наличие которых обеспечивает фразообразовательную активность [Мосунова, 2015].

Оперируя понятием ядерной лексики, исследователи часто прибегают к ее упорядоченному и статистически обоснованному представлению – списку Сводеша. Как отмечал сам М. Сводеш, элементы, пригодные для опытного списка, должны быть универсальными и не относиться к каким бы то ни было областям «культуры», то есть они должны обозначать предметы, которые встречаются повсеместно и известны каждому члену общества. Элементы списка также должны быть стабильными и устойчивыми [Сводеш, 1960, с. 38–39].

В соответствии с целями настоящего исследования нами выбрана расширенная 207-словная версия списка Сводеша для древнеанглийского языка [The Indo-European, 2021], представляющая собой адаптацию оригинального списка, составленного самим М. Сводешем в 1952 году. Представляется, что лексика в списке Сводеша полностью отвечает тем условиям, которые обеспечивают высокий потенциал фразообразования. Это касается слов из всех представленных в списке ЛСГ, за

исключением личных и указательных местоимений, поскольку последние, в силу своих семантических и функциональных особенностей, практически неспособны становиться ведущими компонентами ФЕ.

Другим релевантным для настоящего исследования понятием является квантитативность. Обычно она понимается как логико-семантическая категория, актуализирующая представления о комплексе понятий количественного содержания. Количественные отношения представляют собой необходимую форму существования предмета и служат основой для названия универсальной языковой категории количественности. Кроме этого, категория количества в языке принадлежит всем сторонам его знаковой системы [Гак, Кузнецов, 1985, с. 114], это самостоятельный и комитативный логико-семантический признак, пронизывающий всю структуру языка [Игошина, 2004]. Данное обстоятельство обуславливает необходимость конкретизации понимания квантитативности при отборе конкретного языкового материала.

Квантитативность в языке предполагает выражение довольно разнообразных категорий количества, числа, множества, протяженности, кратности и т. д. Сообразно с задачами настоящего исследования нас прежде всего интересует квантитативность в ее эксплицитном виде, выражаемая лексемами со значением числа и количества. Лексические кванторы из списка Сводеша входят в одну ЛСГ, но подразделяются на две группы в зависимости от частеречного значения: количественные числительные, называющие несколько целых чисел первого порядка, и неопределенные местоимения, общей функциональной характеристикой которых выступает атрибутивность. В конкретных контекстах у одной и той же лексемы возможна реализация различных частеречных значений.

Всего в списке Сводеша выделяется 12 кванторных лексем, которые выражают численную квантитативность: *eall*¹ (*весь, все*), *maniz*, *fela* (*многие*), *sum* (*некоторый, некоторые*), *few*, *lyt* (*несколько, мало*²), *oþer* (*другой, второй*³), *an* (*один*), *twegen* (*два*), *þri* (*три*), *feower* (*четыре*), *fif* (*пять*). Далее эти единицы именуются «ядерными кванторами».

¹ Орфография древнеанглийских слов дается в соответствии с отечественной учебно-исследовательской и издательской традицией.

² Синонимичные лексемы (*maniz* / *fela*, а также *few* / *lyt*) засчитываются в списке как одна единица.

³ Подобно соответствующим лексемам в других индоевропейских языках, *oþer* функционировала как прилагательное в значении «другой» и порядковое числительное в

Рассмотрим лексикографическое представление данных слов с целью выявления примеров их сочетаемости.

Лексикографические данные о сочетаемости ядерных кванторов

Для выявления потенциально устойчивых словосочетаний с ядерными кванторами необходимо обратиться к словарным примерам их сочетаемости. С этой целью нами предпринят анализ словарных статей, описывающих перечисленные выше лексемы, в классическом словаре «Bosworth Toller Anglo-Saxon Dictionary» [Bosworth, 1964] на предмет отбора тех примеров словосочетаний, которые демонстрируют какие-либо признаки устойчивости: фразеологическое значение, не равное сумме значений компонентов, терминологическое значение, образность, основанная на метафоре, воспроизводимость, фразеоматическая связанность компонентов и т. п.

Семантизация словосочетаний осуществляется на основе новоанглийских и латинских переводов, приводимых в словаре, а также сопоставления контекстов с рассматриваемыми словосочетаниями в письменных памятниках древнеанглийского языка с их современными переводами. Результаты отбора по каждому квантору приводятся ниже.

Таблица 1

Данные по местоимению *eall*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>ealne wez</i>	<i>always</i> , всегда ¹	стертая метафора, воспроизводимость
<i>ealle ða þinz</i>	<i>omnia</i> , всё	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>eal here</i>	<i>the whole host</i> , множество, букв.: 'все войско'	метафора, образность, воспроизводимость

значении «второй». Ср.: гот. *anþar*, др.-исл. *annarr*, др.-сакс. *other*, др.-в.-нем. *ander*, др.-инд. *antaras*, лит. *antra* [Сравнительная грамматика, 1963, с. 377].

¹ Как показывает контекстуальный анализ, словосочетание *ealne wez* могло употребляться и как свободное, и как связанное. Ср.: *ealne wez on þæt bæcbord Nordwez* [Bright, 1913] (*весь путь по левому борту Норвегия*) и *edlean ðe ðu ealne wez zehete* (*награда, которую ты всегда обещал*) [King Alfred's, 1895].

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>ofer eall</i>	<i>over all</i> , всюду, повсеместно; <i>lay scattered in all directions</i>	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>ða weorcstanas lazon ofer eall</i>		
<i>mid ealle</i>	<i>altogether</i>	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 2

Данные по местоимению *fela*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>swa fela (swa)</i>	<i>so many ... as;</i> <i>tot ... quot,</i> СТОЛЬКО ... СКОЛЬКО	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 3

Данные по местоимению *sum*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>sum man</i>	<i>homo quidam,</i> один человек, некто (в притчах)	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>æt sumum cyrre</i>	<i>once, on one occasion,</i> однажды, один раз	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 4

Данные по местоимению *few*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>fewera sum</i>	<i>one of a few,</i> один из немногих	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 5

Данные по местоимению (числительному) *ofer*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>fram ende of oðerne</i>	<i>from one end to the other,</i> из конца в конец, от края до края	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>oðer ... oðer</i>	<i>один ... другой</i> <i>ut alter regatur ab altero,</i> чтобы один управлялся другим	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>ðæt se oðer beo aræred from ðæt oðrum</i>		
<i>fram dæze to oðrum</i>	<i>from day to day,</i> изо дня в день	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 6

Данные по числительному *an*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>an Ʒod, Ʒod ana</i>	<i>God alone, лишь Бог;</i> <i>God alone, knows how its sex is, [the sex of], female or male,</i>	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>Ʒod ana wat hu his zecynde biþ, wifhades ðe weres</i>		
<i>an sunu</i>	<i>the only Son, Сын Единородный, Христос</i>	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>an reste-dæz</i>	<i>a rest-day or sabbath, суббота</i>	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

Таблица 7

Данные по числительному *twezen*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>tuu in lichome anum</i>	букв.: ‘двое в одном теле’, супруги, «плоть едина»	образность, метафора, воспроизводимость, переосмысление значения
<i>wer and wif, hi tu beoþ in anum lichoman</i>		
<i>tweza sanz</i>	<i>bicinium</i> , музыкальная композиция только из двух частей, из которых одна обычно предназначена для обучения контрапункту или пению	терминологичность, фразеоматическая связанность
<i>oþer tweza, oððe ... oððe</i>	either ... or	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>on twa</i>	поврозь, отдельно, <i>they parted</i> , букв.: ‘они пошли надвое’	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>hi on twa ferdon</i>		
<i>to twa</i>	надвое, пополам; <i>divisa est aqua</i> , вода расступилась, букв.: ‘надвое разделилась’	воспроизводимость, фразеоматическая связанность
<i>ðæt wæter wearð to twa todæled</i>		
<i>twa swa micel</i>	<i>duplicem</i> , вдвойне, двукратно	воспроизводимость, фразеоматическая связанность

¹ В словарном примере приводится сочетание с предлогом *to*, тогда как в других источниках указан предлог *on*: *ða sende Drihten micelne wind ealle ða niht & zewende ða sæ to drium; & þæt wæter wearð on twa todaled* [Exodus 14:21] (знал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею, и расступились воды).

Таблица 8

Данные по числительному *feower*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>ða feowere fæzes rapas</i>	букв.: ‘четыре веревки обреченного’, судьба ¹	образность, метафора
from feowerum foldan sceatum	<i>from the four corners of the world</i> , со всех концов света	образность, стертая метафора, воспроизводимость

Таблица 9

Данные по числительному *fif*

Пример словосочетания	Перевод, значение	Признаки устойчивости
<i>ðæra fif hlafa</i>	<i>quinque panum</i> , пять хлебов, чудо;	образность, метафора, воспроизводимость
<i>we nabbap her buton fif hlafas and twezen fixas</i>	<i>non habemus hic nisi quinque panes et duos pisces</i> , «у нас только пять хлебов и две рыбы»	

В результате анализа лексикографических данных на материале одного словаря древнеанглийского языка обнаруживается, что из 12 ядерных кванторов примеры словосочетаний с признаками фразеологизации приводятся для 9 единиц. Не отмечены примеры

¹ Словосочетание, передающее образ связанного по рукам и ногам человека, в свою очередь, является частью афористического высказывания из поэмы «Solomon and Saturn» [Solomon and Saturn 2021, с. 323–326]:

Saturnus cwæð:

«Saza ðu me, Salomon cuninȝ, sunu Dauides,
hwæt beoð *ða feowere fæzes rapas*?»

Salomon cwæð:

«Ȝewurdene wyrda,
ðæt beoð *ða feowere fæzes rapas*».

устойчивых сочетаний для местоимений *maniz*, *lyt* и количественного числительного *pri*. Вопрос о степени устойчивости словосочетаний и, как следствие, их предполагаемом фразеологическом статусе, безусловно, остается открытым. Его решение во многом зависит от конкретного подхода к самому понятию фразеологии и ее объему. В рамках настоящего исследования речь идет преимущественно о признаках фразеологизации.

Как можно видеть, большинство словарно зафиксированных словосочетаний с рассматриваемыми кванторами представляют собой необразные единицы с фразеоматической связью компонентов. Думается, что такое положение вызвано следующим обстоятельством: как правило в основе идиоматизации лежит метафорический перенос значения, которому подвергаются лексемы с предметно-вещественным значением. Лексические кванторы такого значения не могут иметь по своей природе, поскольку их главная функция – выражать абстрактную идею количества. Таким образом, лексемы с абстрактной семантикой имеют тенденцию образовывать фразеоматические сочетания.

Следует также отметить, что помимо приведенных словосочетаний ядерные кванторы довольно активно используются в паремике. В памятниках письменности древнеанглийского периода зафиксировано немало афористических высказываний, которые в рамках широкого подхода к фразеологии также должны быть отнесены к устойчивым сверхсловным языковым единицам. Структурная и смысловая функция ядерных кванторов в ФЕ со структурой предложения не так значима, как в идиомах и фразеоматике, где они могут выступать стержневым компонентом всей единицы, однако и в паремиях они востребованы как необходимый лексический материал для построения высказывания. Приведем несколько примеров¹:

- (1) Se ðe hæbbe **twa** tunecan, selle **oðre** ðam ðe nane næbbe [Bosworth 1888, Lk 3:11] (Тот, у кого **две** рубахи, пусть отдаст **вторую** тому, у кого нет ни одной).
- (2) Earh mæz þæt **an** þæt he him ondraede [Arngart 1981] (Трус способен сделать лишь **одно**: то, чего он боится).
- (3) *Ælces monnes lif bið **sumes** monnes lar* [Cox 1972] (Жизнь каждого человека – урок **каждому**).

¹ Зд. и далее перевод наш. – С. М.

- (4) *Ʒomol snoterost, fyrnzgearum frod, se þe ær feala zebideð* [Maxims II] (Старец мудрее всех, былыми годами премудрый, тот, что **много** перенес).

Как числительные, так и кванторные местоимения во всех приведенных афоризмах дидактической направленности используются в разнообразных семантико-синтаксических и стилистических функциях: референции, сопровождаемой дейксисом (прономинальный квантор *oder* в первом примере), antecedентной функции (во втором примере субстантивированное числительное *an* в значении «одна вещь, единственное»), выражения категориального значения (в третьем примере), интенсификации (в последнем примере) и т. п.

Заключение

Анализ, проведенный в рамках настоящего исследования, позволяет зафиксировать ряд основных наблюдений:

- 1) объем ядерной лексики с квантитативным значением, составленный на основе расширенного списка Сводеша для древнеанглийского языка, составляет 12 единиц;
- 2) данная группа ядерных кванторов разделяется примерно поровну на неопределенные местоимения с квантитативным значением и количественные числительные, называющие числа первого порядка;
- 3) рассмотрение лексикографического представления примеров сочетаемости ядерных кванторов позволяет выявить словосочетания с признаками фразеологической устойчивости;
- 4) словосочетания с признаками фразеологической устойчивости обнаруживаются у подавляющего большинства ядерных кванторов (9 из 12);
- 5) у большинства словосочетаний с признаками фразеологической устойчивости отмечается фразеоматическая связь компонентов, что, по нашему предположению, вызвано абстрактностью значения самих лексических кванторов;
- 6) помимо образования собственно фразеологизмов, ядерные кванторы участвуют в образовании паремий, в частности дидактических афоризмов, обнаруживаемых в письменных памятниках древнеанглийского языка.

Таким образом, можно сделать главный вывод, что даже на материале одного словаря представляется возможным судить о значительном фразеобразовательном потенциале кванторной лексики основного словарного фонда древнеанглийского языка. В дальнейшем можно полагать перспективными исследования других ЛСГ ядерной лексики с целью максимально подробного описания состояния и функционирования фразеологической подсистемы языка в древнеанглийский период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Шабашева Е. А.* Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в русском и английском языках: аксиологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012.
2. *Подгорная В. В.* «Наивная анатомия» в языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
3. *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
4. *Мосунова Н. И.* Аспекты изучения фразеологии в ретроспективе // Языковая парадигма и инновационные технологии в профессионально ориентированном обучении иностранным языкам в высшей школе / под общ. ред. И. Н. Ивашкевич. Минск: Колорград, 2015.
5. *Сводеш М.* К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в зарубежной лингвистике / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звягинцева. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 53–87.
6. The Indo-European Wordlists. 2021. URL: <https://www.cs.rice.edu/~nakhleh/CPHL/ie-wordlist-07.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).
7. *Гак В. Г., Кузнецов С. Н.* О типологии квантитативной сегментации предметов // Лингвистическая типология / отв. ред. В. М. Солнцев. М.: Наука, 1985. С. 113–119.
8. *Игошина Т. В.* Морфотемный анализ категории квантитативности в разнотемных языках: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2004.
9. Сравнительная грамматика германских языков: в 5 т. / отв. ред. М. М. Гухман. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. Т. 3.
10. *Bosworth J.* An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. London: Oxford University Press, 1964.
11. *Bright J. W.* An Anglo-Saxon Reader. New York, 1913.
12. King Alfred's Anglo-Saxon version of Boethius De consolatione philosophiae. London, 1895.

13. Exodus (London, British Library, MS. Cotton Claudius B.IV). URL: <https://users.pfw.edu/flemingd/FlemingCorpus/html/T06220.htm> (дата обращения: 20.06.2021).
14. Solomon and Saturn. URL: <http://people.ucalgary.ca/~mmcgrilli/ASPR/a13.html> (дата обращения: 22.06.2021).
15. *Bosworth J.* Gothic and Anglo-Saxon Gospels in Parallel Columns with the Versions of Wycliff and Tyndale. London, 1888. URL: <https://archive.org/stream/gothicandanglos00ulfigoog#page/n8/mode/2up> (дата обращения: 20.06.2021).
16. *Arngart O.* The Durham Proverbs. *Speculum*. 1981. Vol. 56 (2). P. 288–300.
17. *Cox R. S.* The Old English Dicts of Cato // *Anglia*. 1972. Vol. 90. P. 1–42.
18. Maxims II. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a15.htm> (дата обращения: 20.06.2021).

REFERENCES

1. Shabasheva, E. A. (2012). *Frazeologicheskie jedinitsty s komponentom tsvet v russkom i anglijskom jazykah = Phraseological Units with Color Component in Russian and English*. PhD in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)
2. Podgornaja, V. V. (2016). *Naivnaja anatomija v jazykovoju kartine mira = Naive Anatomy in the Linguistic World Picture*. PhD in Philology. Saint-Petersburg. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy: Leksikologija i leksikografija = Selecta: Lexicology and Lexicography*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Mosunova, N. I. (2015). *Aspekty izuchenija frazeologii v perspektive = Aspects of Phraseological Studies in Perspective*. In: Ivashkevich, I. N. (Ed.), *Jazykovaja paradigma i innovacionnye tekhnologii v professional'no orientirovannom obuchenii inostrannym jazykam v vysshej shkole*. Minsk: Kolorgrad. (In Russ.)
5. Swadesh, M. (1960). *K voprosu o povyshenii tochnosti v leksikostatisticheskom datirovanii = On Enhancement of Precision in Lexicostatistic Dating*. In: V. A. Zvyagintsev (ed.), *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 1, 53–87. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoju literatury. (In Russ.)
6. The Indo-European Wordlists. 2021. URL: <https://www.cs.rice.edu/~nakhleh/CPHL/ie-wordlist-07.pdf> (accessed: 19.06.2021).
7. Gak, V. G., Kuznetsov, S. N. (1985). *O tipologii kvantitativnoj segmentatsii predmetov = On the Typology of Quantitative Segmentation of Objects*. In: Solntsev V. M. (ed.), *Lingvisticheskaja tipologija* (pp. 113–119). Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Igoshina, T. V. (2004). *Morfotemny analiz kategorii kvantitativnosti v raznosistemnyh jazykah = Morphothemic Analysis of the Category of*

- Quantitativeness in Typologically Different Languages. PhD in Philology. Ulianovsk. (In Russ.)
9. Gukhman, M. M. (Ed.). (1963). *Sravnitel'naja grammatika germanskih yazykov* = Comparative Grammar of Germanic Languages: in 5 vols. Vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
  10. Bosworth, J. (1964). *An Anglo-Saxon Dictionary: Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*. London: Oxford University Press.
  11. Bright, J. W. (1913). *An Anglo-Saxon Reader*. New York.
  12. King Alfred's Anglo-Saxon version of Boethius *De consolacione philosophiae* (1895). London.
  13. Exodus (London, British Library, MS. Cotton Claudius B.IV). URL: <https://users.pfw.edu/flemingd/FlemingCorpus/html/T06220.htm> (accessed: 20.06.2021).
  14. Solomon and Saturn. URL: <http://people.ucalgary.ca/~mmcgilli/ASPR/a13.html> (accessed: 22.06.2021).
  15. Bosworth, J. (1888). *Gothic and Anglo-Saxon Gospels in Parallel Columns with the Versions of Wycliff and Tyndale*. London, URL: <https://archive.org/stream/gothicandanglos00ulfigoog#page/n8/mode/2up> (accessed: 20.06.2021).
  16. Arngart, O. (1981). *The Durham Proverbs*. *Speculum*. 56 (2), 288–300.
  17. Cox, R. S. (1972). *The Old English Dicts of Cato*. *Anglia*, 90, 1–42.
  18. *Maxims II*. URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a15.htm> (accessed: 20.06.2021).

Информация об авторе

Мухин С. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений МИД России

Information about the author

Mukhin S. V. – PhD (Philology), Associate Professor of the English Language Department # 1 of Moscow State Institute of International Relations of the Foreign Ministry of Russia

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 06.053.56

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_236

**ПЕРЕХОД КЛИШЕ В РАЗРЯД ШТАМПОВ. КЛИШЕ И ШТАМПЫ
В УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ**

С. М. Рулькова¹, А. Г. Лешин², А. С. Белоногова³

^{1,2,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^{1,2,3}mil@linguanet.ru

Аннотация. В статье рассматривается переход языковых единиц из разряда клише в разряд штампов и наоборот. Анализируется роль устойчивых словосочетаний в общих и специальных текстах, степень насыщенности речевых оборотов в различных функциональных стилях речи, а также разбираются ошибки в употреблении устоявшихся речевых формул. Рассматривается специфика использования штампов и клише в устном последовательном и синхронном переводах, их роль при осуществлении устного перевода на узкоспециальные темы.

Ключевые слова: речевой штамп, клише, терминологическое словосочетание, устный перевод, специальный перевод

Для цитирования: Рулькова С. М., Лешин А. Г., Белоногова А. С. Переход клише в разряд штампов. Клише и штампы в устном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 236–244. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_236

Original article

**FROM CLICHES TO OFFICIALESES
CLICHES AND OFFICIALESES IN INTERPRETATION**

S. M. Rulkova¹, A. G. Leshin², A. S. Belonogova³

^{1,2,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^{1,2,3}mil@linguanet.ru

Abstract. The article focuses on the shift of linguistic units from cliché to stamps and vice versa. The article analyzes the role of collocations in general and specialized texts and the concentration of speech formulas in various functional styles. The article reviews the erroneous usage of collocations as well. It also considers the specificity of stamps and clichés in consecutive and simultaneous interpretations, their role in providing qualitative and adequate interpretation on highly specialized topics.

Key words: stamps, cliché, terminology word combinations, interpretation, specialized translation

For citation: Rulkova, S. M., Leshin, A. G., Belonogova, A. S. (2021). From clichés to official-ees. Cliches and officialeses in interpretation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13 (855), 236–244. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_236

Введение

В настоящее время многие лингвисты отмечают переизбыток употребления устоявшихся речевых оборотов как в устной речи, так и в письменных работах. По мнению литературоведа и филолога В. В. Виноградова, в системе современного литературного русского языка слова, по большей части, функционируют не как произвольно и неожиданно сталкиваемые и сцепляемые компоненты речи, а занимая устойчивые места в традиционных формулах. Большинство людей говорит и пишет с помощью готовых формул, клише (от фр. *cliché* – *общее место*) [Виноградов, 2004].

Речевые стереотипы часто используются в различных языковых ситуациях. Такие устоявшиеся формулы помогают адресату надлежащим образом сформулировать стандартный, легко прогнозируемый речевой оборот понятный реципиенту, ведь клише по своей структуре представляет собой конструктивную единицу, которая сохраняет семантику и выразительность.

В большей степени речевыми стереотипами насыщены:

- 1) официально-деловой стиль (канцелярские клише): *настоящим сообщая, в силу обстоятельств;*
- 2) газетно-публицистический стиль (язык СМИ): *со ссылкой на источник, многостороннее взаимодействие;*
- 3) научный стиль, в том числе специальные тексты:
  - военной тематики: *произвести выстрел, господство в воздухе;*
  - медицинской тематики: *летальный исход, высококвалифицированный медицинский персонал,*
  - технические тексты: *напряжение подается, система управления.*

В отличие от клише речевые штампы (от лат. *stampa* – *печать*) утратили свой семантический вес и стилистическую окраску из-за

высокой частотности повторения языковой единицы. Бездумное нагромождение штампами при осуществлении коммуникации приводит к затруднениям в понимании смысла сообщения, поэтому многие лингвисты считают, что штампы негативно влияют на нашу речь. Например, Нора Галь в своей работе «Слово живое мертвое» описывает канцелярит как самую распространенную, самую злокачественную болезнь нашей речи. Штампы, по ее мнению – это «словесный мусор, шелуха» [Нора Галь, 2011]. О. С. Ахманова говорит о речевых стереотипах, как об «избитом, шаблонном, стереотипном выражении» [Ахманова, 2004], а Н. К. Чуковская пишет: «глухой звук, пустота» [Чуковская, 2011].

Переход клише в разряд штампов

Интересно, что штампы считаются «паразитом» речи, а клише – устоявшимся оборотом, однако при этом грань между двумя разрядами практически стерта. По мнению Р. К. Миньяра-Белоручева, штампом может стать любое клише, которое из-за чрезмерной повторяемости частично или полностью утратило связь знака с денотатом [Миньяр-Белоручев, 1996]. Следовательно, любой речевой стереотип может стать штампом и наоборот. В качестве примера перехода устойчивого выражения из разряда клише в штампы можно привести словосочетание *иметь важное значение*. Из-за его избыточного употребления в различных ситуациях речевого общения выражение приобрело отрицательную коннотацию, например *ваша проблема имеет для нас важное значение* или *ваш звонок очень важен для нас*.

В публицистическом стиле такое выражение часто лишено семантической нагрузки: *визит Сергея Лаврова имел важное значение для политического решения целого ряда региональных и международных вопросов*¹. Переводчики также часто используют это выражение для «лаконичного завершения предложения».

В официально-деловом стиле штампы можно выявить благодаря стертой связи знака с денотатом. Однако как оценивать устойчивые сочетания слов, присущих определенному подъязыку, например,

---

¹ URL: <https://tass.ru>

военно-техническому, где принадлежность текста (речи) к стилю определяется использованием конкретных устоявшихся сочетаний языковых единиц: *вооружение и военная техника, боевые действия, вести (открыть) огонь, принять на вооружение, осваивать орудие* и т. д.?

Правильно ли будет отнести такие словосочетания в категорию «штампы» или в данном случае следует говорить о ситуационных клише и терминологических словосочетаниях?

Определенно, подобные выражения нельзя охарактеризовать, как штампы, поскольку семасиологические связи ярко выражены. Ситуационные клише – это такие стереотипные выражения, которые механически воспроизводятся и обязательны в данной речевой ситуации [Миньяр-Белоручев, 1996]. У подобных выражений прослеживается неразрывная связь с ситуацией общения; обычно это законченные высказывания, семасиологические связи которых, в большинстве случаев, непостоянны, ведь обусловлены конкретным временем и местом, где происходит общение. Говоря о военном подязыке, в эту категорию можно отнести воинское приветствие (*Здравия желаю, товарищ майор*), обращения к старшему по званию военнослужащему (*Разрешите доложить, товарищ полковник*), выражение согласия или несогласия (*Есть; Так точно; Никак нет*). Следовательно, устойчивые словосочетания, такие как *принять на вооружение*, не могут относиться к ситуационным клише, поскольку не носят завершенный характер, а связь знака с денотатом выражена постоянно. Обращаясь к категории терминологических словосочетаний, необходимо помнить, что слово становится термином, когда начинает обозначать научное понятие о предметах, явлениях или признаках, которые совместно с другими понятиями данной научной отрасли составляют одну семантическую систему [Миньяр-Белоручев, 1996]. Использование терминологических словосочетаний уместно в определенной ситуации профессионального общения. Они имеют четкую устоявшуюся структуру и обладают постоянной связью с денотатом, поэтому можно сделать вывод, что хотя рассматриваемые словосочетания имеют несколько устоявшихся вариантов употребления (*поставить на вооружение / принять на вооружение*), их можно отнести к терминологическим словосочетаниям, устоявшееся употребление которых не противоречит нормам русского языка.

Ошибки в употреблении устоявшихся речевых формул

В процессе стирания семасиологических связей часто возникают ошибки в употреблении речевых штампов. Из-за того что утрачивается информация, заложенная в языковой единице, исчезают и этимологические корни устойчивого словосочетания. Обычно неуместное употребление штампов характерно официально-деловому стилю, когда адресат в попытке поднять стиль повествования нагромождает речь штампами и канцеляризмами, что приводит к лексическим, а иногда и смысловым ошибкам.

На сегодняшний день особой популярностью у политиков и общественных деятелей пользуется устойчивое выражение *в рамках* (англ. *In the framework of*). Анализируя данное словосочетание, можно сделать вывод, что *рамки* по аналогии с картинными или оконными рамами ограничивают статичное пространство внутри, поэтому предлог *в рамках* следует употреблять в случаях, когда речь идет о временных или иных ограничениях, например *в рамках конференции* (сроки начала и конца мероприятия оговорены и прописаны в регламенте); о документах, законах, программах и т. д. *в рамках действующего законодательства*. В целях подтверждения логических рассуждений, обратимся к «Большому толковому словарю русского языка»: предлог *в рамках* с родительным падежом употребляется при указании на: 1) предел, границы, сферу действия; 2) соответствие какого-л. мероприятия или события чему-л.; в соответствии с чем-л. [Большой толковый словарь ... 1998].

Однако, ввиду чрезмерной популяризации предлога, образ «ограниченности», заложенный в устойчивом словосочетании, был утрачен, что, в свою очередь, приводит к ошибкам в употреблении, например: *какой из заданных вопросов требует ответа в рамках «Справочного бюро»*¹. Использование данного предлога в предложении неуместно, словосочетание *в рамках* лишено семантического веса, удлиняет предложение и вводит в заблуждение реципиента, поскольку не ясно к какому члену предложения относится предлог. Если опустить предлог, семантический вес предложения останется неизменным: *Какой из заданных вопросов требует ответа «Справочного бюро»?* Это позволяет нам сделать вывод, что устойчивое выражение *в рамках* совершило переход из разряда клише в разряд штампов.

¹ URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>

Набирающее популярность слово *тенденция* также представляет сложность в употреблении в русском языке. Согласно толковому словарю, *тенденция* – это:

- 1) направление развития, определённая склонность, стремление к чему-л.;
- 2) направленность во взглядах или действиях; основное намерение, свойственное кому-л., чему-л. [там же].

Следовательно, в слове на семантическом уровне заложен вектор направления. Именно поэтому распространённое словосочетание *обратить тенденцию вспять* – прямой перевод с английского *to reverse the trend* – ошибочно, потому что противоречит заложенным в слове семантическим корням. Стилистически верным будет словосочетание *переломить тенденцию*, а с глаголом *обратить вспять* уместно употребление таких существительных, как *река, история, враг, время*.

Штампы и клише в устном последовательном и синхронном переводах

Несмотря на то что многие лингвисты и редакторы негативно относятся к употреблению штампов и клише, набор определенных ситуационных устойчивых словосочетаний в арсенале устного переводчика значительно облегчает его работу. Из-за стандартной структуры и широкого употребления штампы и клише помогают переводчику:

- а) структурировать высказывание;
- б) не задумываться над переводом уже устоявшихся словосочетаний и выражений;
- в) выиграть время и заполнить паузу, чтобы направить все ресурсы для перевода прецизионной информации или сложных для восприятия отрезков речи оратора;
- г) облегчить процесс коммуникации.

Рассмотрим синхронный перевод на русский язык выступления президента США Дональда Трампа на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи.

Оригинал. If this is not twisted enough, now North Korea's reckless pursuit of nuclear weapons and ballistic missiles threatens the entire world with unthinkable loss of human life.

Перевод. Если этого недостаточно, можно сказать о бездумной программе Северной Кореи по созданию ядерного оружия и баллистических

ракет. Это угрожает невообразимыми потерями человеческих жизней (URL: <https://gadebate.un.org/en/72/united-states-america>).

Анализируя исходный и переводной материал, мы видим, что переводчик несколько раз использовал речевые штампы:

- английское выражение *if this is not twisted enough* заменено более нейтральным, коротким вводным устоявшимся выражением *если этого недостаточно*, поскольку это начало нового предложения и переводчик не знает какие логические и экспрессивные акценты расставит оратор в отрывке речи;

- емкое слово *now* было передано с помощью более громоздкого штампа *можно сказать о*. В данном случае расширение переводного текста и употребление лишнего семантического веса словосочетания оправданно, ведь далее следует важная фактологическая информация, подлежащая обязательному переводу: название страны (*Северная Корея*), специальная военная терминология (*ядерное оружие, баллистические ракеты*) и опорный глагол (*создание [программы]*). Употребив штамп, переводчик смог дослушать логическую мысль оратора, чтобы сформулировать предложение согласно нормам русского языка, заполнил паузу, которая могла возникнуть при переводе и совершил плавный переход к главной смысловой составляющей предложения;

- в конце переводного отрывка, можно заметить еще один штамп: *потери человеческих жизней*. Данное словосочетание является калькой с английского языка, которое вошло в нашу речь из переводных текстов, в том числе устных, где переводчики оставили английскую конструкцию. Однако с точки зрения норм русского языка данное выражение неверно, уместный вариант перевода этого словосочетания *человеческие потери* или *гибель людей*. Для устного перевода использование последних фраз также более выигрышно, так как они короче (что особенно важно для синхронного перевода), а также обладают широкой сочетаемостью с глаголами.

Некоторые лингвисты в разряд штампов включают широко употребляемые заимствованные слова, как, например, *харассмент, ревитализация* или *аутсорсинг*.

Сегодня отмечается всё более частотное использование заимствованных слов в речах, предназначенных для перевода. Некоторые специалисты объясняют этот феномен тем, что оратор пытается придать

вес высказыванию и одновременно «помочь» переводчику выполнить свою работу.

Неприемлемо дополнение санкций СБ односторонними рестрикциями (restrictions), особенно имеющими экстерриториальный характер (extraterritorial character) (URL: <https://www.mid.ru>).

Иногда в стремлении употребить как можно больше заимствованных слов оратор дублирует сказанную информацию, что, с одной стороны, «засоряет» высказывание, а с другой — помогает сохранить высокий темп перевода путем опущения одного (нескольких) из дуплетов (триплетов) без каких-либо смысловых потерь.

Оригинал. Они хотят, чтобы их подходы, оценки доминировали и воспринимались как мультилатеральные, многосторонние, универсально применимые. (URL: <https://www.mid.ru>)

Перевод. They want their approach to dominate and be perceived as multilateral and universal.

Заключение

Всё большее использование штампов и клише в письменных текстах и устной речи, по мнению лингвистов и редакторов, обедняют русский язык и приводят к шаблонности мышления. Однако в профессиональной деятельности устойчивые конструкции, в частности терминологические словосочетания присущие определенному подязыку, помогают участникам коммуникации выстроить диалог по профессиональным вопросам, соответствовать психическим стереотипам ситуации общения и добиться лаконичности высказывания.

Владение определенным набором штампов и клише на двух рабочих языках помогают переводчику экономить мыслительные усилия, добиться легкости процесса коммуникации и структурировать переводной речевой отрывок. Синхронный перевод «клишированных» текстов отличается большей полнотой передачи и точностью, а знание терминологических словосочетаний определенного подязыка способствует осуществлению качественного перевода на узкоспециальные темы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Виноградов В. С.* Перевод. Общие и лексические вопросы: учебное пособие. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004.

2. *Нора Галь*. Слово живое и мертвое. М : Время, 2011.
3. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. *Чуковская Л. К.* В лаборатории редактора. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Время, 2011.
5. *Миньяр-Белоручев Р. К.* Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996.
6. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост. гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.

REFERENCES

1. Vinogradov, V. S. (2004). *Perevod. Obshchie i leksicheskie voprosy = Translation and Interpretation. Common and lexical problems.* Moscow: BookHouse "University". (In Russ.)
2. Gal', Nora (2011). *Slovo zhivoe imertvoe = The word: dead or alive.* Moscow: Vremya. (In Russ.)
3. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms.* Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
4. Chukovskaya, L. K. (2011). *V laboratorii redaktora = In the editor's lab.* Moscow: Vremya. (In Russ.)
5. Min'yar-Beloruichev, R. K. (1996). *Teoriya i metody perevoda = Theory and methods of translation and interpretation.* Moscow: Moscow Lyceum. (In Russ.)
6. Kuznetsov, S. A. (1998). *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka: A-YA.* Saint Petersburg: Norint. (In Russ.)

Информация об авторах

Рулькова С.М. – преподаватель военного учебного центра при МГЛУ

Лешин А.Г. – преподаватель военного учебного центра при МГЛУ

Белогозова А.С. – преподаватель военного учебного центра при МГЛУ

Information about the authors

Rulkova S.M. – instructor at the military training centre, MSLU

Leshin A.G. – instructor and lecturer at the military training center, MSLU

Belonogova A.S. – instructor at the military training centre, MSLU

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_245

**КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ
В ОДНОМ ИЗ ЖАНРОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА****Н. К. Седова**

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Москва, Россия

n.k.sedova@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты концептуального анализа языковых единиц, использованных в англоязычных СМИ при обзоре финального матча Чемпионата Европы по футболу 2020. Показано, что семантика терминологических и нетерминологических лексических и фразеологических единиц, встречающихся в современном англоязычном спортивном дискурсе, моделируется на основе регулярных продуктивных концептуально-метафорических моделей.

Ключевые слова: спортивный дискурс, концептуальная метафора, метафорический концепт, концептуальный блок

Для цитирования: Седова Н. К. Концептуально-метафорическая репрезентация события в одном из жанров англоязычного спортивного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 245 – 251. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_245

Original article

**CONCEPTUAL METAPHORICAL REPRESENTATION OF AN EVENT
IN ONE OF THE GENRES OF ENGLISH SPORTS DISCOURSE****N. K. Sedova**

MGIMO University, Moscow, Russia

n.k.sedova@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of the conceptual analysis of language units used in the English-language mass media in the report of the final match of the 2020 UEFA European Football Championship. The article shows that the semantics of terminological and non-terminological lexical and phraseological units found in modern English-language sports discourse are modelled on the basis of regular productive conceptual metaphorical models.

Key words: sports discourse, conceptual metaphor, metaphorical concept, conceptual block

For citation: Sedova, N. K. (2021). Conceptual metaphorical representation of an event in one of the genres of English sports discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13 (855), 245–251. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_245

Введение

Как отмечают исследователи различных социально-гуманитарных дисциплин, спорт является значимым социокультурным явлением современности. Чемпионат Европы по футболу 2020, отложенный на год в связи с пандемией Covid-19 и проведенный летом 2021 года, стал первым крупным международным турниром, состоявшимся после связанного с пандемией перерыва, и привлек повышенное внимание СМИ и зрителей по всему миру. Согласно данным телерадиовещательной компании ВВС, приведенным в официальном инстаграм-аккаунте ее спортивного подразделения ВВС «Sport», трансляцию финального матча турнира на телеканале ВВС «One» посмотрели 25 млн человек, онлайн-трансляцию на платформе ВВС «iPlayer» – 6,9 млн.

Статья под названием «Italy crush England's dreams after winning Euro 2020 on penalties», которая является объектом настоящего исследования, была опубликована на сайте авторитетной газеты «The Guardian» по окончании финального матча турнира между сборными командами Англии и Италии, состоявшемся на стадионе Уэмбли в Лондоне 11 июля 2021 года, и вошла в список самых читаемых материалов издания за сутки. Статья написана главным футбольным корреспондентом издания и относится к такому распространенному жанру спортивного дискурса, как обзор матча.

Роль метафоры в спортивном дискурсе

В ряде исследований, посвященных спортивному дискурсу, отмечается, что метафорически насыщенные тексты являются одной из его характерных особенностей [Тугуз, 2014]. Метафора как языковой стилистический прием с античных времен признается эффективным средством достижения выразительности. Согласно когнитивной теории метафоры, принимаемой большинством современных

лингвистов, метафоры не только являются средством языковой выразительности, а лежат в основе концептов, которые, в свою очередь, структурируют человеческое мышление, деятельность и находят отражение в языке [Lakoff, Johnson, 1980]. Принимая данную теорию, ряд отечественных исследователей, однако, призывает в рамках когнитивной лингвистики сосредоточить внимание на языковых явлениях, а не ментальных процессах.

Обращаясь к вопросу семантики языковых единиц, Е. Г. Беляевская, в частности, отмечает, что метафорические концепты различаются по степени сложности и образуют структуру, которая является концептуальным основанием для выбора или формирования наименований при описании той или иной предметной области [Беляевская, 2014]. К простым метафорическим концептам представляется возможным отнести метафорический концепт «Персонификация», «Объективация», «Контейнер», «Движение», а также базовые концептуально-метафорические представления и квалификаторы. Простые и сложные концепты различаются по своей функции. Простые концепты, и в особенности концептуально-метафорические представления и квалификаторы, редко выступают в качестве самостоятельных единиц и обычно выполняют строевую функцию, то есть помогают формировать сложный концептуально-метафорический образ. Сложные метафорические концепты выполняют номинативную функцию, то есть порождают новые значения лексических и фразеологических единиц. Отмечается также, что сложные метафорические концепты образуют тематические блоки. В ходе проведенного ранее исследования функционирования концептуальной метафоры в спортивном дискурсе [Порохницкая, Седова, 2021] представилось возможным объединить частотные сложные метафорические концепты в три тематических блока: «Человек», «Природа», а также «Сложные артефакты», с последующим разделением блоков на концептуальные домены и кластеры.

Система метафорических концептов в статье жанра обзор матча

Обращаясь, в частности, к вышеупомянутому обзору матча финала Чемпионата Европы по футболу 2020, можно отметить, что метафорические концепты, относящиеся к тематическому блоку «Человек»,

лежат в основе семантики наибольшего количества как терминологических, так и нетерминологических языковых единиц. Ряд метафорических терминов основан на концептах домена «профессиональная деятельность»; в частности, «военное дело» (например, *a defeat, a shot, to defend*). Ряд нетерминологических единиц основан на метафорических концептах, относящихся к домену «духовная деятельность»; в частности, «мифология» (*a thrilling odyssey*) и «искусство». Следует отметить, что метафорические концепты кластера «искусство» формируют семантику как нетерминологических единиц (например, *to lack inspiration, a tale of regret*), так и терминологических (например, *interval* – *перерыв между таймами*, букв. ‘антракт’). Данная лексическая единица используется вместо принятой в спорте и отмеченной в словарях единицы *half-time*, но в то же время ее употребление не следует считать окказиональным, о чем свидетельствуют данные корпусного исследования. Использование синтаксической конструкции, характерной для обозначения выхода на сцену героя в пьесе, для обозначения выхода на поле игрока (*enter Jorginho* – *появляется Жоржиньо*), напротив, можно назвать окказиональным. Для описания действий игроков также используются метафорические концепты, относящиеся к домену «социальная деятельность» (например, *to deny sb* – *отразить чей-л. пенальти*, букв. ‘отвергнуть кого-л.’; *to feed sb* – *отдать пас кому-л.*, букв. ‘накормить кого-л.’; *to hog the ball* – *не уступать мяч*). Помимо метафорических концептов домена «деятельность человека», при формировании семантики нетерминологических единиц регулярно отмечается использование метафорических концептов домена «жизнедеятельность человека» – относящихся, в частности, к физическому, эмоциональному и умственному состоянию (*a last-gasp corner* – *последняя возможность забить гол с углового удара*, букв. ‘последний вздох’; *to be comfortable* – *чувствовать себя комфортно*; *to have hope* – *иметь надежду*; *to forget what defeat is* – *забыть, что такое поражение*).

Примечательно, что метафорические концепты тематического блока «Человек» часто реализуются совместно с базовыми метафорическими концептами. В частности, это можно увидеть на примере словосочетания *a trudge towards defeat*. В формировании семантики данной языковой единицы, помимо метафорического концепта «*to trudge*», относящегося по тематическому признаку к кластеру

«физическое и/ или эмоциональное состояние человека», участвуют базовые метафорические концепты «Персонафикация», «Объективация» и «Движение». Так, команда Англии, применительно к игре которой используется данное выражение, представляется в виде устало идущего человека, а поражение – как конкретная цель, по направлению к которой он движется.

Как и в ранее проанализированном материале, в обзоре матча финала Чемпионата Европы присутствуют языковые единицы, в основе семантики которых лежат метафорические концепты из блоков «Природа» и «Сложные артефакты», но в меньшем количестве, чем единицы, основанные на метафорических концептах из рассмотренного выше блока «Человек». Так, концепты, связанные с природой, выражаются в ряде единиц со словом *tide* (*to stem the tide* – *остановить команду противника*, букв. ‘остановить волну’, *the tide turned* – *ход игры изменился*). Следует отметить, что в приведенных примерах метафорические концепты блока «Природа» реализуются совместно с базовым концептом «Объективация» – команда игроков и ход игры представляются в виде конкретного природного явления. Что касается тематического блока «Сложные артефакты», в обзоре матча финала Чемпионата Европы метафорические концепты кластера «автомобиль» находят выражение в языковых единицах, используемых для описания успешных атакующих действий одного из игроков (*to drive forward* – *продвигаться к воротам противника*, *to ignite a dream start* – *забить гол в начале игры*). Как и в рассмотренных выше примерах, данные концепты реализуются не самостоятельно, а совместно с метафорическим концептом тематического блока «Человек» (кластер «профессиональная деятельность»), а также с базовым метафорическим концептом «Объективация».

Заключение

Анализ обзора матча финала Чемпионата Европы по футболу 2020, являющегося знаковым спортивным событием, как и результаты проведенного ранее исследования спортивного дискурса, подтверждает, что метафорические концепты различаются по уровню сложности и могут являться основой для семантики языковых единиц как по отдельности, так и совместно, создавая различные

концептуально-метафорические структуры. Отмечено, что на одной и той же концептуально-метафорической модели может основываться ряд различных языковых единиц. Примечательно также, что такие модели могут лежать в основе как зафиксированных, так и незафиксированных словарных значений лексических и фразеологических единиц. Это соотносится с гипотезой о том, что концептуально-метафорические модели обладают номинативным потенциалом, что актуально, в частности, в отношении терминологических и нетерминологических языковых единиц, функционирующих в спортивном дискурсе, и является предметом дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Тугуз Э. А.* Лингводискурсивные особенности неологизмов в спортивном дискурсе: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2014.
2. *Lakoff J., Johnson M.* *Metaphors We Live By.* Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
3. *Беляевская Е. Г.* Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии: сб. науч. трудов к 100-летию проф. И.И. Чернышевой / отв. ред. Г. М. Фадеева. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.
4. *Порохницкая Л. В., Седова Н. К.* Система концептуально-метафорической репрезентации в англоязычном спортивном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 612–615.

REFERENCES

1. *Tuguz, E` A.* (2014). *Lingvodiskursivny`e osobennosti neologizmov v sportivnom diskurse : na materiale anglijskogo yazy`ka* = Linguistic and discursive features of neologisms in sports discourse: on the material of the English language: abstract of PhD in Philology. Krasnodar. (In Russ.)
2. *Lakoff J., Johnson M.* (1980). *Metaphors We Live By.* Chicago: The University of Chicago Press.
3. *Belyaevskaya, E. G.* (2011). *Nominativny`j potencial konceptual`ny`x metafor (konceptual`no-metaforicheskaya reprezentaciya kak ierarxicheskaya sistema) = Nominative potential of conceptual metaphors (conceptual-metaphorical representation as a hierarchical system). Actual problems of modern lexicology and phraseology: collection of scientific papers dedicated to the 100th anniversary of prof. I.I. Chernysheva. Moscow: PPC MSLU Rema, 13–30. (In Russ.)*

4. Poroxniczkaya, L. V., Sedova, N. K. (2021). Sistema konceptual'no-metaforicheskoj reprezentacii v angloyazyčnom sportivnom diskurse = The system of conceptual metaphorical representation in English sports discourse. *Cognitive studies of language*, 3(46), 612–615. (In Russ.)

Информация об авторе

Седова Н. К. – соискатель ученой степени кандидата наук на кафедре лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета, преподаватель кафедры английского языка №1 факультета международных отношений Московского государственного института международных отношений (университет)

Information about the author

Sedova N. K. – PhD degree-seeking student, Department of English Lexicology, Faculty of English, Moscow State Linguistic University; Lecturer, English Department #1, School of International Relations, MGIMO University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_252

**АНАЛИЗ ПЕРЕОСМЫСЛЕННЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
РЕСПУБЛИКИ КОТ-Д'ИВУАР**

И. В. Скуратов¹, А. С. Кондратьева²

^{1,2}Московский государственный областной университет, Москва, Россия

¹iv.skuratov@mgou.ru

²askondratieva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются переосмысленные лексические единицы в территориальном варианте французского языка Республики Кот-д'Ивуар. При проведении исследования обрабатывался корпус текстов телесериалов с применением методов анализа, наблюдения и обобщения речевых фактов. Выявлена частотность энантиосемии. Проанализированы ранее не описанные переосмысленные лексические единицы и выявлены частотные типы перехода значения.

Ключевые слова: неология, переосмысленные неологизмы, территориальный вариант французского языка, энантиосемия, эвфемизм.

Для цитирования: Скуратов И. В., Кондратьева А. С. Анализ переосмысленных лексических единиц в территориальном варианте французского языка Республики Кот-д'Ивуар // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 252–264. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_252

Original article

**THE ANALYSIS OF RETHOUGHT LEXICAL UNITS
IN THE TERRITORIAL VARIANT OF THE FRENCH LANGUAGE
IN THE REPUBLIC OF IVORY COAST**

I. V. Skuratov¹, A. S. Kondratieva²

^{1,2}Moscow State Regional University, Moscow, Russia

¹iv.skuratov@mgou.ru

²askondratieva@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of rethought lexical units in the territorial variant of the French language in the Ivory Coast. During the research, a

number of texts derived from TV-series were handled using the methods of analysis, observation and synthesis of verbal facts. The frequency of enantiosemic relations is revealed. Rethought lexical units that have not previously been outlined are described. The most frequent types of the transition of meaning are revealed.

Key words: neology, rethought neologisms, territorial variant of French, enantiosemy, euphemism

For citation: Skuratov, I. V., Kondrateva A. S. (2021). The analysis of rethought lexical units in the territorial variant of the french language in the republic of ivory coast». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 252–264. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_252

Введение

Лексические новообразования (неологизмы) во французском языке Франции долгое время вызывали интерес исследователей-лингвистов. Сегодня же всё больше исследователей обращаются к Африканскому континенту ввиду особой идентичности его территориальных вариантов, их лексического многообразия в разговорной речи. Всестороннее изучение территориальных вариантов французского, в особенности с позиций лексикологии, является значимым с теоретической и практической точек зрения.

Традиционно выделяют два типа новообразований: новообразования, являющиеся неологизмами как по форме, так и по смыслу, и являющиеся неологизмами только по смыслу. Под семантическим способом образования неологизмов понимается изменение значения слова, а именно его переосмысление.

Некоторыми исследователями отмечается, что открытие на определенном этапе развития филологической науки переосмысленных неологизмов заставило отойти от постулата Ф. де Соссюра о нераздельном единстве означающего и означаемого. Сам факт существования переосмысленных неологизмов свидетельствует о том, что связь между означающим и означаемым не только не является неразрывной, но и разрывается с определенной степенью частотности в условиях естественного развития языка [Bastuji, 1974].

В современных исследованиях отмечается, что при переосмыслении, как правило, за основу берется какой-либо более или менее явный признак, входящий в семантическое ядро или в периферию

слова. При переосмыслении может производиться выделение похожих признаков между двумя явлениями и факт нового именовании [Скуратов, 2017а].

Кроме выделения схожих признаков, может производиться также выявление прямо противоположных, антонимичных значений в одном и том же слове – явление энантиосемии [Ганеев, 2003]. Впервые понятие было употреблено Карлом Абелем, который занимался исследованиями праязыка и семантики праслов. К. Абель рассматривал вопросы энантиосемии в древнеегипетском языке, где описал значительное количество энантиосемических переходов. Исследователь связывал данное явление с особенностями человеческого мышления и стремлением человека к объединению противоположных понятий в единую семантическую категорию [Abel, 1884].

Следует отметить, что как в случае с переосмысленными, так и с формальными неологизмами, вопрос их трактовки не может рассматриваться как исключительно однозначный. Любое использование новообразований в акте коммуникации подвержено непрерывной интерпретационной работе со стороны реципиента. Таким образом, толкование целиком зависит от последнего [Скуратов, 2017б].

К вопросу о территориальном варианте французского языка в Республике Кот-д’Ивуар

Французский язык в Республике Кот-д’Ивуар не может рассматриваться как единое и неделимое целое ввиду того, что он не является гомогенным образованием. Благодаря своей длительной истории на территории этой страны, равно как и влиянию различных культур и языков, данный территориальный вариант получил многоуровневую структуру.

Общепринятым является следующее распределение, описывающее существующие на территории страны языковые формы¹:

- нормативный ивуарийский французский (le français normé ivoirien/le français des scolarisés)
- разговорный ивуарийский французский (le français local)
- народный ивуарийский французский (le français populaire ivoirien, *сокр.* le FPI)
- аргот нуши (l’argot nouchi / le nouchi) [N’Guessan, 2008].

¹ Зд. и далее перевод авт. – И. С., А. К.

Каждый из названных типов имеет свои отличительные особенности. Нормативный ивуарийский французский является языком интеллектуальной, политической, научной и иной элиты. К элите можно отнести людей, получивших высшее образование в одном из высших учебных заведений Кот-д'Ивуара либо получивших одну из ступеней образования во Франции. Нормативный ивуарийский язык характеризуется лишь небольшими отступлениями от референтного французского (*français de référence* или французский региона Иль-де-Франс). Данные отступления традиционно констатируются в сфере произношения. Лексические отклонения от референтной нормы не наблюдаются [N'Guessan, 2008]. В данном случае, речь как правило, является подготовленной и носит официальный характер. Нормативный ивуарийский французский можно услышать в речи официальных лиц, на официальных мероприятиях, по новостным телеканалам на телевидении, а также в некоторых телесериалах («*Sœurs ennemies*» («Сестры-враги»), 2016 – по настоящее время).

Разговорный французский язык в Кот-д'Ивуаре является устной нейтральной разновидностью. Используется большинством франкоязычного населения в стране и подчиняется всем тенденциям спонтанной разговорной речи.

Народный ивуарийский французский (*français populaire ivoirien*) и нуши являются схожими по структуре лингвистическими феноменами. FPI стоят у истоков нуши в 1970-е годы. Разновидности имеют большое количество общих черт [N'Cho, 2018].

На сегодняшний момент, народный ивуарийский французский уже потерял свою роль, практически не используется и представляет научный интерес исключительно с точки зрения диахронии и эволюции аргю нуши [Barbier, 2011].

Наибольший интерес вызывает именно разговорный, обыденный французский язык в Кот-д'Ивуаре (*le français local*), изучение которого представляется крайне актуальным ввиду недостаточной изученности темы как в российском, так и в международном научном сообществе.

Телесериалы как база исследования лексического состава языка

В качестве базы исследования были выбраны телесериалы. При изучении языка внешним наблюдателем, находящимся вне языковой среды, телесериалы представляют для исследователя источник

контекстуальной лексики, включенной в правдоподобные ситуации общения. Кроме того, преимуществом телесериалов над текстами, не обладающими видеорядами, является более полное извлечение информации и всесторонняя наполненность текста экстралингвистической информацией [Луговых, 2015]. Телесериал как объект массовой культуры стремится к описанию и фиксации обыденных стереотипов жизни человека [Закарян, 2010]. Именно обыденность представляется важнейшим критерием, вследствие необходимости отбора разговорной, повседневной лексики.

Основной источниковой базой для исследования был выбран телесериал «Allô Tribunal»¹ («Алло Трибунал»), снятый в 2018 году. В телесериале насчитывается суммарно 60 серий за два сезона. Средняя продолжительность серии составляет 26 минут. Сериал имеет формат постановочного судебного заседания, в котором участвуют люди из разных слоев общества с целью разрешения собственных проблем. Что является традиционным для данного типа телесериалов, между участниками 'судебного заседания' часто возникают ссоры и споры, которые выходят за рамки официального общения, и относятся к просторечно-бытовой категории лексики. Телесериал является комедийно-драматическим.

Действие телесериала происходит в выдуманной стране Биссовиль и ее столице Замболанде. Судья выслушивает жалобы граждан и выносит вердикты. Несмотря на очевидно постановочные заседания, сериал затрагивает ключевые вопросы, волнующие жителей Кот-д'Ивуара. Темы ранжируются по всему спектру актуальных вопросов, от бытовых до общественно-резонансных. В серии 8 «Le mari sapologue» («Муж-саполог») жена подает в суд на мужа за то, что он тратит все свои сбережения на одежду. Слово *sapologue* происходит от аббревиации SAPE – la Société des Ambianceurs et des Personnes Élégantes (Сообщество стильных и атмосферных людей). Представители движения предпочитают одеваться в одежду, напоминающую деловой и офисный стиль, с включением ярких цветов, аксессуаров из кожи крокодила. Движение является крайне популярным на территории Западной Африки.

В серии 6 «Le bac par MST» («Диплом за ЗППП») происходит заслушивание дела о совращении несовершеннолетних в сфере

---

¹ URL: <https://afrique.tv5monde.com/videos/series/allo-tribunal>

образования. Кроме «Allô Tribunal», в качестве верификационных выбраны короткометражные сериалы «Mama Africa», «Séry et Sory» и «Mot adopté», также снятые в Кот-д'Ивуаре.

Переосмысление имени существительного

В процессе исследования корпуса переосмысленных имен существительных было определено, что довольно часто они переосмысляются вследствие эвфемизации.

В серии 6 «Allô Tribunal» употребляется переосмысленное существительное *coco*, значение которого в сериале определяется как «геморрой». В данном случае можно говорить о переосмыслении на базе метафоры (по принципу смежности). Известно, что геморрой является распространенным заболеванием, вызываемым воспалением геморроидальных узлов в кишке, вызванном повышенным внутрибрюшным давлением. Перенос по смежности в данном случае вызван внешним сходством геморроя, который имеет пузырьковую структуру, по форме напоминающую ядро кокосового ореха. Учитывая, что данное заболевание является довольно специфическим, о котором не принято говорить, причиной данного переосмысления вне сомнения является процесс эвфемизации.

В некоторых случаях, логическая связь между переосмысленным и переосмысляемым словом не всегда очевидна. Так, в своем словарном значении *popote* (онлайн-словарь «Larousse») является узкоспециализированным и имеет следующие две дефиниции:

Ensemble emboîtable de casseroles, faitouts, poêles pour le camping и Organisme à caractère privé, formé par des groupes d'officiers ou de sous-officiers qui assurent leur alimentation en commun à frais partagés; lieu où se prennent ces repas. – Складные кастрюли и сковороды для кемпинга и частный орган, формируемыми офицерами и младшими офицерами, который обеспечивает их питание и финансируется совместно; место, где принимают пищу¹.

В территориальном варианте французского языка в Кот-д'Ивуаре слово приобретает значение «бытовые расходы, пропитание» (серия 8 «Allô Tribunal»).

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/popote/62606>

Общая семантическая категория, к которой относится слово, остается неизменной, но меняется сфера употребления. Если в словарной дефиниции слово относится к лексике кепминга и специальной военной лексике, то в данном случае слово переносится в разряд общеразговорных.

Переосмысление во французском языке Кот-д'Ивуара может происходить не только в отношении значения слова, но и в отношении его стилистического употребления. Существительное *arnaqueur* в онлайн-словаре «Larousse» имеет помету *familier (фамильярный): escroc (жулик), filou (плут)*.¹

В территориальном варианте констатируется употребление существительного *arnaqueur* в официальном регистре, в речи судьи. (серия 7 «Allô Tribunal»)

Переосмысление имени прилагательного

Согласно нашим наблюдениям, *mal* (плохой) является наиболее часто употребляемым переосмысленным именем прилагательным в территориальном варианте французского языка Кот-д'Ивуара.

Согласно онлайн-словарю «Larousse», прилагательное имеет следующие определения: *mauvais* (плохой), *contraire à la morale (не соответствующий морали)*, *pas satisfaisant (неудовлетворительный)*. Во французском языке Кот-д'Ивуара слово получает обратное значение. Очевидно, что слово подвергается энантиосемическому переходу.

C'était un homme doux et mal (Он был приятным и хорошим человеком).

Данное высказывание является хвалебным и относится к описанию положительных характеристик человека. Программа «Mot adopté» (серия 1), посвященная слову *mal*, поясняет, что в Кот-д'Ивуаре люди используют слово *mal*, чтобы подчеркнуть, что им что-то нравится.

В данном случае мы можем констатировать образование у одной лексической единицы прямо противоположных значений — явления энантиосемии.

Помимо энантиосемичного перехода, слово *mal* может также использоваться в качестве усилительного наречия. В приведенном примере мы имеем дело с переосмыслением и конверсией одновременно.

---

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/popote/62606>

Le poulet braisé est mal doux. Il fait mal chaud. Il fait mal froid. Le parfum est mal bon. – Жареная курица очень нежная. Ужасно жарко. Ужасно холодно. Души потрясающе хороши (*Программа «Mot adopté», серия 1*).

Используется также в качестве усилительной частицы, вводящей в разговорной речи элемент гиперболы:

Je vais mal te gifler. – Я тебя сильно стукну (*Программа Mot adopté, серия 1*).

Кроме прилагательного *mal*, интересным является пример отглагольного прилагательного *frappé*, образованного от глагола *frapper*. В онлайн-словаре «Larousse» у него насчитывается 26 значений. Основными значениями являются «blesser», «donner des coups», «batter», «infliger une peine» («ранить», «наносить удары», «бить», «причинять боль»).

В территориальном французском языке Кот-д’Ивуара отглагольное прилагательное *frappé* претерпевает процесс переосмысления. Так, в сериале «Allô Tribunal», в 4 серии, женщина произносит следующую фразу:

Il m’envoie en mission en Libye, tout frappée. – Он отправил меня в командировку в Ливию, разодетую.

В данном случае прилагательное *frappée* может иметь перевод *разодетая*. С одной стороны, логические отношения между переосмыслимым и переосмысленным словом не так очевидны. С другой, можно выдвинуть предположение, что в данном случае мы имеем дело со скрытыми значениями слова. Одним из значений слова является «ornez un velours d’un motif» («украшать бархат узором»). Данное значение выделяется среди остальных и имеет общую семантическую категорию ‘украшать’. Таким образом, логические отношения между двумя лексическими единицами все же прослеживаются.

Переосмысление глагола

В ходе исследования были выделены следующие типы переосмысления глаголов и глагольных выражений в территориальном варианте французского языка в республике Кот-д’Ивуар: энантиосемический переход значения, переход значения по принципу фонетической смежности и эвфемизация (в случае глагольных выражений).

Рассмотрим пример энантиосемического перехода при переосмыслении глагола *somber*. В онлайн-словаре «Larousse» находим следующие дефиниции:

1. Позволить себе быть переполненным физическим или психологическим состоянием до потери сознания. 2. Упасть, потеряться в пагубных привычках, болезненном состоянии)¹

Кроме того, выделяются следующие синонимы: *s'effondrer* (рухнуть), *s'abîmer* (портиться, разваливаться), *s'enliser* (погрязнуть, увязнуть).

Во французском языке глагол *somber* имеет общее значение разрушения, окончания. Отдельно выделяется третье значение. Рассмотрим пример переосмысления слова в разговорном французском языке Кот-д'Ивуара. Так, в телесериале «Allô Tribunal» мы констатируем данное явление. При разговоре судьи и одного из участников процесса, участник отказывается слушать кого-либо, упорствует в своих неверных убеждениях. В ответ, судья произносит осуждающую фразу: *Vous refusez à vous somber!* (эпизод 2) и отчитывает мужчину. Учитывая контекст и ближайшее окружение, глагол *somber* в данном случае имеет однозначный перевод: *Вы отказываетесь поступать здраво*. В обоих случаях общим концептом для лексической единицы является понятие изменения: глагол *somber* и в первом, и во втором случае обозначает процесс изменений состояния. Но если в первом случае глагол используется для обозначения потери (сознания, сознательного состояния, здравого рассудка), то во втором имеет обратное значение, и обозначает обретение сознательного состояния, возвращение к здравому рассудку. Ввиду констатации противоположных значений, отношения между лексическими единицами можно определить как энантиосемичные.

В некоторых случаях, переход происходит чисто по принципу фонетической смежности, как в случае с глаголом *blaguer*. В онлайн-словаре «Larousse»² описываются следующие дефиниции глагола *blaguer*:

1. Непереходный: *dire des blagues, des plaisanteries, pour faire rire ou se moquer* (рассказывать шутки и смешные истории, чтобы заставить кого-либо смеяться или поиздеваться над кем-либо). 2. Переходный:

---

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/somber/73392>

² URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/blaguer/9716>

Railler sans méchanceté qqn, qqch, plaisanter à leur sujet. – Беззлобно смеяться над кем-то, чем-либо, шутить по этому поводу.

К данным дефинициям подходят концепты «humour» («юмор»), «blague» («шутка»), «conversation» («диалог»). В телесериале «Мама Africa» мать семьи, обеспокоенная тем, что дочь много времени проводит с молодыми людьми, заводит с ней разговор о подростковой беременности и правилах поведения с противоположным полом.

Tu as vu comment ces hommes te regardent? Ils vont te blaguer jusqu'à obtenir ce qu'ils veulent (серия 10). – Ты видела, как на тебя смотрят эти мужчины? Они будут добиваться тебя, пока не получат того, чего хотят.

В данном контексте глагол *blaguer* переосмысливается до разговорного *приставать, добиваться* (в романтическом смысле).

Помимо глаголов, следует особо отметить глагольные сочетания. Так, частотным глагольным сочетанием является *faire le cinéma* (*устраивать сцену*). Глагол *faire* (*делать*) во французском языке многозначный. Он входит в большое количество глагольных выражений. Одним из значений глагола *faire* является «être à l'origine de qqch» («быть в истоках чего-либо»). В территориальном варианте французского языка в республике Кот-д'Ивуар имеет смысл «устраивать сцену», «устраивать скандал».

Tout ce cinéma vous êtes en train de faire là (серия 3). – Ту сцену, которую вы тут устраиваете.

Выражение создано по аналогии с уже существующими устойчивыми выражениями во французском языке. Проведено наблюдение, что метафоры, связанные с лексико-семантическим полем «кино» являются частотными в ивуарийском территориальном варианте французского.

Vous êtes un scénariste (Вы – выдумщик) (серия 1, *Allô Tribunal*).

Оно может быть также связано с явлением эвфемизации.

Заключение

Территориальный вариант французского языка в Республике Кот-д'Ивуар является комплексным феноменом с развитой внутренней структурной дифференциацией.

Результаты проведенного анализа подтвердили, что количество переосмысленных новообразований в исследуемом варианте довольно высоко. Они также позволили выявить наиболее частотные типы переосмысления для частей речи, подвергающихся данному процессу: имен и глаголов.

В первую очередь переосмысляются глаголы и имена существительные. Количество переосмысленных имен прилагательных невелико. К самым употребительным переосмысленным лексическим единицам относятся имя прилагательное *mal* (*хороший, порядочный*), которое также может подвергаться конверсии одновременно с переосмыслением, и глагольное сочетание *faire le cinéma* (*устраивать сцену*).

Энантисемия является частотной при переходе значения глаголов и имен прилагательных. Иногда переосмысление зависит от скрытого значения слова. В таком случае выявить логические отношения между переосмысляемыми и переосмысленными лексическими единицами помогает анализ всех словарных дефиниций переосмысляемого слова. Для имен существительных характерна эвфемизация и расширение значения.

Наблюдения, проведенные в ходе данного исследования, частично раскрывают процессы, происходящие в настоящее время во французском языке Республики Кот-д'Ивуар, которая занимает не последнее место во франкофонном и международном сообществах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bastuji J.* Aspects de la néologie sémantique // *La néologie lexicale*. 1974. № 36. P. 6–19.
2. *Скуратов И. В.* Семантическая неология (на материале французского языка) // *Романские языки в синхронии и диахронии*. Межвузовский сборник научных трудов. 2017. С. 110–113.
3. *Ганеев Б. Т.* Первоначальная энантисемия и диффузность в языке // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2003. Вып. 4. С. 9–14.
4. *Abel C.* *Über den Gegensinn der Urworte*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich, 1884.
5. *Скуратов И. В.* К вопросу об интерпретации неологизмов (на материале французского языка) // *Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж. Р. Р. Толкина): сборник материалов международной научной конференции*. 2017. С. 25–27.

6. N'Guessan J. K. Le français en Côte d'Ivoire: de l'imposition à l'appropriation décomplexée d'une langue exogène // L'émergence du domaine et du monde francophones. 2008. №40/41. P. 179–197.
7. N'Cho J. B. Appropriation du français en contexte plurilingue africain: le nouchi dans le dynamique sociolinguistique de la Côte d'Ivoire // Congrès Mondial de Linguistique française. 2018. №46. P. 1–19.
8. Barbier P. Variétés et diffusion du français dans l'espace francophone à travers la chanson // Glottopol. 2011. №. 17. P. 47–50.
9. Луговых А. А. Телесериал как инструмент обучения иностранному языку (из опыта) // Magister Dixit. 2015. Вып. 1 (17). С. 57–63.
10. Закарян Г. А. Телесериал как инструмент воздействия на индивида // Наука телевидения. 2010. Вып. 7. С. 73–83.

REFERENCES

1. Bastuji, J. (1974). Aspects de la néologie sémantique // La néologie lexicale. № 36, 6-19.
2. Skuratov, I. V (2017). Semanticheskaja neologija (na materiale franstuzskogo jazika) = Semantic neologie (based on the French language). Romance languages synchronically and dyachronically (pp. 110–113). Interuniversity digest of articles. (In Russ.)
3. Ganeev, B. T. (2003). Pervonachalnaja enantiosemiya I diffuznost' v jazike = The primary enantiosemy and diffusion in language. Vestnik of Orenburg State University, 4, 9–14. (In Russ.)
4. Abel, C. (1884). Uber den Gegensinn der Urworte. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich.
5. Skuratov, I. V. (2017). K voprosu ob interpretatsii neologizmov (na materiale franstuzskogo jazika) = The question of the interpretation of neologisms (based on the French language). The topical issues of modern linguistics, translation, literary studies, lexicography, theory and practice of teaching foreign languages (to the anniversary of J. R. R. Tolkien) (pp. 25–27): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
6. N'Guessan, J. K. (2018). Le français en Côte d'Ivoire: de l'imposition à l'appropriation décomplexée d'une langue exogène. L'émergence du domaine et du monde francophones, 40/41, 179–197.
7. N'Cho, J. B. (2018). Appropriation du français en contexte plurilingue africain: le nouchi dans le dynamique sociolinguistique de la Côte d'Ivoire. Congrès Mondial de Linguistique française, 46, 1–19.
8. Barbier, P. (2011). Variétés et diffusion du français dans l'espace francophone à travers la chanson. Glottopol, 17, 47–50.

9. Lugovikh, A. A. (2015). Teleserial kak instrument obuchenija inostrannomu jaziku (iz opita) = TV-series as in instrument of teaching foreign language (based on experience). *Magister Dixit*, 1(17), 57–63. (In Russ.)
10. Zakarian, G. A. (2010). Teleserial kak instrument vosdeistvija na individua = TV-series as an instrument of influence on an individual. *Television science*, 7, 73–83. (In Russ.)

Информация об авторах

Скуратов И. В. – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедры романской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета

Кондратьева А. С. – аспирант кафедры романской филологии факультета романо-германских языков Московского государственного областного университета

Information about the authors

Skuratov I. V. – Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor, Head of the Department of Romance philology, Faculty of Romance-Germanic Languages, Moscow State Regional University

Kondrateva A. S. – Post-graduate student, Department of Romance philology, Faculty of Romance-Germanic Languages, Moscow State Regional University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'276.6

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_265

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО И МЕДИЙНОГО ДИСКУРСОВ (на примере франкоязычных профессиональных и любительских рецензий)

И. А. Семина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
isemfirs@mail.ru

Аннотация. В статью исследуются особенности журналистского и медийного дискурсов, представленных профессиональными и любительскими кинорецензиями. В результате проведения дискурсивного и сравнительно-сопоставительного анализа установлено, что журналистский дискурс не является абсолютно синонимичным термином медийного дискурса. Для легитимизации профессиональной кинорецензии используются, как правило, научный и литературно-художественный дискурсы. Одним из принципиальных дискурсивных отличий любительских кинорецензий является их отнесенность к разговорному регистру. Вместе с тем профессиональные и любительские кинорецензии демонстрируют ряд общих черт.

Ключевые слова: журналистский и медийный дискурс, профессиональные и любительские кинорецензии, дискурсивный анализ

Для цитирования: Семина И. А. О разграничении журналистского и медийного дискурсов (на примере франкоязычных профессиональных и любительских рецензий) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 265–276. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_265

Original article

DISTINGUISHING BETWEEN JOURNALISTIC AND MEDIA DISCOURSES (French-language professional and amateur reviews)

I. A. Semina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
isemfirs@mail.ru

Abstract. The present article is devoted to the study of peculiarities of journalistic and media discourse, represented by professional and amateur film reviews. As a result

of discursive and comparative analysis it was found that journalistic discourse is not absolutely synonymous with the term of media discourse. As a rule, scientific and literary-artistic discourses are used to lighten the professional film review. One of the fundamental discursive distinctions of amateur film reviews is their relevance to the conversational register. At the same time, professional and amateur film reviews also demonstrate a number of common features.

Key words: journalistic and media discourse, professional and amateur film reviews, discourse analysis

For citation: Semina, I. A. (2021). Distinguishing between journalistic and media discourses (French-language professional and amateur reviews). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 265–276. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_265

Введение

Современные мультимедийные средства информации стали доступными не только специалистам-профессионалам, но и частным лицам, желающим размещать и распространять свою собственную информацию. Данные изменения, которые в полной мере можно отнести и к жанру кинокритики, делают необходимым переосмысление как самого понятия «авторство», так и отношений между автором кинокритики и ее читателями.

В 1990 году, в период становления и утверждения социологии в области журналистики, появляется термин «журналистский дискурс», относящийся исключительно к произведенным журналистами-профессионалами текстам, в том числе к кинокритикам. Р. Рингот отмечает, что исследователи всё больше склоняются к необходимости разграничивать медийный и журналистский дискурсы [Valérie, Ringoot, 2014]. Тем не менее в лингвистической литературе термин «медийный дискурс» является более распространенным и нередко используется вместо термина «журналистский дискурс».

Настоящая статья предлагает к рассмотрению дискурсивный и сравнительно-сопоставительный анализ профессиональных и любительских кинокритик в Интернете, цель которого – выявление различий между журналистским и медийным дискурсами с последующим обоснованием их разграничения. Использование дискурсивного анализа в качестве основного научного подхода для изучения заявленной проблематики обусловлено несколькими причинами:

во-первых, дискурсивный анализ рассматривает высказывание как процесс и как его результат (текст), то есть включает в себя в качестве составной части традиционный анализ текста;

во-вторых, дискурсивный анализ позволяет выявить и изучить сложное взаимодействие условий производства дискурса, созданного продукта (в нашем случае – кинокритики) и ее рецепции, которая, в свою очередь, предполагает взаимозависимость адресанта и адресата.

В качестве корпуса исследования в Интернете были выбраны 7 кинокритик (4 профессиональных и 3 любительских), посвященных американскому криминальному комедийному фильму «Круэлла» (режиссер К. Гиллеспи), премьера которого состоялась 21 мая 2021 года. Рецензируемая кинокартина представляет собой приквел к фильмам «101 далматинец» и «102 далматинца». Для простоты анализа каждая рецензия обозначается в статье как текст с соответствующим номером:

Текст 1: рецензия журналистки И. Данель под названием «Круэлла», изданная в электронном журнале «Bande à part», специализирующемся в области искусства кино¹.

Текст 2: рецензия К. Лэ под названием «Лицо Диснея», опубликованная в электронном журнале «Critikat», специализирующемся в области искусства кино².

Текст 3: рецензия под названием «Круэлла: критика королей шопинга», появившаяся Ж. Крете, главным редактором электронного журнала «Ecranlarge», специализирующемся в области искусства кино³.

Текст 4: рецензия журналистки Ж. Эй под названием «Критика фильма «Круэлла»: симпатичная злодейка», появившаяся на сайте «Journal du Geek», публикующем последние новости в области высоких технологий, поп-культуры, видеоигр и науки⁴.

Текст 5: любительская рецензия, размещенная под ником CINETIM⁵.

¹ <https://www.bande-a-part.fr/cinema/critique/magazine-de-cinema-cruella-craig-gillespie/>

² <https://www.critikat.com/actualite-cine/critique/cruella/>

³ <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1381026-cruella-critique-des-reines-du-shopping>

⁴ <https://www.journaldugeek.com/2021/06/07/disney-prepare-deja-une-suite-a-cruella/>

⁵ https://www.allocine.fr/film/fichefilm-224395/critiques/spectateurs/#review_1015279984

Текст 6: любительская рецензия, изданная под ником Gunbuster¹.

Текст 7: любительская рецензия, размещенная под ником Nomodo².

Дискурсивная специфика профессиональных кинокритик

Понятие «медийный дискурс» представляется неоднозначным и вызывает множество вопросов. Прежде всего необходимо отметить, что медийный дискурс не является однородным, поскольку представляет собой область взаимодействия различных дискурсов (с характерными для каждого из них дискурсивными практиками), целью которых является довести до социума в целом или отдельной его части определенную информацию. Именно поэтому можно с уверенностью утверждать, что посредством медийного дискурса разрабатываются нормы выявления и представления социальных дискурсов. Важно также подчеркнуть, что медийный дискурс является метадискурсом (то есть дискурсом о других дискурсах), благодаря которому разнообразные дискурсы становятся публичными.

Журналистский дискурс не может рассматриваться в качестве термина, абсолютно синонимичного медийному дискурсу, поскольку, с одной стороны, он является составной частью медийного дискурса, а с другой – обладает значительно большей авторитетностью и серьезностью по сравнению с целым рядом дискурсов, относящихся к медийному пространству. Специфика журналистского дискурса состоит в том, чтобы предоставить публике серьезную авторитетную информацию в разнородном пространстве Интернета, в котором также присутствуют развлекательные дискурсы и дискурсы с низким уровнем социальной ответственности.

По мнению Д. Менгено и Ф. Коссутта, журналистский дискурс является вторичным и, соответственно, неконституирующим, то есть дискурсом, не способным легитимировать самого себя [Maingueneau, Cossutta 1995]. Из этого следует, что журналистский дискурс вынужден строить собственную легитимизацию на основе конституирующих дискурсов. В этом смысле можно говорить об интердискурсивном характере журналистского дискурса. Например, для

---

¹https://www.allocine.fr/film/fichefilm-224395/critiques/spectateurs/#review_1015279984

²https://www.allocine.fr/film/fichefilm-224395/critiques/spectateurs/#review_1015279984

легитимизации профессиональной кинокритики используются, как правило, научный (анализ дискурса, литературная критика) и литературно-художественный дискурсы.

Медиатизация научного дискурса в профессиональной кинокритике

Во всех четырех анализируемых профессиональных кинокритических текстах выявлены характерные для научного дискурса черты. Прежде всего следует отметить, что профессиональные рецензии строятся в основном в соответствии с разработанным для данного жанра каноном. Структура профессиональной рецензии как правило включает в себя такие канонические элементы, как заголовок, подзаголовок, вводная часть, основная часть в виде рациональной и эмоциональной аргументации, заключительная часть, кратко резюмирующая содержание статьи. Кроме того, авторы профессиональных рецензий уделяют особое внимание жанровой и художественной специфике фильма, его месту в совокупности других произведений данной тематики. Особую роль в профессиональных кинокритических текстах играют термины, используемые в дискурсивном анализе и литературной критике.

Рецензируемый фильм К. Гиллеспи рассказывает о детстве и становлении как личности злодейки Круэллы из фильма С. Херека «101 далматинец», являющимся, в свою очередь, ремейком к одноименному мультфильму 1961 года. Для характеристики ремейковой природы фильма И. Данель, автор текста 1, использует специальные термины: *unreboot*, *uneprequelle*, *unspin-off*, два из которых – англицизмы. Доминирование англицизмов в используемой журналисткой терминологии можно объяснить тем, что впервые фильмы-ремейки появились в американском кино. Каждый из трех употребленных автором рецензии терминов выделяет и подчеркивает разные художественные аспекты ремейка:

- термин *unreboot* акцентирует внимание на том, что ремейк К. Гиллеспи не копирует источник, а наполняет его новым и актуальным содержанием;
- термин *uneprequelle* (*приквел*) используется для характеристики кинофильмов, время действия которых происходит до событий ранее созданного произведения и предшествует им по внутренней хронологии;

- термин *unspin-off* (*спин-офф*) выделяет как основное отличие ремейка участие в нем в качестве главных действующих лиц персонажей, играющих второстепенные или эпизодические роли в исходном произведении.

Введение трех специальных терминов в текст позволяет автору наиболее полно охарактеризовать художественную специфику рецензируемого фильма-ремейка, а именно:

- главная героиня Круэллы фигурирует в качестве второстепенного персонажа в фильмах-источниках;
- фильм К. Гиллеспи посвящен детству Круэллы и становлению ее как злодейки, поэтому действие картины происходит до событий, о которых повествуется в ранее созданных источниках;
- по отношению к источникам фильм-ремейк «Круэлла» характеризуется новым актуальным содержанием.

Необходимо также отметить, что анализируемая терминология предполагает наличие определенных знаний у читателя, поэтому профессиональная рецензия адресована главным образом образованному читателю.

Из всего вышесказанного следует, что журналистский дискурс характеризуется развитой системой институциональных норм, правил и ограничений, которые учитывают и которым следуют авторы профессиональных кинорецензий. Соблюдение установленных для журналистского сообщества правил и норм является непременным условием легитимности журналистского дискурса и свидетельствует о наличии в нем ярко выраженного коллективного этоса.

Позиционируя себя как носителя серьезной и авторитетной информации, журналистский дискурс в то же время существенным образом отличается от научного дискурса, поскольку строится на совершенно иных принципах. В отличие от научного дискурса, направленного на поиск истины, журналистский дискурс имеет целью предоставить обществу актуальную и социально значимую информацию. Характерная для журналистского дискурса система ценностей неизбежно приводит к его идеологизации и банализации. К примеру сказать, в большинстве анализируемых рецензий выявлен часто встречаемый в медийном пространстве культурно-маркированный топос, противопоставляющий французскую и американскую киноэстетики. Совершенно очевидно, что французские кинокритики

отдают предпочтение хорошо представленному во Франции интеллектуальному кино и не скупаются на иронию по отношению к американским кинокартинам, рассчитанным на массового зрителя.

Например, Ж. Крете, автор текста 3, обращает внимание на тот факт, что «Круэлла» К. Гиллеси, подобно «Малефисенте» с А. Джолли, представляет собой очередную попытку переснять уже известный фильм. При этом вместо ожидаемого термина «ремейк» автор рецензии прибегает к метафорическому употреблению лексемы *recyclage* (*переделка, переработка, утилизация*), чтобы подчеркнуть вторичность рецензируемого фильма, отсутствие в нем новизны и оригинальности. Ж. Крете особо отмечает, что подобная практика ремейков носит массовый характер на студии Дисней. Значительная часть рецензии Ж. Крете посвящена критике голливудской эстетики, что является распространенной дискурсивной практикой во французской прессе. В частности, Ж. Крете упрекает авторов «Круэллы» в бессмысленной вычурности фильма и чрезмерном нарциссизме главной героини, которая посредством макияжа и разнообразных искусственных трюков превращается в «комическую боевую машину», придающую большей яркости и выразительности самым примитивным сценам («*les scènes les plus simplettes*»). Для выражения негативной оценки фильма автор рецензии 3 употребляет суффикс *-et(te)* в уничижительном значении: *un programme gentillet, une histoire languette*. По мнению Ж. Крете, студия Дисней сопоставима с бульдозером («*ce bulldozer Disney*»), способным уничтожить всё художественное. В конце рецензии делается вывод в стиле контрдискурса, противопоставляющего французскую и американскую систему взглядов на искусство кино. По мнению автора рецензии, Дисней всё превращает в «безвкусную похлебку поп-культуры» («*Mais chez Disney, tout ce la est vite dilué dans une soupe pop sans saveur*»¹).

Даже если фильм «Круэлла» получил в целом положительную оценку в тексте 4, отношение его автора к продукции голливудской студии Дисней остается по-прежнему критическим. Напротив, отход от голливудских штампов и шаблонов воспринимается им как эстетическое достоинство фильма. Поскольку, по мнению Ж. Эй, фильм К. Гиллеси не подвергся полному выхолащиванию со стороны диснеевской студии, ему удалось сохранить живое, ценное, плодотворное содержание.

¹ <https://www.ecranlarge.com/films/critique/1381026-cruella-critique-des-reines-du-shopping>

Влияние литературно-художественного дискурса на жанр кинокритики

Легализация профессиональной кинокритики осуществляется также посредством тесного взаимодействия журналистского дискурса с литературно-художественным. Профессиональные кинокритики представляют собой грамотно написанные и стилистически выверенные тексты, соответствующие всем требованиям, предъявляемым к письменной речи.

Для профессиональных кинокритик характерной чертой является наличие межжанровых сравнений и сближений. Например, в тексте 1 автор сравнивает воздействие фильма «Круэлла» с очистительным эффектом сказок: « Et le tout fleure bon les souvenirs d'enfance, la cruauté des contes, et les douces vengeance. C'est mal, mais ça fait du bien... » («Все это навеивает воспоминания о детстве, о жестокости сказок и сладости отмщения. Да, это зло, но оно идет на пользу¹»).

Одной из типичных черт профессиональных рецензий является соотнесение персонажей фильма с традиционными художественными типами, известными из мифов, фольклора и литературной классики и тесно связанными с определенными мотивами. По мнению практически всех авторов рецензий, главная героиня Круэлла соотносится с архетипом злодея. По мнению К. Лэ, автора текста 2, Э. Стоун в роли Круэллы напоминает М. Робби в фильмах «Тоня против всех» и «Хищные птицы: потрясающая история Харли Квинн». Подобно героине фильма «Тоня против всех» Круэлла в исполнении Э. Стоун переживает кардинальное преобразование, превращаясь в гения зла, при этом подобно героине «Хищных птиц» она оказывается в комических ситуациях и даже приобретает карикатурный характер.

Впрочем, как полагает автор текста 2, фильм «Круэлла» 2021 года явно не дотягивает до воплощения настоящей злодейки. На самом деле в нем речь скорее идет об искоренении зла, ведь главная героиня умиривает свою соперницу-злодейку, чтобы заполучить ее социальный статус и насладиться буржуазным образом жизни. К. Лэ иронизирует по поводу того, что для достижения данных целей главной героине приходится прибегать к анархистским символам, таким как «А» в круге или «нет будущего» британской группы «Sex Pistols». Выраженное автором текста 2 разочарование по поводу сведения архетипа

---

¹ Перевод наш. – И. С.

злодейки к банальному социальному и профессиональному статусу отражает индивидуальное восприятие рецензента. К субъективному видению автора рецензии можно также отнести выявленные им интердискурсивные связи, а именно, сравнение главной героини с моделью (лицом модного дома), а сам фильм – с длинным модным дефиле. Автор текста 2 приходит к заключению, что, по всей вероятности, единственной задачей режиссера фильма «Круэлла» является представление Э. Стоун многоплановой роли, выгодно обыгрывающей многочисленные перевоплощения главной героини. На протяжении всего фильма актриса перевоплощается в домохозяйку, помощницу стилиста, роковую женщину и даже усатого мусорщика, чтобы изобразить очередное зрелищное появление в кадре.

Дискурсивные характеристики любительских кинокритических рецензий

Для профессиональных кинокритических рецензий характерным является повествование в нейтрально-безличной манере, исключающей явное указание на автора в виде первого лица единственного числа. Данная манера, обусловленная социальными, профессиональными и этическими ограничениями, способствует в конечном счете легитимизации журналистского дискурса.

Автор любительской кинокритической рецензии свободен от профессиональных условностей и выступает от своего собственного имени, отдавая при этом предпочтение повествованию от первого лица единственного числа. Во всех трех анализируемых кинокритических рецензиях можно найти примеры подобного рода повествования: *jedoisavouer*, *jeneleregrettepas* (текст 5); *j'aimeaussi* (текст 6); *j'aivouluarrêter* (текст 7). В аналогичном свете следует рассматривать употребление неопределенного местоимения *on*, которое в контексте любительских рецензий означает *мы*, отсылающее к автору и его читателям: *parlons-en*, *onenavu* (текст 5); *onretrouve* (текст 6); *onsuitlehistoire* (текст 7). Подобное употребление местоимения *on* позволяет выразить близость авторских и читательских взглядов и интересов. Стремление авторов любительских кинокритических рецензий выставить свои собственные эмоции на всеобщее обозрение приводит к тому, что легитимизация их дискурса строится как правило на эмоциональной аргументации, при этом рациональная аргументация практически отсутствует.

Медиатизация элементов научного дискурса приводит к их проникновению в любительские кинокритические тексты, в которых авторы пытаются подражать профессиональным текстам. Следует, однако, подчеркнуть, что имитация является как правило поверхностной и голословной, не придающей любительскому тексту большей серьезности или авторитетности. Так, например, автор текста 5 утверждает, что фильм «Круэлла» существенным образом обновляет устаревшую эстетику Диснея, но не объясняет, в чем заключается выявленное новаторство. Тот факт, что любительские кинокритические тексты позиционируют себя не по отношению к научному дискурсу, а по отношению к профессиональным журналистским текстам, то есть фактически к научно-популярному дискурсу, во многом объясняет их слабый научный потенциал.

Другим принципиальным дискурсивным отличием любительских кинокритических текстов от профессиональных является их отнесенность к разговорному языковому регистру, позволяющему сократить дистанцию между автором и читателями. В анализируемых любительских рецензиях выявлены разнообразные элементы, относящиеся к разговорному регистру:

- лексемы: *cran, punch* (текст 5);
- разговорные обороты речи: *bon, c'est vrai ici* (текст 5); *qui fait ça* (текст 7).

Принадлежность любительских кинокритических текстов к разговорному регистру во многом объясняет наличие в них значительного количества грамматических ошибок, не говоря уже об опечатках. Немало претензий можно предъявить и к синтаксису любительских текстов. В них встречаются неверные построения словосочетаний и предложений. Так, в тексте 5 дважды встречается словосочетание *incroyable chic* и следующее предложение с неграмотным синтаксисом: «*Craig Gilles pie qui signe ici sa troisième collaboration avec la major, et dont j'avais adoré son précédent film...*» В любительских рецензиях встречаются также синтаксически незавершенные предложения, прослеживается пренебрежение к логическим связям, выраженным синтаксическими средствами.

Вместе с тем профессиональные и любительские кинокритические тексты демонстрируют и общие черты, обусловленные их пребыванием в едином интернет-пространстве. Это прежде всего относится к усилению роли идеологического начала в журналистском и медийном дискурсах, а также тенденции к их банализации и тривиализации.

Мы уже говорили о доминировании идеологического начала в оценках, которые французские критики дают фильмам диснеевской студии. Дальше всех в этом отношении пошел автор текст 7, заявив, что фильм «Круэлла» является не художественным произведением, а продуктом диснеевской «воук» пропаганды (Woke Disney Propaganda). Лексема *воук* представляет собой политический термин, обозначающий усиленное внимание к вопросам социальной, расовой и гендерной справедливости. В тексте 7 данный термин используется иронически для выражения критической позиции автора рецензии, по мнению которого во время просмотра диснеевских фильмов французские дети подвергаются идеологическому программированию, не осознавая того, что с ними происходит («*Nos enfants subissent une programmation idéologique sans aucune réflexion*»). Критическое и ироническое отношение автора текста к студии Дисней и ее продукции выражено также термином *wokistan* (страна «воук»), обозначающий американские социальные сети.

Заключение

Подводя итог выполненному анализу, следует прежде всего отметить, что жанровая специфика во многом определяется типом дискурса, к которому относится кинорецензия. Являясь неоднородным пространством, медийный дискурс включает в себя самые разнообразные профессиональные и любительские дискурсы, основным отличием которых являются средства их легализации.

Профессиональные кинорецензии относят себя к авторитетным дискурсам и легитимируются посредством конституирующих элементов научного и литературно-художественного дискурсов, таких как научная терминология, каноническая структура рецензии, литературно-художественная типологизация персонажей. Главной особенностью профессионального дискурса является неизбежная дистанция между автором и читателем, которая во многом объясняется некоторой его академичностью, а также употреблением языка, отвечающего требованиям, к письменной речи.

Любительские кинорецензии, являясь вторичными по отношению к профессиональным текстам, основывают свою легитимность на научно-популярном журналистском дискурсе, что существенно

ограничивает их научный потенциал, хотя и позволяет сократить дистанцию между автором и читателями. Отдавая предпочтение разговорному стилю языка, авторы любительских кинорецензий делают свои тексты доступными широким массам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Valérie J-P., Ringoot R.* Analyser le discours de presse. Armand Colin, 2014.
2. *Maingueneau D., Cossutta F.* L'analyse du discours constituants. L'analyse des discours constituants. Langages. Vol. 29. P. 112–125.
3. *Charaudeau P., Maingueneau D.* Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Éd. du Seuil, 2002.

REFERENCES

1. Valérie, J.-P., Ringoot, R. (2014). Analyser le discours de presse. Armand Colin.
2. Maingueneau, D., Cossutta, F. (1995). L'analyse du discours constituants. Langages, 29, 112–125.
3. Charaudeau, P., Maingueneau, D. (2002). Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Éd. du Seuil.

Информация об авторе

Семина И.А. – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка института иностранных языков им. М. Тореза Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Semina I.A. – Doctor in Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Lexicology and Stylistics Department, Faculty of French Language, Institute of foreign languages M. Thorez, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 81'373.45

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_277

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ
(на материале журнала «L'Obs»)**

А. Н. Шумакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ashumakova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности грамматической ассимиляции заимствований из английского языка, используемых в современной французской прессе. На материале англицизмов и американизмов из журнала «L'Obs» показаны основные проявления ассимиляции. Были рассмотрены такие аспекты адаптации, как появление категории рода, образование формы множественного числа у существительных, ассимиляция глаголов, а также участие англицизмов в процессе словообразования.

Ключевые слова: французский язык, «L'Obs», заимствование, англицизм, американизм, грамматическая ассимиляция

Для цитирования: Шумакова А. Н. Грамматические особенности заимствований из английского языка в современной французской прессе (на материале журнала «L'Obs») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 277–288. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_277

Original article

**GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF ENGLISH LOANWORDS
IN THE PRESENT-DAY FRENCH PERIODICALS
(based on L'Obs magazine)**

A. N. Shumakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ashumakova@yandex.ru

Abstract. The article deals with grammatical assimilation of English loan words used in the present-day French periodicals. The main signs of assimilation are analyzed based on Anglicisms and Americanisms from L'Obs magazine. Gender assignment and

plurals of borrowed nouns, assimilation of English verbs as well as the use of English loanwords as a basis for formation of new words are considered.

Key words: French language, L'Obs, loan words, Anglicism, Americanism, grammatical assimilation

For citation: Shumakova, A. N. (2021). Grammatical characteristics of English loanwords in the present-day French periodicals (based on L'Obs magazine). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 277–288. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_277

Введение

Для современной французской прессы характерно использование заимствований из английского языка (англицизмов) и американского варианта английского языка (американизмов). Благодаря употреблению в СМИ, многие из этих лексических единиц закрепляются в словаре французского языка. Это становится возможным в результате процесса ассимиляции, которая может происходить на всех уровнях языковой системы, в том числе – на уровне морфологии, поэтому в настоящей работе мы хотели бы обратиться к грамматической ассимиляции.

Грамматическая ассимиляция англицизмов во французском языке неоднократно рассматривалась в работах как французских (Ж. Турнье, П. Богаардс, Д. Кандель, Дж. Хамбли), так и отечественных ученых (Е. И. Кожевникова, М. В. Минова). Анализ работ показывает, что к основным признакам ассимиляции можно отнести присвоение категории рода заимствованным существительным, использование заимствований в качестве базы для создания новых слов с французскими или иноязычными суффиксами, франсизацию английских глаголов с помощью французских суффиксов, изменение формы множественного числа в соответствии с правилами французской грамматики. В этой статье мы хотели бы представить наши наблюдения за грамматической ассимиляцией англицизмов, которые дополняют некоторые пункты из этого списка.

Материал анализа

В результате применения метода сплошной выборки были найдены англицизмы и американизмы из французского еженедельного

журнала «L'Obs»¹ за 2017–2021 гг. Затем анализировались их грамматические свойства.

Некоторые особенности грамматической ассимиляции англицизмов

Одним из признаков грамматической ассимиляции можно назвать *появление категории рода у заимствованных существительных*, потому что в английском языке грамматическая категория рода отсутствует. Как правило, существительные приобретают форму мужского рода, который считается грамматически немаркированным, нейтральным. Однако некоторые существительные принимают форму женского рода, например, если они обозначают женщин или вызывают ассоциации с французским словом женского рода [Tournier, 1998; Bogaards, 2008; Кожевникова, 2008]. Собранный материал показал, что такая тенденция наблюдается и в современной прессе. Большинство заимствований относится к мужскому роду: *le geek*, *le fasting*. Однако были выявлены заимствования, принимающие женский род, например:

...elle m'a montré, dans un quotidien du matin, la photo d'une rave party illégale organisée dans les Côtes-d'Armor (*L'Obs*. 08.05.2021).

В этой фразе можно увидеть англицизм *rave party* – букв. ‘вечеринка в стиле рейв’. Как пишет Ж. Турнье, это заимствование образовано от двух компонентов: *rave* – *délirer* и *party* – *réunion conviviale*. Компонент *rave* был зарегистрирован в словаре англицизмов в 1990 году в качестве усеченной формы всего словосочетания *rave party*, находился на тот момент в процессе ассимиляции и уже употреблялся в женском роде [Tournier, 1998]. Очевидно, употребление заимствования *rave party* в женском роде связано именно с компонентом *party*, который, как пишет Ж. Турнье, относится к англицизмам, обозначаемым термином «*gréemprunt*», то есть этот компонент был сначала заимствован английским языком из французского, а затем вернулся во французский язык [Там же]. Исходная форма этого слова – *partie* (*partie de pêche* – *рыбалка*), однако оно пришло из английского языка

¹ URL: <https://www.nouvelobs.com/>

в 1829 году в форме *party* в значении «небольшой частный прием». Отметим, что во французском языке есть несколько заимствований с компонентом *party*: *garden-party* – *вечеринка в саду*, *surprise-party* – *вечеринка-сюрприз*. Все они относятся к женскому роду, что можно объяснить сходством англицизма *party* с французским словом женского рода *partie* – *прием* [Bogaards, 2008]. Можно предположить, что заимствование *rave party* приобрело форму женского рода по аналогии с другими англицизмами, в состав которых входит компонент *party*.

Ассимиляция также проявляется в **образовании формы женского рода** существительных, обозначающих названия профессий и др. Так, в заголовке статьи «Kathy Acker, la hackeuse» (*L'Obs.* 04.04.2021) присутствует слово *la hackeuse* – *девушка-хакер*, образованное от англицизма *hacker* – *хакер*. Дата появления этого англицизма во французском языке не известна, но необходимо отметить, что изначально в его структуре был английский суффикс *-er*: *hacker*. В современном французском языке наблюдается тенденция к замене у существительных английского суффикса *-er* на французский *-eur* [Candel, Humbley, 2017; Минова, 2019]. Очевидно, это произошло и со словом *hacker*. В словаре «Larousse» можно увидеть два варианта написания этого англицизма: *hacker* и *hackeur*. От второй формы образовалась форма женского рода, путем добавления женского варианта этого суффикса *-euse*: *hackeur* – *hackeuse*. Можно сказать, что в этом случае наблюдается несколько признаков грамматической ассимиляции: замена английского суффикса на французский и образование формы женского рода по правилам французской грамматики. Таким же способом, от формы мужского рода *dealeur* – *дилер*, изначально *dealer*, образовано существительное *dealeuse*.

Интересно, что формирование слов женского рода на *-euse* иногда происходит на основе англицизмов мужского рода, сохранивших английский суффикс *-er*. Это можно наблюдать на примере американизма *showrunner*, образованного от английских слов *show* – *шоу* и *run* – *управлять*. Слово *showrunner* (иногда *show runner*) – достаточно новое заимствование, его можно встретить и в русском языке: *шоураннер* – это «автор сериала, полностью контролирующий процесс его создания» (*Шоураннер: Человек, который делает крутые сериалы. The Village.* 04.04.2014). Во французской прессе оно часто выделяется курсивом:

Leur force? Avoir su reproduire le modèle américain du *show runner*, qui définit une esthétique, supervise l'atelier d'écriture et veille au respect des délais (*L'Obs.* 15.04.2021).

Признаком постепенной ассимиляции англицизма *showrunner* во французском языке можно считать образование формы женского рода с помощью французского суффикса *-euse* – *showrunneuse*:

Aimer à perdre haleine et courir plus vite que son ombre pour tenter de doubler le destin sur la ligne d'arrivée : la scénariste Vicky Jones, complice de longue date de Phoebe Waller-Bridge (la créatrice de « Fleabag » et *showrunneuse* de « Killing Eve »), s'amuse à toute allure des codes du road-movie ... (*L'Obs.* 13.04.2020).

В этом отрывке говорится о Фиби Уоллер-Бридж (Phoebe Waller-Bridge), авторе сериала « Killing Eve ». Отметим, что в этом примере американизм в тексте не выделяется, следовательно, автор предполагает, что читатель статьи знаком с этим термином. Интересно, что данный американизм также служит базой для словообразования: в прессе употребляется слово *co-showrunneuse*, образованное от *showrunneuse* с помощью приставки *co-* для обозначения женщины-соавтора сериала:

On se souvient de Jenni Konner, scénariste chevronnée et *co-showrunneuse* de «Girls» (*L'Obs.* 13.02.2017).

Образование формы множественного числа заимствованных существительных по правилам языка-реципиента относится к признакам ассимиляции. Интересно, что у некоторых заимствованных наблюдаются две формы множественного числа: по правилам языка-источника и языка-реципиента. Так, существительное *sandwich*, которое давно вошло во французский язык и признано ассимилированным заимствованием, в некоторых случаях образует форму множественного числа путем присоединения *-s*, в соответствии с правилами французской грамматики:

On apportait des *sandwichs*, des *friandises* (*L'Obs.* 24.05.2021).

Le manager du Subway me tutoie et me rudoie, alors qu'on n'a pas gardé les *sandwichs* ensemble (*L'Obs.* 18.04.2021).

Однако в некоторых случаях сохраняется форма множественного числа, образованная по правилам английского языка, с помощью окончания *-es* после буквосочетания *ch*:

Dans leurs bagages, sandwiches, cafetières, duvets, guitares et ces banderoles déployées au fronton de l'édifice : « Culture sacrifiée » (*L'Obs.* 15.05.2021).

On s'amuse même de leur petit côté vintage, avec le retour des ice cream sandwiches pour les glaces, et des fruits givrés, côté sorbets (*L'Obs.* 03.06.2021).

Было интересно наблюдать за существительным *like*, обозначающим одобрение, *лайк* (от англ. *to like* – *любить*), потому что в некоторых случаях оно не изменяется по числам, например:

Une « *vanmania* » qui génère des « *like* » et du business (*L'Obs.* 25.07.2021).

Эта фраза из статьи о французах, которые предпочитают жить в фургоне (*van*), а не в обычной квартире. В приведенной фразе на форму множественного числа указывает артикль *des*, стоящий перед англицизмом *like*, тогда как сам заимствованный элемент воспринимается как инородный, в том числе – благодаря кавычкам, которые привлекают к нему внимание. Отметим, что новое увлечение также обозначено англицизмом – *vanmania* (от англ. *van* – *фургон* и *mania* – *страсть*) и выделено кавычками.

В других случаях заимствование *like* употребляется во множественном числе, например:

Sur Instagram, j'ai écrit trois posts sur le show. Les likes pleuvaient moins que sur tout le reste (*L'Obs.* 09.07.2021).

В приведенной фразе можно увидеть несколько заимствований из английского языка: *Instagram* – *сеть «Инстаграм»*, *le show* – *шоу*, *posts* – *посты*, *neбольшие сообщения в социальной сети*, *likes* – *знаки одобрения, лайки*. Слово *like* употреблено в форме множественного числа с окончанием *-s*. Такие изменения свидетельствуют, очевидно, о постепенной ассимиляции этого заимствования во французском языке.

Мы наблюдали, что **субстантивированные заимствования также не изменяются по числам:**

Quarante ans plus tard, les *happy hours* (fin d'après-midi où les cafés proposent des boissons à un tarif avantageux) et les *before* (moment où l'on se retrouve pour boire avant une soirée festive), sans oublier les séjours Erasmus avec immersion dans... la culture du pub anglais et des bars à tapas espagnols, qui achèvent d'installer « l'apéro » comme un temps fort de la vie sociale (*L'Obs.* 24.06.2021).

Эта фраза из статьи, в которой рассказывается об аперитиве, его истории и роли в жизни современных французов. Можно увидеть выделенный в тексте американизм *happy hours* – от *happy hour* – *послеобеденное время, когда в кафе предлагают напитки по выгодным ценам*. В этом заимствовании, состоящим из прилагательного *happy* – *счастливый* и *hour* – *час*, компонент *hour* изменяется по числам путем добавления *-s*, следуя правилам французской грамматики. Второе выделенное курсивом заимствование – *before* – может быть в английском языке предлогом, наречием и союзом. В качестве предлога и наречия оно выражает идею предшествования, и в этом значении, судя по контексту, употреблено в приведенной фразе: *moment où l'on se retrouve pour boire avant une soirée festive* – *букв.:* ‘момент, когда встречаются, чтобы пропустить стаканчик перед вечеринкой’. В данном случае можно говорить о субстантивации англицизма *before*. Заимствование не изменяется по числам, но определенный артикль множественного числа *les* указывает на форму множественного числа.

В этой статье мы встретили еще несколько примеров заимствований, употребленных во множественном числе:

Les baristas et bartenders (ne les appelez pas barmen !), au chômage partiel pendant des mois, n'ont en effet rien pu lancer de nouveau (L'Obs. 24.06.2021).

Слово *barista* заимствовано из итальянского языка, оно обозначает официанта, который занимается приготовлением кофе. Заимствование *bartender*, обозначающее официанта, относится к англицизмам. Оба эти слова изменяются по правилам французского языка. Во фразе можно увидеть еще один англицизм – *barmen* (от англ. *bar* – *бар* и *men* – *люди*). Согласно словарю «Larousse», термин *barman* обозначает человека, который готовит и подает напитки в баре. Интересно, что в данном случае этот англицизм сохраняет форму множественного числа, характерную для английского языка, где существительное *man* во множественном числе приобретает форму *men*. Отметим, что это заимствование достаточно давно пришло во французский язык, оно ассимилировано, и в словарях зафиксировано две формы множественного числа слова *barman*: *barmen* и *barmans*¹.

¹ URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/barman/8047>

Проведенный анализ показал, что **англицизмы служат базой для образования новых слов с помощью французских суффиксов**. Это является признаком ассимиляции, так как «словообразовательная интеграция заимствованной единицы – свидетельство высокой степени ее ассимилированности в языке-реципиенте» [Дьяков, 2019]. М. В. Минова говорит о высокой продуктивности суффикса *-erie* при образовании существительных: *sandwicherie* [Минова, 2019]. Собранный нами материал показал, что к таким суффиксам можно отнести *-esque*, произошедший от итальянского (в редких случаях – испанского) *-esco*, который служит для образования новых слов – прилагательных от существительных – имен собственных и нарицательных. Среди имен собственных могут быть имена реальных людей (*Aristophane*) или вымышленных персонажей (*Don Juan*), географические названия (*Vatican*), среди имен нарицательных – наименования лиц, относящихся к этносоциопрофессиональной категории (*chevalier*), названия животных (*éléphant*), культурные продукты, обладающими качествами, которые можно обозначить прилагательным с суффиксом *-esque* (*roman*). Суффикс *-esque* обозначает сходство с чем-либо, свойства, качества чего- или кого-либо, при этом значения новых слов выводятся достаточно легко, что делает суффикс продуктивным. Если в качестве основы используется имя творческой личности, требуется экстралингвистическая информация, чтобы понять значение прилагательного. Кроме этого, данный суффикс также создает коннотативный компонент [Mélis-Puchulu, 1993].

Приведем несколько примеров прилагательных, созданных на базе заимствований с помощью суффикса *-esque*:

L'album qui a été mixé par le français Philippe Zdar, avant sa disparition, commence bien avec le single «Revolution », suivi de beach-boyesque « He who Makes the Morning Darkness ». Sans doute (avec le tubesque « Devil Devil »), les deux plus fortes chansons de ce disque presque aussi brillant que scintillant (*L'Obs. 22.05.2021*).

В этом отрывке можно увидеть неологизм с суффиксом *-esque*: *beach-boyesque*. Прилагательное *beach-boyesque* образовано от американизма – названия поп-группы «Beach Boys» и отражает сходство произведений Ф. Здара с творчеством этой американской группы.

Il a un côté très Obama-esque, dans sa capacité à être un peu de tout pour tout le monde. Chacun lit en lui ce qu'il veut y trouver (*L'Obs. 04.05.2019*).

Приведенная фраза заимствована из статьи о демократе Пите Буттиджиче (Pete Buttigieg), который в 2020 году участвовал в выборах на пост президента США. Чтобы дать читателю представление о личных качествах этого политика, в статье употреблено прилагательное *Obama-esque*, образованное от имени Б. Обамы, занимавшего в прошлом этот пост. Значение неологизма раскрывается контекстом (*sa capacité à être un peu de tout pour tout le monde* – букв. ‘его способность представлять интересы всех’; *chacun lit en lui ce qu’il veut y trouver* – букв. ‘каждый видит в нем то, что хочет’), поэтому фраза будет понятна даже читателям, не знакомым с политикой Б. Обамы.

Французские суффиксы также используются **при франсизации английских глаголов, которые, в свою очередь, образуют грамматические формы по правилам французской грамматики**, например:

En France, l’institut BVA est pionnier en la matière depuis qu’il a fondé sa BVA Nudge Unit. Son patron, Eric Singler, révèle la journaliste Audrey Chabal dans son livre « Souriez, vous êtes nudgé », a apporté son expertise au gouvernement pendant la crise sanitaire (*L’Obs. 04.06.2021*).

В этой фразе употреблен глагол *nudger* – *подтолкнуть, подбодрить* в форме причастия прошедшего времени *participe passé*. Он образован от английского глагола *to nudge* – *слегка подталкивать локтем; побуждать, заставлять* с помощью французского окончания *-er*, а причастие сформировано путем прибавления окончания *-é*, что характерно для французских глаголов 1-й группы.

Это достаточно новый глагол, он еще не зафиксирован в словарях, однако по смыслу связан с существительным *nudge* – *легкий толчок локтем*, которое уже встречается во французской прессе. В приведенном отрывке разъясняется значение этого существительного:

Enfin, il y a le *nudge*. Si vous ne savez pas de quoi il s’agit, c’est que vous n’êtes pas encore entré dans « le monde d’après ». Le *nudge*, littéralement « coup de coude » en anglais, est follement tendance en macronie. ... Très utilisé dans le marketing, le *nudge* fabrique des « messages » poussant à la consommation (*L’Obs. 04.06.2021*).

Как следует из контекста, заимствование *nudge* распространено в маркетинге, где обозначает побуждение к чему-либо без принуждения.

Очевидно, читателю будет несложно сопоставить значение двух англицизмов *nudge* и *nudger* и понять мысль автора: во время кризиса, вызванного пандемией COVID-19, правительство Франции воспользовалось этой технологией маркетологов.

Заключение

Как показал проведенный анализ, у англицизмов и американизмов, используемых во французской прессе, наблюдаются различные признаки грамматической ассимиляции. Одним из них можно назвать появление категории рода у заимствованных существительных, так как в английском языке грамматическая категория рода отсутствует. Ассимиляция проявляется в образовании формы женского рода существительных, обозначающих названия профессий и т. п. Ассимилированные существительные образуют форму множественного числа по правилам языка-реципиента. При этом мы наблюдали, что у некоторых существительных есть две формы множественного числа (одна образована по правилам английского языка, а вторая – по правилам французского), тогда как субстантивированные заимствования не изменяются по числам. К признакам ассимиляции также можно отнести использование англицизмов для образования новых слов с помощью французских суффиксов и франсизацию английских глаголов с помощью французских суффиксов.

Поскольку именно благодаря употреблению во французской прессе англицизмы ассимилируются, будет интересно продолжить наблюдения за грамматической ассимиляцией заимствований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Tournier J.* Les mots anglais du français. P., Editions Belin, 1998.
2. *Bogaards P.* On ne parle pas franglais. La langue française face à l'anglais. Bruxelles, De Boeck-Duculot, 2008.
3. *Кожевникова Е. И.* Грамматическая ассимиляция англо-американских заимствований по категории рода в современном французском языке (на материале журнальных статей) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. №74–1. С. 233–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-assimilyatsiya-anglo-amerikanskih-zaimstvovaniy-po-kategorii-roda-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke-na-materiale>
4. *Candel D., Humbley J.* Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel. P., Ed. Garnier, 2017.

5. Минова М. В. Морфологическая ассимиляция англицизмов в процессе их интеграции в современный французский язык // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 129–143. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29271
6. Дьяков А. И. «Англицизмы» – наименования лица // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 8–2 (86). С. 47–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-naimenovaniya-litsa>
7. Mélis-Puchulu A. Les adjectifs en *-esque* : D’abord des adjectifs construits. In : L’Information Grammaticale, 1993, 58. P. 33–39. URL : https://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1993_num_58_1_3153

REFERENCES

1. Tournier, J. (1998). Les mots anglais du français. P., Editions Belin.
2. Bogaards, P. (2008). On ne parle pas franglais. La langue française face à l’anglais. Bruxelles, De Boeck-Duculot.
3. Kozhevnikova, E. I. (2008). Grammar adaptation of Anglo-American borrowings according to the category of gender in the modern French language (based on magazine articles). IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences, 74–1, 233–236 (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammaticheskaya-assimilyatsiya-anglo-amerikanskih-zaimstvovaniy-po-kategorii-roda-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke-na-materiale>
4. Candel, D., Humbley, J. (2017). Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel. P., Ed. Garnier.
5. Minova, M. V. (2019). Morphological adaptation of English borrowings in the process of their integration into the French language. Filologija: nauchnye issledovanija, 1, 129–143. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29271 (In Russ.)
6. Dyakov, A. I. (2019). English loan words denoting a person. International Research Journal, 8–2 (86), 47–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-naimenovaniya-litsa> (In Russ.)
7. Mélis-Puchulu, A. (1993). Les adjectifs en *-esque* : D’abord des adjectifs construits. In : L’Information Grammaticale, 58, 33–39. URL: https://www.persee.fr/doc/igram_0222-9838_1993_num_58_1_3153

Информация об авторе

Шумакова А. Н. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Information about the authors

Shumakova A. N. – PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Lexicology and Stylistics of the French Language,
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования
04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021;
accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_289

ГРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА: ОТ ДЕТЕКТИВНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ К ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРОСПЕКЦИИ

А. П. Бондарев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
literatura_mglu@mail.ru

Аннотация. Цель предлагаемой статьи – проследить на примере эволюции детектива этапы его генезиса, становления, нормативизации (до уровня «классического») и выхода нарастающей фабульной проблемности за пределы когнитивного потенциала детективного жанра. Жанр, базовый концепт исторической поэтики, организуется смысловым ядром – единством денотативного, синтагматического и прагматического значений. Смена денотата (конstellляции события) влечет за собой изменение синтагматики жанра в литературной системе и коррекцию его прагматики.

Ключевые слова: классический детектив, психологический детектив, типологические разновидности, детективное расследование, психоаналитическая интроспекция, денотат, синтагматика, прагматика

Для цитирования: Бондарев А. П. Границы литературного жанра: от детективного расследования к психоаналитической интроспекции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 289–314. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_289

Original article

THE BOUNDARIES OF THE LITERARY GENRE: FROM DETECTIVE INVESTIGATION TO PSYCHOANALYTIC INTROSPECTION

A. P. Bondarev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
literatura_mglu@mail.ru

Abstract. The purpose of the proposed article is to trace, by the example of the evolution of the detective, the stages of its genesis, formation, standardization (to the level of “classical”) and the exit of the growing plot problem beyond the cognitive potential of the genre. Genre, the basic concept of historical poetics, is organized by the semantic core – the unity of denotative, syntagmatic and pragmatic meanings. The change of the denotation (constellation of the event) entails a change in the syntagmatics of the genre in the literary system and the correction of its pragmatics.

Key words: classic detective, psychological detective, typological varieties, detective investigation, psychoanalytic introspection, denotation, syntagmatics, pragmatics

For citation: Bondarev, A. P. (2021). The boundaries of the literary genre: from detective investigation to psychoanalytic introspection. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 289–314. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_289

Постановка вопроса

Телеология детектива (*лат.* *detectio* – раскрытие, обнаружение), ориентированная на анализ (дифференциацию и релятивизацию) конфликта между бессознательными притязаниями Id и противодействующими им нормативными требованиями Super Ego, выдвинула его в разряд наиболее востребованных литературных жанров XX века. Согласно статистическим данным полиграфическая индустрия Великобритании и США ежегодно выбрасывала на книжный рынок до пятисот наименований детективной продукции. Узнавая в криминальном сюжете констелляцию собственного невротического комплекса, в котором Id выступает как преступник, Ego как его жертва, а Super Ego берет на себя труд аналитического расследования, читатель *интроецировал* – включал в свое когнитивное поле – и закамouflированную стратегию преступника, и паническое состояние жертвы, и разоблачительную тактику сыщика.

Человек современной цивилизации, изгнанный промышленным переворотом и научно-технической революцией из детерминировавшего его сословия, лишился и генетического тождества своего сознания со своим бытием. «Проективной идентификацией» [Овчаренко, 2010, с. 279] с преступником импульсивно отвечает «безосновный» человек на отведенную ему «прогрессом» функцию менеджера автономно функционирующего производства. Поднимающиеся из недр его души волны бунтарства опровергают презумпции классического либерализма конца XVIII – начала XIX века об эволюционном

преображении илота Спарты в законопослушного члена гражданского общества. Согласно выводам фрейдомарксизма, именно ужесточению производственной дисциплины обязан безосновный индивид стихийной регрессией в варварство. В работах «Психология масс и фашизм» (1933) и «Эмоциональная чума человечества» (1953) Вильгельм Райх пришел к выводу, что коллективное бессознательное реагирует спонтанными вспышками насилия на репрессивную роль церкви, морали, техники, имущественного неравенства и государственного принуждения. «Агрессивность, – поддерживает В. Райха Эрих Фромм, – обнаруживается всегда рядом с целым набором вполне определенных признаков системы, таких как строгая иерархичность, лидерство, классовые противоречия и т. д.» [Фромм, 1994, с. 148].

Даже Фрэнсис Фукуяма, наивный апологет «завершающего историко» либерального глобализма, вынужден был констатировать: «Либеральная демократия порождает “людей без груди”, состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих «тимоса» (духа, по терминологии Платона)». [Фукуяма, 2010, с. 24]. Пристутами неповиновения мстит глобализму бездуховный человек за наносимые ему моральные увечья.

Философская предыстория детектива

Теоретической базой интеллектуальной дуэли сыщика и преступника послужила продуктивная полемика двух магистральных школ философии Нового времени – эмпирической и трансцендентальной. Первая выводила общие понятия из организующихся в систему данных эмпирического опыта; вторая накладывала на них априорную модель сознания. В «Новом органоне» Фрэнсис Бекон обосновал индуктивный метод познания – восхождение от единичного ко всеобщему. В «Рассуждении о методе» Рене Декарт постулировал наличие «врожденных идей», а, следовательно, – дедуктивный метод «выведения неизвестного из известного».

Преступник – интеллектуальный наследник Р. Декарта – дедуктивно воплощает задуманное. Сыщик – интеллектуальный наследник Ф. Бэкона, продвигаясь от следствия к причине, индуктивно восходит к разоблачающему преступника замыслу.

Ф. В. Шеллинг увидел в «предустановленной гармонии» Лейбница априорное основание для примирения эмпирического и трансцендентального способов получения достоверного знания: «Понять,

каким образом объективный мир соотнобразится с представлениями в нас, а представления в нас – с объективным миром было бы невозможно, если бы между мирами, идеальным и реальным, не существовало *предустановленной гармонии*» [Шеллинг, 1987, с. 240].

В жанровом пространстве детектива предустановленная гармония, «сообразующая идеальное и реальное», явлена в конstellляции криминального события. Интрига дедуктивной стратегии преступника и индуктивной тактики сыщика аналогична шахматной партии. Сыщик отвечает черными, но, вникая в логику преступного замысла, перехватывает инициативу и одерживает победу: «Едва ли разуму человека дано загадать такую загадку, которую разум другого его собрата, направленный должным образом, не смог бы разгадать», – резюмирует свои наблюдения Легран, герой «аналитического рассказа» Алана Эдгара По «Золотой жук».

В тактическом поединке с сыщиком преступника подводит импульсивность. Напротив, рациональный тип сыщика побуждает его дистанцироваться от искажающих восприятие эмоциональных аффектов.

Генерируемые чистым разумом следователя «априорные синтетические суждения» (Кант) – результат выявленной Д. Локком «рефлексии», функции сознания, контролирующей непротиворечивость логических операций. «Под *рефлексией*, – разъясняет Д. Локк, – я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают *идеи* этой деятельности» [Локк, 1985, с. 155].

Сознание сыщика редуцирует до «чистой сущности» (Э. Гуссерль) вереницу улик, которыми демаскирует себя преступник, выступающий на начальном этапе расследования непостижимой «вещью в себе». «Редукция психологического феномена до чистой “сущности”, или же в выносящем суждения мышлении редукция фактической (“эмпирической”) всеобщности до всеобщности “сущностной”, есть *редукция эйдетическая*», – уточнял Эдмунд Гуссерль семантику своей феноменологии [Гуссерль, 2005, с. 246]. В гуссерлианской терминологической парадигме *эйдос* означает конкретизацию абстрактного понятия.

Аналитический дар Огюста Дюпена, мсье Лекока, Ричарда Каффа (Richard Kaff), Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, Нестора Бюрма,

Жюль Мегрэ и других прирожденных аналитиков обусловливался интровертной установкой их психики. В отличие от «завороженного объектом» преступника-экстраверта, сыщик-интроверт «заворожён идеей» – актуализированной преступным состоянием мира «проблемой человека».

Литературная предыстория детектива

Французские моралисты XVII–XVIII веков, Б. Паскаль, Ф. Ларошфуко, Ж. Лабрюйер и Л. Вовенарг, заявили о себе как о первых «следователях», сосредоточившихся на выявлении эгоистических мотивов поступков, формально соответствовавших поведенческим кодам нормативной этики. Их мысли, максимы, афоризмы и моральные сентенции констатировали преобладание частного интереса над общественным. Умозаклячая от поступка к его причине, они открывали за лицемерной маской придворного лица фрондирующего барона и даже в альтруистическом порыве усматривали скрытый повод для социального самоутверждения.

Опровергая презумпцию естественно нравственного человека, Блез Паскаль констатировал: «Корысть – источник всех наших побуждений, в том числе и человеколюбия» («Мысли»; Себялюбие, 132).

Ларошфуко диагностировал в лицемерии аристократа намерение занять более привилегированное положение в иерархии дворцового фаворитизма: «Нередко нам пришлось бы стыдиться своих самых благородных поступков, если бы окружающим были известны наши побуждения» (409 максима).

В сборнике «Характеры и нравы нашего века» Жан Лабрюйер с прискорбием признавал факт вовлеченности индивида во флуктуацию конкурентных амбиций: «Мало кто станет по собственному почину думать о заслугах ближнего» (5 максима).

Согласно Люку де Кланье де Вовенаргу искусственная цивилизация преступно извращает естественную нравственность ребенка: «Каждый человек рождается честным, а умирает лжецом» («Размышления и максимы»).

Открытия моралистов структурировали сюжеты *антивоспитательного* – «фривольного романа», героем которого выступал «просвещенный либертен». Благоволивший либертинажу Дидро делился

своими наблюдениями с Софи Воллан: «Либертены желанные гости в этом мире: они рассеянны, веселы, забавны, беспутны, любезны – словом, друзья всяческих развлечений» [Diderot, 1761, с. 657].

В полемике с *квиелизмом* Мигеля де Молиноса, мадам Гюйон и Франсуа Фенелона просветительский сенсуализм обогащал «философию наслаждения» диалектической аргументацией. «Подавленные страсти принижают выдающихся людей, – заявлял Д. Дидро в «Философских мыслях». – Принуждение уничтожает величие и силу природы». Не будет совершенства ни в поэзии, ни в живописи, ни в музыке, когда суеверные страхи уничтожают юношескую свежесть темперамента» [Дидро, 1986, с. 164–165].

В повести Жака Казота «Влюбленный дьявол» изощренная казуистика Вельзевула, принявшего облик очаровательной Бьондетты, остроумно развенчивает охранительные догматы косного испанского католицизма, бездумно исповедуемого богобоязненным капитаном Альваром: «Подавить небесное пламя, единственную силу, которая вызывает взаимодействие души и тела, и в то же время пытаться сохранить их союз! Как это бессмысленно, мой дорогой Альвар!», – изящно парирует Бьондетта наивные возражения капитана.

«Просвещенный либертен», обучая неофита навыкам лести, угождения и оболъщения, направлял развитие фабульных событий по линии нисходящей градации, отмечавшей этапы нравственного саморазрушения своей жертвы. Такова синтагматика романов «Заблуждения сердца и ума» Кребийона-сына, «Исповедь графа де ***» Шарля Дюкло, «Исповедь фата» Жана Франсуа Бастида, «Совращенный поселянин, или Опасности города» и «Совращенная поселянка» Ретифа де Ла Бретонна, «Опасности совращения, или Опрометчивость миловидности» Пьера Нугаре. В них место Минервы – мудрого наставника воспитательного романа Франсуа Фенелона «Приключения Телемака» – занял гедонист, устроитель «Галантных празднеств» («Les fêtes galantes»), запечатленных на живописных полотнах Антуана Ватто и Франсуа Буше.

Трансформация либертинажа в садизм обуславливалась деградацией монархических институтов власти, неумолимо приближавшей революцию 1789 года. Консервативный абсолютизм провоцировал политическое неповиновение. Радикальная группа депутатов «Генеральных штатов», выражая интересы третьего сословия, провозгласила

себя «Учредительным собранием» и присягнула бороться за создание антимонархической конституции. В романизованном трактате «Философия в будуаре» маркиз де Сад *реабилитировал* осуждаемую католицизмом «естественную склонность к преступлению», возведя ее в закон будущей республиканской конституции: «В конечном счете, злодеяния, совершаемые нами по отношению к своим собратьям, сводятся к четырем основным разновидностям: клевета, кража, непристойные действия, неблагоприятно отражающиеся на окружающих, и убийство» [Сад маркиз де, 2003, с. 114]. «Неистовый» и «черный» романы конца XVIII – начала XIX века нашли словесное выражение демонизму французской революции 1789–1795 годов, воспринятой консерваторами как метаисторический шабаш сатанизма. «Есть нечто сатанинское во французской революции, отличающее ее от того, что было, и от того, что, быть может, еще только грядет», – писал Жозеф де Местр (перевод наш. – А. Б.) [Maistre, 1864, с. 55].

Макс Мильнер в двухтомном исследовании под названием «Дьявол во французской литературе» прокомментировал эту реплику де Местра: «Настроение, заключенное во фразе Жозефа де Местра, разделяли многие противники революции. Бунт против авторитетов... кровавые преступления, включая цареубийство, – всё вместе взятое наводило на мысль о разгуле сил зла, об осуществлении беспринципными и безответственными людьми замысла слишком грандиозного, слишком планомерного и жестокого, чтобы его можно было приписать человеческой воле или случайности» (перевод наш. – А. Б.) [Milner, 1960, с. 158].

Демонический образ преступника восходит к герою *антивоспитательного* и *готического романов* XVIII века. Открытая готическим романом амбивалентность витальных порывов поставила под сомнение достижимость *калокагатии* (прекраснодоброго) как желаемой цели этико-эстетической педагогики Ф. Шиллера. Проявления «тайных ужасов» человеческой природы опровергали традиционную оппозицию добродетели и порока, определявшую поступки «положительных» и «отрицательных» героев моралистической литературы от Сэмюэля Ричардсона до Эжена Сю («Парижские тайны»). Антивоспитательный роман подготовил жанр *триллера*, типологические разновидности которого будут возникать в широком диапазоне от Брэма Стокера до Стивена Кинга. Герой триллера выступает одновременно

и садическим маньяком, и мазохистом – жертвой разрушающих его «несчастное сознание» апофатических процессов, тогда как конструктивная аналитика сыщика преобразует злонамеренность преступника в настаивающее его справедливое возмездие.

Если образ преступника восходит к протагонисту антивоспитательного романа, предтечей сыщика выступает герой *романа испытания*, противопоставлявшего провоцирующим его достоинства события верность исповедуемым им нравственным идеалам. Во фрагментах книги «Роман воспитания и его значение в истории реализма» М. М. Бахтин перечислил качества, поэтизируемые романом этого типа, который «строится как ряд испытаний главных героев, испытаний их верности, доблести, смелости, добродетели, благородства, святости и т. п.» [Бахтин, 1979, с. 190]. Сыщик классического детектива выдерживает испытания, которым предусмотрительная расчетливость преступника подвергает его нравственную позицию.

К жанру испытательного романа относятся романы С. Ричардсона, некоторые философские повести Вольтера («Задиг, или Судьба», «Кандид, или Оптимизм», «Простодушный»), «История одной современной гречанки» Антуана Прево, «История госпожи де Люз» Шарля Пино Дюкло, «Жизнь Марианны, или Приключения графини де***» Мариво, «Монахиня» Дени Дидро, «Жюстина, или Невзгоды добродетели» маркиза де Сада, а в эпоху романтизма – романы Юлии Крюденер, мадам Коттен Софи Ристо, Жермены де Сталь, «Консуэло» Жорж Санд, «Атала» Ф.-Р. де Шатобриана.

Реакция героя испытательного романа на ужесточающиеся вызовы инволюционной истории намечает генезис двух романских разновидностей. Резиньяция беспомощного героя испытательного романа, которой он отвечает на провоцирующие вызовы деградирующей феодальной обществу, предвосхищает реакцию *жертвы* детектива. *Узость жанрового кругозора испытательного романа*, препятствовавшая решению углубляющейся этической проблемы наивной добродетели, была преодолена «романом воспитания». Герой воспитательного романа характеризуется М. М. Бахтиным через противопоставление его «готовому» герою испытательного романа, неизменного в границах отпущенного ему биографического времени. Будучи «переменной величиной», герой романа воспитания «становится вместе с миром, отражает в себе историческое становление самого мира» [Бахтин, 1979, с. 203].

В ряду классических образцов немецкого воспитательного романа располагаются «Агатон» Кристофа Мартина Виланда, «Жизнеописание Тобиаса Кнауца-мудреца» Иоганна Карла Вецеля, «Биографии в восходящей линии» Теодора Готлиба фон Гиппеля, «Годы учения Вильгельма Мейстера» и «Годы странствий Вильгельма Мейстера» Иоганна Вольфганга Гёте, «Титан» Жан-Поля, «Зеленый Генрих» Готфрида Келлера. На счету французского романа воспитания – дидактический роман Франсуа де Салиньяка Фенелона «Приключения Телемака» и романизированный педагогический трактат Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании». Воспитательные романы адресуют ребенку, «естественному» от рождения «маленькому человеку», исходящее от жизни требование выявлять и развивать в себе природные способности в нужном обществе направлении.

Однако на известном этапе труда адаптации к социальности, убеждаясь, что тон в придворной среде задают либертены, карьеристы, лицемеры, совратители и садисты, герой воспитательного романа «перевоспитывается»: отказываясь от интеграции в деградирующую среду, он противопоставляет ей труд *автономного становления*. В качестве разновидности восходящего к агиографии романа *перевоспитания* «роман становления» поэтизирует спонтанное пробуждение самости и личностный рост, возвышающий взрослеющее сознание до *теодицеи* (theodicea – «оправдание божьей справедливости») – постижения иллюзорности зла в истории. В XVII–XVIII веках философско-теологическую основу теодицеи заложил Готфрид Вильгельм Лейбниц: «Я утверждаю, – писал автор «Опыта теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла», – что видимость не является абсолютно такой, какой она была бы при строгом рассмотрении фактов, – она такова, какой она создается на основе нашего ограниченного опыта. Было бы неразумным противопоставлять видимость, столь несовершенную и столь мало обоснованную, доказательствам разума и откровениям веры» [Лейбниц, 1989, с. 285].

Индивидуация открывает перевоспитываемому самостью герою, что инволюционная история – не эсхатологический проект, а вереница аморальных инсинуаций и безнравственных поступков, препятствующих спонтанному формированию целостной личности. Освоение этики *гнозиса*, обоснованной немецкими мистиками, – М. Экхартом, Я. Бёме, А. Силезиусом, И. Таулером, Ф. Шеллингом («Философские

исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах») – воодушевляло становящегося героя перспективой онтологического изживания врожденного инфантилизма. Гностик Н. А. Бердяев вычитал из библейского мифа о грехопадении адресованный христианскому человечеству призыв эволюционировать от наивной нравственности к ответственной морали, снимающей в конкретном поступке абстрактную антиномию добра и зла: «Без зла осталось бы на веки веков первобытное райское состояние первого Адама, <...> в котором не были бы раскрыты все возможности бытия и не явился бы новый Адам, не была бы раскрыта высшая свобода и любовь. Добро, победившее зло, есть добро большее, чем то, которое существовало до явления зла» [Бердяев, 1994, с. 126].

Монография Д. А. Белякова «“Волшебная гора” Т. Манна: от романа испытания к роману становления» может служить примером описания логики смены типологических разновидностей романа – испытания, воспитания, антивоспитания, перевоспитания и становления, – каждая из которых отражает очередной этап личностного роста Ганса Касторпа, протагониста индивидуально-психологической эпопеи Т. Манна «Волшебная гора» [Беляков, 2019, 224 с.].

Классический детектив

Сыщик представляет от имени Персоны, преступник – от имени Тени. «Персона, – популяризирует Эрих Нойман систему аналитико-психологических понятий К. Г. Юнга, – это благопристойный фасад, за которым скрывается темная, странная, эксцентричная, тайная и ужасная сторона нашей природы» [Нойман, 2008, с. 46].

Персона непрерывно формируется и проецируется в будущее идеалом социального совершенствования. Сыщик – неофициальный представитель Закона – действует от имени Персоны, носительницы культурного кода, изгоняющего в Тень противоречащие этической норме «человеческие слабости». В рассказе «Скандал в Богемии» доктор Ватсон делится наблюдениями над механизмом психологической защиты, к которой прибегала Персона Шерлока Холмса: «Все чувства, и особенно любовь, были ненавистны его холодному, точному и удивительно уравновешенному уму. <...> Нежные чувства были в его глазах великолепным объектом для наблюдения, превосходным

средством сорвать покров с человеческих побуждений и дел. Но для изощенного мыслителя допустить такое вторжение чувства в свой утонченный и великолепно налаженный внутренний мир означало бы внести туда смятение, которое свело бы на нет все завоевания его мысли».

На взгляд Ватсона грозным провокатором «утонченного и великолепно налаженного внутреннего мира» Шерлока Холмса выступал звериный атавизм, в любую минуту готовый вырваться из глубин бессознательного и внести раздор в цивилизованную упорядоченность. Варварская алчность как выражение социального дарвинизма подвигла доктора Гримсби Ройлотта, наделенного животной физической силой и несокрушимым здоровьем бездушного человека, на жестокое убийство падчериц посредством смертоносного яда индийской болотной гадюки («Пестрая лента»).

Первоначальные научные представления о биологическом генезисе преступлений основывались на учении Чарльза Дарвина, позитивизме Ипполита Тэна и Клода Бернара. В «Философском и физиологическом трактате о естественной наследственности» Проспер Люка выдвинул биосоциальную теорию преступления как реализацию генетической предрасположенности Homo sapiens к насилию. Чезаре Ломброзо, автор документированного исследования «Преступный человек», дифференцировал четыре типа преступников: «душегуб, вор, насильник и жулик». Архаичная психика, уравнивающая имморалистов, животных и пресмыкающихся, подобных Кроносу, Манфреду, Мельмоту, Ватеку, Фокленду, Амбросио, Носферату, Голему, Дракуле, Вию, змеям и многим другим, фольклорным, гротескным и низким божествам дорефлективной мифологии, квалифицируется подготавливающей детектив готической литературой «тайн и ужасов» как рудиментарно преступная. И орангутанг в рассказе Э. По, и дегенеративный облик преступников Эмиля Габорио и Конан Дойля, не говоря уже о мистере Хайде, персонаже повести Роберта Луиса Стивенсона, свидетельствовали о психофизиологической предрасположенности «человека-зверя» к противоправному удовлетворению своих атавистических инстинктов. Лишь могучей Персоне сыщика, неформальному блюстителю «Общественного договора» (Ж.-Ж. Руссо), по силам развеять животный ужас цивилизованного европейца перед деструктивными проявлениями собственной психики и вернуть

фрустрированное Его обывателя в привычную среду правовой защищенности. Индуктивная пронизательность сыщика делает его предтечей психоаналитика.

Жанровая структура *классического детектива* явлена в «аналитическом рассказе» А. Э. По «Убийство на улице Морг». Его трехчастная композиция базируется на *жертвах* (матери и дочери Л'Эспане), *преступнике* (орангутанге) и посредничающем между ними *сыщике* Огюсте Дюпене – носителе чистого разума, апостериорные выводы которого не искажаются субъективными свидетельствами органов чувств. Умозаклучая от частного к общему, он заочно добивается результата, который оказался не по силам ни штатным парижским полицейским, ни репортерам «Судебной газеты». Сведя в системном анализе «своеобразный голос» преступника; необычайную ловкость, с которой он проник через окно в квартиру; его беспрецедентное «бескорыстие»; отсутствие психологических мотивов; сверхчеловеческую силу и звериную жестокость, он установил, что убийцей матери и дочери Л'Эспанэ оказался огромный орангутанг.

Динамичная (конфликтная) модель «классического детектива» включает тезу, антитезу и синтез. Преступник выполняет функцию тезы. Сыщик – антитезы. Синтез снимает конфликт между ними в установлении мотива преступления и наказании виновного.

Гносеология детектива эксплицирует конфликтные социально-психологические отношения, связывающие преступника и жертву.

Этика детектива поддерживает юридическую позицию сыщика, дезавуирующую противоправную инициативу преступника.

Эстетика детектива, опирающаяся на анагорисис, катарсически развязывает узел криминального замысла.

Разнонаправленность стратегии преступника и тактики сыщика определяет *прогрессивно-регрессивную* композицию детектива, членищую нарративный дискурс на фабулу и сюжет. Дедуктивное нисхождение преступника от замысла к воплощению порождает фабулу. Индуктивное восхождение сыщика от преступления к мотиву генерирует сюжет. Сюжетное расследование эксплицирует имплицированный в фабульной событийности преступный мотив.

Презумпция *сui prodest* выступает инвариантом следственных умозаклучений классического детектива. Она в очередной раз позволяет, например, Шерлоку Холмсу уличить корыстного преступника

Стэплтона, злонамеренного дрессировщика собаки Баскервилей. Жертва и преступник образуют коррелятивную пару, обеспечивающую герменевтической позиции Холмса познавательную продуктивность. Когнитивные навыки *вчувствования* и *объективации* позволяют ему реконструировать интригу, опутавшую роковыми узами преступника Стэплтона, потомка одной из ветвей рода Баскервилей, и его жертву, действительного хозяина поместья, сэра Чарльза.

Образ сыщика синтезирует гностическую ментальность героя романа становления и витальную энергию героя «романа тайн и ужасов», что делает его предшественником супермена. Жанровая традиция возводит образ *супергероя* к Рокамболю, персонажу романов Понсона дю Террайя. Супермен, протагонист боевика, наделяется современной массовой культурой статусом «высокого миметического модуса» (Н. Фрай).

Денотат

Жанровая восприимчивость детектива реагирует на непрерывно усложняющуюся картину мира деконструкцией *денотата* – фабульного события. Если катарсическая развязка довольствовалась изобличением преступника, необходимость вникать в философско-антропологический генезис преступления как способа борьбы за социальное самоутверждение порождает «психологический детектив» с нерешенной фабульной проблемой и открытой сюжетной концовкой. Обновляющаяся детективная аналитика переориентируется с *редукционизма* – сведения развязки к обнаружению преступника, на *кондиционализм* – интерес к совокупности порождающих преступление социально-исторических условий.

Типологические разновидности психологического детектива воссоздают более трагическое понимание жизни как «войны всех против всех» (Гоббс). «Преступление, – размышляет М. Бахтин над диалектикой борьбы за физическое и социальное выживание, – заложено в самую сущность самоутверждающейся жизни и, живя, нельзя не запутаться в нем» [Бахтин, 1996, с. 89]. Нельзя не запутаться в борьбе за социальное самоутверждение, завоевываемое ценой онтологического саморазрушения, и в борьбе за онтологическое самоутверждение, обретаемое ценой социальной деградации [Бондарев, 2021].

Эволюционирующее сознание детективного жанра, реагирующее на проблематизацию криминальной фабулы, начинает воспринимать «преступное состояние мира» (Бахтин) как *бытие*, равно объемлющее и жертву, и аналитика, и преступника. «Странное дело! – разводит руками рассказчик новеллы Стендаля «Аббатиса из Кастро». – Ужасные несчастья, которые составляют печальную тему моего повествования, не могут, как мне кажется, быть поставлены в вину ни одному из действующих лиц; я вижу несчастных, но не могу найти виновных». Эдип, Федра, Король Лир, Макбет, Отелло, Яго, Клавдий, Гамлет, Сехисмундо, Анна Каренина, Позднышев, Смердяков, Иван Карамазов и многие другие герои классической литературы и искусства – *преступные жертвы* превосходящие возможности их сознания сверхличного смысла обступивших их проблем.

Синтагматика

Модификация денотата отводит каждой новой типологической разновидности надлежащее ей место в жанровой системе «детективной поэтики». Героём-рассказчиком – отражателем – может стать и жертва, и сыщик, и преступник. Если отражателем оказывается жертва, детектив вписывается в парадигму модернистских и постмодернистских дискурсов. Если рассказчиком выступает проблематизированный сыщик, классический детектив трансформируется в социально-психологический. Если в роли отражателя действует преступник, детектив преобразуется в триллер.

Жертва

Эволюционирующий в направлении большой литературы социально-психологический детектив передоверяет функции полицейских комиссаров, профессиональных следователей и частных сыщиков обыкновенным, ничем не примечательным людям, побуждаемым экстремальными обстоятельствами к интроспекции. Тема «маленького человека» открывает широкий спектр потенциальных сюжетных возможностей. Обыватели, вовлекающиеся в обступающие их проблемы, последовательно примеряют на себе роли жертв, следователей и преступников. Жертва потому становится жертвой, что не может найти оптимальный выход из конфликта между деструктивизмом

своих защитных реакций и требовательностью Персоны, воплощающей ее идеальное *я*. Таков Фернан Равинель, герой социально-психологического детектива Пьера Буало и Тома Нарсежака «Та, которой не стало» («Celle qui n' était plus»). Механизм «переноса ответственности» призывает его идентифицировать себя не как банального неудачника, а как *жертву* жизненной несправедливости. Отчаянная попытка вырваться из ничтожества превращает его в *убийцу* жены, затем – в *следователя*, безуспешно пытающегося отыскать ее труп, а в развязке – в фигуранта не им спланированной интриги, определившей ему в результате сговора любовницы и жены роль *самоубийцы*.

Консервативная модель сознания американского обывателя Дэвида Тейлора, героя романа Поля Александра и Мориса Ролана «Увидеть Лондон и умереть» («Voir Londre et mourir»), побуждает его отправиться в Лондон на поиски исчезнувшей супруги Пат, с которой он прожил, как ему представляется, душа в душу восемь счастливых лет. Однако анагнорисис достигается не в результате предпринятого им «расследования», а благодаря *читательскому вычитыванию* из хронологии событий преступного замысла Пат: «любящая супруга» – не похищенная жертва, а злостная интриганка, решившая устранить супруга, чтобы прибрать к рукам его состояние.

В романе Себастьяна Жапризо «Дама в автомобиле в очках и с ружьем» («La Dame dans l'auto avec des lunettes et un fusil») прослеживается логика трансформации *жертвы* в *следователя*, а затем – в *супергероя*, предотвращающего воплощение преступного замысла. В деталях продуманное Мишелем Караваем, директором влиятельного рекламного агентства, убийство невзрачной низкооплачиваемой машинистки Даниелы Лонго не осуществляется по причине спонтанного намерения девушки отправиться в роскошном американском автомобиле «тендерберд» на юг Франции полюбоваться морем, которого она прежде никогда не видела. «Происходило нечто ужасное, – исповедуется ей в развязке Мишель Каравай. – По вашей воле мы внезапно поменялись ролями. Всю эту ночь я составлял план действий, не принимая вас в расчет, словно вы были пустое место, а теперь выяснилось, что у вас есть свой план, которому вы следуете, совершенно не заботясь обо мне. <...> Вы совершенно сознательно, упорно сокрушали весь мой план». Поступки Даниелы, совершаемые ею по наитию, воспринимаются Мишелем Караваем как целенаправленное

детективное расследование, преследующее цель переиграть его как убийцу. Логика романной интриги проясняет феномен «случайности»: она предстает таковой лишь в корреляции с иначе организованным порядком. Столкновения преднамеренного и непреднамеренного воспринимаются Караваем и Даниелой как случайности. Предоставляемые самим себе, они выстраиваются в не предусмотренную ими новую упорядоченность. В глазах Каравая, полагающего, что его жертва «пункт за пунктом, начисто разбивает весь его план», образ Даниелы вырастает до масштабов карающего его провидения: «Безумная карусель, пленником которой я стал, продолжала крутиться».

Деперсонализированная личность, вызывающая преимущественный интерес постмодернистской литературы, разрушает устойчивую триаду детективного сюжета. Апофатические душевные порывы, проблематизируемые алеаторикой набегающих событий, прерывают эпистемологическую связь между ноуменом и феноменом. Ноуменальное формулирует априорные суждения, феноменальное опровергает их. Такой неуправляемой «вещью в себе» предстает слепая ревность, терзающая болезненно впечатлительного беллетриста Сержа Миркина, отражателя романа Буало-Нарсежака «Вдовцы» («Les veufs»). Игнорируя доводы рассудка, она навязывает ему роль *жертвы* безосновательной мнительности, затем – *сыщика*, выслеживающего любовника его жены Матильды, и, наконец, *убийцы* Мериля, ошибочно принимаемого ревнивцем за соблазнителя Матильды. Хотя фабула основывается на преступлении, роман «Вдовцы» встраивается в парадигму постмодернистских текстов, изображающих героя жертвой апофатических флуктуаций.

Эвристическое взаимодействие спонтанных душевных порывов и алеаторических случайностей преобразует Джорджа Уэбба, героя романа Грэма Свифта «Свет дня» («The Light of Day») в амбивалентную деструктивно-конструктивную личность. В прошлом штатный полицейский, а ныне частный сыщик, Уэбб неожиданно проникается глубоким чувством к преступнице Саре, осужденной на восемь лет за убийство мужа на почве ревности. Любовный порыв – настойчиво желающая выразить себя автономная функция его психики – формально действует против его жизненных интересов, однако субстанциально сулит пробуждение его самости. Центр личности Уэбба, игнорируя вердикт правосудия и «доводы рассудка», настраивается на ожидание

дня освобождения Сары, которому предстоит, быть может, стать днем его самоактуализации.

Рождающийся в недрах детектива экзистенциальный взгляд на преступление как на способ борьбы за выживание в условиях господства законов социального дарвинизма преобразует *следователя* в аналитика, задающегося «последними вопросами» о смысле и значении истории. Такова философская интрига детективного по содержанию романа Г. Свифта «Земля воды» (“Waterland”). Его герой, Том Крик, с детства доискивался эзотерического смысла своего рождения в Фенленде (Fenland) – низинных заболоченных землях в восточной части Англии, обитатели которых на протяжении веков каждодневным упорным трудом, подобно архетипическому Фаусту Гете, отвоевывали сушу у моря. Прием параллелизма устанавливает ненавязчивую корреляцию между преобразованием торфяных болот в сельскохозяйственные угодья и интроспекцией, отвоевывающей у протеевой тьмы бессознательного понимание своего жизненного назначения. Став профессиональным историком, Том Крик преобразует школьные уроки в иллюстрацию эволюции своего духа, восходящего от «малой истории» Фенленда до большой истории европейской цивилизации, символически явленной в неуклонно радикализирующихся лозунгах политических партий эпохи Французской революции 1789–1793 годов.

Сыщик

Модификация структуры денотативного события начинается с понижения миметического модуса сыщика. В отличие от Огюста Дюпена, изображаемого автором «аналитических рассказов» носителем чистой мыслительной функции, Шерлок Холмс описывается стилизованным рассказчиком доктором Ватсоном как *человек* с достаточно широким кругом частных интересов. Он – талантливый шахматист, скрипач-любитель, поклонник симфонического и оперного искусств, но отнюдь не энциклопедист. Профессиональные обязанности побуждают его интересоваться химическими реактивами и токсическими веществами, знакомиться с актуальными событиями в криминологии, но при этом допускают скептическое отношение к гуманитарным наукам и литературному творчеству. По свидетельству Ватсона, «о современной литературе, политике и философии он почти не имел

представления». Характерологические особенности Арсена Люпена, Шерлока Холмса, Эркюля Пуаро, комиссара Мегрэ, мисс Марпл, Нестора Бюрма, не ставящие под сомнение их беспримерный аналитический дар, незаметно лишают их в глазах читателя ореола загадочности. Индивидуальные черты сыщика, разоблачающие условность статуса его Персоны, открывают в нем *человека*, находящегося в конфликтных отношениях со своей Тенью. «В психической субстанции, – делится К. Г. Юнг наблюдениями над автономией душевных процессов, – есть вещи, не порождаемые мной, но порождающие сами себя и живущие собственной жизнью. Я понял, что во мне есть нечто, способное говорить вещи, которых я не знаю, и которые даже могут быть направлены против меня». Бессознательное, продолжает Юнг, «формирует внутри себя какую-то особую личность, которая, не будучи мною, всячески настаивает на том, чтобы выразить себя» [Юнг, 1996, с. 189, 191].

Сюжетная интрига романа Себастьяна Жапризо «Убийство в спальном вагоне» («*Compartment tueurs*») изображает выродившегося в преступника сыщика. Задумавшим и осуществившим серию внешне немотивированных убийств, имевших целью направить по ложному следу комиссара Грациани, оказывается один из членов розыскной группы – Жан-Луп. Будучи помощником Грациани, он участвует в расследовании в должности стажер и остается последним из всех вовлеченных в эту криминальную интригу подозреваемых.

Интерес к причинам, трансформировавшим помощника следователя в преступника, побуждает гносеологию детективного жанра обращаться к исследованию способного на неожиданные метаморфозы человеческого *характера*. Дневники, письма, портреты, характеры, мемуары, исповеди, жизнеописания, путевые заметки и подобные им жанры «человеческого документа» возникали как ответы на вопрос о латентной логике душевных процессов. Сыщик, вникающий в их флуктуацию, обнаруживает себя в средоточии криминальной среды, изучение которой превращает его в социального психолога. Анализируя содержание «преступных» по отношению к своей Персоне душевных порывов, он трансформируется из *субъекта* расследования в *объект* интроспекции.

Дифференциация и релятивизация психических функций сыщика-человека расширяет мировоззренческий кругозор социально-психологического детектива до масштабов классической литературы.

Традиционный со времен Античности конфликт между долгом и чувством перемещается в сферу враждующих чувств, тогда как сознанию отводится роль *наблюдателя*. В романе Бенжамена Констана «Адольф» функцию наблюдателя за динамикой душевных процессов выполняет выявленная Д. Локком *рефлексия*: «Мы выдаем наше бессилие или наши слабости за расчёты и стройные системы – это удовлетворяет ту часть нашего существа, которая, можно сказать, наблюдает за другой», – сокрушается Адольф. Хотя разум по традиции приписывает себе регулятивные функции в сфере гносеологии и морали, рефлексия выступает той «частью существа» Адольфа, которая, «наблюдая за другой», констатирует порабощённость его Его своеволием апофатических процессов.

Преступник

Если классический детектив эксплицирует релевантный дар сыщика, а психологический – вникает в судьбу жертвы чьей-то вышедшей из берегов «воли к власти», преступник вызывает в читателе *амбивалентное* чувство ужаса и восхищения. Эдмунд Бёрк дифференцировал в аффекте ужаса воодушевляющий витальный порыв: «Все, что каким-либо образом устроено так, что возбуждает идеи неудовольствия и опасности, другими словами, все, что в какой-либо степени является ужасным или связано с предметами, внушающими ужас или подобие ужаса, является источником возвышенного» [Бёрк, 1979, с. 72].

В пьесе «Пир во время чумы» А. С. Пушкин вложил в уста Председателя вакхического пира Вальсингама мятежный гимн пробуждающим ужасающее воодушевление психическим, социальным и природным катаклизмам:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Возвышение преступника до протагониста криминального сюжета совершается в ответ на понижение когнитивного статуса сыщика.

Образ дона Карлеоне, криминального авторитета из романа Марио Пьюзо «Крестный отец», впечатляет современного читателя и зрителя (фильмом Фрэнсиса Форда Коппола) очеловечивающим его противоречием между присущим ему обаянием байронического антигероя и «должностной» необходимостью чтить законы мафиозной этики.

Действующий в роли отражателя преступник уже в завязке знакомит читателя с приводимым в исполнение замыслом, верифицируя эффективность оперативной работы следователя. Чем изощреннее дедуктивная стратегия преступника, тем эффективнее надлежит быть индуктивной тактике следователя, выявляющего логические просчеты и эмоциональные сбои в криминальном замысле. Ложные версии инспектора Г. Лестрейда, уступающие безошибочной проницательности Шерлока Холмса, лишь обрамляют гениальность последнего.

Высокотехнологичный гений Фантомаса, персонажа романов Пьера Сувестра и Марселя Аллена, значительно опережает прогнозы недалевидного и нерасторопного комиссара парижской полиции Жюва. Арсен Люпен, герой повестей и рассказов Мориса Леблана, сочетая качества джентльмена, грабителя и сыщика, просто не имеет себе равных.

Самоубийство

Противостоящая жизненным проектам автономия душевной жизни ведет себя как изощренный преступник, закамуфлированная мотивация которого дезориентирует аналитическое сознание.

Садистская требовательность инфантильного я Эммы Бовари провоцирует ее мазохистское отношение к своему реальному я. Эмансипировавшееся от контроля рефлексии идеальное я героини романа Флобера живет сновидческими ассоциациями, гротескно сближающими понятия, разведенные культурными кодами руссоизма, романтизма, реализма и символизма по разным ценностным парадигмам: «И вот, *плотские желания, жажда денег, меланхолия страсти* – всё слилось в единой муке. Ее *раздражали* и плохо поданное блюдо, и неплотно закрытая дверь, она *вздыхала* по бархату, которого у нее не было, по счастью, которого ей не хватало, *стонала* от слишком высоких своих мечтаний и слишком тесного своего дома» (*пер. Н. Любимова*). Когнитивный диссонанс между диссоциировавшимися функциями психики Эммы проявляется в логических, семантических

и синтаксических сбоях: глаголы *s'irriter et gémir* управляют, уравнивая их в правых, антонимическими предикатами.

Психологический детектив превращается в психоаналитический роман по мере трансформации криминальной интриги в невротический конфликт между тремя психическими инстанциями героя – эго, сознанием и инстинктом. Эго-жертва, сознание-сыщик и инстинкт-преступник сходятся в непримиримой вражде друг с другом. Если Эмму Бовари убило ее идеальное я, со Стеллой, героиней романа Патрика Макграта «Приют» («Asylum»), расправилось ее реальное я.

Персона Стеллы, выражающая ценностные ориентации ее Super Ego, в полной мере отдает себе отчет в катастрофических последствиях претерпеваемой ею страсти к параноику и убийце Эдгару Старку. Однако Его Стеллы не в силах предотвратить совершаемого ее чувственностью преступления перед мужем, сыном, семьей и собственной жизнью: «В своем ли я уме? – задавалась она вопросом. – Как могу я рисковать всем, быть такой безответственной? Я ведь взрослая мать! Но желание увидеть Эдгара вновь развеяло все сомнения и колебания». Тщетно профессиональный психоаналитик Питер Клив, берущий на себя функции сыщика, апеллирует к социально адаптированной части ее психики. «Преступный» инстинкт заставляет ее жить «одержимостью Эдгаром Старком до фактического отторжения всего прочего. <...> Существование без него казалось ей невыносимым. Лучше умереть, чем страдать так. Подобная реакция, хоть и не часто, но возникает. Это последняя стадия». Как «последнюю стадию» Клив охарактеризовал положение, при котором доминирующая сексуальная функция довела Стеллу до самоубийства, превратив в садистку по отношению к ее обязанностям жены, матери и хранительницы домашнего очага.

Прагматика

Граница между детективом и постмодернистской литературой проходит по линии разграничения «объективного» и «субъективного». Детектив сохраняет свой когнитивный потенциал до тех пор, пока остается на почве объективного, признаваемого преступником, сыщиком, автором и читателем безусловной и неотменяемой реальностью. Прагматика детектива определяется ценностной позицией

воспринимающего и оценивающего преступление *отражателя*. Комбинации прагматических функций отражателей деконструируют классический детектив.

В классическом детективе авторитетным отражателем (рефлектором) выступает сыщик, посредничающий между событием и его смыслом. Анагнорисис – разъяснение констелляции криминального события – подтверждает безошибочность индуктивной тактики сыщика.

Отношения между сюжетными функциями участников криминального события *инвертируются* по мере приближения детектива к эпицентру общечеловеческих проблем. Трагические обстоятельства романа Себастьяна Жапризо «Западня для Золушки» («*Piège pour Cendrillon*») вменяют в обязанность то ли *преступнице*, то ли *жертве*, Доминике Лои, интроспективно восстановить разрушенное амнезией единство собственной личности. Просматривая письма, телеграммы, фотографии, Мики тщится возродить ту, какой она была до черепно-мозговой травмы: «Я пыталась систематически познать самое себя...». Достоверность интриги настолько проблематизирована мотивами вовлеченных в нее персонажей, что героиня не знает, кто она – Доминика Лои или Мики: «В этом деле <...> повсюду оказывалась одна только я. Я следователь и убийца, жертва и свидетель, – все вместе». Деперсонализация вынуждает ее довольствоваться реминисценциями Жанны Мюрно: «...Мне в голову впервые пришла мысль, что вне рассказов Жанны я – ничто. Достаточно Жанне солгать, и я стану ложью». Суд присяжных приговорил ее к «десяти годам лишения свободы за соучастие в убийстве Доминики Лои, совершенного Жанной Мюрно».

Метаморфоза преступника в сыщика, а сыщика в жертву мотивируется полемикой постмодернистской ментальности с логоцентризмом классического детектива, стремящегося к тотальному контролю над событием. «Подобный подход – резюмирует М. А. Можейко, – может быть оценен как практически изоморфный общей постмодернистской установке на отказ от метафизической презумпции наличия пронизывающего бытие универсального смысла (постмодернистская «метафизика отсутствия») [Можейко, 2012, с. 81].

Гносеология постмодернизма, отказывая бытию в априорно организующем его *объективном* смысле, апостериорно извлекает его

из субъективной интерпретации спонтанно разворачивающегося события. Объективная гносеология классического детектива становится субъективной эпистемологией постмодернистской литературы. Эволюционный тренд к постмодернизму позволяет М. А. Можейко криминализовать даже роман Патрика Модiano «Улица темных лавок» («Rue des Boutiques Obscures»). Впавший в амнезию Ги Ролан выступает в роли следователя, пытающегося восстановить причинно-следственную связь между дискретными фактами своей биографии. Однако условная развязка дезавуирует анагнорисис классического детектива: безрезультатные усилия Ги Ролана констатируют необратимую деперсонализацию человека, носящего его имя.

Предварительные итоги

Эволюция детектива от презумпции познаваемости объективного мира к констатации зависимости субъективного мировосприятия от динамики психических процессов преобразует криминальное расследование в психоаналитическую интроспекцию. Между констелляцией фабульного события и деперсонализированными сознаниями жертвы, сыщика и преступника возникает «когнитивный диссонанс». Жизнь сталкивает героев с эпистемологической проблемой такого масштаба, который выходит за пределы познавательных возможностей детективного жанра и становится предметом изображения произведений большой литературы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Овчаренко В. И.* Защитные механизмы // Психоанализ: новейшая энциклопедия. Минск: Книжный дом, 2009.
2. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности: пер. с англ. М.: АСТ, 1994.
3. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек: пер. с англ. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010.
4. *Шеллинг Ф. В.* Система трансцендентального идеализма: пер. с нем. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
5. *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении: пер. с англ. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985.
6. *Гуссерль Э.* Логические исследования: пер. с нем. Том второй. Часть первая. Исследования по феноменологии и теории познания / Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.

7. *Diderot D.* Correspondance. Lettres a Sophie Volland. 7 octobre, 1761, Ed. Roth, t. 3.
8. *Дидро Д.* Философские мысли: пер. с фр. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1986.
9. *Сад маркиз де.* Философия в будуаре. Эрнестина и др. Пер. с фр. СПб.: Продолжение жизни, 2003.
10. *Maistre J. de.* Concidérations sur la France // Oeuvres complètes: In 8 vol. – Lion, 1864. Т. 1.
11. *Milner M.* Le diable dans la littérature française de Cazotte à Baudelaire: 1772–1861. Paris, 1960. Т. 1.
12. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979.
13. *Лейбниц Г. В.* Опыт теодицеи о благодти Божией, свободе человека и начале зла: пер. с нем. Соч.: в 4. т. Т. 4. М.: Мысль, 1989.
14. *Бердяев Н. А.* Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства. М.: Республика, 1994.
15. *Беляков Д. А.* «Волшебная гора» Т. Манна: от романа испытания к роману становления. Монография. М.: Флинта, 2019.
16. *Нойман Э.* Глубинная психология и новая этика: пер. с нем. Санкт-Петербург. Издательский Дом «Азбука-классика», 2008.
17. *Бахтин М. М.* Дополнения и изменения к «Рабле». Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
18. *Бондарев А. П.* Не дать событию сбыться, или Синдром непрожитой жизни // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 2 (844). 2021. С. 218–236.
19. *Юнг К. Г.* Воспоминания, сны, размышления: пер. с нем. / К. Г. Юнг. Дух и жизнь. М.: Практика, 1996.
20. *Бёрк Э.* Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного: пер. с англ. М.: Искусство, 1979.
21. *Можейко М. А.* Философия детектива: классика – неклассика – постнеклассика // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки: научно-теоретический журнал. Новополоцк: ПГУ, 2012. № 15. С. 137–140.

REFERENCES

1. Ovcharenko, V.I. (2009). *Zashchitnyye mekhanizmy.* = Protective mechanisms. Minsk: Book House. (In Russ.)
2. Fromm, E. (1994). *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti.* = Anatomy of human destructiveness. М.: AST. (In Russ.)
3. Fukuyama, F. (2010). *Konets istorii i posledniy chelovek.* = The End of History and the Last Man. М.: ACT: ACT MOSCOW: Polygraphizdat. (In Russ.)

4. Shelling, F. V. (1987). Sistema transtsendental'nogo idealizma = The system of transcendental idealism. M.: Mysl. V. 1. (In Russ.)
5. Lokk, D. (1985). Opyt o chelovecheskom razumenii. = An Essay Concerning Human Understanding. M.: Mysl. (In Russ.)
6. Gusserl', E. (2005) Logicheskiye issledovaniya. = Logical research. Research on phenomenology and the theory of knowledge. Moscow: Publishing House "Territory of the Future". (In Russ.)
7. Diderot, D. Correspondance. Lettres a Sophie Volland. 7 octobre, 1761, Ed. Roth, t. 3.
8. Didro, D. (1986). Philosophical mysli. = Philosophical thoughts. M.: Mysl ' . (In Russ.)
9. Sad, markiz, de (2003). Filosofiya v buduare. Ernestina i dr. = Philosophy in the boudoir. Ernestina et al. St. Petersburg: Continuation of Life. (In Russ.)
10. Maistre, J. de. Concidérations sur la France // Oeuvres complètes: In 8 vol. – Lion, 1864. T. 1.
11. Milner. M. Le diable dans la littérature française de Cazotte à Baudelaire: 1772–1861. Paris, 1960. T. 1.
12. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva. = Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Fiction, 1979. (In Russ.)
13. Leybnits, G. V. (1989). Opyt teoditsei o blagosti Bozhiyey, svobode cheloveka i nachale zla. = The experience of theodicy about the goodness of God, the freedom of man and the beginning of evil. M.: Mysl ' . (In Russ.)
14. Berdyayev, N. A. (1994). Filosofiya svobodnogo dukha. Problematika i apologiya khristianstva. = Philosophy of a free spirit. Problematic and apology of Christianity. Moscow: Republic. (In Russ.)
15. Belyakov, D. A. (2019). «Volshebnaya gora» T. Manna: ot romana ispytaniya k romanu stanovleniya. Monografiya. = "Magic Mountain" by T. Mann: from the novel of ordeal to the novel of becoming. Monograph. Moscow: Flinta. (In Russ.)
16. Noymann, E. (2008). Glubinnaya psikhologiya i novaya etika. = Deep psychology and new ethics. St. Petersburg: Publishing House Azbuka-classic. (In Russ.)
17. Bakhtin, M. M. (1996). Dopolneniya i izmeneniya k «Rable». Sobr. soch. = Additions and changes to "Rabelais". Moscow: RUSSKIYE SLOVARI, Vol. 5. (In Russ.)
18. Bondarev, A. P. (2021). Ne dat' sobytiyu sby't'sya, ili Sindrom neprozhitoy zhizni. = Do not let the event come true, or the Syndrome of the un-lived life). Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. Issue 2 (844), 218–236. (In Russ.)
19. Yung, K. G. (1996). Vospominaniya, sny, razmyshleniya. = Memories, dreams, reflections. M.: Praktika. (In Russ.)

20. Burke, E. (1979). *Filosofskoye issledovaniye o proiskhozhdenii nashikh idey vozvyshennogo i prekrasnogo.* = A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful. Moscow: Republic. (In Russ.)
21. Mozheyko, M. A. (2012) *Filosofiya detektiva: klassika – neklassika – postneklassika* = Philosophy of detective: classic – non-classical – post-non-classical. Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. (In Russ.)

Информация об авторе

Бондарев А. П. – доктор филологических наук профессор, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Bondarev A. P. – Philology Doctor (Dr. habil) Professor at the Department of Russian and Foreign Literature Faculty of Translation and Interpreting Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 855/21

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_315

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЭВОЛЮЦИИ ПРОЗЫ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

О. Г. Егорова¹, Е. В. Кузнецова²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
festabene@mail.ru

²Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
lena_kouznetsova@mail.ru

Аннотация. В статье используется прием целостного подхода к творчеству писателя, позволяющий оценить его произведения во всей совокупности главных и второстепенных признаков, определить связь между произведениями как между отдельными частями целого. Отправным пунктом для понимания художественного единства прозы Г. Газданова (1903–1971) является смоделированная в его произведениях картина мира, именно она задает и определяет формальные характеристики текста и их функциональную направленность. Ее своеобразие определяет выбор жанра, соотношение родовых свойств, повествовательную структуру, формы субъектного и внесубъектного выражения авторского сознания.

Ключевые слова: проза, Гайто Газданов, конвергенция, импрессионичность, биспациальность, хронотоп, феноменологическое повествование

Для цитирования: Егорова О. Г., Кузнецова Е. В. О закономерностях эволюции прозы Гайто Газданова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 315–330. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_315

Original article

**ABOUT THE EVOLUTION CONSISTENCY OF THE PROSE
BY GAITO GAZDANOV**

O. G. Egorova¹, E. V. Kuznetsova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
festabene@mail.ru

²Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
lena_kouznetsova@mail.ru

Abstract. The article uses a holistic approach to the work of the writer, which will allow us to evaluate his works in the totality of the major and secondary features, to

determine the connection between the works as between separate parts of the whole. The starting point for an adequate understanding of the artistic unity of Gazdanov's prose is the picture of the world modeled in his works, it is this picture that sets and determines the formal characteristics of the text and their functional orientation. Its originality determines the choice of the genre, the ratio of generic properties, the narrative structure, the forms of the subjective and extra-subjective expression of the author's consciousness.

Key words: prose, Gazdanov, convergence, impressionism, bispacity, chronotope, phenomenological narration

For citation: Egorova, O. G., Kuznetsova, E. V. (2021). About the evolution consistency of the prose by Gaito Gazdanov. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(855), 315–330. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_315

Актуальность исследования обусловлена интересом современного литературоведения к русскому модернизму, к литературе экзистенциализма, к взаимовлиянию разных уровней литературной иерархии и ко многим другим вопросам, которые обязательно затрагиваются при изучении творчества Г. Газданова (1903–1971). Исследовать миропонимание автора, воплощенное в жанровой, стилевой, образной, сюжетно-композиционной, повествовательной структуре текста, выявить закономерности эволюции прозы и обозначить место этого писателя в общей картине развития литературы XX века – актуальные задачи литературоведения.

В литературном процессе XX века проза Г. Газданова (1926–1970) занимает особое место. Писатель сумел сказать новое слово о мире, в котором он проявился как талантливый собеседник русских и зарубежных классиков, вдумчивый и внимательный ученик романтиков и символистов, предтеча французского экзистенциализма, блестящий стилист, глубокий психолог, мастер сюжета. Объект исследования – художественная проза Гайто Газданова. Предмет исследования – поэтика и эволюция прозы писателя.

Своеобразие миромоделирования определяется в первую очередь своеобразием художественного хронотопа. Пространство и время, преломленные в творческом сознании автора и героя, субъективируются и наделяются особыми характеристиками и свойствами. Это изменчивость и лабильность, зависимость от воспринимающего сознания.

В памяти, воображении, мыслях героев время утрачивает линейность, а пространство – жесткость границ между отдельными локусами. Поэтому в картине мира произведений Г. Газданова возможны перемещения между самыми отдаленными пространственно-временными точками. В структуре художественного хронотопа реализуется принцип биспациальности, в соответствии с которым в модели мира сосуществуют две части, два пространственно-временных континуума, в качестве которых, как правило, выступают реальное и психологическое типы пространства. Первое окружает героя, второе находится внутри него [Кузнецова, 2012].

Пространство внутренней жизни героев обширно, так как включает в себя настоящее, прошлое, воображаемое. Начиная с романа «Вечер у Клэр» (1929) и заканчивая романом «Эвелина и ее друзья» (1968), автор воссоздает маршруты внутренних путешествий героя. В первом романе пространственно-временная структура произведения обусловлена развитием тем памяти, ностальгии, утраченной навек Родины. Г. Газданов в «Вечере у Клэр» проходит «обязательную» для писателя-эмигранта программу: он, подобно авторам «Машеньки», «Жизни Арсеньева», «Взвихренной Руси», погружает своего героя в воспоминания о России, которые неизбежно уводят его от настоящего. Несмотря на интимность воспоминаний, Николай Соседов – рассказчик «Вечера у Клэр» – наделен «надындивидуальной субъективностью» [Мальцев, 1995], что придает его сознанию феноменологическую направленность.

В прозе Г. Газданова реальные, географически-материальные локусы представлены в проекции мировидения и восприятия героя, субъективный ракурс которого определяет их семантику. Особое место в его произведениях занимает Париж, образ которого создан не одним рассказом или романом, а целым рядом произведений писателя. Г. Газданов развивает уже аккумулярованные в образе Парижа смыслы и вместе с тем создает оригинальный образ европейской столицы. Париж – не просто город, а модель мироздания, на которую автор проецирует свои представления о мире. Структура микромоделей авторской картины мира основана на ряде антиномий и парадоксов. Парижский текст Г. Газданова воплощает идею хаотичного миропорядка, в котором сосуществуют разнонаправленные тенденции: к созиданию, к гармонии и красоте и в то же время к разрушению, хаосу, безобразию.

В его прозе воплощается импрессионистская концепция времени, в основе которой лежат философские идеи А. Бергсона. Импрессионизм подчеркивает важность момента, наполненного значимостью для субъекта сознания, ценность мига. В творчестве Г. Газданова подчеркивается приоритетность личного времени над временем истории, это предопределяет тематику его произведений: в ней изображение интимного, задушевного, личного во много раз важнее описания серьезных исторических катастроф. И хотя жил писатель в эпоху серьезных исторических перемен, события «большой» истории не описаны в его произведениях. Важнее для него отражение этого сложного исторического периода в сознании героев. Темой его романов и рассказов становится внутренняя жизнь человека в катастрофическое и трагическое время революций и войн. Авторская концепция понимания ценности мига и важности личного бытия, его приоритетности задает и жанровую парадигму прозы. В ней ведущая роль принадлежит психологическому роману, романам и рассказам, разрабатывающим экзистенциальную проблематику, мелодраме, роману о художнике. Антропоцентризм Газданова, внимание к особенностям человеческой психики отражается и в том, что его творчество воссоздает пеструю картину человеческих характеров. В центре системы персонажей – герой-писатель, автопсихологический образ. Романы «История одного путешествия» (1934), «Ночные дороги» (1941), «Эвелина и ее друзья» (1968) обогащают традицию «романа о художнике» описанием психологических процессов памяти, воображения, интуиции художника. Его восприятие обладает сверхчувствительностью, необыкновенно широки возможности фантазии, развита способность к преображению, к расширению горизонтов реального мира. Мировосприятием и мироощущением героя-писателя задается система пространственно-временных, морально-этических, художественно-эстетических координат в картине мира произведения. Зачастую другие персонажи представлены в отражающем сознании героя-писателя.

Идея противоречивости мироздания и картина мира, вмещающая в себя полярные понятия и явления, отнюдь не означает, что автор в прозе Г. Газданова безоговорочно принимает «правду» той или иной стороны. Напротив, понимание калейдоскопичности и противоречивости мира приводит к неоднозначности авторской позиции, к «мерцанию смыслов», к полифонии оценок [Кузнецова, 2012]. Это воплощается, к

примеру, в системе устойчивых мотивов его прозы, которая состоит из разнонаправленных мотивных комплексов. Первый связан с экзистенциальной проблематикой, второй – с романтическим мировидением автора. В основе картины мира писателя – мотив утраты и его субварианты (разлуки, смерти, одиночества). Этот мотив становится тем смысло- и структурообразующим элементом, который задает другие параметры миромоделирования: создает сюжетную ситуацию, продуцирует появление других, близких по значению мотивов, обуславливает структуру хронотопа. Он приобретает более широкое значение, чем потеря родины, он означает лишение опоры, создание кризисной ситуации, в которой газдановский герой оказывается «голым человеком на голой земле». Отсюда присущее ему трагическое мироощущение, воплощенное в ряде мотивов, связанных с экзистенциальными традициями русской прозы. В их освоении автор романа «Вечер у Клэр» показал себя наследником Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, Л. Андреева.

Экзистенциальная проблематика формирует в прозе Газданова достаточно устойчивую модель мира. Ее параметрами являются катастрофичность бытия, кризисность сознания, онтологическое одиночество человека. В романах «Полет» (1939), «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа» (1947), «Возвращение Будды» (1949), «Эвелина и ее друзья», рассказах «Черные лебеди» (1930), «Гавайские гитары» (1930), «Превращение» (1930), «Судьба Саломеи» (1959) и многих других мотивы смерти, страха, отчуждения и одиночества, трагического внутреннего несогласия передают такие свойства экзистенциального мироощущения, как отчужденность, дисгармоничность, разорванность и катастрофичность.

На протяжении всего XX столетия диалогическое «оппонирует» экзистенциальному, оспаривает его, стремится преодолеть его «типиковость» и «дематериализующий» пафос [Заманская, 2002]. Столкновение и диалогического и экзистенциального миропонимания происходит и в рамках творчества Газданова, отразившего общие тенденции литературы XX века. Диалогическая концепция мира и человека основывается на философских принципах, диаметрально противоположенных экзистенциалистским. Общечеловеческие категории смысла жизни, любви, дружбы, веры, счастья имеют в диалогическом мышлении наиважнейший статус и соотносятся с системой ценностей, укорененной в романтическом сознании.

Среди «витальных» мотивов выделяются мотивы путешествия, любви, счастья, музыки. С их помощью трагическая, полная неразрешимых противоречий модель мира, которая сформирована комплексом экзистенциальных мотивов, изменяется: сглаживаются противоречия внутри героя и конфликт между ним и окружающим миром. Обращение к романтическому мировидению обогащает картину мира газдановской прозы, дополняет ее лирическим и элегическим настроениями, обнаруживает перемены внутреннего состояния героя, его переходы от экспрессивного трагизма к меланхолии и светлой грусти. Смысловая палитра картины мира в прозе Г. Газданова богата оттенками значений, что подтверждает ее близость импрессионистскому мировидению, в то же время в ней есть полярные и несводимые сущности, говорящие об экспрессионистской направленности авторского сознания. Сочетание в его прозе различных модернистских тенденций, а также ее принадлежность поэтике художественной модальности подтверждается нами в ходе изучения формальных особенностей творчества писателя и генерирующих принципов организации художественного мира произведения [Кузнецова, 2012].

Одним из фундаментальных принципов прозы Г. Газданова становится конвергенция родовых начал, что соответствует общеэстетическим установкам литературы начала XX века, идее художественного синтеза. Рассмотрев особенности сюжетных схем, типов событий, характер субъектных отношений мы пришли к выводу о том, что они содержат типичные для эпики, лирики и драмы свойства. Эпические принципы сюжетного моделирования: закон эпической ретардации, переходы от стационарного состояния к динамическому, взаимодействие циклической и кумулятивной сюжетных схем, условность границ сюжета, принцип удвоения событий актуализируются в романной прозе Г. Газданова. Это не препятствует процессам драматизации и лиризации.

В романе «Вечер у Клэр» тенденции поэтизации и лиризации усиливаются. Этому способствует обращение к лирическому типу события, которое состоит в описании рефлексии рассказчика. Сюжет романа складывается из ряда эпизодов, лично значимых для рассказчика. Внешне хаотическое и бессистемное изложение событий, скрепленных субъективностью смыслов, подчиняется принципу ассоциаций, который доминирует над причинно-следственным порядком

изложения фабулы: сюжет формируется с помощью лейтмотивов, что подтверждает его лирическую природу. Функцию создания сюжета в «Вечере у Клэр» выполняет лейтмотив прощания, выступающий как субвариант мотива утраты. Он возникает в разных фрагментах сюжета, которые не имеют событийно-причинной связи между собой, но скрепляются ассоциативно и формируют лирический сюжет романа. Единство текста проявляется в динамике эмоциональных переживаний героя, спектр которых задан мотивом прощания. Интонация грусти, возникающая в начале романа, постепенно переходит в состояние тоски по утраченной мечте, которое сгущается до отчаяния, а затем переходит в скорбь.

В ранних рассказах и в романе «Вечер у Клэр» преобладают принципы построения текста, характерные для лирики. Эта же свойство сохраняется в прозе 1930-х годов, но оно приобретает несколько иную направленность и развивается в новом для писателя русле.

Литературный дебют писателя тесно связан с окружающим его литературным контекстом, в частности с прозой орнаменталистов – А. Белого, И. Бабеля, Е. Замятина, К. Федина, Вс. Иванова, Л. Леонова и других писателей. Постепенно формалистический уклон, словесная игра и ставка на внешнюю эффектность фразы в творчестве Г. Газданова утрачивают свое первостепенное значение. Им на смену приходит феноменологическое повествование.

Мощнейшим фактором, обусловившим его развитие, являются традиции символично-мифологического психологизма, обращение к которому происходит в ряде рассказов, написанных в 1930-е годы («Дракон», «Превращение», «Фонари», «Гавайские гитары», «Водяная тюрьма»), романе «История одного путешествия» (1934). Писатель использует литературный опыт А. Ремизова, создателя сновидческого метода письма, и изображает в названных произведениях реальность, которая приобретает черты абсурдного сновидения, жизни в промежутке между сном и явью. Очертания внутреннего мира героя создаются путем актуализации архетипических представлений в форме образов-символов (например, воды, метели, колокольного звона), анализ которых позволяет воссоздать сложную работу подсознательных слоев психики.

Феноменологический тип повествования направлен на воссоздание сложных процессов внутренней жизни, отражающей всю

многогранность и сложность внешнего мира. Обращаясь к их художественному изображению памяти, воображения, мышления героев, автор создает модель повествования, в которой можно выделить сенсорно-перцептивный, эмоционально-рефлективный и субъективно-иррациональный уровни наррации. Их тесное переплетение в тексте создает многомерную, стереоскопическую картину внутренней жизни личности. От описания физических ощущений и рефлексов автор переходит к изображению самых глубоких переживаний героя.

В «Истории одного путешествия» над анализом и оценкой психологии героя, над рефлексивно-аналитическим принципом подачи материала преобладает «синтетическая» форма [Колобаева, 1989]. психологизма, которая позволяет наблюдения, переживания, впечатления от восприятия того или иного явления и его рефлексии передать в их неразрывной взаимосвязи с помощью звуковой инструментовки прозы и специфики образного ряда. Лейтмотивность, музыкальность языка апеллируют к дологическим, интуитивным впечатлениям читателя, формируя особый тип рецепции, в котором активизируются не только воображение и внимание, но и ассоциативная память, а также сенсорные ощущения. Особое место в феноменологической прозе Газданова занимают фрагменты, обращенные к описанию эстетических впечатлений. В романе «Эвелина и ее друзья» восприятие музыки и Венеции подчиняется выражению идеи внутренней причастности рассказчика эстетическому объекту, ценности мига слияния субъекта и объекта в акте восприятия в единое целое. Глубину эстетических эмоций рассказчика передает синтаксис, экспрессия ритма, символика текста.

Феноменологическое повествование складывается в романах и рассказах, над которыми писатель работал в течение 1930–1940-х годов, оно становится свидетельством его творческой зрелости и самостоятельности, поскольку позволяют проявиться уникальным свойствам газдановской прозы. В романах о художнике – «История одного путешествия», «Эвелина и ее друзья», экзистенциально-психологических рассказах «Хана» (1963), «Бомбей» (1963), «Третья жизнь» (1932) феноменологическое повествование направлено на поиск идентичности героя, который приводит автора к последовательному раскрытию различных слоев психики.

Маркером феноменологического нарратива может служить образ лирического рассказчика, который предстает не только как

структурирующий повествование смысловой центр, но и как важная тема прозы Г. Газданова, объединяющая несколько рассказов и романов, в которых этот образ «облекается устойчивыми чертами – биографическими, сюжетными» [Гинзбург, 1974]. Отличительными свойствами лирического рассказчика становится иррационализм, интуиция и созерцательность. Сосредоточенность на себе, своих чувствах и ощущениях, почти болезненная рефлексия, субъективность впечатлений, исповедальный характер письма, изображение иррациональных состояний, которые не могут быть вербализованы, а могут быть переданы лишь посредством картины сменяющих друг друга образов, преимущественно наглядно-зрительных формируют образ лирического рассказчика в малой прозе писателя конца 1930-х годов. В романном творчестве писателя в исповеди лирического рассказчика преобладает самоанализ. В романах «Призрак Александра Вольфа» (1947), «Возвращение Будды» (1949) внутренние разногласия отражаются в постоянном осмыслении физических ощущений, движений души. Происходит интеллектуализация всех сенсорно-чувствительных процессов. Чувственно-телесные ощущения героя являются импульсом к размышлениям.

В романе «Возвращение Будды» Г. Газданов предвосхитил открытия, выдвинутые С. Грофом, основателем трансперсональной психологии. Обращение к изображению трансперсонального опыта психологических переживаний делает личностные границы рассказчика не совсем четкими, размытыми. Мультиперсональность – одно из свойств рассказчика, одержимого визионерскими видениями и хаосом противоречивых чувств и желаний [Кузнецова, 2012]. Феноменологическое повествование – одно из важнейших художественных достижений писателя, оно исследуется в произведениях, выделенных в разряд образцовых, ставших классикой неклассического периода развития поэтики художественной модальности.

В рассказе «Хана» (1963) – образцовой модели газдановского рассказа – представлен концентрат тех приемов и способов художественной выразительности, которые характерны для феноменологического нарратива экзистенциально-психологической прозы писателя. Это произведение можно трактовать как своего рода эстетический манифест Г. Газданова, представленный в художественной форме. В «Хане» звучит мысль о невозможности восстановления истины, о том, что

искусство, находящееся в ее поисках, может только приблизиться к ней, увидеть ее мерцание, поэтому рассказ о Хане лишь пунктирно обозначает некоторые детали и эпизоды ее жизни, впечатления и настроения рассказчика от встреч с ней. Собственно вся сюжетная структура этого рассказа направлена на воплощение идеи рождения гармонии из хаоса случайностей. Смещение пространственно-временной точки зрения, вставные эпизоды, составленные из мини-сюжетов и не имеющие прямого отношения к фабуле, размышления рассказчика, появление возможных вариантов сюжета, игра с эффектом достоверности, спиралеобразная композиция создают эстетически завершенные и выверенные образы, глубоко раскрывают внутреннее пространство лирического героя и воссоздают «единство лирического субъекта». Благодаря этому любовная фабула рассказа модернизируется, и так же, как и в романе «Вечер у Клэр» переводится на более высокий метафизический уровень.

Многие газдановеды пишут о том, что поэтика послевоенного творчества писателя изменилась едва ли не кардинальным образом, о том, что в ней начинает преобладать дидактический и наивно-морализаторский пафос и упрощенность художественных решений, связанная с желанием донести до читателя авторскую мысль как можно яснее. Произошло изменение в соотношении родовых свойств произведений писателя, в рассказах и романах 1940-1960-х годов очевиден приоритет драматического начала. Это вносит коррективы в жанровую систему, делает основными иные принципы сюжетосложения.

Код драмы входит в газдановский текст уже в первых рассказах писателя и получает приоритетность в произведениях, созданных в послевоенный период. Прозе Г. Газданова присуще одно из важнейших свойств драмы – решение важнейших вопросов существования, выбор судьбы, отсюда обострение конфликтов и противоречий, как внешних, так и внутренних. Ситуацию выбора моделирует и обостряет экзистенциальная направленность сюжета. Черты драматических произведений: сквозная напряженность, острота конфликта, а также динамичное развитие действия, подвижность сюжетных ситуаций, быстрая смена одних событий другими наследуются его прозой опосредовано, через усвоение разновидностей эпической «криминальной» литературы, которая вбирает целый ряд признаков драмы. Отсюда смешение видовых форм в пределах одного произведения.

С полижанровостью романов Г. Газданова соотносится присущий им принцип сюжетного контрапункта. В тексте одни сюжетные линии развиваются по законам сентиментальной мелодрамы и детективного романа, другие можно рассматривать в жанровых рамках идиллии, а третьи ориентированы на философский роман. Лирический сюжет романа дополняется зачастую приключенческо-детективной фабулой.

Подвижность жанровых границ – общая для литературы XX века тенденция. В творчестве Г. Газданова процесс интеграции разновидностей романа характеризуется сближением видовых форм, традиционно соотносимых с различными уровнями литературной иерархии: жанровые модели романа о художнике, психологического романа, экзистенциального романа сближаются с детективом, мелодрамой, триллером. Жанровая конвергенция обусловлена высокой степенью авторской активности, которая проявляется в использовании художественных средств массовой беллетристики. При этом задачи, которые ставит перед собой писатель, безусловно, выходят за рамки развлекательных функций. Г. Газданов сохраняет в своих произведениях все признаки «высокой» литературы, среди которых: усложненность и приоритетность стиля, уникальность художественной картины мира, непрозрачность авторской позиции, глубокий психологизм.

В качестве жанрообразующего элемента психологического романа писатель в «Полете» (1939), «Истории одного путешествия», «Пилигримах» (1953) использует полисубъектное, ориентированное на сознание героя повествование. Внутренняя речь героя, особенно в форме немотивированной и несобственно-прямой, формирует у читателя впечатление непосредственности происходящего, создает подобно драматическим монологам «иллюзию настоящего времени» [Хализев, 2009], что усиливает напряженность внутреннего конфликта и позволяет рассматривать романы Г. Газданова как психологическую драму. Неожиданные повороты сюжета и конфликты между персонажами внедряют в психологический роман элементы триллера. Синтез психологической драмы и триллера формирует жанровую модель романов «Призрак Александра Вольфа», «Эвелина и ее друзья», «Возвращение Будды».

Почти во всех романах встречаются криминальные сюжеты, которые преобразуют модель психологического романа или романа о художнике элементами детектива. Активно используются писателем

жанровые интенции мелодрамы. Типичные для массовой беллетристики жанровые модели выступают в качестве пародических форм, именно они делают произведение «узнаваемым», облегчают его восприятие, в определенной степени оправдывают жанровые ожидания читателя.

Элементы беллетристических жанров (мелодрамы, триллера, детектива) входят в романы Г. Газданова как вставные тексты, но граница между ними и основным текстом, в качестве которого выступает разновидность модернистского романа, стерта. Отношения между прозой Г. Газданова и массовой беллетристикой балансируют на грани между пародическим использованием жанровых кодов масскульта и их пародированием. С целью структурирования своего текста писатель апеллирует не к конкретному произведению, а сразу к нескольким, объединенным определенной общностью – стилем, направлением, мировоззренческой установкой. В отдельных случаях массовая культура становится объектом пародии. В романе «Полет» использован конструктивный потенциал мелодрамы, и здесь же обнаруживаются тупики этого жанра. Карикатурно заостряя те или иные черты жанра, утрируя и доводя их до крайности, автор пародирует массовую беллетристику, пародия выступает как форма оценки «чужого слова», как форма его критики. Гайто Газданов – один из авторов, наиболее толерантных и гибких по отношению к различным кодам культуры. Варьируя эстетически полярные жанровые принципы, он не просто расширяет жанровый диапазон своего творчества, но обнаруживает неожиданные художественные решения, играет с возможными вариантами развития событий. Это обусловлено закономерностями поэтики художественной модальности, разрушающей канонические сюжетные схемы и предполагающей бесчисленное количество вариантов в развитии исходной ситуации. В сюжете становления, который использован практически во всех романах Г. Газданова, отказ от готовых схем открывает в сюжете «веер возможностей» [Бочаров, 1990]. В романе «Полет» принцип сюжетной неопределенности, актуальный для поэтики художественной модальности, реализуется по-особому: «возможный сюжет» представлен как эстетически неравная авторской версия развития событий. В романе происходит своеобразная игра различными вариантами событий, показаны возможные способы их художественного осмысления и оформления. Моделирование

возможных вариантов развития сюжета по схемам масскульта, не только форма их критики, но и воплощение авторской мысли о том, что субъективные представления о реальности, существующие в сознании персонажей, нередко оказываются для них единственно подлинным миром, в котором они существуют. Картина мира романа становится стереоскопической, вмещающей в себя множество субъективных представлений, множество разных версий реальности, ни одна из которых не может претендовать на полную и окончательную истинность.

Принцип сюжетной неопределенности воплощается в романах «Пилигримы», «Эвелина и ее друзья», в которых перед героями раскрывается «веер возможностей». Выбор одной из них, как правило, случаен. Случай в поэтике прозы Г. Газданова 1940-1960-х годов подчеркивает актуальность вероятности осуществления самых непредвиденных ситуаций, противоречивых и незакономерных. Вероятно, поэтому одно из важных мест в его прозе этого периода начинает занимать жанр новеллы, построенный на игре парадоксами.

Система художественных приемов всецело подчиняется воплощению авторского мировидения, которое определяет соотношение родовых начал, особенности жанровой системы, поэтику повествования. Тенденция к интенсификации процессов синтеза в модернистской литературе, характеризует и прозу Г. Газданова: сближение свойств эпики, лирики и драмы, смешение элементов различных жанровых разновидностей романа, конвергенция массового и элитарного кодов искусства. Феноменологический тип повествования является определяющим.

Картина мира, сложившаяся в прозе писателя становится отправной точкой понимания ее структурных особенностей. Г. Газданов представляет оригинальный вариант романтического и символистского двоемирия: художественная действительность его произведений состоит из двух пространственно-временных континуумов – реально-географического и психологического. Психологическая реальность определяет и структурирует другие параметры модели мира, крайне субъективной. В картине мира подчеркнута его двойственность, парадоксальность, антиномичность. Именно психологический тип художественного пространства с его реальным и ирреальным компонентами определяют неповторимый облик и колорит газдановской прозы.

С определенной долей условности можно выделить в творчестве Гайто Газданова следующие этапы:

- 1926–1928-й годы – период ученичества, носивший экспериментально-подражательный характер и включивший в себя дебютные рассказы писателя. На этом этапе доминантой, определяющей характер поэтики, является использование орнаментальной стилистики.
- 1929–1930-е годы – становление Г. Газданова как оригинального модернистского писателя, отмеченное формированием особого типа повествования, которое может быть названо феноменологическим.
- 1940–1960-е годы – этап новых художественных поисков. Доминантой стилевой системы прозы становятся категории сюжета, получающего большую смысловую и конструктивную нагрузку, и жанра как формы художественного освоения действительности. В этот период отличительной особенностью поэтики писателя является синтез жанров «высокой» и массовой литератур.

Каждый виток эволюции отражает рост активности авторского сознания, которое способствует модификации различных элементов текстовой структуры, приобретению ими дополнительных функций, консолидации традиционно разнородных элементов.

Прозу писателя необходимо воспринимать как сложную систему, элементы которой тесно взаимосвязаны. Поэтому попытка четкой дифференциации этапов ее развития может оказаться неадекватной тем процессам, которые происходили в поэтике Г. Газданова. Эволюция прозы Гайто Газданова – процесс не равномерный, затрагивающий поочередно отдельные аспекты поэтики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Кузнецова Е. В.* Поэтика прозы Гайто Газданова и закономерности ее развития в контексте традиций русской литературы первой трети XX века: монография. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2012.
2. *Мальцев Ю.* Феноменологический роман // Грани. 1995. № 175. С. 127–150.
3. *Заманская В. В.* Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий: учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2002.

4. Колобаева Л. От временного к вечному: Феноменологический роман в русской литературе XX века // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 132–144.
5. Гинзбург Л. О лирике. Л.: Советский писатель, 1974.
6. Хализев В. Е. Теория литературы: учебное пособие: Москва: Академия, 2009.
7. Бочаров С. Г. О реальном и возможном сюжете // Динамическая поэтика: От замысла к воплощению. М.: Наука, 1990. С. 14–38.

REFERENCES

1. Kuznecova, E. V. (2012). Poetika prozy Gajto Gazdanova i zakonmernosti ee razvitiya v kontekste tradicij russoj literatury pervoj treti XX veka = Poetics of prose by Gaito Gazdanov and the patterns of its development in the context of the traditions of Russian literature of the first third of the twentieth century. Astrahan': Sorokin Roman Vasil'evich. (In Russ.)
2. Mal'cev, Y. (1995). Fenomenologicheskij roman = Phenomenological novel. Grani, 175, 127–150. (In Russ.)
3. Zamanskaya, V. V. (2002). Ekzistencial'naya tradiciya v russoj literature XX veka. Dialogi na granicah stoletij = Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogues at the Borders of Centuries Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
4. Kolobaeva, L. (1989). Ot vremennogo k vechnomu: Fenomenologicheskij roman v russoj literature XX veka = From the temporary to the eternal: Phenomenological novel in Russian literature of the twentieth century. Voprosy literatury, 3, 132–144. (In Russ.)
5. Ginzburg, L. (1974). O lirike = About the lyrics. Leningrad: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)
6. Halizev, V. E. Teoriya literatury = Literature theory: textbook: Moscow: Academy. (In Russ.)
7. Bocharov, S. G. (1990). O real'nom i vozmozhnom syuzhete. Dinamicheskaya poetika: Ot zamysla k voploshcheniyu = On the real and possible plot: Dynamic poetics: From conception to embodiment. Moscow: Nauka, 1990. (pp. 14–38). (In Russ.)

Информация об авторах

Егорова О. Г. – доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и практики перевода английского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

Кузнецова Е. В. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой романской филологии факультета иностранных языков Астраханского государственного университета

Information about the authors

Egorova O. G. – Ph.D., Full Professor of the Department of Translation and Interpreting Studies and Practice of Translation / Interpreting of the English Language, Faculty of Translation / Interpreting, Moscow State Linguistic University.

Kuznetsova E. V. – Ph.D., Associate Professor, Head of the Department of Romance Philology, Faculty of Foreign Languages, Astrakhan State University

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 008(1-6)

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_331

СОВЕТСКИЙ ДИСКУРС ИНДИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СТЕРЕОТИПЫ

Т. И. Ерохина

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, tatyaner@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка определения советского дискурса индийского кинематографа, представленного в отечественном кинопрокате. Автором выдвигается гипотеза, что популярность индийских кинофильмов была обусловлена интерпретацией культурных кодов, формируемых советской идеологией, на основе которых сложились культурные стереотипы восприятия индийского кино. Делается вывод о парадоксальности и амбивалентности советского дискурса.

Ключевые слова: культурный код, стереотипы, советская культура, индийский кинематограф, советский дискурс, идеология, интерпретация

Благодарности: выполнено по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Для цитирования: Ерохина Т. И. Советский дискурс индийского кинематографа: культурные коды и стереотипы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 331–347. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_331

Original article

SOVIET DISCOURSE OF INDIAN CINEMA: CULTURAL CODES AND STEREOTYPES

T. I. Erokhina

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia
tatyaner@yandex.ru

Abstract. The article is concerned with approach of definition of Soviet discourse of Indian cinema, presented in a native film distribution and exhibition. The author hypothesizes that a popularity of Indian films was due to an interpretation of cultural codes, which were formed by the Soviet ideology. Based on these codes cultural stereotypes of Indian cinema perception were formed. The conclusion is made about paradoxical and ambivalent nature of Soviet discourse, presented in ideological and aesthetic aspects.

Key words: cultural code, stereotypes, Soviet discourse, Indian cinema, Soviet culture, ideology, interpretation

Acknowledgements: Performed under the grant of the Russian Science Foundation No. 20-68-46013 "Philosophical and anthropological analysis of Soviet existence. Background, dynamics, impact on modernity".

For citation: Erokhina, T. I. (2021). Soviet discourse of Indian cinema: cultural codes and stereotypes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 331–347. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_331

Введение

Индийская культура в России занимает особое место: интерес к Индии, возникший на Руси в Средневековье и получивший развитие в XV веке благодаря путешествию, а затем путевым записям Афанасия Никитина, а также неоднократно возрождавшийся в XVII–XVIII веках и в дореволюционной России, достигает кульминации в советский период. Взаимодействие Индии и России развивалось в разных направлениях: установление экономических и торговых контактов; обнаружение духовного родства культур, которое выражалось в философской рефлексии индийских религий и традиций (Вл. Соловьев, Н. Рерих и др.); выявление генетических связей, которые обусловлены типологическим сходством мифосистем славян и индийцев, а также языковым родством. Но особое внимание отечественные исследователи традиционно уделяли художественной культуре Индии: мифологические образы и литература, театр и танец, архитектура, скульптура и живопись – были предметом многочисленных исследований в России.

Отдельное место в советской культуре занял индийский кинематограф, знакомство с которым в России пришлось на 1950-е годы. С первых индийских кинофильмов, появившихся в советском кинопрокате, в СССР возникло массовое увлечение индийским

кинематографом, внимание к которому оставалось относительно стабильным вплоть до распада СССР. Отметим, что, несмотря на интерес к индийскому кинематографу в целом, монографические исследования индийского киноискусства представлены в отечественном научном знании в основном переводной литературой: Б. Д. Гарга, Б. Гарги, Ф. Рангувалла, Р. Сатьяджит, П. Шах и др. Среди отечественных исследователей, обращавшихся к индийскому кинематографу, отметим работы В. Е. Баскакова, И. А. Звегинцевой, В. С. Колодяжной, Ю. Ф. Корчагова, А. И. Липкова, Д. Н. Нефедовой, К. Э. Разлогова, Р. П. Соболева и др.

Актуальность нашего исследования обусловлена несколькими факторами: обращением к периоду советской культуры, интерес к которой в современном научном знании возрастает не только в силу юбилейных дат и событий российской истории, но и в силу более глубокого осмысления культурных кодов и стереотипов, сформированных в советский период и представленных в современной отечественной культуре. Значимым является семиотический подход, позволяющий обратиться к пониманию культуры как текста, в котором мы обнаруживаем систему кодов, моделирующих наше восприятие «чужой» культуры через обнаружения в ней «своего» культурного кода. Актуальность обусловлена развитием ностальгических тенденций по отношению к советской эпохе, и в этой связи к индийскому кинематографу, в котором репрезентированы значимые процессы поиска национальной идеи и социокультурной идентичности.

Целью исследования является анализ советского дискурса индийского кинематографа, представленного в отечественном кинопрокате 1950–1990-х годов. Постановка цели работы предполагает решение нескольких задач: обозначение содержания культурных кодов советского периода; анализ интерпретационного потенциала тематики индийского кинематографа в советском кинопрокате; выявление истоков формирования стереотипов восприятия индийского кино в отечественной культуре. Эмпирическим материалом исследования стали индийские фильмы, представленные в советском кинопрокате с 1949 по 1991 год (более 200 фильмов). Методология исследования базируется на семиотическом и герменевтическом подходах к осмыслению культурных кодов и стереотипов, а также на социокультурном и символическом подходах к киноискусству.

Культурные коды как система ожидания

Обращаясь к понятию «культурный код», отметим, что эта дефиниция не имеет в гуманитарном знании однозначного истолкования. Исследователи Г. А. Аванесов, В. В. Красных, И. А. Купцов, Э. А. Орлов, Н. Н. Изотов, Н. Г. Меркулов, П. С. Гуревич и др. выделяют различные подходы к определению кодов культуры, акцентируя внимание на ментальных, психологических, коммуникативно-языковых, семиотических, этнокультурных аспектах понимания кода. Не останавливаясь на общности и различиях понимания культурного кода в семиотических теориях, обозначим то содержание и функции культурного кода, которые стали наиболее значимыми в нашем исследовании. Прежде всего, понимание кода как системы символов («1) репертуар противопоставленных друг другу символов; 2) правила их сочетания; 3) окказионально взаимооднозначное соответствие каждого символа какому-то одному означаемому» [Эко, 2004, с. 57]) и условия коммуникации («всякий коммуникативный акт перенасыщен социально и исторически обусловленными кодами и от них зависит» [там же, с. 38]). Для нас важным является также утверждение У. Эко, что задачи семиотики заключаются в описывании кодов как системы ожиданий [там же], поскольку декодирование информации часто происходит адресатом исходя из системы ожиданий, а не реальной информации, заложенной в акте коммуникации.

Мы обращаемся к герменевтическим и символическим кодам, выделяемым Р. Бартом, который обозначает код как пространство цитации: «То, что мы называем здесь Кодом, – это не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код – это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже» [Барт, 2001, с. 45]. Именно эта позиция позволяет нам обнаружить культурные коды советской эпохи в индийских кинофильмах, поскольку зритель акцентирует внимание на том, что им пережито, прочувствовано, понятно.

Особо значимой для нас стала концепция Ю. М. Лотмана, который считал коды средством интерпретации текстов культуры. Обращая внимание на существование иерархии кодов, Ю. М. Лотман утверждал, что ни один код не может дешифровать весь культурный

текст: «код эпохи – это не единственный, а преобладающий шифр» [Лотман, 1999, с. 186], но именно эта позиция позволила нам выбрать в качестве преобладающих кодов в восприятии индийского кинематографа – коды советской культуры.

Таким образом, в нашем исследовании культурный код мы будем рассматривать как систему символов, отражающих аксиологически значимые для советской культуры характеристики картины мира и образа жизни советского человека (воспринимаемые на уровне «своего» в культуре), которая моделирует определенную систему ожиданий в восприятии иной картины мира.

Отметим, что в отношении советской культуры анализируемые нами коды, с одной стороны, являются эволюцией, или трансформацией, культурных кодов, заложенных в русской культуре досоветского периода (например, героизация, заложенная в фольклорных образах богатырей, или соборность как стремление к единству, общности). С другой стороны, в советской культуре возникают идеологические конструкты, которые лежат в основе советской картины мира и образа жизни. Часть этих конструктов совпадает с мифологемами советской культуры (например, вера в «светлое будущее», которое является одной из базовых мифологем советской культуры, а также выступает в качестве культурного кода), часть – формирует культурные коды, которые становятся системой ценностей и регламентируют жизнь советского человека (например, восхваление труда и победы трудящегося, нравственное здоровье и др.).

Индийский кинематограф в советском прокате: интерпретация кода

Анализируя место кинематографа Индии в советской культуре, мы обнаруживаем определенные тенденции, характеризующие специфику восприятия индийского киноискусства в СССР. В задачи нашего исследования не входит анализ политики и специфики кинопроката в СССР, тем не менее обратим внимание на то, что в период с 1949 по 1991 год более двухсот индийских фильмов демонстрировалось на большом экране. Анализируя тематику этих фильмов, мы можем выделить явных фаворитов индийского кино в Советском Союзе, появление которых, по нашему мнению, обусловлено советским дискурсом индийского кинематографа.

Наиболее масштабно представлены кинофильмы социальной тематики: сюжеты о людях низкого социального статуса, о голоде, нищете, борьбе за существование и т. п. Именно с такого фильма начинается знакомство советского зрителя с индийским кинематографом: черно-белый фильм «Дети земли» – первый индийский фильм, который вышел в прокат в СССР и был посвящен невзгодам сельских жителей после голода 1943 года в Бенгалии. Выбор этого фильма в качестве первого в прокате имеет символическое значение: действие его происходит в период Второй мировой войны, память о которой жива в Советском Союзе. Кроме того, ряд персонажей, событий и коллизий фильма (обездоленные крестьяне, создание коммуны, напоминающей советские колхозы) обнаруживают родство между индийским и советским народом. Отметим, что подобные социальные сюжеты станут неотъемлемой частью индийского кинематографа советского проката: «Вырванные с корнем» («Обездоленные», 1949), «Два бигха земли» (1953), «Призыв» (1959), «Смотри, видна дорога» (1960), «Сагина Махато» (1970), «Оцепенение» (1985) и др. В задачи нашего исследования не входит анализ всех фильмов, представленных в советском кинопрокате, но заметим, что социальная тематика индийских фильмов останется актуальной в течение всего советского периода. Более того, социальная тематика так или иначе присутствует практически в каждом индийском кинофильме, не зависимо от ведущей темы и жанра.

Обозначенные нами кинофильмы отличаются тем, что социальная тематика заявлена в ней как доминирующая. Например, в фильме «Два бигха земли» – это конфликт между богатым помещиком, который решил построить фабрику, и бедным крестьянином, который не хочет расставаться со своей землей; фильм «Призыв» повествует о создании профсоюза рабочих фабрики, которые пытаются бороться с несправедливым отношением к ним со стороны владельца фабрики; фильм «Смотри, видна дорога» о создании рабочих союзов, пытающихся продавать товары по контролируемым ценам; «Сагина Махато» о крестьянском юноше, который на заводе включается в классовую борьбу; «Оцепенение» – о профсоюзных лидерах, которые пытаются противостоять администрации завода. Безусловно, подобная тематика в полной мере соответствовала советской пропаганде и агитации и соотносилась с идеологическими установками советского искусства,

на основе которых складывался культурный код героической борьбы трудящегося за свои права.

Обратим внимание на то, что культурный код советской эпохи в данном случае приобретает символическую трактовку. Героическая борьба, с одной стороны, связана с советской мифологемой «старого мира», разрушенного революцией. Поэтому индийские фильмы могли восприниматься как напоминание об историческом прошлом: героизм и готовность к самопожертвованию, прославление человека труда, идеалы коллективизма – становятся ведущими культурными кодами в советский период [Ерохина, 2020]. С другой стороны, Индия «была самым позитивным примером взаимосвязей СССР с не-социалистическими государствами» [Лунев, 2010]. Для советского человека фильмы подобной тематики должны были подтвердить правильность выбранного социалистического пути и вызвать сочувствие к братскому народу Индии, для которого социальные проблемы остаются важными. Подобная интерпретация актуализировала еще один культурный код советской эпохи: утверждение идеалов интернационализма.

Вместе с тем отметим, что любимыми среди зрителей становились не указанные ранее фильмы, в которых советский зритель обнаруживал пропагандистскую направленность, а те кинофильмы, в которых социальная тематика имела эмоционально-лирическую основу. Можно выделить две группы подобных фильмов.

Первая – это семейные истории: истории детей и матерей, которые разворачиваются на фоне социальных проблем. Например, популярный в СССР фильм «Бродяга» (1951) о Радже, который живет на улице, потому что его с матерью бросил отец, а также фильм, который стал своего рода символическим его «продолжением»: «Господин-420» (1955). К этой же группе относятся фильмы «Мунна» («Потерянный ребенок») (1954) о мальчике, который бежит из приюта, чтобы найти мать, «Цветок в пыли» (1959) – о судьбе подкидыша, который оказался в плохой компании, «Дети без матери» (1980) – о брате с сестрой, которые пытаются найти своего отца и др. К этой группе мы также относим фильмы о преданной любви матери, которая, несмотря на все невзгоды, заботится о своих детях и спасает их (даже ценой самопожертвования): «Мать-Индия» (1957), «Материнская любовь» (1966), «Преданность» (1969), «Родной ребенок» (1987).

Вторая, пожалуй, самая большая, группа – это фильмы, которые имеют в основе любовный сюжет, также разворачивающийся на фоне социальных проблем. Как правило, это истории любви, испытаний, преодолений, которые имеют трагический или (чаще) счастливый финал. В основе сюжета – «неравная любовь» между героями, принадлежащими к разным социальным группам с разным материальным положением, образованием, воспитанием и т. д.: «Любовь в Симле» (1960), «Любовь в Кашмире» (1965), «Цветок и камень» (1966), «Дорога к счастью» (1969), «Решма и Шера» (1971), «Бобби» (1973), «Незнакомка» (1974), «Созданы друг для друга» (1981), «Душа моя» (1985), «Приди снова, дождь» (1985), «Сила любви» (1983), «Последний зов любви» (1981), «Приговор» (1988), «Любовь, любовь, любовь» (1989).

В этих фильмах также обнаруживаются советские культурные коды. Семейные сюжеты об обездоленных детях априори вызывают эмоциональный отклик у зрителей, но в контексте советской культуры, для которой одним из культурных кодов становится образ «счастливого детства», неблагополучие детей, живущих в трущобах и вынужденных зарабатывать нечестным путем, вставать на путь обмана и воровства, воспринимается особенно остро. Героический образ матери, готовой пожертвовать собой ради детей – коррелирует с культурным кодом женщины-героини, матери-защитницы, который неоднократно будет реализован в символах советской культуры (роман М. Горького «Мать», Родина-Мать, мать-героиня). Истории «неравной любви» не могли рассматриваться советскими зрителями как репрезентация советского культурного кода. Популярность этих фильмов, скорее была связана с культурным кодом «счастливого будущего» (если речь шла о счастливом финале) или с компенсаторной функцией, которую выполняли данные фильмы. В советской культуре, где любовь часто приносилась в жертву общественным идеалам или рассматривалась как «пережиток» старого мира, индийские истории о любовных перипетиях приобретали сказочный характер. А принимая во внимание, что подобные истории имели определенный поучительный характер (подчеркивали, что люди низкого социального положения могут искренне любить и превосходить по своим нравственным качествам стоящих у власти), эти кинофильмы приобретали аллегорический характер. Вместе с тем

необходимо отметить, что в мелодраматических индийских историях любви были общие с советской культурой коды. Исследователи отмечают, что в изображении любви и индийский, и советский кинематограф имел общую установку – целомудрие [Зырянова, 2010], которая отражает представление о нравственной чистоте, скромности, является добродетелью и противопоставлена пороку и аморальному поведению.

Помимо социальной и любовной тематики в советском кинопрокате встречались фильмы, посвященные колониальному прошлому Индии, что также укладывается в советский культурный код, осмысленный через миф о темном прошлом страны и построении светлого будущего. Фильмы о колониальном прошлом (близкие по жанру к историческому кинематографу) появляются в самом начале проката индийских фильмов в СССР: фильм «Ганга» (1953) по роману М. Р. Ананда «Два листа и почка», посвященный колониальному периоду жизни индийской деревни, «Ты – моя жизнь» (1965) о народно-освободительной борьбе колонии Гоа за воссоединении с Индией, «Пароль – «Голубой Лотос»» (1974) – о вооруженном восстании в Индии в 1914 году, «Восход над Гангом» (1976) – о национально-освободительной борьбе против британских колонизаторов.

Особое место занимают немногочисленные, но яркие фильмы, тематика которых связана с религией и традициями Индии. Эти фильмы, безусловно, затрагивали экзотические для советского зрителя, воспитанного в духе атеизма, темы, но подобные фильмы должны были не столько продемонстрировать специфику индийских религиозных обычаев и традиций, сколько выявить их негативный аспект. К таким фильмам относится один из лучших индийских кинофильмов «Неприкасаемая» (1959), который вошел в программу Каннского фестиваля и получил признание Национальной кинопремии. Фильм снят по новелле Субодха Гхоша и повествует о судьбе Суджаты из касты неприкасаемых, которую удочерила супружеская пара из касты брахманов [Разлогов, 2015]. Близкая тематика раскрыта и в фильме «Путешествие в никуда» (1987), посвященного древнеиндийскому обряду сати, который предписывает жене броситься в погребальный костер после смерти мужа. Этот сюжет также основан на литературном произведении К. К. Маджумдара «Последняя процессия». Близкая тематика представлена в фильме «Сати» (1989).

Особое место в предлагаемой классификации занимают фильмы, сюжетную основу которых составляют истории братьев (братьев-близнецов): «Ганга и Джамна» (1961), «Рам и Шиам» (1967), «Вечная сказка любви» (1977), «Великолепная семерка» (1982), «Виноград» (1982), «Такие разные братья» (1989), «Кишан и Канхайя» (1990), а также популярный фильм «Зита и Гита» (1972) (о сестрах-близнецах). Эти фильмы выделены нами в отдельную группу, поскольку они в восприятии советского зрителя стали своего рода феноменом индийского кинематографа. Сюжет о разлученных в детстве братьях, братьях-близнецах, братьях, воспитанных разными людьми или имеющих разные характеры и т. д. имеет мифологические корни [Куприянова, 2019] и отражает национальную специфику индийской культуры. Эти фильмы (несмотря на присутствующий социальный подтекст) воспринимались зрителями как сказочные истории, смысл которых – воссоединение семьи и обретение счастья.

Отдельную группу популярных в советском прокате индийских фильмов составляют кинокартины, которые, по нашему мнению, стали своего рода вариантом голливудского кинематографа для СССР: «Мститель» (1976), «Месть и закон» (1975), «Затянувшаяся расплата» (1973), «Клятвы и обещания» (1978), «Коммандос» (1988). И хотя тема мести и расплаты встречается во многих индийских фильмах, для указанных кинокартин она является доминирующей и реализована в жанре кинобоевиков. К этой же группе можно отнести и знаменитые мюзиклы Индии: «Ритмы песен» (1979), «Танцор диско» (1984) (оба фильма по сюжету близки к историям о Золушке), «Мистер Индия» (1987) (индийский вариант «Капитана Америка»). Популярность этих фильмов скорее связана с отмеченной близостью к голливудским образцам, а также историко-культурным контекстом развития советского кинематографа, в котором также появляются первые советские боевики («Пираты XX века», 1979).

Последняя выделяемая нами группа – совместные советско-индийские фильмы, представленные в советском кинопрокате: «Хождение за три моря» (1957), «Черная гора» (1972), «Восход над Гангом» (1976), «Приключение Али-Бабы и сорока разбойников» (1979), «Легенда о любви» (1984), «Черный принц Аджуба» (1991). Эти фильмы стали ярким примером репрезентации общего культурного кода, несмотря на то, что принадлежат к разным жанрам:

«Хождение за три моря» – историко-биографический фильм, «Черная гора» – семейная драма, фэнтези; «Восход над Гангом» – драма об освободительной борьбе индийского народа с колонизаторами; «Приключение Али-Бабы и сорока разбойников» – музыкальный фильм-сказка, «Легенда о любви» – мелодрама и приключенческий фильм о трагической любви бухарского юноши и индийской девушки, «Черный принц Аджуба» – фильм-сказка. При этом особенность указанных фильмов – в их стилистической общности, которую отмечают исследователи: снятые по канонам индийского кинематографа, они репрезентируют советские культурные коды: героизации и интернационализма, веры в социальную справедливость и светлое будущее, победу добра над злом.

Оговоримся, что предложенная нами классификация не претендует на полноту и имеет условный характер. Тематическая и жанровая специфика индийского кинематографа в советском кинопрокате менялась с течением времени, отражая изменения, происходящие в советском обществе.

От кодирования к стереотипам

Феномен индийского кинематографа обусловлен не только идеологическими установками советской культуры. Исследователи справедливо отмечали, что популярность индийского кино может быть связана с комплексом факторов, среди которых недоступность для советского зрителя зарубежного кинематографа в целом, вследствие чего прокат индийских фильмов был единственной возможностью познакомиться с зарубежным киноискусством [Косинова, 2016].

К внутренним факторам относится противопоставление сказочности, яркости, музыкальности индийского кинематографа эстетике социалистического реализма. Человечность, романтизм, ориентированность на чувства и отсутствие идеологических клише – отличительные черты индийского кинематографа: «Именно в индийских фильмах в наиболее концентрированном выражении находит свое воплощение естественное стремление человека к торжеству справедливости и добродетели. И «вечные» сюжеты, кочуя из фильма в фильм, тем не менее никогда не надоедают зрителям, ибо возвращают нас в далекий и прекрасный мир детства, добрых сказок и героев, которым

по плечу любое чудо <...> три часа пребывания в сказочной стране воспринимаются многими как лучшее лекарство от тревог и горестей окружающей жизни» [Звегинцева, 1991]. Еще одним фактором внимания к индийскому кинематографу относится доступность и понятность кинофильмов рядовому зрителю: «сюжеты, <...> не требовали подготовки и специальных знаний, ретранслировали общечеловеческие, вненациональные ценности – любовь, дружбу, верность, храбрость и т. д., причем чувства эти игрались ярко, живо, заставляли сопереживать» [Нефёдова, 2016].

Перечисленные выше особенности индийского кинематографа амбивалентны: отмечая их компенсаторную, релаксационную функцию для советского человека, необходимо обратить внимание на то, что типичность сюжетов и образов, повторяемость и шаблонность персонажей, привели к формированию стереотипного восприятия индийского кинематографа в советской культуре. В нашем исследовании понятия «код» и «стереотип» взаимосвязаны, но не являются синонимами: общность этих понятий обусловлена их ориентацией на идеальный образ мира, обозначенную выше готовность соответствовать общественным ожиданиям. И коды, и стереотипы связаны с традициями и выполняют стабилизирующие и коммуникативные функции в культуре. Стереотипы – часть культурных кодов, поскольку они являются фрагментами картины мира. И в этом контексте, культурный код – понятие комплексное и целостное, в то время как стереотип – частное выражение культурного кода.

Стереотипность восприятия индийского кинематографа, с одной стороны, становится следствием «вчитывания» в него советского культурного кода, с другой стороны, следствием определенной шаблонности построения индийских фильмов. Культурный код героизации представлен в стереотипном бинарном построении системы персонажей: *бедный / богатый, добрый / злой, человечный / бесчеловечный, счастливый / несчастный* и т. д. Культурный код «светлого будущего» репрезентирован в стереотипе победы добра над злом, воссоединении братьев-близнецов, семьи, родителей и детей, возлюбленных, обретении счастья и гармонии, счастливого финала. Культурный код социальной справедливости, в котором доминирует представление о герое-труженике, представлен в обязательном сюжете борьбы, который присутствует в каждом индийском фильме.

Стереотипность восприятия индийского кинематографа обусловлена и жанровой спецификой фильмов, среди которых преобладал жанр «масала» [Desai Jigna, Dudrah Rajinder, 2008], являющийся синтезом нескольких жанров (мелодрамы, боевика, комедии, мюзикла). Кроме того, стереотипность восприятия индийского кинематографа связана с обязательным присутствием в кино танцев и песен (вне зависимости от жанра и сюжета), зрелищности, театральности, перенесенной в киноискусство: «самый драматический момент сюжета прерывается танцем или песней – это традиция национального театра» [Зырянова, 2010]. Общая схема индийских кинофильмов отмечена самими индийскими режиссерами: «...цветная пленка; штук семь-восемь песен, исполненных голосами, которые все знают и любят; сольный или групповой танец (чем ритмичнее, тем лучше); плохая девушка – хорошая – хорошая девушка; плохой юноша – хороший юноша; роман – но без поцелуев; слезы, грубый хохот; ссоры, погоня, мелодрама; герои, которые существуют в социальном вакууме; жилища, которых не найти вне стен павильонов; съемки природы в Кулу, Манали, Ути, Кашмире, Лондоне, Париже, Гонгконге, Токио и других живописных местах» [Рей, 1999, с. 102]. Индийские фильмы сокращались, подстраиваясь под стандартное время киносеанса (не более трех часов), что приводило к искажению режиссерского замысла: «В результате из повествования выпадали целые персонажи, сюжеты теряли цельность и последовательность, частично утрачивалась и суть режиссерского замысла. Кроме того, в 1970–1980-е годы сформировался существующий до сих пор стереотип восприятия индийского кино: красивая восточная сказка с музыкой, танцами и неправдоподобными драками, не несущая в себе глубокого смысла» [Нефёдова, 2016, с. 70]. Черты, свойственные жанру, были перенесены на весь индийский кинематограф и прочитывались теперь уже как культурный код Индии: «Индийские фильмы жанра «масала» всегда проникнуты оптимизмом и редко имеют несчастливый финал, что также соответствует индийскому мировосприятию и отношению к жизни, как к одному из звеньев цепи перерождений и страданий, которые, верят индийцы, в конечном итоге закончатся освобождением и вечным блаженством мокши или нирваны» [Сиргия, 2015, с. 17].

Парадоксальность стереотипного восприятия индийского кинематографа связана для нас с тем, что советский зритель знал не только

массовый индийский кинематограф, но был знаком с образцами так называемого параллельного кино Индии (индийской «новой волны»). Хотя прокат кинофильмов индийских режиссеров «новой волны» по сравнению с массовым кинематографом был ничтожно мал: «Конец ночи» (1975), «Трудная роль» (1977), «Шахматисты» (1977): «Режиссеры «новой индийской волны» не придерживались одинаковых идейно-эстетических взглядов, но всех их объединяло одно желание – вывести индийское кино из тупика, сделать его искусством, зеркалом социальной действительности, а не средством отвлечения от реальной жизни» [Корчагов 1957, с. 57]. Тем не менее самыми кассовыми, а значит и востребованными индийскими кинофильмами советского периода стали «Бродяга» (1954), «Материнская любовь» (1969), «Зита и Гита» (1972), «Бобби» (1973), «Мститель» (1976), «Танцор диско» (1983) – которые и легли в основу стереотипного восприятия индийского кинематографа в советской культуре.

Заключение

Таким образом, советский дискурс индийского кинематографа может быть представлен на нескольких уровнях. Прежде всего в советском прокате представлены те фильмы, которые совпадают или коррелируют с советскими культурными кодами: фильмы на социальную тематику, повествующие о героизме и самопожертвовании обездоленных персонажей, готовых защищать свое право на свободу и счастье; фильмы, так или иначе соотносящиеся с культурным кодом «светлого будущего», дающего надежду на победу добра над злом, обретение семейных ценностей, воссоединение родных и близких; фильмы, посвященные национально-освободительной борьбе против колонизации, кастового деления, религиозных предрассудков, которые соотносились с советскими кодами о революционной борьбе против социального неравенства. Близость советской картины мира и репрезентации картины мира индийским кинематографом была также обусловлена мифологическими и фольклорными сюжетами и образами, представлениями о целомудренности и нравственной чистоте идеализированных героев.

Советский дискурс индийского кинематографа представлен появлением стереотипов восприятия индийского кино: преобладанием

в советском кинопрокате фильмов жанра «масала», ориентацией на массового зрителя, для которого на первый план выходят не идеологические конструкты, а экзотичность и эмоциональность, сказочность и зрелищность.

Советский дискурс индийского кинематографа парадоксален и амбивалентен: ностальгия по советскому в современной отечественной культуре актуализирует советские культурные коды и способствует возвращению интереса к индийскому кинематографу. Тем не менее интерпретационный потенциал культурных кодов СССР и Индии не исчерпан и имеет развитие: к общим культурным кодам возможно отнести стремление следовать традициям (в том числе – кинематографическим), а также поиск новых культурных кодов, в которых была бы отражена национальная идея и культурная идентичность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004.
2. *Барт Р. S/Z.* / пер. с фр. ; под ред. Г. К. Косикова 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
3. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.
4. *Ерохина Т. И.* Героизация личности и быта в советской культуре начала XX века: генезис и трансформация // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4. С. 147–155
5. *Лунев С. И.* Российско–индийские отношения: проблемы и перспективы // Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России / отв. ред. Г. И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН. 2010. С. 117–130.
6. *Зырянова В. М.* Особенности современного индийского кино (заметки дилетанта) // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2010. №1–2. С. 329–331.
7. *Разлогов К. Э.* Мои фестивали. М.: Б.С.Г.-Пресс. 2015.
8. *Куприянова Е. В.* Божественные близнецы: происхождение и развитие архетипа // Вестник КемГУКИ. 2019. №48. С. 66–77.
9. *Косинова М. И.* Экспортно-импортные отношения советской кинематографии в годы «застоя» // Вестник университета. 2016. №12. С. 213–218.
10. *Звезинцева И.* Феномен индийского кино. Семья и школа. 1991. № 2.
11. *Нефедова Д. Н.* Судьба индийского кинематографа в России // Вестник ВГИК. 2016. № 4 (30). С. 66–74

12. *Desai J., Dudrah R. Essential Bollywood // The Bollywood reader Glasgow: Open University Press, 2008.*
13. *Рей С. Наши фильмы, их фильмы / пер. с англ. А. Г. Софьян. М.: РИФ «РОЙ», 1999.*
14. *Сиргия А. С. Масала: из истории индийского массового кино// Гуманитарные научные исследования. 2015. №6. С. 17–21.*
15. *Корчагов Ю. Ф. Индийский кинематограф и социальная действительность// Азия и Африка сегодня. М.: Наука, 1957. С. 57–59.*

REFERENCES

1. Jeko, U. (2004). *Otsustvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju / Perev. s ital. V. Reznik, A. Pogonjajlo. = Missing structure. Introduction to Semiology / Transl. with ital. V. Reznik, A. Pogonyailo) St. Petersburg: Symposium. (In Russ.)*
2. Bart, R. (2001). *S/Z. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)*
3. Lotman, Ju. M. (1999). *Vnutri mysljashhih mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istorija. = Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)*
4. Erohina, T. I. (2020). *Geroizacija lichnosti i byta v sovetsoj kul'ture nachala XX veka: genesis i transformacija. = The Heroization of personality and everyday life in the Soviet Culture of the early twentieth Century: genesis and transformation. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 4, 147–155. (In Russ.)*
5. Lunev, S. I. (2010). *Rossijsko–indijskie otnoshenija: problemy i perspektivy. Vneshnie svjazi stran Prikaspija v uslovijah global'nogo krizisa i interesy Rossii / Otv. red. G. I. Chufrin. = Russian-Indian relations: problems and prospects. Foreign relations of the Caspian countries in the context of the global crisis and the interests of Russia / Ed. by G.I.Chufrin. Moscow: IMEMO RAS, pp. 117–130. (In Russ.)*
6. Zyrjanova, V. M. (2010) *Osobennosti sovremenного indijskogo kino (zametki diletanta) = Features of modern Indian cinema (notes of an amateur)//Discourse-Pi: a scientific and practical almanac, 1–2, 329–331. (In Russ.)*
7. Razlogov, K. Je. (2015). *Moi festivali = My festivals. Moscow: B.S.G.-Press. (In Russ.)*
8. Kuprijanova, E.V. (2019). *Bozhestvennye bliznecy: proishozhdenie i razvitie arhetipa = Divine Twins: the origin and development of the archetype. Bulletin of KemGUKI., 48, 66–77. (In Russ.)*
9. Kosinova, M. I. (2016). *Jeksportno-importnye otnoshenija sovetsoj kinematografii v gody «zastoja» = Export-import relations of Soviet cinematography during the years of “stagnation”. Bulletin of the University, 12, 213–218. (In Russ.)*

10. Zveginceva, I. (1991) Fenomen indijskogo kino = The phenomenon of Indian cinema. Family and school, 2. (In Russ.)
11. Nefjodova, D. N. (2016). Sud'ba indijskogo kinematografa v Rossii = The fate of Indian cinema in Russia// Bulletin of the VGIK, 4(30), 66-74. (In Russ.)
12. Desai, Jigna, Dudrah, Rajinder (2008). Essential Bollywood. The Bollywood reader. Glasgow: Open University Press.
13. Rej, S. (1999). Nashi fil'my, ih fil'my = Our films, their films, transl. by A. G. Sofyan. Moscow: REEF "ROY". (In Russ.)
14. Sirgija, A. S. (2015). Masala: iz istorii indijskogo massovogo kino = Masala: from the history of Indian mass cinema. Humanitarian scientific research, 6, 17–21. (In Russ.)
15. Korchagov, Ju. F. (1957). Indijskij kinematograf i social'naja dejstvitel'nost' = Indian Cinema and Social Reality. Asia and Africa today (pp. 57–59). Moscow: Science. (In Russ.)

Информация об авторе

Ерохина Т.И. – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского

Information about the author

Erokhina T. I. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies Yaroslavl, State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Научная статья

УДК 304.2

DOI 10.52070/2542-2197_2021_13_855_348

КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

И. В. Малыгина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
irinamalygina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена трансформациям культурных оснований и форм репрезентации культурной идентичности в современной социокультурной реальности, которая описывается в терминах постглобальной, переходной эпохи. Автор фиксирует две разнонаправленные тенденции данных процессов, характеризующие крайние формы идентификационных стратегий, разворачивающихся в контексте двух типов культурной динамики – модернизации и традиционализма. Особое внимание уделено деструктивным формам манифестации этнокультурной идентичности в постглобальном мире – традиционализму и международному терроризму, анализируются глубинные причины данных явлений, которые, по убеждению автора, лежат в поле культуры.

Ключевые слова: культурология, глобализация, идентичность, традиция, традиционная культура, модернизация, идентичность, международный терроризм, Пальмира

Для цитирования: Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 348–361. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_348

Original article

CULTURAL IDENTITIES IN A POST-GLOBAL WORLD

I. V. Malygina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
irinamalygina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the transformation of cultural bases and forms of representation of cultural identity in the modern socio-cultural reality, which is described in terms of the post-global, transitional era. The author fixes two multidirectional tendencies of these processes, characterizing extreme forms of identification strategies, unfolding in the context of two types of cultural dynamics – modernization and traditionalism. Particular attention is paid to destructive forms of

of ethno-cultural identity in the post-global world – traditionalism and international terrorism; the author analyzes the root causes of these phenomena, which, according to the author, lie in the field of culture.

Key words: cultural studies, globalization, identity, tradition, traditional culture, modernization, identity, international terrorism, Palmyra

For citation: Malygina, I. V. (2021). Cultural identities in a post-global world. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(855), 348–361. DOI: 10.52070/2542-2197_2021_13_855_348

Постглобальный мир как метафора переходной эпохи

Управление процессами, определяющими сложный контекст XXI века, невозможно без понимания серьезных сдвигов, которые происходят в культуре «постглобального» мира. Поэтому культурология сегодня оказалась перед необходимостью выработки объяснительных моделей не только самих этих сдвигов, но и стимулируемых ими явлений и процессов, не лежащих непосредственно в поле культуры, никогда прежде не рассматриваемых как явления, обладающие культурной онтологией, тем не менее, втянутых в орбиту культурологического дискурса во многом в связи с осмыслением последствий глобализации и ее гуманитарных поражений.

На протяжении двух последних десятилетий прогнозы относительно векторов социокультурной динамики, как и множества других процессов, в том числе связанных с трансформациями культурных оснований идентичности современного человека, в большей или меньшей степени конструировались в концептуальной рамке дискурса глобализма.

Однако привлекательность и эвристичность данной исследовательской оптики уменьшается прямо пропорционально возрастающему пониманию иллюзорности и несостоятельности идеи движения человечества к единому глобальному миру «без границ» и всеобщему мировому сознанию.

Едва ли сегодня можно говорить о том, что конец глобализации зафиксирован и артикулирован во всей очевидности необходимых признаков. Но в воздухе уже витают предчувствия, если не завершенности, то заметного истощения ее внутренних ресурсов, нарастает усталость и раздражение от непонимания сколько-нибудь внятной

цели глобализационных процессов; артикулируются ощущения инерционного, почти вынужденного «самодodelывания» «глобального» проекта, за которым видится последний, едва ли не предсмертный рывок неолиберализма [Пелипенко, 2009].

Уже очевидно, что внутри глобализационных процессов запущены мощные реверсивные механизмы, в том числе связанные с кризисом диалоговых коммуникативных стратегий и утверждением монологического диктата в качестве новой «нормы» межкультурного взаимодействия.

Современная реальность со свойственной всем переходным эпохам ситуацией неопределенности описывается в осторожных, нестрогих терминах интуиций и предчувствий: как «уплотненный хаос» [Бычков, 2012], бесконечные чередования и бифуркационные расщепления бесчисленного количества содержащихся в нем в свернутом виде интенций и культурных сценариев; как саморазворачивание взаимоисключающих и нелогичных тенденций в динамике мировых процессов; как «пейзаж перед бурей», «предчувствие кризиса и сброса, уплотнения, опрошения, избавления от балласта» [Пелипенко, 2009, с. 319]; как взаимное «отзеркаливание» и взаимное перетекание различных, в том числе, вытесняемых и санкционируемых сфер дискурса и создание гибридных культурных пространств [Бахманн-Медик, 2017]. И что-то подсказывает, что именно культурологии предстоит объяснять и оформлять все эти неустойчивые состояния в строгие научные лекала.

Культура и идентичность «после глобализации»

На зыбкой почве интуиций и предчувствий появляются прогнозы сценариев постглобального мира. Но, как правило, они лежат в политико-экономической плоскости и касаются проблем смещения мировых «центров силы», перераспределения ролей экономических и военных лидеров, изменения в расстановке ключевых игроков на геополитической карте. А вот гуманитарные потери глобализации, ее культурные травмы, пока остаются фигурой умолчания, хотя несколько не менее значительны, чем последствия мирового экономического кризиса, военных конфликтов, пандемии или экологических катастроф.

Глобализация, по сути, «обнулила» всю историю развития представлений о культуре как о системе со сколько-нибудь устойчивым ценностно-смысловым ядром, как о символическом универсуме, который, при всей своей динамичности, прежде всегда имел вполне определенную пространственную локализацию и очевидные субъектные референции.

В постглобальном мире подобные представления о культуре становятся всё менее адекватными новой реальности хотя бы потому, что мировой порядок, который два последних века был организован по национально-государственному принципу, поддерживался императивом «одна нация – одно государство» и предполагал совпадение политических и культурных границ, – остался в прошлом. Национальные государства заметно потеряли в статусе доминирующих игроков глобальных процессов, «сдавая» или осознанно делегируя эти функции военным блокам, экономическим союзам, транснациональным корпорациям, международным религиозно-политическим движениям и т. д.

Если перевести осмысление этих процессов в антропоцентрический, человеко-соразмерный залог, это означает, что национальное государство, и шире – этнокультурная общность «после глобализации» утрачивают и статус «единицы выживания», пространства формирования базовых идентичностей (этнических, национальных, конфессиональных).

К описанным процессам добавим почти неограниченное влияние массовой и цифровой культуры, которые, по существу, предстают как смысловой эквивалент глобальной культуры – транснациональной и космополитичной, по своей сути; вспомним, что при всей «усталости» постмодерна, а именно он во многом служил противовесом глобализационным трендам последних десятилетий, «современная культура по-прежнему удерживает в себе постмодернистские интенции ризомности, деконструкции и игры, усложняя процессы самоопределения индивида» [Мальгина, 2019, с. 174].

В итоге усредненный постглобальный человек, которому «на заре» глобализации было обещано некое всеобщее мировое сознание, «на выходе» предстает как субъект, лишенный сколько-нибудь надежной референтной группы, переживающий экзистенциальное одиночество, мимикрирующий под запросы и стандарты множества реальных и виртуальных культурных миров, ни к одному из них то ли не желающий, то ли уже не умеющий «природниться» по-настоящему.

И это полбеда: постглобальный человек – не просто продукт глобализации, он, в свою очередь, продуцирует адекватную самому себе культурную реальность, которая не вписывается в систему координат «дуалистической революции», основанной на важности различения сакрального и профанного, сущего и должного, своего и чужого. Зона комфорта постглобального человека – «цивилизация без святых и героев» [Кутырев, 2009, с. 93]

Эта метафора, насколько выразительная, настолько и безутешная, при всей лаконичности представляется важным штрихом к описанию ценностного ландшафта современной западной цивилизации с ее установками на модернизационный вектор развития и абсолютизацией либерально-демократических ценностей.

И здесь самое время вспомнить, что далеко не всё человечество оказалось вовлеченным в процессы глобализации. Помимо евроатлантической цивилизации, примыкающих к ней культурных ареалов, а также отдельных регионов мира, которые успешно конкурируют в модернизационной гонке и продолжают наращивать темп социокультурной, экономической и технологической динамики, в мире остаются народы, по существу, изолированные от этих процессов, продолжающие культивировать традиционный образ жизни, демонстративно манифестирующие собственную культурную идентичность и заявляющие о намерении защищать ценности традиционной культуры от наступления западной цивилизации вплоть до самых радикальных форм.

Позволю себе предположить, что некоторые проблемы, доставшиеся нам от глобализации как проекта модернизационного (экономического, политического, технологического по своему первоначальному замыслу), невозможно решить без понимания их глубинных культурных причин.

В числе таких проблем – рост латентного или открытого напряжения и «столкновение идентичностей» на границах культур и цивилизаций, актуализация традиционализмов и фундаментализмов различного толка, появление международного или «глобального» терроризма.

Столкновение идентичностей и феномен терроризма с точки зрения культурологии

Феномен терроризма, в том числе вопросы о его природе и исторической устойчивости, стимулируют постоянный исследовательский интерес. Вместе с тем генезис и природа терроризма и сегодня

представляют собой открытую проблему, а сам термин в процессе оформления его смысловых границ был не единожды переосмыслен. Тем не менее большинство исследователей едины в оценке сущности терроризма как насилия или угрозы насилием, направленных на достижение или продвижение определенной политической цели [Хоффман, 2003, с. 5]. Не удивительно, поэтому, что и меры борьбы с терроризмом сегодня разворачиваются, преимущественно, в политическом и силовом поле и едва ли могут считаться достаточными.

Совершенно очевидно, что на сегодняшний день террористические атаки опережают не только политические решения и силовые реакции, но и научную рефлексию. Изучение данного феномена осложняется тем, что с течением времени терроризм не раз менял «объект внимания», организационную структуру и формы проявления. И всякий раз способ конструирования представлений о терроризме менялся в соответствии с социально-политическим и культурно-историческим контекстом, в котором заявляли о своих притязаниях идеологи террористических организаций и движений.

Глобализационные процессы, во многом определившие контекст рубежа XX–XXI веков, в определенном смысле явились триггером «нового» – международного или религиозного (исламского) терроризма.

Сегодня стало общим местом признание невозможности преодоления глобальной угрозы, связанной с деятельностью транснациональных террористических организаций, без координации усилий политических элит на международном, региональном и национальном уровнях, без поиска дополнительных ресурсов в борьбе с этой формой мирового зла. При этом культурный контекст международной террористической угрозы до сих пор остается маргинальной темой в дискурсе глобализма, объектом внимания немногочисленных исследователей.

В числе первых отечественных ученых, предложивших принципиально новый взгляд на терроризм, был российский философ В. А. Кутырёв, который квалифицировал современный терроризм как крайнюю, деструктивную форму сопротивления культур и народов, сохраняющих приверженность традиционным, в том числе религиозным, ценностям, – тотальному наступлению той самой технологизированной, индифферентной к «святым и героям» западной цивилизации [Кутырёв, 2009, с. 96].

В соответствии с данной концепцией причиной появления «нового» или международного / глобального / исламского терроризма явилось столкновение двух принципиально разных типов социокультурной динамики, условно – традиционности и модернизации.

Таким образом в культурологические исследования возвращается дихотомия «традиция – модернизация» не единожды переосмысленная, как в западных исследованиях, так и в отечественной традициологии, и выведенная из мейнстримного русла социально-гуманитарного дискурса уже в 60-е годы XX века. При всем различии теоретических подходов к интерпретации взаимоотношений традиции и модернизации, утвердившихся в это время, общим для них стала отказ от взгляда на традицию как «явление отмирающее, не способное ни реально противиться современным формам жизни, ни сосуществовать с ними» [Лурье, 2015, с. 7]. Таким образом была провозглашена «презумпция невиновности» традиции, а традиционные институты, культурные формы и способ мышления перестали маркироваться как препятствие модернизационному тренду социального прогресса.

Однако сегодня дихотомия «традиция – модернизация» вновь оказывается в зоне повышенного внимания исследователей, стимулируя появление новых модусов ее проблематизации, в том числе в связи с обозначением границы между традицией и традиционализмом, запросом на выявление глубинных причин современного терроризма как «побочного продукта» глобализации.

В этой системе координат несколькими годами позднее выстраивает свою концепцию генезиса современного терроризма А. Я. Флиер, отмечая, что именно покушение на сакральные чувства причастности человека культурной или религиозной традиции со стороны модернизированного западного общества лежит в основе большого числа террористических акций, которыми отмечен прожитый отрезок XXI века. Данное обстоятельство дает основание идеологам терроризма квалифицировать свои преступления «как движения борцов за культурные ценности традиционализма, на которые покушается социальный и технологический прогресс, представляемый ныне западной цивилизацией» (*URL: https://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2*).

Охарактеризовав период конца XX – первое десятилетие XXI века как «эпоху восстания традиционалистов», А. Я. Флиер рассматривает американскую трагедию 11 сентября 2001 года и значительную

часть более поздних масштабных террористических атак как события «культурные» в своей глубинной основе [Флиер, 2011]. Данный вывод ученого опирается на его понимание историко-культурной динамики как естественного движения народов по пути социального прогресса и модернизации.

Процессы урбанизации и индустриализации привели, как отмечает А. Я. Флиер, к ослаблению социальной базы традиционной культуры, каковой является крестьянская община и сельскохозяйственные производители. Совершенно очевидно, что глобализация с ее выраженными модернизационными установками придает ускорение этим процессам, в частности, сокращая число традиционных культур¹ и долю носителей традиционного образа жизни в составе населения постиндустриальных государств. Как результат, «традиционная народная культура как особый социальный тип культуры заканчивает свое историческое существование <...>. Но, сходя с исторической арены <...> сопротивляется натиску индустриальной, еще больно кусается в ответ, особенно там, где она еще сохраняет свою социальную актуальность»².

По мере ускорения темпов модернизации и перехода от индустриального общества к постиндустриальному формы сопротивления традиционной культуры становятся всё более ожесточенными и принимают варварские формы фундаментализма и терроризма. Тот факт, что сегодня эти процессы в наибольшей степени проявляются в исламском мире, объясняется, по мнению автора концепции, тем, что именно в данном культурном ареале темпы урбанизации и капитализации остаются низкими. Как результат, именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для сохранения традиционной культуры, а значит, и социальной базы воспроизводства экстремизма и фундаментализма.

Соглашаясь с выводами А. Я. Флиера о «культурной» природе терроризма, мы, тем не менее не можем согласиться с тем, что данный феномен – следствие исключительно социально-экономического поражения в модернизационной и технологической гонке, иначе как быть с Саудовской Аравией и тем, что Усама бен Ладен принадлежал семье саудовских миллиардеров?

¹ По данным ЮНЕСКО, около 2,5 тыс. языков из 6 тыс., существующих сегодня в мире, находятся в зоне риска и в ближайшее время могут исчезнуть, увлекая за собой и соответствующие традиционные культуры.

² URL: https://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2

Дополнительные основания для подобного сомнения дает появление феномена, который в современной международной террорологической риторике артикулируется в терминах «европейского» или «доморощенного» джихадизма (*homegrown jihadism*), и проявляется «в мотивах, характере и формах террористической деятельности мусульман, родившихся или долгое время живущих в европейских странах и, как правило, там же совершающих теракты» [Прошин, 2014, с. 88].

Нередко повышение уровня террористической активности связывают с активными миграционными процессами, особенно масштабными в последнее десятилетие. В результате страны Западной Европы, в недавнем прошлом довольно однородные по своему этническому и конфессиональному составу, сегодня отличаются высокой степенью этнического и конфессионального разнообразия. Особенно быстро происходит увеличение количества мусульманских общин, преимущественно, в наиболее благополучных с точки зрения экономического и социального развития европейских государствах. По прогнозам демографов, стабильное увеличение численности мусульман в Европе будет продолжаться, причем не только за счет массовой иммиграции, но и в силу высокого уровня рождаемости в мусульманских семьях, поощряемой государственными социальными программами. На фоне значительной деформации системы семейных ценностей коренных европейцев и изменения культурного и конфессионального ландшафта стран Евросоюза становятся особенно заметными.

Принципиально важным представляется и тот факт что, пользуясь социальной поддержкой принимающей страны, подавляющая часть мигрантов-мусульман не стремится к культурной интеграции, образуя в крупнейших городах Западной Европы мусульманские анклавные во многом в силу социальных и культурных границ, которые выстраивают, как сами мигранты, так и принимающее сообщество. Одновременно культивируемые в странах Западной Европы принципы либеральной демократии – свобода слова, вероисповедания, объединений, – создают дополнительные возможности для беспрепятственного распространения исламского радикализма.

Это позволяет говорить о том, что модернизация, урбанизация, социальные свободы – необходимые, но не достаточные условия нивелирования социальной базы воспроизводства традиционалистского мировосприятия, а, соответственно, и причин воспроизводства

терроризма. Добровольное перемещение носителей «не западной» культурной традиции и ментальности в пространство благополучной урбанизированной и капитализированной Западной Европы, доступ к экономическим и социальным преимуществам западной цивилизации отнюдь не привели к ожидаемой плавной интеграции мигрантов в социально-политическое и культурное пространство западного постиндустриального общества.

Поражение политики мультикультурализма, глубокий миграционный кризис, охвативший Европу, свидетельствуют, скорее, о сбывшемся прогнозе «разорванных стран» [Хантингтон, 2014], объединивших на одной территории «носителей» разных культурных, конфессиональных и цивилизационных идентичностей.

Понятно, что в мотивации террористических атак сплелись многие факторы, которые проявляются прецедентно и симультанно в каждом отдельном случае. И всё же по нашему глубокому убеждению в качестве важнейшей причины появления глобального терроризма как «культурного» по своей природе феномена следует рассматривать фактор идентичности.

Во многом это деструктивная форма манифестации культурной идентичности.

Концепт идентичности оказался чрезвычайно востребованным современным научным и публицистическим дискурсом как едва ли не универсальный «объяснительный принцип» социально-гуманитарных проблем современного мира и самых глубоких его разломов, оставшихся «после глобализации». Именно идентичность зачастую становится тем пределом, той границей, на которой разворачиваются глобальные конфликты современного мира. В этом контексте тезис современного французского писателя, этнического ливанца Амина Маалуфа, согласно которому множество преступлений в современном мире совершаются от имени или во имя идентичности, оказывается не просто фигурой речи.

В перечень таких преступлений уже навсегда войдет трагедия сирийской Пальмиры, разрушение и разграбление крупнейшего и, наверное, наиболее значительного явления мирового культурного наследия на Ближнем Востоке. Город, хранивший архитектурные памятники античной цивилизации на Ближнем Востоке, в 2015 году демонстративно, перед объективами видеокамер, уничтожился боевиками ИГИЛ – запрещенной в России террористической организации.

События в Пальмире, а немного ранее – уничтожение христианских храмов в Алеппо, акты вандализма в музее иракского Мосула, где так же демонстративно уничтожались монументальные ассирийские и парфянские скульптуры, а действия боевиков ИГИЛ транслировались всему миру посредством интернет-каналов, позволяют зафиксировать появление и стремительное разворачивание новой тенденции в деятельности международного терроризма: сублимацию террористической активности в символическое пространство и выбор культуры в качестве нового важного стратегического объекта [Малыгина, Малыгина, 2020, с. 21].

Очевидно, что разрушение памятников мирового культурного наследия в Сирии и Ираке не может быть объяснено только невежественным фанатизмом и поиском дополнительных источников финансирования. Подобные явления уже имели место в новейшей истории, достаточно вспомнить уничтожение талибами в Афганистане двух гигантских статуй Будды (Бамианских статуй) как символов языческой культуры и подлежащих уничтожению, по мнению талибов, уже по одному этому основанию культурной инаковости.

И всё же трагедия Пальмиры – это отдельностоящее явление, и не только в силу масштабов разрушения. Утрата, связанная с разрушением памятников и артефактов Пальмиры, лежит в символическом поле. Это зеркальный ответ, адресованный «культурному чужому» – коллективному «бездуховному» Западу, посягающему на сакральные ценности традиционной культуры, основанной на идеологии ислама.

В сценах демонстративной расправы с объектами культурного наследия, имеющими сакральное значение для всего западного мира, вышедшего из Античности и христианства, содержится символический жест, публичная демонстрация идентичности, адресованные цивилизации «безбожников, атеистов и агностиков».

Кажется, идеологи террористических организаций все-таки нашли «зону сакрального» современной западной культуры – символы ее общего рождения и культурной памяти.

Заключение

Итак, международный терроризм – явление «культурное» по своим глубинным причинам, деструктивная форма манифестации культурной идентичности, в значительной степени обусловленное

спецификой нынешнего этапа культурной динамики, прежде всего глобализацией и шлейфом ее гуманитарных поражений.

Такая трактовка, отличающая именно культурологический подход, не допускает и минимальной степени оправдания терроризма; она лишь позволяет вывести обсуждение данной проблемы за рамки политологического дискурса в широкое междисциплинарное поле; продемонстрировать, что решение вопросов о предотвращении террористической угрозы как таковой и выведение ее из актуальной повестки должно находиться в сфере внимания исследователей культуры.

Несмотря на неутешительный вывод А. Я. Флиера о том, что можно добиться локализации экстремистских движений с помощью политических и военных методов, но «культурно их победить нельзя» [Флиер, 2011, с. 522], культурологические исследования необходимы для того, чтобы вскрывать глубинные причины терроризма, «схватывать» и декодировать скрытые смыслы и культурные обиды традиционалистов и фундаменталистов всех мастей, а как результат – способствовать выработке проактивных мер по сдерживанию и контролю деструктивных форм манифестации идентичности. А что особенно важно, моделировать образ общего будущего человечества «после глобализации».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Пелипенко А. А.* Штрихи к портрету постсовременности // Вопросы социальной теории. 2009. Том III. Вып. 1(3) С. 318–339.
2. *Бычков В. В.* Эстетика. М.: КНОРУС, 2012.
3. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре. Москва: Новое литературное обозрение, 2017.
4. *Малыгина И. В.* Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып.13 (829). С. 173–185.
5. *Кутырёв В. А.* Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. №2. С. 92–102.
6. *Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003.
7. *Лурье С. В.* Традициология Маркаряна Э. С. Отличие от западных теорий традиции // Культура и образование. 2015. № 4 (19). С. 5–12.
8. *Флиер А. Я.* Будущее возврату не подлежит (о перспективах развития традиционной культуры // Культурологический журнал. 2010. №1. URL: https://www.cr-journal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2
9. *Флиер А. Я.* Культурология 20–11. М.: Согласие, 2011.

10. Прошин Д. В. Дэвид Рапопорт, терроризм четвертой волны и европейские джихадисты // Наукові праці. Політологія. Випуск 236. 2014. Т. 248. С. 87–92.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014.
12. Малыгина И. В., Малыгина А. В. «Синтез войны и театра»: социально-гуманитарный дискурс о природе терроризма // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 8. С. 10–23.

REFERENCES

1. Pelipenko, A. A. (2009). Shtrihi k portretu postsovremennosti = A refinement of the portrait of post-modernity. *Voprosy social'noj teorii*, 1(3), III, 318–339. (In Russ.)
2. Bychkov, V. V. (2012). *Estetika = Aesthetics*. Moskva: KNORUS. (In Russ.)
3. Bahmann-Medik, D. (2017). *Kul'turnyje povoroty: novye orientiry v naukah o kul'ture = Cultural Turnarounds: New Directions in the Cultural Sciences*. Moscow: Novoje literaturnoye jbjzrenije. (In Russ.)
4. Malygina, I. V. (2019). *Identichnost' v prostranstve post-kul'tury = Identity in the Space of Post-Culture*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, 13(829), 173–185. (In Russ.)
5. Kutyrjov, V. A. (2009). *Stolknovenije kul'tur s civilizaciej kak prichina i pochva mezhdunarodnogo terrorizma = The Clash of Cultures with Civilization as the Cause and Ground of International Terrorism*. *Vek globalizacii*, 2, 92–102. (In Russ.)
6. Hoffman, B. (2003). *Terrorizm – vzgljad iznutri = Terrorism – an inside view*. Moskva: Ul'tra. Kul'tura. (In Russ.)
7. Lurje, S. V. (2015). *Tradicologija Markarjana E. S. Otlichije ot zapadnyh teorij tradicii = E. S. Markarian's Tradicology. Distinction from Western Theories of Tradition* // *Kul'tura i obrazovanie*. 4 (19), 5–12. (In Russ.)
8. Flier, A. Ja. (2010). *Budushee vozvratu ne podlezhit (o perspektivah razvitiya tradicionnoj kul'tury) = The Future Cannot Be Returned (On the Future of Traditional Culture* // *Kul'turologicheskij zhurnal*, 1. URL: https://www.cjournal.ru/rus/journals/4.html&j_id=2 (In Russ.)
9. Flier, A. Ja. (2011). *Kul'turologiya 20–11 = Culturology 20–11*. Moscow: Soglasie. (In Russ.)
10. Proshin, D. V. (2014) *Devid Rapoport, terrorizm chetvjortoj volny i evropejskij dzhihadizm = David Rapoport, Fourth Wave Terrorism and European Jihadists*. *Naukovi praci. Politologija*, 236(248), 87–92. (In Russ.)
11. Hantington, S. (2014). *Stolknovenie civilizacii = Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.)
12. Malygina, I. V., Malygina A. V. (2020). “Синтез войны и театра”: social'no-gumanitarnyj diskurs o prirode terrorizma = “Synthesis of War and Theater”:

Social and Humanitarian Discourse on the Nature of Terrorism. Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. YAzykoznanie. Kul'turologiya», 8, 10–23.

Информация об авторе

Малыгина И. В. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Malygina I. V. – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of World Culture at the Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 04.10.2021; принята к публикации 06.10.2021

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 04.10.2021; accepted for publication 06.10.2021

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanities
Выпуск 13 (855)	Issue 13 (855)

Ответственный редактор выпуска
доктор филологических наук доцент И. А. Семина

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 28.12.2021
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 22,6.
Заказ № 107/21

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Филология и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2021

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.